

Государственная
универсальная
научная библиотека
Красноярского края

Основана в 1925

IX КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ «ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ: ЛИЦА ИСТОРИИ»

г. Красноярск, 1–2 декабря 2021 года

Министерство культуры Красноярского края
Государственная универсальная научная
библиотека Красноярского края

IX КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ: ЛИЦА ИСТОРИИ

Сборник материалов
(г. Красноярск, 1–2 декабря 2021 года)

Красноярск

2022

УДК 94(571.51)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Крн)я43
Е 63

Составитель Ю. А. Шукшина

Научный редактор Н. В. Ворошилова

Е 63 IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории : сборник материалов (г. Красноярск, 1–2 декабря 2021 года) / Министерство культуры Красноярского края, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края ; составитель Ю. А. Шукшина ; научный редактор Н. В. Ворошилова. – Красноярск : ГУНБ, 2022. – 361 с.

В сборнике опубликованы доклады, представленные на IX Краеведческих чтениях (1–2 декабря 2021 года, г. Красноярск), которые были посвящены 200-летию Енисейской губернии. Главной темой чтений стала роль человека в истории Приенисейской Сибири. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, студентов высших учебных заведений, краеведов.

ISBN 978-5-906400-32-1

9 785906 400321

ISBN 978-5-906400-32-1

© Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	9
ОСВОЕНИЕ И НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	11
Андюсев Б. Е. Человек на берегах Енисея: междисциплинарные аспекты социокультурного исследования	11
Лаптева И. Д. Купцы Сотниковы – первые металлурги Заполярья	25
Листвин Г. В. Красноярский купец А. Е. Яковлев	32
Паршуков В. А. Казачи Серебренниковы в истории Енисейской губернии	43
Овакимян М. М. Научная и общественная деятельность С. К. Патканова в Сибири в конце XIX – начале XX вв.	51
Алаторцева А. А. Вклад И. А. Лопатина в геолого-географическое изучение Восточной Сибири и Дальнего Востока	55
Хорина В. В. Из истории спелеоархеологии в Енисейской губернии: П. С. Проскуряков и начальный этап исследования Айдашинской пещеры	63

Чернышов В. В. Краевед и этнограф А. А. Савельев. По материалам Государственного архива Красноярского края	71
Санжиева Н. В. Основатель Норильска Н. Н. Урванцев	77
Шестакова К. И. Жизнь и деятельность Н. А. Шапиро в документах Государственного архива Красноярского края	83
Мезит Л. Э. Изучение истории Сибири на кафедре истории КГПУ в 1950–1970-е гг.	88
Калюга А. Е. Летописец Курагинского района	95
Коваленко О. А. Маленькая история большого открытия. Жизнь и деятельность С. А. Краснолуцкого	100
Пирогова Н. В. «Енисейский некрополь 1867–1920 гг.» как результат исследовательской работы центральной библиотеки г. Енисейска и клуба «Родословие»	104
ЛИЦА УПРАВЛЕНИЯ И ВЛАСТИ	110
Кирпиченко Н. Н. Сибирская ревизия М. Сперанского и основание Енисейской губернии	110
Гордиенко М. Ю. И. И. Крафт. История одной карьеры: от писаря до губернатора	117

Нашивочникова И. В., Горбачева Н. А. Неизвестный губернатор Крафт. Материалы к родословной	125
Дементьев А. П. Алексей Платонович Музыкин: забытый городской голова Красноярска	131
Карчаева Т. Г. Канцелярские чиновники Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв.: общая характеристика и персоналии	137
Гринь О. В. Депутат I Государственной Думы С. А. Ермолаев, крестьянин села Шушенское	145
Вицинская П. П. «Правые» в общественно-политической жизни г. Красноярска в начале XX века: А. Г. Смирнов и В. Е. Захаров	149
Бибикова В. В. Коммунисты – первые руководители Эвенкии	156
Кухта С. В. «Местный и честный человек». Судьба П. В. Ошарова в документах Государственного архива Красноярского края	173
ДЕЯТЕЛИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ	181
Борисова А. П. Возвращаем память о героях Великой войны мировой	181
Шекшеев А. П. Становление советской власти в енисейской деревне зимой – летом 1920 г.	186

Мариловцев Д. В. Роль С. И. Накладова в Енисейско-Маклаковском восстании 1919 года	202
Калистратов А. А. Иван Кузьмич Игнатъев – революционер и труженик	207
Бойко Ю. Н. Формирование и деятельность милиции Енисейской губернии в 1920–1925 гг.	214
Скляренко Н. С. Сибирские чрезвычайные комиссии: становление и функционирование в 1920-е годы	220
Мезенцева В. О., Шлыкова С. А. Семейный альбом Егоровых как источник изучения локальной истории России	227
Филиппова К. Р. Все для победы! Жизнь и деятельность Л. Н. Шапиро	232
Спирина А. В. К 100-летию юбилею Михаила Викуловича Веселкова	235
Андюсов Б. Е. «Представлен к званию Героя», или герои, не ставшие Героями	240
БЛАГОТВОРИТЕЛИ И ПЕДАГОГИ	248
Вавиленко О. М. О благотворительной деятельности купцов Матониных в селе Кекурском Енисейской губернии	248
Поздеева Н. В. Кытмановы: истории из жизни енисейского купеческого рода	256

Серебренникова М. Е. Кузнецовы: от основания женской гимназии до педагогической династии	262
Майзик Е. И., Вдовин А. С., Макаров Н. П., Куклинский И. В., Сидорина Е. Ю., Фомичева Т. О. Жизненные маршруты Ивана Тимофеевича Савенкова: выставка-путеводитель	269
Сидорина Е. Ю. История научной библиотеки Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова	275
Костюк В. В. Педагогическая деятельность О. П. Ициксон	281
Романова Н. С. Бытовые условия и повседневная жизнь учащихся профессиональных учебных заведений Красноярска в 1920–30-е гг.	285
Дубовая Ю. С. Фаина Савельевна Музафарова. «Разрешите поблагодарить...»	292
ЛЮДИ ИСКУССТВА И ДОСТИЖЕНИЙ	296
Карпухина Д. В. Пионер кино съемки. Жизнь и деятельность М. П. Чулкова в документах Государственного архива Красноярского края	296
Перепич Н. В. О значении музыкального искусства в праздновании трехсотлетия царствования дома Романовых в Красноярске	303

Селецкая Н. В. К вопросу об истории создания и публикации романа Роберта Штильмарка «Наследник из Калькутты»	309
Новикова А. П. Словом и цветом о вечном: художники-писатели Красноярского края	315
Соколова Е. В. Жизнь и творчество художника и скульптора А. А. Партизпаняна	320
Брандукова Е. П. «Творец в беззвучном мире». Жизнь и творчество А. М. Знака	326
Ковалева И. В. «Краски жизни» Василия Крупского. К 100-летию со дня рождения основателя Минусинской картинной галереи	330
Скрипников К. И. По страницам певческой карьеры красноярской оперной певицы Светланы Ефремовой	338
Коршунова С. В. Иван Семенов – первый олимпиец Красноярья	343
Именной указатель	351
Сведения об авторах	358

ОТ РЕДАКЦИИ

В 2022 году отмечается 200-летие образования Енисейской губернии. Предстоящей юбилейной дате были посвящены IX Краеведческие чтения «Енисейская губерния: лица истории», прошедшие 1–2 декабря 2021 года на базе Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

Енисейская губерния была образована указом императора Александра I от 26 января 1822 года «О разделении Сибирских губерний на Западное и Восточное управления». Указ стал результатом проведенной в 1819–1820 гг. М. М. Сперанским ревизии сибирских провинций и разработанного им проекта административной реформы. Символично, что в 2022 году отмечается и 250 лет со дня рождения этого великого российского реформатора. Административным центром вновь образованной губернии был утвержден город Красноярск. Границы ее почти совпадали с границами современного Красноярского края, что позволило расширить хронологические рамки исследований участников мероприятия с момента основания губернии до современности.

В IX Краеведческих чтениях, темой которых стал человек и его роль в истории Приенисейской Сибири, приняли участие историки, краеведы, педагоги, студенты, работники музеев и библиотек Красноярского края и других регионов Сибири. В своих докладах они рассмотрели историю нашего региона сквозь призму самого важного ее измерения – человеческого, представив в своих выступлениях биографии людей разных эпох и разных сфер деятельности, их вклад в социально-экономическое и культурное развитие края.

Открывают сборник публикации, освещающие нелегкий процесс освоения территории Енисейской Сибири, ее колоссальных природных богатств, послуживших основой бурного промышленного роста XIX–XX вв. Активное научное изучение географии, геологии, археологии, истории, этнографии региона отражено в докладах, посвященных выдающимся исследователям края – И. Т. Савенкову, И. Т. Лопатину, С. К. Патканову, Н. Н. Урванцеву, А. А. Сотникову и др. Методологические аспекты междисциплинарного изучения феномена человека Енисейской Сибири раскрыты в докладе Б. Е. Андюсева. От-

дельные страницы историографии региона отражены в статье Л. Э. Мезит.

Второй раздел сборника посвящен людям власти – губернаторам, главам Красноярска, руководителям отдельных округов, районов региона и города, деятелям разных частей политического спектра, каждый из которых оставил заметный след в истории губернии и края.

Как и другие регионы страны, Енисейская Сибирь прошла через тяжелые испытания военных времен и социально-политических потрясений XX века – I и II мировых войн, революции 1917 года и Гражданской войны. Жизненному пути и роли в этих трагических и героических событиях истории уроженцев нашего региона посвящен третий раздел сборника. Отдельно стоит отметить публикации, отражающие масштабный труд энтузиастов по восстановлению имен и биографий красноярцев – участников Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Объемный блок выступлений участников чтений был посвящен людям просвещения и культуры – педагогам, художникам, писателям, музыкантам, кинодеятелям, в разные годы создававшим и развивавшим творческий и интеллектуальный потенциал региона.

В докладах участников чтений нашли отражение судьбы представителей разных социальных групп населения Енисейской Сибири, но особое внимание уделено роли купечества в освоении ее территории, социально-экономическом развитии, благотворительной деятельности в области просвещения.

В сборнике есть статьи взаимодополняющие, иногда даже «спорящие» друг с другом, что свидетельствует о наличии дискуссионных проблем в историографии Приенисейской Сибири и говорит о необходимости и несомненной пользе научных мероприятий краеведческого характера.

ОСВОЕНИЕ И НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Б. Е. Андюсев

ЧЕЛОВЕК НА БЕРЕГАХ ЕНИСЕЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье формулируются следующие методологические установки: история Сибири – это наука о человеке сибирского края в динамике времени; познание этого человека, в свою очередь, должно происходить в совокупности гуманитарных дисциплин и с рассмотрения русской «расширяющейся цивилизации» на фронтах с автохтонными культурами. Автором представлено междисциплинарное исследование феномена человека Енисейской Сибири. Сделан вывод о взаимной адаптации культур и формировании русской старожильческой культуры во взаимосвязи «человек-природа-общество-культура-сознание» и образовании локальных социозкосистем, результатом чего стало формирование субэтнуса русских старожил Сибири. Выделены наиболее характерные их качества: физический склад, адаптированное здоровье, достоинство личности, права и обязанности, ценность свободы, вольнолюбие, право собственности, навыки выживания, любознательность и пытливость, трудолюбие, хозяйственность, идеал зажиточности, расчетливость, индивидуализм, рациональность, гостеприимство, честность, уживчивость с «автохтонами», предприимчивость и сноровка. Русский человек на берегах Енисея – это старожил с чертами сибирского характера.

Ключевые слова: междисциплинарность, адаптация, фронтиры, «кормящий ландшафт», социокультурные ойкумены, старожил, социозкосистема, старожильческий субэтнос, сибирский характер.

История – наука о человеке, о людях во времени, – так определил ее суть и предназначение основоположник «новой исторической науки» Марк Блок. Ученый исходил из того, что, во-первых, человек, его культура и сознание не могут быть неизменными на протяжении времени, а изменяются под воздействием тех или иных факторов. Во-вторых, познание человека возможно только во всей совокупности гуманитарных дисциплин с использованием методов истории, социологии, этнологии, культурологии, антропологии, психологии [1].

Человек в качестве субъекта историко-гуманитарного исследования был и прежде ведущим в отечественной науке, но изучался более в условиях детерменизма политических, экономических, социальных, военных проблем и вопросов. Даже в темах культуры, если человек и был творцом, то в приложении социальных процессов, общественных настроений эпохи, и, в первую очередь, отражал взгляды и ценности своего класса или сословия. Данные подходы были характерны и в отношении истории отдельных локальных территорий российского государства. В советском сибиреведении ведущими и типичными были темы исследований административного, экономического, социального развития Сибири и ее регионов. Каждая вторая диссертация посвящалась ведущей роли коммунистической партии в политических и революционных событиях XX в., в социалистическом строительстве. Человек в данной роли был представлен в качестве члена партии. На каждом этапе советской истории требовалось изучить и сохранить для потомков в научных трудах опыт идеологического руководства партии в развитии Сибири.

Еще в 1960 г. в публикации «Основные проблемы изучения истории Сибири» в журнале «Вопросы истории» видный историк той поры Василий Иванович Шунков писал: «Дореволюционные историки при изучении Сибири преимущественное внимание уделяли деятельности царизма по присоединению края и административному управлению им. Предмет исследования советских ученых – история народных масс Сибири, этапы социально-экономического развития этого района страны и великих социалистических преобразований в нем» [2]. Он призвал к расширению круга проблем и методов исследо-

ваний. Особенно это касалось изучения истории и культуры русского населения Сибири. «Роль русских в общем развитии Сибири исключительно велика. Между тем по ряду причин за последние десятилетия история этой части сибирского населения разрабатывалась слабее, нежели история нерусского населения. Подобное положение явилось отчасти результатом слабой разработанности местной истории...».

Далее Шунков говорил о мощном влиянии экономики и культуры центра страны на Сибирь. И тут же выдвинул достаточно смелое для того времени предложение: «Должен изучаться вопрос и об обратном влиянии Сибири на центральные районы страны. Это сделает более полным и точным решение ряда коренных вопросов истории центральных районов и страны в целом» [3].

В целом, в работах дореволюционных и советских историков были общие выводы о том, что история Сибири реализовалась в наиболее характерных для России процессах непрерывного расширения и освоения территории до ее естественных границ. Превалировала концепция преимущественно мирного социоэкономического освоения новых земель и «окультуривания» народов Сибири. При этом роль человека в истории освоения края изучалась преимущественно в качестве движущей силы в реализации государственных интересов и целей. С другой стороны, история освоения края подкреплялась идеей «народной колонизации».

Задача переформатирования роли человека в исторических процессах и вывода его из зоны контекста политической и экономической истории по-прежнему является проблемной и для постсоветской науки. Мы вынуждены отметить, что цивилизационный, социокультурный, этноментальный и иные новые подходы в контексте междисциплинарности характерны более для зарубежного исследователя; в российских условиях это не более, чем «декларация о намерениях». Например, общеизвестна фраза В. О. Ключевского: «История России – это история страны, которая колонизируется» [4]. Новые подходы позволяют объяснять это с позиций «расширяющейся цивилизации», где расширение территории государства было по сути поступательным движением на восток фронтиров взаимодействия с автохтонными культурами. Зон плотных кон-

тактов с культурами, находившимися в сравнении с русскими в иной социокультурной нише своего бытия. С позиций цивилизационного подхода непозволительно считать их менее развитыми, – они существовали в проекции «иного мира», названного Л. И. Семенниковой «цивилизацией без развития». Здесь экстенсивному, но производящему типу хозяйства русских на территории большей части Сибири противостоял присваивающий тип хозяйствования большинства автохтонных этносов с догосударственным общественным устройством. В итоге процесс включения Сибири в состав Российского государства был в динамике истории движением от противостояния цивилизационных систем, разнесенных в историческом времени, к инкорпорации этносов-автохтонов в производящее хозяйство и государственность.

Актуальность постановки вопроса о новых методологических подходах в изучении процессов цивилизационного освоения русскими территории от Урала до Тихого океана и переоценки роли человека несомненна. Новизна выделенной нами проблемы позволяет предложить в качестве предмета нашего изучения междисциплинарное исследование феномена человека Енисейской Сибири на основе социокультурного подхода.

Методология социокультурного подхода на базе системного метода в определении академика И. Д. Ковальченко, «состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Личность при социокультурном подходе рассматривается в неразрывной связи с обществом как системой отношений и культурой, как совокупностью ценностей и норм» [5].

Выбор социокультурного подхода в междисциплинарности дает нам возможность осмыслить роль «человека на берегах Енисея» как создателя адаптированного «кормящего ландшафта» в соответствии с установками ментальности. И одновременно – субъекта-носителя русской этнической культуры на фронтире взаимодействия с человеком «иной» цивилизации. Наиболее важно для нас, что данный подход в реализации его системными методами позволяет разработать концепцию взаимной адаптации культур в зонах фронта в динамике формирования третьей, в их инкорпорации в будущем в социоэкосистемах «Русской Сибири».

Базовой посылкой является для нас концепт человека в его дихотомии.

Во-первых, человек – создатель новых социокультурных ойкумен на территории Енисейской Сибири, как пространств культурных взаимодействий, трансформаций, взаимопроникновения культур и обмена опытом [6]. Фронтиры освоения края стали зонами вживания русских в экстремальную среду, и, одновременно, зонами эволюции их материальной культуры, традиций и ментальности под прессом факторов экстремальной природы, расстояний, климата. В итоге русский человек освоил Сибирь, но ее факторы адаптировали как самого человека, так и культуру нового социума.

«Сибирские вызовы» требовали проб и опытов в хозяйствовании на новых землях. В противоречиях «новации-традиции» создавались адекватные новым факторам адаптированные технологии сибирского земледелия, скотоводства, ремесел и промыслов. Источники последней четверти XVII в. свидетельствуют, что сибирские крестьяне «пахут не по русскому обычаю». Адаптация потребовала отказа от многих дедовских культурных традиций в ремеслах, охоте и рыбной ловле, и даже перехода к образу жизни «чужих» в полярных широтах.

Одновременно в совместной адаптации автохтоны начинают позитивно воспринимать элементы русской материальной культуры и духовности. Во второй половине XVIII в. о многих коренных народах Приенисейского края писали, что «они усвоили образ жизни чисто русский, говорят всегда по-русски, живут с крестьянами смешанно по образу своей жизни и быту» [7].

В результате становление единого суперэтнуса сибиряков из русских и автохтонов создало сугубо русские или совместные социокультурные ойкумены на берегах Енисея от тундры на севере до Восточных Саян на юге. Подобный опыт социокультурного генезиса в целом был типичным для всех регионов Сибири. Социокультурные ойкумены нового типа создавались в трансформации фронтиров цивилизационного противостояния в территории «выравнивания» и социокультурной конвергенции во взаимной адаптации этносов и формировании единых локальных социокультурных систем.

Таким образом, итогом взаимной адаптации русской культуры на внешних природных, климатических и этнокультурных фронтах Сибири стало формирование к 60-м гг. XVIII в. синтезной (не русской и автохтонной, но «третьей») социокультурной ойкумены.

Во-вторых, в свете концепта дихотомии, человек-создатель ойкумен взаимной социокультурной адаптации перемещается в следующих поколениях в разряд продукта своей эволюции, т. е. продукт «творения человека» взаимно изменяет и своего творца. Ввиду того, что человек – субъект социальный, то системно изменяется и общественная среда в динамике «традиции-новации-институции» адекватно внешним и внутренним «вызовам – ответам».

Результатом взаимной адаптации человека и локальных факторов среды с позиций концепта дихотомии «сибирского человека» явилось формирование новых «кормящих ландшафтов». Однако качественно иные итоги мы видим в дальнейшей эволюции простого «кормящего» ландшафта в «месторазвитие». В свете концепций П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского, «месторазвитие» представляет не только территорию, на которой происходит адаптация, но последующую, высшую качественную ступень организации социально-природного пространства [8]. Здесь формируется новая окультуренная ниша в границах освоенного природного «кормящего» ландшафта как родина новых этнических групп. Вписав данное положение в рамки представленного выше концепта человека в его дихотомии, находим в них полное единство.

Итак, словами историка и экономгеографа, человек (социум) приспособил «к себе географические, хозяйственные и этнические условия» востока Евразии, в двойственности понятия «месторазвитие»: с одной стороны, это территория как объект воздействия со стороны народа, с другой – включает в себя меняющиеся наравне с меняющейся территорией. Созданные зоны «кормящего ландшафта» в виде очагов поддержания жизни на новых землях, в процессе обживания и создания окультуренной среды, превращаются в локальные миры «месторазвитий» новых поколений русских сибиряков. Человек в процессе взаимной адаптации с природно-этнической средой, становится в новых поколениях продуктом рукотворного

«месторазвития». Осмысление генезиса нового «месторазвития» в процессе освоения пространства и адаптации по сути своей история Сибири XVII–XX вв.

Освоение Сибири в единстве взаимосвязи «человек-природа-общество-культура-сознание» завершает в этот период формирование локальных социоэкосистем. Вводимое в историческую науку понятие «социоэкосистема» используется в работах географов, экономистов, экологов в характеристиках природных экосистем. Однако для нас это результат взаимосвязи экономических, политических, социокультурных процессов в ходе формирования экосистемы в историческом времени. Социоэкосистема – это исторически неразрывная системная совокупность компонентов взаимно адаптированного приспособления материальной и духовной культуры социума и экоприродной среды обитания в связях и динамике функционирования [9]. Ввиду локальной вариативности сформированные социоэкосистемы имеют оформленные обычным правом границы, именуемые в Приенисейском крае «гранями». Элементы «совокупности признаков обитания» социоэкосистем включают в себя среду, материально-хозяйственный и социокультурный комплексы, самосознание и идентичность «своего» человека. Сибирские социосистемы с середины XVIII в. продуцируют себя в комплексе традиций и социализируют новые поколения сибиряков и переселенцев, культуру, самосознание и идентичность [10].

Содержательной и институциональной формой социоэкосистемы является традиционная русская община. С одной стороны, община является формой социальной организации. Однако в контексте понятия социоэкосистемы она значительно объемнее. Это симбиоз социума в локальном ландшафте, климат, флора и фауна, пашни и угодья, технологии хозяйствования, культурные традиции и уклад жизни общинников. Поэтому не случайно для сибиряков это «свой мир», «общество», включающее в себя структуры, функции и компоненты организации социального общежития [11].

Будучи созданной в условиях адекватной адаптации с иными факторами, чем в Европейской России, старожильческая община Енисейской Сибири имела существенные особенности:

- в истоках своих была не поземельной, но семейно-родственной;
- юридические традиции на практике осуществлялись в судебных решениях в коллизиях норм обычного права и государственных законов;
- в соотношениях прав и обязанностей «сословий» старожилов, новожилов, переселенцев, ссыльнопоселенцев были принципиальные различия;
- в адаптированной духовности старожилов поддерживался баланс православных и языческих воззрений.

Формирование первых локальных социоэкосистем одновременно шло в общей связи с процессами социокультурного выравнивания и объединения всего сибирского региона в единое социокультурное пространство. Данные процессы ускорились в связи со смыканием территории первых пяти зон устойчивого адаптированного земледелия в единую «сибирскую пашню». Вторым важным инструментом экономического и социального выравнивания стало строительство Великого сибирского тракта. В-третьих, политические трансформации в стране в XVII–XVIII вв. вели к значительному росту количественных микроаномалий во всех областях экономики, управления, культуры и качественных трансформаций в границах локально специфических культур (например, в социумах казаков, старообрядцев, поморов).

Итогом изменений явилось формирование единой социокультурной группы в качестве субэтнуса русских старожилов Сибири. Согласно положениям и выводам известного ученого-этнолога Ю. В. Бромлея, отдельные субэтнوسы отличаются своеобразием культуры и языка, двойным самосознанием, воспринимают себя в составе материнского этноса [12].

Отсюда сибирский старожильский субэтнос – такая единица этноса, которая самовыделяется по признакам двойного самосознания отдельной группы, ее культурных традиций, обычаев, особенностей языкового диалекта в идентичности русских и сибиряков-старожилов [13]. Во внутренней структуре субэтнос состоит из отдельных конвексий и консорций. Исследованиями подтверждено наличие около 12 локальных конвексий субэтнуса русских старожилов на территории Си-

бири. Из них потомки четырех конвексионных групп и ныне проживают на территории Приенисейского края [14].

В самосознании русских старожилов психологическая «чуждость» в отношении сибирского края уже к концу XVII в. замещается позитивной идентификацией «на Сибири, мы сибиряки» [15]. В первой половине следующего XVIII в. в записках путешественников подчеркивается, что «сибиряк на всем Востоке России чувствует себя как дома». Как и в целом во всей Сибири в Приенисейском крае к 60-м гг. XVIII в. сложились местные варианты адаптированной культуры в отличиях ведения хозяйства, технологий земледелия и скотоводства, бытового уклада, обычно-правовых норм, традиций и установок поведения русских сибиряков [16]. Пройдет еще столетие, и в первой половине XIX в. генерал-губернатор Западной Сибири князь П. Д. Горчаков подытожил: «Бесспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, к коей привязаны более внутренних обывателей Европейской России, что они с излишеством ценят ее изобилия и удобства» [17].

С утверждением новых социоэкосистем и нового «сибирского» сознания старожилов прежние внешние границы социокультурных конфликтов с автохтонами к середине XIX в. переживают трансформацию во внутренние. Фронтиры внутренних конфликтов складываются в границах взаимодействия старожилов с представителями материнского этноса из Центральной России, с чиновниками, переселенцами, ссыльными. Истоками выступают «инакость» во внешнем облике, поведении, ментальности, привычках тех и других. Это позволило литератору и этнографу Н. С. Щукину уверенно заявить в 1860-х гг.: «Опытный глаз сразу отличит сибиряка от русского» [18]. Щукин говорит здесь об отличии русского сибиряка от русского из Европейской России.

Во второй половине XIX в. публицист Н. М. Ядринцев писал, что «сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком...». Здесь «природному сибирско-русскому старожилу противостоит, как говорят в Сибири, «российский человек». В качестве «российского человека» сибирский крестьянин выделял, прежде всего, «великоросского» ссыльного поселенца или переселенца [19]. «Старые, коренные сибиряки смотрят на... новоселов не со-

всем дружелюбно, впрочем, и на их дедов и прадедов смотрели так же» [20]. «Путешественника сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом». «Сибиряки Европейскую Россию и русских принимают за чужеземщину или иностранцев. Говоря, вы российский, ...этим он... хочет обозначить противоположность себе как сибиряку» [21].

В ответ на такие оценки из Сибири некий автор, скрывавшийся под псевдонимом *Amicis Veritas*, в петербургской газете «Гражданин» от 20 марта 1891 г. высказался со взаимным высокомерием: «...каждый сибиряк дорожит своей глупой самобытностью...». Не менее знаково современники оценивали высказывание одного из чиновников железнодорожного ведомства о «назвавших себя «сибиряками» и готовых забыть, что они русские» [22].

Несмотря на различия, повсеместно каждый новый переселенец в своей жизни проходил на сибирской земле путь адаптации, характерный для предков местных старожилов. Переселенцы материально, в социальном положении, изменениях традиций в быту и хозяйстве, в самосознании и идентичности утверждались, в среднем через 25 лет, в статусе старожилов. Исследования установили, что в Енисейской губернии 85,5 % всех переселенцев в течение 1865–1890-х гг. социализировались в старожильческих селениях [23].

Одновременно, современники отмечали и иной процесс; к концу XIX в. локальные различия все более уступали место сибирскому единению. «Шла великая нивелировка, стирались взаимно острые углы – национальные, религиозные. Постепенно создавалась особая атмосфера Сибири, складывались новые обычаи, нравы, вкусы, верования, обычное право, костюмы, манеры питания, быт, язык» [24].

Таким образом, на территории Енисейской Сибири во взаимной адаптации с природной средой, климатом, этническими культурами автохтонного населения русские переселенцы создавали новые локальные социозкосистемы. В течение ряда столетий они стали «месторазвитиями» культурных традиций, самосознания и сибирской субэтнической идентичности старожилов. Культурные традиции являлись результатом материальной и духовной адаптации с формированием у потомственных старожилов черт сибирского субэтнического характера.

Еще в 1923 г. Н. П. Казаринов писал о «сибирском характере», что это вид «областного», территориального характера, сложившегося на основе исторической судьбы, смещения этнических культур и традиций на определенном пространстве, где своеобразный климат, хозяйственная деятельность и т. д. [25].

В целях комплексного представления человека на берегах Енисея в завершающей части исследования обобщим социокультурные особенности отдельных черт характера старожила [26].

В классической работе «Русские старожилы Сибири» так представлен образ типичного сибиряка: «Свойственные сибирским популяциям по преимуществу коренастое сложение, средняя длина тела и, может быть, сравнительно большая ширина лица сложились в отдаленном прошлом как приспособление к большой затрате физических сил, которая требовалась для освоения новых земель в условиях сибирского климата» [27]. Мы отметили выше, что в течение многих поколений в приенисейских социоэкосистемах адаптация к природно-климатическим факторам вырабатывала устойчивость иммунитета, культуру закаливания, закрепляло в людях «сибирское здоровье».

Важнейший фактор сибирской истории – отсутствие крепостного права, сформировал чувство собственного достоинства личности, устойчивую гордость личными правами и свободами. Стремление к свободе, удаленность и локальная замкнутость сформировали позицию дистанцирования от власти. Отношения человека с государством строилось на негласном договоре: личная свобода, право собственности на землю и хозяйственная самостоятельность в обмен на обязанность освоения и обустройства огромной территории.

Под воздействием социокультурных факторов закреплялось новое сознание, ценности, традиции и стереотипы поведения в обществе. Природная и социальная среда сформировали углубленное внимание, устойчивую память, умение выделять опасность и навыки быстрой ответной реакции. В характере сформировались сдержанная эмоциональность, закрытость, суровость в выражении чувств. Особое значение для сибиряка приобрели качества практичной любознательности, пытливости, устойчивой потребности в новом. Еще 200 лет назад Енисейский губернатор А. П. Степанов отметил: «Сибиряк, все что

видел, постиг с точностью; он свеж умом; ясно, чисто и без запинок может передать другому, что знает» [28].

Для истинного старожила на первом месте в оценках человека стоят качества трудолюбия, хозяйственности, честности. Еще в 1862 г. в приговоре схода записали, что «крестьянин Н. Т. из д. Воробино Сухобузимской волости имеет домообзаводство, семейственность, землепашество, поведение хорошее, под судом не был, веры православной» [29]. Источники прошлого выделяют в старожилах социальный идеал зажиточности и богатства, выраженные качества скупости и накопительства. «Сибирского человека» отличает расчетливость, выраженный индивидуализм, рациональная организация жизни, соревновательность в сочетании с коллективизмом и взаимопомощь в обществе. Суровые ландшафты, расстояния, климат, короткое лето и длительная зима вытеснили из сибиряка традиционную русскую «авось», заменив навыками рационального планирования и организации среды.

Обобщив свидетельства различных типов источников, сибирский этнограф Ф. Ф. Болонев представил развернутую характеристику русского старожила: «Сибиряку свойственны «широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие, уживчивость с местным населением, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого, предприимчивость и сноровка в работе» [30]. На основании общепринятых установок организации жизни «все путем должно быть», в сибирском обществе из поколения в поколение воспроизводились личные «трудовые и нравственные качества достойного человека» и его «должного» поведения.

Таким образом, подытожим, что человек на берегах Енисея является продуктом освоения и развития края в непрерывной адаптации во взаимодействии с факторами внешних и внутренних вызовов.

Список источников и литературы:

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Акад. наук СССР. Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1986. С. 80.

2. Шунков В. И. Основные проблемы изучения истории Сибири // Вопросы истории. 1960. № 9. С. 3–17.

3. Там же. С. 9.

4. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. [Т. 1] : Курс русской истории, ч. 1. С. 53.

5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2003. С. 182–208.

6. Ойкумена // Словарь-справочник по культурологии : [сайт]. URL: <https://artar.ru/ojkumena> (дата обращения: 01.12.2021).

7. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / [В. А. Александров и др.]. Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1968. Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. С. 363.

8. Кондавков И. В. Вернадский Георгий Владимирович // Культурология. XX век : энцикл. / гл. ред., сост. С. Я. Левит. СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 1 : А-Л. С. 114–117.

9. Андюсов Б. Е. К вопросу о понятии «социоэкосистема» в исторической науке (социоэкосистема «Российской Сибири» как результат комплексного освоения края в XVII–XIX вв.) // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практич. конф., посвящ. 170-летию со дня рожд. Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), (Омск, 30–31 окт. 2012 г.) / М-во культуры Омской обл., Омский гос. историко-краеведческий музей и др. Омск : [ОГИК музей], 2012. С. 9–11.

10. Русские старожилы Сибири : историко-антропологический очерк / В. А. Александров и др. ; отв. ред: В. В. Бунак, И. М. Золотарева ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии. М. : Наука, 1973. С. 165–166.

11. Андюсов Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилів Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции. Красноярск : КГПУ, 2004. С. 201–218.

12. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1981. С. 53.

13. Андюсов Б. Е. Традиционное сознание крестьян ... С. 239.

14. Андюсов Б. Е.: 1) Проблемы генезиса самопознания и идентификация старожилів Приенисейского края в XVII–XIX вв. // Народы Приенисейской Сибири: история и современность : материалы научно-практич. конф. г. Красноярск, 1–2 дек. 2000 г. Красноярск : КГПУ, 2001. С. 21–31 ; 2) Традиционное сознание крестьян ... С. 247.

15. Впервые субэтнотним «сибиряк» выявлен нами в документе «Послание архиеерея Игнатия...» (1697 г.), л. 62, об. См.: Дворецкая Н. А. Послание

митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд.-ние, 1975. С. 175.

16. Андюсев Б. Е. Традиционное сознание крестьян ... С. 112.

17. Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. СПб. 1908. № 5. С. 608.

18. Щукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. Т. 2. 1869. С. 384.

19. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : И. М. Сибиряков, 1892. С. 103, 105.

20. Турбин С. И. Страна изгнания и исчезнувшие люди : Сиб. очерки С. Турбина и Старожила. СПб. : К. Н. Плотников, 1872. С. 78 ; Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1962. С. 108.

21. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония ... С. 106.

22. Волошинов Н. А. Сибирская железная дорога / Сост. Ген. штаба полк. Н. Волошинов, в 1890 г. [СПб.] : тип. «Петерб. газ.», ценз. 1890. С. 17.

23. Андюсев Б. Е. Традиционное сознание крестьян ... С. 238.

24. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония ... С. 108.

25. Казаринов Н. П. Нации и область в этнографии Сибири // Этнографический бюллетень. Иркутск. 1923. № 3. С. 7–9.

26. Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв. / Краснояр. гос. пед. ун-т.; 3-е изд., испр. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006. С. 34–47.

27. Русские старожилы Сибири ... С. 174.

28. Степанов А. П. Енисейская губерния : [в 2 ч.]. СПб. : Типография Конрада Вингебера, 1835. Ч. 2. С. 112.

29. ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 530. Л. 54.

30. Болонев Ф. Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды : Сб. науч. тр. / И. Н. Гемуев, Е. Ф. Фурсова (отв. ред.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1998. С. 19.

И. Д. Лаптева

КУПЦЫ СОТНИКОВЫ – ПЕРВЫЕ МЕТАЛЛУРГИ ЗАПОЛЯРЬЯ

В статье рассказывается об известной на Енисейском Севере династии дудинских купцов Сотниковых, еще в шестидесятых годах XIX столетия попытавшихся освоить медно-угольное месторождение. В ходе торговли с аборигенами Севера дудинские купцы много узнали о норильских полезных ископаемых и стали интересоваться добычей руды и угля на Таймыре.

Ключевые слова: Таймыр, медно-угольные месторождения, медеплавильные печи, исследователи Севера, освоение Северного морского пути.

Арктика, ее неизведанные земли всегда манили людей с отчаянным и упорным характером. Именно такие люди открывали и осваивали арктические месторождения, основывали города. Один из них – атаман Александр Сотников, который, прожив всего 29 лет, стал одним из первооткрывателей норильских руд.

17 марта 1891 года в Дудинке родился Александр Сотников, один из главных исследователей Русского Севера и «отец» Норильска.

Долгое время Александр Сотников был известен только по событиям Гражданской войны на Енисее, когда, будучи командиром Красноярского казачьего дивизиона, отказался сдать оружие по требованию советской власти. На подавление казаков выступили отряды Красной гвардии с артиллерией. Те события под названием «сотниковский мятеж» вошли в местные учебники краеведения.

Сотников был первым атаманом Енисейского казачьего войска. Однако военно-политическую карьеру он оставил: ему хотелось быть исследователем, ученым.

Купцы Сотниковы – довольно известная век назад на Енисейском Севере семья. Предки атамана давно пришли в Сибирь. Еще в шестидесятых годах XIX столетия дед будущего атамана Киприян Сотников с братом попытался освоить медное место-

рождение на Таймыре. Ведя меновую торговлю с аборигенами Севера, они хорошо знали регион, а норильское месторождение как раз находилось у торговой дороги из Дудинки в тундру. Сотниковы много узнали о норильских полезных ископаемых и стали интересоваться добычей руды и угля на Таймыре. Предприимчивые купцы не смогли пройти мимо великолепной возможности разработать перспективные месторождения.

В 1865 году два брата Сотниковы – Киприян Михайлович и Петр Михайлович, сделали заявку на медные руды в окрестностях Норильска. Для капитала в дело был взят более крупный купец – енисейский золотопромышленник А. И. Кытманов. Братья же Сотниковы вложили в дело как свои связи с аборигенами (именно они на оленьих упряжках должны были возить грузы на будущий завод и из него), так и управленческий ресурс – Петр Михайлович был урядником, государственной властью в Дудинке [1].

Заявочный столб, поставленный в сентябре 1865 года, был найден в 1919 г. геологической экспедицией Н. Н. Урванцева на горе Рудной. Столб стоял на западном склоне горы и вырезанная на его затесанной стороне надпись: «К.П.С. 1865 г. Сент. 1 д» читалась вполне хорошо [2].

Но возвести медеплавильный завод за Северным полярным кругом – задача непростая еще и по причине недостатка строительных материалов. Из дерева же большую печь не смастеришь. Киприян подходит к решению этого непростого вопроса со свойственной ему изобретательностью. На тот момент в Дудинке только одно кирпичное здание – местная церковь. Эта церковь в условиях вечной мерзлоты кое-где дала трещины и неравномерную осадку. Тогда предприимчивый купец предложил Енисейскому архиерею выстроить за свой счет новую церковь, на что, конечно, получил полное благословение. Новая церковь была построена из дерева, а кирпич от старой был свезен в Норильск и пошел на кладку шахтной печи.

Медеплавильная печь Сотниковых не была кустарным изделием, Петр по заданию брата ездил консультироваться на Барнаульский медеплавильный завод. Техническое руководство осуществлял штейгер (горный мастер), заведующий рудничными работами Ф. К. Инютин. Однако отсутствие огнеупор-

ной футеровки быстро вывело печь из строя, и, по-видимому, уже через год заводик прекратил свою деятельность. Всего, по архивным сведениям, было выплавлено около 200 пудов черновой меди, которая затем вывезена в Енисейск и продана в казну.

Остатки заводика сохранились до 1919 г., когда Норильск стал изучаться более основательно. Здесь на площадке, в 500 м от штолен, были видны остатки фундамента шахматной печи в виде деревянного квадратного сруба, заполненного галькой; остатки срубов служебных помещений, построенных из местного леса; две кучи древесного и каменного угля, а также медной руды в виде кусков черных углисто-глинистых сланцев, и куски выплавленной меди. Тут же валялись обломки самодельного лопастного вентилятора, служившего для дутья, и кирпичный лом от печи. Штольни сохранились достаточно хорошо. Не было никаких следов подъездных путей от штолен к заводу. Очевидно, их не существовало. Руду возили зимой на оленях [3].

Фактически Киприян и Петр стали первооткрывателями залежей цветных металлов в Норильских горах. Их анализ был неглубоким и, как показали исследования XX века, они наткнулись лишь на вторичные признаки по-настоящему крупного месторождения. Однако купеческое чутье не обмануло – именно в этих местах в 1930-х годах начнется строительство Норильского горно-металлургического комбината.

Начиная со второй половины XIX в. возобновляются попытки использовать Северный морской путь как водный путь в устья сибирских рек – Оби и Енисея из портов Западной Европы и России. Совершается целый ряд торговых плаваний. Одновременно начинается и научное изучение пути: географическое, гидрографическое, картографическое и др. Несмотря на отсутствие надежных карт, связи, незнания ледовых условий, несмотря, наконец, на полное отсутствие маяков, большинство плаваний в устья Оби и Енисея были удачны.

Приходящие суда нередко нуждались в минеральном топливе, так как были вынуждены брать его с собой и на обратный рейс, что непроизводительно занимало грузовые трюмы. За уголь в низовьях Енисея охотно платили большие деньги [4].

Позднее Александр Сотников, сын Киприяна, взялся добывать норильский уголь и вывозить его в Дудинку на оленьих упряжках. В 1894 году ему удалось продать несколько тысяч пудов угля экспедиции полковника Андрея Вилькицкого. Однако разработку угольных копей пришлось прекратить из-за трудностей транспортировки.

Семейное дело продолжил внук Киприяна – Александр Александрович Сотников. Он тоже был увлечен изучением природы и полезных ископаемых своего края, что побудило его пойти учиться на геологическое отделение Томского технологического института. В студенческие годы он самостоятельно организовал экспедицию в Норильские горы для изучения месторождений медной руды, каменного угля и графита.

Под руководством Сотникова во время экспедиции были установлены заявочные столбы, пробурена скважина в устье норильского Угольного ручья. Однако пришедшая на эти годы Первая мировая война во многом определила будущее Сотникова не только как исследователя Севера, но и участника военных действий. Не успев получить высшее образование, в декабре 1915 года он был призван в Императорскую армию, а в мае 1916 года, окончив Иркутское военное училище, направился служить в Красноярский казачий дивизион в должности младшего офицера.

Между тем необходимость освоения Севера и роль его богатств в будущем развитии страны понимали и в красном, и в белом лагерях. С 1918 году в белой прессе шла речь о запуске Северного морского пути (СМП), способствующего экономическому, торговому и военному обмену региона с Архангельском и Мурманском, находившимися под руководством белых и союзников. Вскоре созданный Сибирский геологический комитет принял решение об исследовании сибирских недр и призвал Сотникова, уже имевшего опыт в этом деле, к участию в экспедиции. Вождь белого движения Колчак, исследователь и знаток Арктики, посчитал проект Сотникова нужным и целесообразным, и, несмотря на все сложности на фронте, обеспечил экспедиции необходимую поддержку.

Сотников стал одним из активных сотрудников Сибгеолкома. После ухода с военной службы он развил бурную деятельность, использовал все свои связи и знания, чтобы запустить проект

освоения таймырских угольных залежей. Ему было известно и о других полезных ископаемых – меди и цветных металлах.

В марте 1919 года Сотников представил свой доклад «К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля и медной руды» одновременно в Морское министерство и министерство торговли и промышленности колчаковского правительства. В своей работе А. Сотников не только подробно описывает месторождение и его потенциал, но и обрисовывает свое представление о развитии Норильска: залежи меди и угля должны быть соединены с берегом Енисея железной дорогой, а в городе будут построены больница и школа. Такая дорога существует сейчас. Именно по железнодорожной магистрали Норильск – Дудинка идет основной грузооборот заполярного города.

Всего лишь несколько ярких, эмоциональных высказываний Александра Сотникова, которые по-новому раскрывают для нас эту личность: «Пробуждение от спячки, в которую погружена наша арктическая область, возжигающая пока маленькую звездочку русского оживления, может быть, послужит символом нашего общего пробуждения от вековой спячки и через «полночную» страну взойдет солнце творческого духа русского народа...» [5].

Труд Сотникова был высоко оценен ведомствами, и уже в апреле его определили в Морское министерство на должность производителя гидрографических работ Обь-Енисейского гидрографического отряда и гидрографа дирекции маяков и лоций при комитете Северного морского пути. Летом того же года Сотников отправился в экспедицию за полярный круг, целью которой ставил исследование норильских месторождений и изыскание подходящего места для строительства порта в районе с большими запасами угля.

В июне началась полярная экспедиция Сотникова, который в число участников привлек своего старого товарища Николая Урванцева. Экспедиция оказалась успешной, и по возвращении ее участники мечтали о скорейшей реализации намеченных целей. По задумке Сотникова, строительство СМП должно было привести к эффективному государственно-частному партнерству, в рамках которого появился бы новый тип государственного чиновника и купца, что делало бы сотрудни-

чество взаимовыгодным и стабильным. Тем временем власть в Сибири сменилась и перешла к большевикам.

Александр Сотников – белый офицер, бывший атаманом Енисейского казачьего войска и выполнявший исследования по распоряжению Колчака. Какая участь могла ждать такого человека при новой власти? Конечно, не все выходцы из белого движения подвергались репрессиям, но Сотникова судьба не пощадила. 1920-й год: донос, обвинение в участии в тайной организации против большевиков, заключение коллегии ГубЧК – расстрел.

23 мая 1920 г. коллегия ГубЧК, заслушав заключение, постановила: А. А. Сотникова расстрелять, а его имущество конфисковать. Однако после вынесения приговора Александр Сотников еще какое-то время оставался в живых. В администрацию тюрьмы от заключенных, работающих в столярной мастерской и воспринимающих Котельникова и Сотникова как «белую кость», поступили доносы, один из которых датируется 20 июня 1920 г., о том, что они ведут между собой антисоветские разговоры. 19 июля в ГубЧК поступило письмо от брата Киприяна Александровича Сотникова, заведующего судебно-следственным подотделом отдела юстиции Енисейского губревкома, который просил приобщить к делу брата его печатные труды. Тем самым он пытался обратить внимание чекистов на целесообразность использования Сотникова как «редкого специалиста, знающего условия работы за полярным кругом», в новой экспедиции, снаряжаемой туда Сибгеолкомом. Это был последний документ в сотниковском деле. Время его казни остается до сих пор неизвестным.

Даже существенный вклад в науку не смог уберечь Сотникова от трагической расправы за его прежнюю военную деятельность.

Но все-таки жизненный путь людей тех смутных времен – вещь удивительная. Ведь товарища по экспедиции, Николая Урванцева, скорее всего, ожидала та же печальная участь. Однако в тот момент из Геологического комитета приходит срочный запрос на специалиста-геолога. Урванцев в это время уже два месяца как сидит в тюрьме. Его освобождают, потому что он очень нужен советской власти.

В 1919 году Урванцев отправился на норильские месторождения, возглавив экспедицию, успехи которой способство-

вали научному обогащению и основанию Норильска. Позднее он написал серию книг об освоении северных богатств, однако первопроходцем в этом деле все же был Сотников. Именно его по праву можно считать отцом-основателем Норильска. Сейчас на долю «Норильского никеля», который ведет в регионе добычу полезных ископаемых, приходится до 2 % ВВП России. Что же касается родной для Сотникова Дудинки, то в XX веке город превратился в крупнейший в Сибири порт, без которого экспорт сырья стал бы невозможен.

Услышанная однажды в музее история о судьбе дудинских купцов Сотниковых послужила толчком к написанию таймырским прозаиком Юрием Градинаровым романа «В низовьях Енисей могуч». Это художественное произведение, основанное на подлинных фактах и событиях из истории Таймыра и Дудинки второй половины XIX – начала XX веков, дает нам возможность окунуться в то далекое от нас время, о котором рассказывают лишь музейные предметы и фотографии [6]. Роман-трилогия вышел в свет в 2004 году. По мнению специалистов, книга стала первым историческим произведением Таймыра, глубоко и серьезно рассказывающим об истории края через образы конкретных людей. Первое художественное произведение, рассказывающее об истории рода Сотниковых, когда-то проживавших на Таймыре. Ю. И. Градинаров, многие годы возглавлявший управление культуры округа, по свидетельствам очевидцев, более десяти лет по крупицам собирал фактический материал в архивах и музейных фондах. Это были материалы музеев Красноярска, Томска, Дудинки, записи из дневников экспедиций, старых газетных вырезок, материалы допросов в архивах ФСБ города Красноярска.

В романе Ю. Градинаров постарался восстановить справедливость и вернуть доброе имя Александру Александровичу Сотникову. Как он сам пишет в завершении трилогии: «... Советская власть лишила его не только жизни, но и достойного места в истории Сибири. И только в государственных архивах, в запасниках Таймырского краеведческого музея я нашел документы о жизни и деятельности А. А. Сотникова. Они помогли мне вернуть из забвения имя незаурядного человека, сыгравшего свою роль в истории Сибири двадцатого века [7].

Реабилитируя Александра Александровича Сотникова 31 марта 1998 г., прокуратура Красноярского края уже тогда назвала его «первооткрывателем Норильского месторождения» [8].

Первенство в открытии норильских месторождений надолго перешло к Н. Урванцеву. Лишь в наше время справедливость восторжествовала. Принимая заслуги Урванцева, мы знаем и о том огромном вкладе в изучение Арктики, который внес казачий командир и исследователь Александр Сотников.

Список источников и литературы:

1. Очерки по истории открытий минеральных богатств Таймыра / Рос. геол. о-во, Таймыр. отд-ние ; гл. ред. А. Г. Самойлов. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2003. С. 22.
2. Урванцев Н. Н. Норильск : (история открытия и освоения медно-никелевых руд Сибирского севера). М. : Недра, 1969. С. 31.
3. Там же. С. 31–32.
4. Там же. С. 32.
5. Предтеченская Н. А. Из истории семьи дудинских купцов Сотниковых (XIX – нач. XX вв.) : (По материалам архивов Красноярска и Томска) // Музейный вестник. Дудинка, 2003. Вып. 3. С. 47.
6. Предтеченская Н. А. Музейная коллекция о русских старожилах Таймыра // Музейный вестник. Дудинка, 2002. Вып. 2. С. 13.
7. Градинаров Ю. И. В низовье Енисей могуч... Воронеж : Издат.-полиграф. фирма «Воронеж», 2004. С. 589.
8. Там же. С. 590.

Г. В. Листвин

КРАСНОЯРСКИЙ КУПЕЦ А. Е. ЯКОВЛЕВ

Статья посвящена памяти красноярского купца Алексея Яковлева – основателя и владельца первого промышленного предприятия на территории Канского округа Енисейской губернии – Яковлевского железоделательного завода, действовавшего в период 1848–1865 годов

на территории современного города Зеленогорска Красноярского края. Проанализированы основные этапы и направления его предпринимательской деятельности. На примере деятельности купца Яковлева показаны сложности становления сибирской промышленности в XIX веке.

Ключевые слова: Алексей Яковлев, купец, Яковлевский железодельный завод, Барга.

Одним из незаслуженно забытых красноярцев, внесших значительный вклад в развитие Приенисейского края, был красноярский купец Алексей Ефимович Яковлев (1791 – не ранее 1866) – основатель и владелец Усть-Баргинского железодельного завода. Яковлевский завод находился в Рыбинской волости при устье реки Барги на месте современного города Зеленогорска (Красноярска-45) и был первым промышленным предприятием, возникшим на территории Канского округа Енисейской губернии.

Со временем знание о реальных фактах деятельности Яковлева было утрачено, о нем самом и его главном детище стали складываться фантазийные «легенды». Так, в 1989 году в местной газете, издававшейся в г. Красноярске-45, вышла публикация О. Усковой, согласно которой Алексей Яковлев появился в дер. Баргинской в конце 1830-х годов и был беглым каторжником «из числа мастеровых уральских заводов Демидовых, который в Баргинском находит надежное убежище от преследования. Зная о некоторых запасах руды в районе Камзолова, горы Приточная, Яковлев решает основать в Баргинском железодельный завод. Выбор места на значительном отдалении от запасов железной руды объясним: губернские власти не интересовались Баргинским, и это, как нельзя лучше, устраивало «беглого мастера». Рабочую силу составляли беднейшие крестьяне окружающих сел. <...> Хозяин быстро богател, стал кутить. А когда почувствовал, что власти заинтересовались его личностью, бросил завод и, не рассчитав рабочих, скрылся. Предприятие было заброшено» [1]. Автор статьи допустил ряд вольностей в трактовке вопроса о социальном статусе Яковлева, о месте нахождения и времени работы его завода, о реальных обстоятельствах событий и т. д.

Между тем, Алексей Яковлев прожил довольно долгую по тем временам жизнь, наполненную деятельностью, сопряженной с постоянным преодолением разного рода трудностей.

Родился Алексей Яковлев в 1791 году и происходил из купеческих детей г. Вольска Саратовской губернии. Купечество в Российской империи не было наследуемым социальным статусом. Оно было единственным сословием, для вступления в которое требовалось внесение денежного взноса. Сумма взноса зависела от купеческой гильдии – чем выше гильдия, тем крупнее взнос. Гильдейский статус необходимо было ежегодно подтверждать, записываясь в гильдию в срок с 1 ноября по 1 января и объявляя (декларируя) сумму капитала, с которого уплачивался однопроцентный денежный сбор.

Где проживал в первую половину своей жизни Алексей Яковлев и чем занимался – неизвестно. Его публичная история в Енисейской Сибири начинается с 1835 года, когда он впервые внес денежный взнос и поступил в третью купеческую гильдию города Красноярск. С тех пор ему постоянно приходилось прикладывать усилия к повышению и удержанию своего гильдейского статуса.

Возможности деятельности купцов третьей гильдии были ограничены территорией своего округа, на которой им дозволялось вести мелкую торговлю и иметь в собственности малые речные суда. Уже в 1836 году, объявив за собой шесть тысяч рублей капитала и оплатив «билет», Алексей Яковлев перешел во вторую купеческую гильдию. Теперь он получил право торговать внутри страны в городах и на ярмарках, заниматься промышленностью и иметь в собственности крупные речные суда. В это же время Яковлев состоял и комиссионером по питейному сбору. Винные откупа приносили их держателям большие доходы и были одним из важнейших источников накопления купеческих капиталов. В 1838 году капитал А. Е. Яковлева составлял уже 20 тысяч рублей.

Следует отметить, что купцов первой и второй гильдий в Сибири вообще было немного (в 1830 году они составляли 9 % от общего количества сибирского купечества, в середине XIX века – около 15 %) и проживали они главным образом в крупных городах – Иркутске, Томске, Тобольске и Тюмени [2].

Сибирские купцы были в основном коммерсантами и откупщиками, устанавливавшими и поддерживавшими торговые связи между сибирскими регионами, между Сибирью и центральной Россией, между Россией и Китаем. Но были среди них и такие предприимчивые купцы, которые начали вкладывать торговые капиталы в производство и тем самым заложили основу сибирской промышленности. Одним из первых красноярских купцов-промышленников был Алексей Ефимович Яковлев.

С началом развития в Приенисейском крае частной золотодобычи Алексей Яковлев, как и большинство красноярских купцов первой и второй гильдий, занялся золотопромышленностью. Здесь-то и пригодились капиталы, скопленные им ранее от винных откупов. В материалах «Дела о проверке состояния торговли и промыслов в г. Красноярске» за 1845 год было помечено, что купцы второй гильдии Алексей Ефимов Яковлев, Николай Петров Токарев и Петр Васильев Шипилин торговли не производят, а занимаются золотыми промыслами [3]. Занятие золотодобычей позволило Алексею Яковлеву не только удержаться в купеческом сословии [4], но и увеличить капиталы для вложения в металлургическое, или как тогда говорили – «железоделательное» производство.

На 1840-е годы приходится заметный рост числа промышленных заведений Приенисейского края, что было непосредственно связано с расширением рынка сбыта промышленной продукции в годы «золотой лихорадки». В это самое время красноярский купец второй гильдии Алексей Яковлев основал свой железоделательный (чугунолитейный) завод «при р. Кане и рч. Барге», действовавший с 1848 по 1865 год.

«Заведение» промышленного предприятия было делом новым и хлопотным. По вопросу о закреплении за ним месторождения железной руды, открытого на правом берегу р. Барги у с. Троицко-Заозерного, купец второй гильдии Яковлев подал заявку в губернскую Енисейскую Казенную палату еще в 1837 году. По вопросу об отводе земли под железоделательный завод (промплощадка, лесосеки для заготовки дров и выжига древесного угля, сенокосы для содержания тягловых лошадей) Яковлев хлопотал еще в 1842 году, при этом вопрос о землеотводе решался в Иркутске на уровне генерал-губернатора Восточной Сибири. Наконец «по Указу Енисейской Казен-

ной Палаты от 19 февраля [1843 г. – Г.Л.] за № 950, вследствие предложения Г-на Енисейского Гражданского Губернатора [статского советника Копылова Василия Ивановича. – Г. Л.] от 13 сего декабря за № 2973, изъясненного в нем предписания Его Высокопревосходительства Г-на Губернатора Восточной Сибири [генерал-лейтенанта Руперта Вильгельма Яковлевича. – Г. Л.]» было принято положительное решение об отводе земли под Усть-Баргинский железоделательный завод [5]. Землеотведение «железоделательному заводу красноярского купца Алексея Яковлева, рудников и лесов и сенных покосов, находящихся в Канском округе», было проведено к августу 1843 года. Землеустроительные работы проводил красноярский окружной землемер Шабанов [6]. Все решалось довольно долго с характерной для того времени бюрократической волокитой, поэтому Алексей Ефимович смог открыть свой железоделательный завод только в 1848 году.

Но вскоре после открытия Усть-Баргинского завода Яковлев разорился. Ему не хватило средств на ежегодный взнос не только для занятия предпринимательством, но даже для того, чтобы взять торговое свидетельство купца третьего разряда, и в 1850 году Алексей Яковлев выбыл из купеческого сословия, перейдя в мещанское. Для того времени такие сословные перемещения не были чем-то исключительным. Даже такие состоятельные красноярские купцы, как Петр Ларионов [7] и Андреян Терской [8] не всегда могли поддержать свою принадлежность к купеческому сословию, ежегодно покупать соответствующие «билеты», и даже они время от времени числились в переписных книгах по городу Красноярску то купцами, то мещанами [9].

Площади казенных земель, отведенной Яковлеву в аренду в Усть-Баргинской казенной лесной даче, оказалось недостаточно для полноценной организации производства: не хватало дровяного леса для выжига угля, сенокосных угодий для содержания необходимого количества рабочих лошадей. Яковлев снова обращался в Енисейскую Казенную палату, теперь уже с просьбой о расширении арендуемого участка земли. Поскольку рассмотрение дела снова затянулось, предприниматель без соответствующего на то дозволенного разрешения губернских властей, занял дополнительные земельные площа-

ди самовольно. Нашлись доброхоты, сообщившие «куда следует», и летом 1850 года по инициативе чиновников Енисейской Казенной палаты возникло дело «о производстве дознания через измерение в обмежованной даче Канского округа самовольно занимаемых Красноярским купцом Яковлевым для железодельного завода казенном лесе и сенокосной земли».

Пока тянулось дознание, железодельный завод снова заработал, а мещанин Алексей Яковлев не только снова смог войти в состав купеческого сословия, но в 1853 году снова приобрел свидетельство купца второй гильдии, дающее ему законное право заниматься заводской промышленностью.

И только в 1856 году землемером Рассказовым был выполнен «поверочный план, две копии и чертеж дачи, обмежованной [в 1843 г. – Г. Л.] землемером Шабановым, под устройство железодельного завода купца Яковлева по р. Кану и рч. Барге», уточнивший расширенную площадь, запрашиваемую промышленником в аренду – 8 600 дес. 777 саж [10]. В 1857 году запрашиваемая купцом дополнительная часть казенной лесной дачи близ устья Барги была наконец-то отведена. Просто удивительно, как промышленное предприятие могло еще выживать и работать при такой бюрократической волоките.

Железодельный завод Алексея Яковлева во всех отношениях был предприятием малым, и бюрократические препоны существенно влияли на стабильность его работы. В период с 1848 по 1853 год выработка железа на заводе производилась в очень незначительных количествах или даже временно приостанавливалась. Среднегодовое производство железа достигало на Яковлевском заводе 700 пудов [11]. Как и все промышленные заведения Енисейской губернии того времени, Яковлевский железодельный завод был небольшим предприятием, а его продукция была рассчитана только на нужды узкого местного рынка. В 1859 году на Яковлевском железодельном заводе числилось всего пять жилых дворов, в которых проживало 14 человек: 6 мужчин и 8 женщин [12]. По статистическим данным за 1861 год на производстве было занято 8 работников (мастеровых и рабочих), железа было выработано на сумму 989 рублей [13]. Поскольку завод был частновладельческим, а крепостных крестьян в Восточной Сибири практи-

чески не было, надо полагать, что производство здесь было основано на привлеченном (вольнонаемном) труде.

Следует опять же заметить, что в эти годы Яковлевский завод оставался единственным железоделательным предприятием на всю обширную Енисейскую губернию.

В 1862 году объявленный А. Е. Яковлевым капитал снова составил шесть тысяч рублей. Он владел движимым и недвижимым имуществом в городе Красноярске, в Канском округе Енисейской губернии и, возможно, в Каинском округе Томской губернии. Купец Яковлев, вероятно, также занимался и благотворительностью: на собственные средства он построил в Красноярске довольно большую каменную больницу, рассчитанную более чем на 40 коек [14]. В тех условиях, когда по Сибири в целом лечебных заведений было крайне мало, а государство еще не принимало системных мер к развитию народного здравоохранения, благотворительную деятельность таких купцов, как Алексей Ефимович Яковлев, трудно переоценить.

Дела шли «в гору». В 1863 году его старший сын Василий Алексеевич Яковлев, как купеческий сын, был избран от купеческого сословия гласным (депутатом) Красноярской городской думы. С 1863 года плата за свидетельство купца первой гильдии стала составлять уже 565 рублей [15], и в 1864-м Алексей Ефимович Яковлев впервые взял торговое свидетельство купца первого разряда [16]. В качестве «первогильдейного» купца он приобрел теперь право на ведение внешней торговли (оптом и в розницу), а также право на содержание морских судов.

Это было время правления императора Александра II Освободителя. В стране началась эпоха Великих реформ, благотворно повлиявшая на развитие России. И хотя изменения в то время еще слабо коснулись сибирских окраин империи, оживление ощущалось и здесь. В то время купцы Енисейской губернии вели многоотраслевую деятельность, одновременно занимаясь несколькими видами предпринимательской деятельности: торговлей, промыслами, извозом, хлебопашеством, разведением скота, брали подряды на поставки продуктов и промышленных товаров в казенные учреждения и частным лицам.

В начале 1860-х купец и промышленник Алексей Яковлев, несмотря на свой уже весьма почтенный возраст, предпринял попытку расширить сферу предпринимательской деятельно-

сти и занялся еще и сельским хозяйством – земледелием и скотоводством. В 1860 году он обратился в Енисейскую Казенную палату с предложением «взять в оброк землю близ деревни Ключей, лежащую в Канском округе Уринской волости» [17]. Но волокита по его делу в Хозяйственном отделении Енисейской Казенной палаты тянулась несколько лет, а затем вопрос был передан на рассмотрение в другую инстанцию – Управление Государственных имуществ. В 1863 году он вновь обратился в Енисейскую Казенную палату и просил предоставить ему «в оброчную статью» (в аренду) три казенных участка под хлебопашество в районе дер. Ключевской (Большие Ключи) общей площадью свыше 100 десятин [18].

К этому времени у него уже имелась большая заимка в Рыбинской волости, где Яковлев занимался земледелием и скотоводством. В июле 1863 года первый епископ Енисейский и Красноярский преосвященный Никодим, совершавший путешествие по Ангаре и северной части Канского округа Енисейской губернии, составил в своих путевых записках краткое описание встреченной им на пути заимки купца Алексея Яковлева. Из записок преосвященного Никодима следует, что Яковлевская заимка находилась в районе Рыбинского соснового бора, в непосредственной близости к Московскому тракту и базару крупного трактового села Рыбинского. На заимке содержалось около 200 коров, 50 лошадей, до 300 десятин засеянных полей [19].

Но попытка купца Яковлева поднять целину и завести «латифундию» закончилась неудачей. Из-за недостатка оборотных капиталов он взял кредит. Банковское кредитование в то время еще не имело должного развития, и Яковлев одолжился у красноярской городской казны. Однако, положение первых предпринимателей в условиях нестабильности и неразвитости внутреннего рынка было очень неустойчивым. Сказывалось временное снижение покупательной способности податного населения, связанное с ростом платежей, обусловленных отменой в стране крепостного права. Но самое важное – к тому времени произошло снижение объемов золотодобычи на приисках Канско-Нижеудинского горного округа, что в свою очередь неизбежно привело к снижению спроса золотопромышленников на поставки оптовых партий продуктов пита-

ния, фуража и лошадей. Производимая Яковлевым сельскохозяйственная продукция не имела должного сбыта.

В 1865 году в возрасте 74-х лет Алексей Ефимович Яковлев в очередной раз разорился и на сей раз окончательно. Его Усть-Баргинский железоделательный завод был закрыт. Для того, чтобы расплатиться с долгами перед Красноярской городской думой, Яковлев был вынужден в 1866 году распродать свое движимое и недвижимое имущество, находившееся в Канском округе Енисейской губернии: 3 деревянных дома, 4 амбара, конюшни, сарай, гумно, 2 бани, мебель, 50 лошадей, 42 головы крупного рогатого скота, до 1 070 пуд. хлеба и сельскохозяйственный инвентарь [20]. Наиболее вероятно, что в приведенный перечень вошло имущество Яковлевской заимки у Рыбинского бора и Яковлевского железоделательного завода на р. Барга. Точная дата смерти Алексея Яковлева не установлена.

Такова была судьба одного из ярких представителей красноярского «трудового купечества», внесшего значительный вклад в развитие Приенисейского края. На территории современного города Зеленогорска о деятельности красноярского купца Алексея Ефимовича Яковлева напоминают разве что фрагменты старой грунтовой дороги, пересекающей участка садоводства № 1 и известной старожилам как «Яковлевская», да сохранившееся с тех времен название Золиной горы – одного из мест промышленного выжига древесного угля для Яковлевского железоделательного завода.

Источники и примечания:

1. Ускова О. «От скитов-раскольников до...» // Панорама. 1989. 16 дек.
2. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4 томах. Новосибирск : [РИПЭЛ плюс], 1994. Т. 1 : (А–Е), кн. 2. [В–Е]. С. 66.
3. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 747. Л. 15 об., 16.
4. Там же. Л. 33–38 об. Именной список о выданных свидетельствах и билетах купцам и мещанам, объявившим капиталы на 1845 год по 1-е число апреля.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 54. Д. 3. Л. 69 об.
6. Там же. Л. 43.

7. Ларионов Петр Федорович (р. 1761) числился в 1794 г. в иркутских купцах с капиталом 1005 руб. В этом же году (См.: ГАКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5. Л. 259. Ревизские сказки 1795 г. по г. Красноярску и уезду (а не в 1796 г., как указано в энциклопедии)) переписался в красноярское купечество в третью гильдию (минимальный размер капитала для третьей гильдии по указу 1794 г. составлял до 2 тыс. руб.). Дважды избирался красноярским бургомистром (1802–1805 гг., 1817–1819 гг.). Имел в Красноярске довольно крупную по тем временам «мыловарню» (мыловаренный завод), на которой в 1817 г. было произведено 120 пудов мыла. Брал подряды на строительство Благовещенской и Всесвятской церквей в Красноярске. Был единственным красноярским купцом конца XVIII века, вкладывавшим деньги в Российско-Американскую компанию. В 1812 г. Петр Ларионов пожертвовал на борьбу с Наполеоном 260 руб. (См.: Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4-х томах. Новосибирск: «РИПЭЛ», 1996. Т. 3 : (Л–Р), кн. 1. С. 18.)

8. Терской Андреян Прокопьевич (1753–1822). Вступил в третью гильдию красноярских купцов из мещан села Арейского. Пожертвовал на оборону страны в 1812 г. 500 руб. С 1808 по 1811 год занимал пост красноярского бургомистра, с 1820 года до самой смерти был городским головою. Владел в Красноярске крупной «кожевной». (См.: Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири в 4-х томах. Новосибирск : «РИПЭЛ плюс», 1997. Т. 4, кн. 1. С. 122.)

9. Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя половина XVIII – первая половина XIX века). М. : Academia, 2006. С. 138, 139.

10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 54. Д. 3. Л. 8 об., 9.

11. Справочная книжка Енисейского ГСНХ. Красноярск : [Гос. типография], 1923. С. 68 ; Смирнов В. А. Исторический очерк Приенисейского края. Изд. Бюро краеведения при Средн.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва, 1928. Ч. 2. С. 23.

12. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб : Тип. Карла Вульфа, 1864. Т. 51 : Енисейская губерния. С. 34.

Во всем Канском округе в 1859 г. числилось: городов – 1, сел – 20, деревень – 109, хуторов – 1, заимок – 1, улусов – 3, заводов – 2 (казенный Троицко-Енисейский солеваренный и частновладельческий Яковлевский железодельный); дворов – 378, населения – 1 783 чел. (мужчин – 956, женщин – 827).

13. Это был очень небольшой объем производства. Для сравнения, на Троицком солеваренном заводе было выработано продукции на сумму 39 190 руб. Каждый третий рубль, произведенный промышленными предприятиями

Енисейской губернии в 1861 г., был выработан именно Троицким заводом. (См.: Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. С. 136, 137.).

14. Существует версия, что данную больницу ранее построил другой красноярский купец-однофамилец Алексея Ефимовича – Иван Никитич Яковлев (1784–1828). Он занимался «мелочной» торговлей различными товарами, построил в Красноярске каменный дом на ул. Воскресенской (совр.: ул. Мира), в 1807 г. исполнял службу сборщика подушных денег, в 1818 г. – частного пристава. В 1827 г. И. Н. Яковлев состоял в 3-й гильдии г. Красноярска. (См.: Комлева Е. В. Енисейское купечество. С. 347.) Однако, сомнительно, чтобы у купца Ивана Яковлева, занимавшегося мелкой торговлей, было достаточно средств для постройки большой по тем временам 40-коечной лечебницы. Для сравнения: летом 1885 г. в Красноярске было построено каменное здание городской лечебницы для бедных. Эта лечебница строилась и обустраивалась на пожертвования купцов А. П. Кузнецовой (12 500 руб.), Л. П. Кузнецова (12 000 руб.), И. М. Сибирякова (1 000 руб.) при небольшом софинансировании из средств Городской думы в сумме 1 200 руб. Хирургический барак, построенный в 1888 г. на средства Александры Петровны Кузнецовой и названный Александровским в память ее матери Александры Федоровны, имел только 18 коек и 2 запасных. (См.: Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск : Кн. изд-во, 1995. С. 134).

15. Краткая энциклопедия по истории купечества ... Т. 1 : (А–Е), кн. 2. [В–Е]. С. 66.

16. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 747. Л. 35.

17. ГАКК. Ф. 595. Оп. 54. Д. 3. Л. 74, 74 об.

Дер. Ключи Уринской волости Канского округа Енисейской губернии – современная дер. Большие Ключи Рыбинского района Красноярского края.

18. ГАКК. Ф. 595. Оп. 54. Д. 3. Л. 11.

19. Богданов А. Путешествие преосвященного Никодима, первого епископа Енисейского и Красноярского, из Красноярска в Ачинский и Минусинский уезды и на Ангару, в 1863 году // Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск. 1909. № 10. С. 56 ; № 11. С. 20-25 ; № 13. С. 20-28 ; № 16. С. 25-28 ; № 17. С. 22-27 ; № 18. С. 35-39 ; № 19. С. 33-37.

20. Краткая энциклопедия по истории купечества ... Т. 4 (С–Я), кн. 3. С. 82, 83.

Интересный факт, характеризующий Алексея Яковлева как личность. Его «коллеги» порой выбирали другой путь. Сибирские купцы часто испытывали недостаток оборотного капитала и многие вели коммерческую

деятельность в кредит. При неразвитости банковской системы в те годы довольно распространена была система кредитования частных лиц из средств городской казны. Совсем по-другому повел себя в аналогичной ситуации другой красноярский купец 3-й гильдии – Сергей Яковлевич Кузнецов. В 1844 г. он взял под вексель в городской думе кредит в 1 142 руб. 83¼ коп. серебром, но не пожелал в 1846 г. отдавать долг с процентами в сумме 1 312 руб. 53½ коп. Свои действия С. Я. Кузнецов мотивировал тем, что с 1838 по 1841, будучи красноярским городским головой, он понес убытки, поскольку был вынужден тратить свои личные деньги сверх сметы на различные общественные нужды. Не исключено, что так оно и было на самом деле, поскольку купцы довольно часто занимались благотворительностью. Теперь же он оказался в затруднительном финансовом положении и просил город учесть его заслуги в порядке «взаимозачета». Его поручители также отказались вернуть долг городской думе, уверяя, что бывший городской голова имеет для этого «достаточное состояние». Только после смерти купца С. Я. Кузнецова красноярская Городская дума взыскала часть долга с его наследников. (См.: Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии. Красноярск : КГТЭИ, 2003. С. 94, 103, 104.)

В. А. Паршуков

КАЗАКИ СЕРЕБРЕННИКОВЫ В ИСТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассмотрена история казачьего рода Серебренниковых, который оставил заметный след в историческом пути Енисейской губернии. Казаки Серебренниковы служили урядниками и офицерами в казачьих частях, участвовали в войнах, среди них был георгиевский кавалер и участник Первого съезда енисейского казачества 1917 года. На основе документальных источников автором даны сведения о нескольких поколениях этого казачьего рода, представлены биографии некоторых его представителей.

Ключевые слова: енисейские казаки, Енисейское казачье войско, Енисейская губерния, казачий род, Первая мировая война, Гражданская война.

Несмотря на большое количество публикаций о енисейском казачестве, таких авторов, как Т. С. Комарова, С. И. Байкалов, Г. Ф. Быконя, А. П. Шекшеев, В. П. Милюхин, М. П. Захаров, Р. Г. Рафиков, А. П. Федоров, Н. А. Калеменева, Г. И. Романов, П. А. Новиков, В. Г. Дацышен, А. Е. Богущкий, М. Г. Тарасов, А. В. Мармышев, А. Н. Тимофеев, Ю. П. Волченков, В. А. Паршуков, многие казахи рода Енисейской губернии незаслуженно забыты. Публикации по исследованию казачьих родословных практически отсутствуют.

Очень важную тему подняла журналистка из Минусинска Наталья Алексеевна Калеменева: «Сегодня стало больше появляться в печати публикаций о сибирских казаках. Но каких? За редким исключением повторяются уже давно известные факты о том, как казаки завоевывали Сибирь и строили остроги. А дальше – сплошные белые пятна... Велик вклад местных краеведов – они поднимают целые пласты истории и раскапывают малоизвестные или вовсе не известные факты. Все это – важная подсказка направления, в каком нужно вести поиски материалов по своей родословной. Именно родословные помогут устранить пробелы в истории енисейского казачества, да в истории края в целом...» [1].

Пусть данная публикация послужит небольшим вкладом в деле устранения «белых пятен» в истории енисейского казачества.

Самый дальний предок казачьего рода Серебренниковых, известный на сегодняшний день – это Григорий Серебренников. Он был управителем Лугазского медеплавильного завода, который располагался в девяти верстах от Енисея, вверх по течению на реке Лугазе в Приенисейском крае. После закрытия завода, Григорий Серебренников занимал чиновничью должность протоколиста. В исповедной росписи Петропавловской церкви Лугазского завода за 1782 год 77-летняя Гликерия Даниловна была названа как «вдова, управительская жена» [2]. Их сын Семен Григорьевич Серебренников родился в 1747 году и в исповедных росписях упоминался как отставной пробирный ученик. Недалеко от бывшего завода была образована деревня Каменка, где жили представители следующего поколения Серебренниковых, сыновья Семена Григорьевича: Иван,

Матвей, Григорий и Иван 2-й, который в церковных книгах именовался, в отличие от старшего Ивана, как «малолеток».

Декабрист Александр Петрович Беляев, сосланный в Сибирь в 1826 г., писал о своем знакомстве со старшим братом Иваном Семеновичем Серебренниковым: «В тридцати верстах от Минусинска есть село Каменка, где жил наш приятель, казачий урядник Серебренников. Его сын или внук учился у нас. Он был человек состоятельный, имел прекрасный дом, славную семью, и, хотя тамошний уроженец, но был довольно развит, читал Святое Писание и был очень гостеприимен. С ним-то случилось происшествие, которое едва не стоило ему жизни» [3]. Затем в своей книге Беляев описал случай, когда Ивану Семеновичу удалось избавиться от лап медведя, напавшего на него вблизи деревни, принести из дома винтовку и застрелить зверя.

Четвертое поколение казаков Серебренниковых представляли сыновья от двух браков Ивана Семеновича Серебренникова: Андрей, Михаил, Василий.

Андрей Иванович родился в 1797 году, был женат на Акулине Ивановне, с которой у них родилось 10 детей. Семья упоминается в исповедных росписях Шушенской Петро-Павловской церкви [4]. Два их сына Семен и Константин, уроженцы деревни Каменка Алтайского форпоста, на 1855 год служили урядниками в Енисейском конном казачьем полку. С детства воспитанные на казачьих традициях, приученные к нелегкой военной службе и благодаря своим способностям, братья из простых казаков дослужились до офицеров. В 1856 году Семен Серебренников служил уже в чине зауряд-хорунжего [5].

В «Памятной книжке Енисейской губернии на 1863 год», зауряд-есаул Серебренников Семен Андреевич упоминается как командир 5-й сотни Енисейского конного казачьего полка. Командование 5-й сотни этого полка находилось в станице Таштыпской, казаки которой несли пограничную службу по охране границы Российской империи на юге губернии. Сотня комплектовалась из казаков станиц Таштыпской, Саянской, Арбатского форпоста, деревни Именской и других населенных пунктов [6]. Командирами 5-й сотни в разные годы были так же зауряд-хорунжий М. В. Суриков, дядя известного художника В. И. Сурикова, зауряд-есаул А. В. Затрутин, зауряд-хорунжий А. А. Монастыршин.

Российский император утвердил одобренное Сибирским Комитетом заключение Военного совета, по которому 5-й сотне Енисейского конного казачьего полка, сформированной «из бывших станичных казаков и расположенных на границе Китайской» было предоставлено право «беспошлинной мены с китайцами собственных сельских произведений» [7]. Казаки станицы Таштыпской охотно отправлялись к границе для обмена продуктами и товарами. В то время станица была известна как богатый населенный пункт юга Енисейской губернии. Командир сотни С. А. Серебренников имел в станице двухэтажный дом. Земельный участок с домом и строениями находился у реки Таштып.

На казаков были возложены обязанности, в числе которых была организация пикетов и разъездов около фабрик и заводов в целях пресечения побегов ссыльных, охрана соляных заводов, этапирование ссыльных. Во время несения такой службы на зауряд-есаула Семена Серебренникова с ножом напал ссыльный каторжанин и нанес ему рану. За покушение на жизнь казачьего офицера суд приговорил его к смертной казне. В красноярской газете сообщалось о Федоре Флерковском, ссыльнокаторжном Троицкого солеваренного завода «из политических преступников», который был казнен 6 июля 1866 г. в городе Красноярске при стечении многочисленной публики. Он обвинялся в нанесении ножом раны зауряд-есаулу Серебренникову «во время исполнения им, Серебренниковым, обязанностей службы с намерением лишить его жизни» [8]. Это вспоминал и известный художник Василий Суриков: «А другой раз я видел, как поляка казнили – Флерковского. Он во время переключки ножом офицера пырнул» [9].

Старший брат Семена, Константин Серебренников, учился в минусинской школе, где преподавали декабристы братья Беляевы [10]. В офицерском чине зауряд-хорунжего он служил в 6-й сотне Енисейского конного казачьего полка, командование которой находилось в станице Каратузской. Последние годы своей жизни Константин Андреевич жил в Минусинске, где и скончался. До настоящего времени на старом минусинском кладбище сохранился памятник на его захоронении с надписью: «Покоится прах офицера казачьего полка. Константин Андреевич Серебренников. Ск. 5 апр. 1889 г. 70 л.» [11].

У Серебренникова Семена Андреевича и его жены Анфисы Ивановны было два сына – Василий и Иван, а также дочь Александра. Для продолжения военной династии, отец отправил Ивана в Иркутскую военную прогимназию, после окончания которой он 22 августа 1881 г. был зачислен в Иркутское юнкерское училище. 6 февраля 1886 г. Высочайшим приказом И. С. Серебренников был произведен в первый офицерский чин подпоручика. Согласно послужного списка он «родился 23 марта 1865 г.». Там же имеется надпись: «Высочайшим приказом 22 декабря 1886 г. 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона подпоручик Серебренников зачислен в запас стрелковых батальонов» [12]. Будучи капитаном 5-го Иркутского пехотного полка во время Русско-японской войны, он за отличие в делах против японцев, получил орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Старший сын зауряд-есаула Семена Серебренникова, Василий Семенович Серебренников родился 20 апреля 1862 года в станице Таштыпской, где и проживал. Образование он получил в гимназии. В звании урядника служил в Красноярской казачьей сотне. В качестве счетчика участвовал в Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года [13.]. Часть земли, доставшейся ему в наследство от отца-офицера, он сдавал в аренду. В газете «Известия Минусинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов» от 2 апреля 1918 г. помещена заметка «Наши помещики» о казаках, имеющих большие наделы земли. Среди них указан «В. С. Серебренников, владеющий большими земельными угодьями и отдающий их в аренду таштыпской бедноте...» [14].

У Василия Семеновича и Анны Самуиловны Серебренниковых были дети Агния, Владимир, Валериан, Даниил, Яков. Своих сыновей они отправляли на службу в Красноярскую казачью сотню. Каждому, как заведено у казаков, собирали обмундирование, снаряжение, верхового коня. Шашку и винтовку енисейским казакам выдавали в сотне. У потомков казаков Серебренниковых сохранилась фотография Даниила Серебренникова за 1913 год с двумя казаками Красноярской отдельной казачьей сотни. В приказах по сотне приказный Даниил Серебренников значится в списке награжденных светло-бронзовой медалью «В память 300-летия царствования Дома

Романовых» [15]. Точных сведений о дальнейшей судьбе Даниила нет. По одной информации, он после отступления белогвардейских войск из Енисейской губернии совершил Великий Сибирский ледяной поход и эмигрировал в Китай, где проживал в Харбине, позже переехал в Шанхай. В ноябре 1929 г. вахмистр Енисейской станицы Д. Серебренников подписал заявление в правление Казачьего союза в Шанхае с просьбой о зачислении его в союз [16].

После смерти первой жены Василий Семенович Серебренников взял в жены Елену Ефимовну Лапину, проживавшую в городе Кузнецке Томской губернии. В 1915 и 1918 годах у них родились сыновья Александр и Аркадий, а в последующие годы – Агния, Виктор, Мария, Людмила, Варвара.

Наибольшую известность из сыновей Василия Серебренникова получил Валериан Васильевич Серебренников, родившийся 26 января 1894 года в станице Таштыпской Минусинского уезда Енисейской губернии. Во время Первой мировой войны он служил добровольцем в Уссурийском казачьем полку. За боевые отличия в Карпатах, на Юго-Западном фронте, Валериан получил награды, среди которых был Георгиевский крест 4 степени (№ 556563). Енисейские казаки-фронтовики выбрали его своим представителем на Первый съезд енисейских казаков. На этом съезде енисейского казачества в Красноярске в мае 1917 г. было образовано Енисейское казачье войско (ЕКВ), а Валериан Серебренников был избран начальником военного отдела. Он был участником четырех съездов (Больших кругов) Енисейского казачьего войска. На Втором съезде при выборе в Учредительное собрание Валериан высказался против предложения голосовать за кандидата от социалистических партий и предложил голосовать «за своего чисто казачьего делегата, так как представители социалистических партий не могут защищать интересы казачества» [17]. После подавления большевиками Сотниковского мятежа, Валериан Серебренников выехал в соседнюю Томскую губернию, где отделом Алтайской Горной думы «он был командирован в Мрасскую волость для организации инородческого Совета, в котором состоял волостным секретарем» [18].

С падением Советской власти в Енисейской губернии и после формирования 1-го Енисейского казачьего полка, Валериан

служил в нем в чине взводного урядника, вахмистра, подхорунжего. Приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 23 августа 1919 г. «за отличия в делах против неприятеля», он был произведен в офицерский чин прапорщика. А в ноябре 1919 г. атаманом войска В. Л. Поповым он был отправлен в Минусинский уезд для обучения хакасских дружин военному делу. По воспоминаниям Серебрянникова, «занятия проводить не пришлось ввиду отступления. Я прикомандировался к штабу Феофилова, с которым отступали до Красноярска. Должности никакой не занимал. Я решил с одним казаком сдаться в город. Сдался в чине офицера. Поехал в Таштып, оттуда в Мрасскую волость, где хотел поступить на службу» [19].

Как бывший белогвардейский офицер, Валериан был дважды арестован в 1920 и 1926 годах, а 15 апреля 1927 г. был осужден к заключению в концлагерь сроком на 3 года за организацию контрреволюционной группы. Позже он был реабилитирован.

Младший сын Василия Семеновича Серебрянникова от первого брака Яков, родился в 1904 г., из-за возраста в Гражданской войне не участвовал. Его арестовали 01.06.1930 г. и Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ СССР осудили по ст. 59-3 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы, как и многих других казаков, «записав» в члены бандитской группы Дмитриева. Но фактически действия Я. В. Серебрянникова, выразившиеся в однократной передаче хлеба пришедшим ночью к нему на пашню членам банды, не являются преступными. По результатам рассмотрения Красноярским краевым судом (август 2010 г.) надзорного представления прокуратуры края, постановление особой тройки отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Несколько поколений рода Серебрянниковых были енисейскими казаками. Они стали участниками многих событий в истории енисейского казачества: формирования и преобразования Енисейского конного казачьего полка, германской и Гражданской войн, образования Енисейского казачьего войска. Серебрянниковы сполна разделили участь, постигшую казаков России, – расказачивание, репрессии, эмиграцию. За сравнительно небольшой в масштабах истории период они своими делами и верным служением Отечеству оставили заметный след в истории Енисейской губернии.

Список источников и литературы:

1. Мир праху, честь имени. Минусинский некрополь. Минусинск : Информ.-издат. агентство «Надежда и Мы», 2009. Кн. 1. С. 19.
2. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 76. Л. 78.
3. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805–1850. СПб. : А. С. Суворин, 1882. С. 318–320.
4. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1506. Л. 96.
5. ГАКК. Ф. 876. Оп. 1. Д. 31. Л. 30.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб. : Тип. Иосафата Огризко, 1863. С. 81, 230–231.
7. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 60. Л. 8.
8. Енисейские губернские ведомости. 1866. 9 июля (№ 28). С. 7.
9. Волошин М. А., В. И. Суриков. Л. : Художник РСФСР, 1985. С. 41.
10. Беляев А. П. Указ. соч. С. 318.
11. Мир праху, честь имени ... С. 14.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 17. Д. 4536. Л. 132.
13. ГАКК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 29. Л. 252.
14. Гидлевский К. И., Сафьянов М. Г., Трегубенков К. Е. Минусинская коммуна 1917 – 1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М., Л. : ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. С. 15.
15. РГВИА. Ф. 14294. Оп. 1. Д. 14. Л. 137.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 19. Л. 126.
17. Постановление Второго съезда Енисейского Казачьего Войска, состоявшегося в городе Красноярске. Красноярск, 1917. С. 10–11.
18. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-6473. Л. 11–12.
19. Там же.

М. М. Овакимян

НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. К. ПАТКАНОВА В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена жизни и научной деятельности С. К. Патканова. Освещены его исследования Сибири конца XIX – начала XX вв.: изучение природно-климатических условий, почвенного состава местности, социальной группы различных селений, урожайности, проблемы вымирании коренного населения Сибири.

Ключевые слова: природно-климатические условия, почвенный состав местности, методика Патканова, урожайность, сельскохозяйственные записи, вымирание коренного населения Сибири.

В Российской империи во второй половине XIX века начался бурный процесс переселения крестьян в Сибирь. Для выработки более успешной политики власти в сибирском регионе организуются статистико-социологические исследования в Сибири. В последний раз в Сибири такие мероприятия проходили в 1859 году, когда была проведена последняя перепись. Решение данного вопроса было возложено на чиновников Министерства госимущества.

Большой вклад в эту работу внес Патканов Серафим Керович (Патканян Серовбе Керович). Это был крупный статистик, экономист, этнограф, картограф. Кроме того, он известен также как историк, который внес вклад в исследование жизни сибирских народов. С. К. Патканов родился 9 августа 1860 года (по другим данным – в 1861 году) в Санкт-Петербурге. Учился в Академии армянских монахов-мхитаристов в Венеции. Затем открыл в Тифлисе первую в этом городе армянскую школу.

По итогам переписи в конце 1880-х – начале 1890-х гг. было издано двадцать два тома «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири». Из этого большого объема аналитической литературы Паткановым было написано четыре тома. Последняя работа

ученого «Список народностей Сибири» была опубликована посмертно в Петрограде и вошла в сборник «Труды комиссии по изучению племенного состава населения России», напечатанной распоряжением Академии Наук. Он являлся действительным членом Императорского Русского географического общества. Его научный вклад был отмечен такими наградами, как:

- Орден Св. Станислава III степени;
- Малая золотая медаль (Императорского Русского географического общества, 1891);
- Большая золотая медаль (Императорского Русского географического общества, 1905).

Патканов умер от голода в Петрограде весной 1918 г. (по другим данным: в 1920 либо в 1923 году).

Его исследования носили оригинальный характер, т. к. отличались своей новизной и фундаментальным подходом. Он начинал свою работу с подробного анализа природно-климатических условий. Первостепенное значение в работе придавалось изучению почвенного состава данной местности. По мнению Патканова, суровый сибирский климат не подходил для земледелия.

Следующим аспектом анализа было исследование тех социальных групп, которые населяли данный район. Здесь имело значение то, является ли крестьянин государственным или частновладельческим. По мнению Патканова, это имело существенное значение в процессе организации труда и отношении людей к выполненной работе. Немаловажным фактором, влияющим на мотивацию к труду, был образовательный уровень населения. В условиях отсутствия банковской системы, которая должна была поддерживать крестьян, большое значение, по мнению Патканова, имел семейный бюджет. Исходя из своей методики Патканов составил подробные таблицы, характеризующие материальное благосостояние крестьян. Серьезным подспорьем для работ Патканова были труды других ученых, у которых была узкая специализация по изучению социально-экономической жизни России тех лет.

Деятельность Патканова отличалась большим размахом. Он старался исследовать как можно больше населенных пунктов. Так, из 250 сел Тобольской губернии, ему удалось собрать

данные о 137. Для сравнения, другие чиновники, которые участвовали в этом проекте, обследовали значительно меньше. Например, чиновник Соколов собрал сведения с 51 населенного пункта. Серафим Керопович активно использовал социологические опросы местных жителей, особенно тех, кто долго жил в данной местности.

Патканов описал свой метод получения информации от крестьян. Правда, он был удобен для изучения небольшого округа, для крупных территорий такая методика требовала много времени. Так, в Енисейской губернии за 2 месяца он изучил всего три селения. Продолжать исследование таким образом было бессмысленно, потому что для изучения остальных селений понадобилось бы примерно три года. Он выбрал по двести три примерно похожих селения с одинаковыми условиями. Эта выборка позволила сделать выводы, которые характеризовали данную местность сибирского региона в целом. Таких селений набралось двести пятьдесят. Все эти селения Патканов посещал лично, хотя были области, в которые сложно было попасть. В этом случае он вызывал от трех до десяти лиц для беседы. Переезжая из деревни в деревню, исследователь опрашивал абсолютно всех крестьян: бедных про богатых, инородцев о русских и так далее.

Для изучения урожайности он использовал такой источник, как сельскохозяйственные записи, которые вела почти каждая крестьянская семья. Главная цель их использования – быть справочной книгой для хозяйства последующих лет. В них отмечались все самые значительные факты. Таким образом, до нас дошли важные и уникальные сведения о земледельческой жизни крестьянской семьи Сибири. Изучив сельское хозяйство Енисейской губернии, ученый пришел к выводу, что самостоятельно, без поддержки государства, развить эту отрасль будет невозможно.

Хотелось бы отметить еще один аспект научной деятельности Патканова. Длительное время в отечественной историографии существовала, а в зарубежной продолжает бытовать вплоть до настоящего времени, тенденция, усматривающая в факте включения Сибири в состав Российского государства исключительно негативные стороны для коренных этносов. Имелись в виду жестокий колониальный гнет, истребление,

нещадная эксплуатация коренных жителей со стороны более развитого русского населения, болезни, алкоголизм, нищета, голод. Вследствие этих процессов выводилось утверждение о постепенном вымирании коренного населения Сибири, исчезновении целых племен, этнических групп и народностей.

Такую тенденцию в понимании социально-экономических процессов, происходивших в Сибири, заложил один из основоположников областничества Н. М. Ядринцев. Он демонстрировал это утверждение на примере ряда народов, в том числе и степных «минусинских инородцев». Так, по его мнению, «минусинских инородцев» (предков современного тюркоязычного хакасского народа) в 1851 г. было 40 470 чел., а в 1868 г. осталось только 37 153 чел.

С появлением такой фундаментальной работы С. К. Патканова, как «Племенной состав населения Сибири», этот тезис подвергся сомнению. Ученый на конкретных цифрах Всероссийской переписи 1897 г. показал, что происходит значительный рост численности коренного населения, в том числе и тюркоязычного. Эта тенденция была показана им на основе широких достоверных статистических материалов. Тем самым Патканов доказывал несостоятельность областнической традиции, которая критиковала деятельность царского правительства по управлению инородческим населением Сибири.

Список источников и литературы:

1. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Л. Р. Кызласов, К. Г. Копкоев, Г. Ф. Быконя и др.; Отв. ред. Л. Р. Кызласов; Хакас. НИИ яз., лит. и истории. М. : Наука : Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. 523, [1] с.
2. Катионов О. Н. Имперский подход к научному изучению крестьянского землепользования и землеустройства в Сибири в 80–90-е гг. XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 5 (25). С. 129–137.
3. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири : Статист. материалы для освещения вопр. о вымирании первобыт. племен : (Представлено в заседание Ист.-филол. отд. 10 марта 1910 г.) / С. Патканов. СПб. : Имп. Акад. наук, 1911. [4], 210 с.
4. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных

специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.]. СПб., 1911–1912.

5. Патканов Серафим Керович // Армянская энциклопедия : [сайт]. URL: http://ru.hayazg.info/Патканов_Серафим_Керович (дата обращения: 01.12.2021).

6. Сибирская газета. 1881. № 29. 13 сент.

7. Скобелев С. Г. Демография коренного населения Сибири: объективистское направление в дореволюционной отечественной историографии (материалы для учебного курса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. № 5. С. 6–11.

8. Скобелев С. Г., Кузнецова Е. В. Источники по изучению демографии коренного населения Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – втором десятилетии XX века: местные и общероссийские переписи (материалы для учебного курса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. № 5. С. 18–24.

9. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее / [соч.] Н. М. Ядринцева. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. XII, 479 с.

А. А. Алаторцева

ВКЛАД И. А. ЛОПАТИНА В ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье представлены ключевые этапы геолого-географического исследования Восточной Сибири и Дальнего Востока И. А. Лопатиным. Раскрыт вклад Красноярского исследователя в развитие географии, геологии, археологии. приведен перечень его прижизненных изданий, хранящихся в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Витимская экспедиция, Туруханская экспедиция, геология.

На базе Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края разрабатывается электронный ресурс «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых». Задачей проекта стало объединение биографических, научных данных об ученых Красноярского края, формирование авторитетной базы научных школ Красноярья. С 1822 по 1925 годы территория современного Красноярского края составляла Енисейскую губернию, поэтому в разрабатываемый электронный ресурс вошли и данные о научных деятелях, исследовавших Енисейскую губернию на разных этапах ее существования.

Наука в губернии развивалась самоотверженными усилиями энтузиастов. Центром, направлявшим научные исследования в Сибири, являлся Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

Горный инженер Иннокентий Александрович Лопатин (1839–1909) был известен своей неутомимой деятельностью как человек, который не щадит никаких усилий на пользу науки. О нем писали: «... только при поручении экспедиции г. Лопатину можно будет поручиться за успех дела... и с уверенностью можно сказать, что этот истинный труженик науки вполне сумеет... оправдать доверие Отдела и правительства...» [1].

И. А. Лопатин впервые провел геологическое исследование низовьев Енисея и указал на будущие перспективы промышленного освоения норильских медно-никелевых месторождений, исследовал обширный район среднего и верхнего течения реки Енисей, низовьев Ангары. Он сделал научный анализ происхождения и развития рельефов и геологического строения западной части Сибирской платформы. Лопатин И. А. вел комплексное изучение районов, в том числе давал описание археологических памятников и этнографическую характеристику русского населения и коренных народов Сибири.

В 1860 году Иннокентий Лопатин в Петербурге окончил Горный институт, и ему был присвоен чин поручика Корпуса горных инженеров.

Первым его поручением стал анализ состояния золотодобычи в Енисейском крае. На изучение Енисейских золотых промыслов у Лопатина ушло около полутора лет. В результате этих исследований была написана статья «О золотых промыслах Енисейского округа». Она была передана генерал-губернатору

Восточной Сибири М. С. Корсакову, но осталась неопубликованной, затерявшись в «дебрях губернаторских канцелярий». Но, несмотря на это, та тщательность, с которой работал Лопатин, была замечена и послужила основанием для назначения его на должность чиновника особых поручений при горном отделении Главного управления Восточной Сибири в Иркутске.

В 1862 году произошло одно из крупнейших землетрясений на Байкале. Когда-то на месте залива расстилалась Цаганская степь, которая была частью обширной дельты Селенги. Цаганское землетрясение 12 января 1862 года (31 декабря 1861 года по старому стилю) было страшной трагедией, которая унесла множество жизней. Оно стало первым задокументированным сейсмическим событием в Восточной Сибири, пробудившим в России интерес к изучению этого явления природы и дало толчок к развитию отечественной сейсмологии. В результате Цаганского землетрясения образовался новый залив – Провал. Изучение последствий землетрясения было поручено И. Лопатину.

В течение января-февраля 1862 года Иннокентий Александрович исследовал район устья Селенги. Он опубликовал собранные сведения в начале февраля 1862 года в иркутской газете «Амур». По его свидетельству, «прежние берега Селенги высились над льдом около сажени (2,13 метра), а теперь и берега и лед в одном уровне», а на упоминавшемся выше уступе «продольные трещины шириной в аршин (0,7 метра), глубиной до 5 саженей (10 метров) ясно показывают, что местность, лежащая внизу, опустилась» [2]. Лопатин составил об увиденном подробный отчет. За этот труд его избрали действительным членом Географического общества и удостоили серебряной медали. К сожалению, сам отчет оказался утраченным. И. А. Лопатин стал одним из первых исследователей, обративших внимание на сейсмичность побережий южного Байкала.

В июне 1862 года И. Лопатин был назначен начальником 2-й Уссурийской золотоискательной партии. Почти четыре месяца он тщательно исследовал район р. Суйфуна и прилегающих к нему окрестностей в поисках золотоносных россыпей. Убедившись, что золота, годного для разработки, в этом районе нет, он послал об этом рапорт губернатору. Но Лопатин это не тот человек, который мог сидеть сложа руки. И, в ожида-

нии следующих заданий, он стал анализировать и обрабатывать сведения, полученные от местных жителей. В результате в «Горном журнале» была опубликована статья «О китайской золотопромышленности в Маньчжурии и южной части Приморской области».

18 апреля 1865 г. И. Лопатин выехал из Иркутска в начальный пункт маршрута Витимской экспедиции – Баргузин (один из пяти исторических городов Бурятии, имевший статус города с 1783 по 1927 год). Он писал: «Разъезжая по разным местностям Восточной Сибири, от северной части Енисейской тайги до корейской границы, я нигде не встречал страны печальнее вершин этого хребта. Низкие окрестные горы не позволяют видеть что-нибудь вдаль, хотя вся эта местность сама по себе господствует над всею Баргузинской страной. Из живых существ на этом водоразделе нам встретились две, три вороны и только раз видели там след оленя» [3].

Дорога была очень трудна. На преодоление 2-3 км мог уйти целый день. Когда поднимались на возвышенность, вьючные лошади падали, скатываясь вниз, и часть вьюков приходилось переносить на плечах на самую вершину хребта. Витимское плоскогорье было суровым и непреступным. За время экспедиции Лопатин собрал коллекцию горных пород (1310 номеров), исследовал золотые прииски системы р. Витима и произвел детальную геологическую и топографическую съемку верхнего течения р. Витима и его притоков. Б. К. Поленов, готовивший к изданию дневники экспедиции, писал, что «полнота и тщательность наблюдений И. А. Лопатина... заставляют считать этот «Дневник» одним из наиболее обстоятельных трудов по географии и геологии Сибири, а имя И. А. Лопатина ставят в один ряд с именами наиболее известных исследователей Сибири: Кропоткина, Шмидта, Черского, Чекановского, Пржевальского, Маака, Шперка, Чихачева и других» [4].

В этом же 1865 г. Лопатину был присвоен очередной чин штабс-капитана.

Следующей крупной экспедицией была Туруханская экспедиция, которая отправилась 20 мая 1866 г. из города Енисейска. Ее инициировал генерал-губернатор Восточной Сибири Михаил Семенович Корсаков. Его заботила судьба Севера, районы которого были совершенно не изучены. Руководить

экспедицией было поручено Иннокентию Александровичу Лопатину. Она снаряжалась Сибирским отделом Географического общества для всестороннего изучения низовьев Енисея и в первую очередь для выявления и описания каменноугольных и графитовых месторождений. И. А. Лопатин был первым геологом, посетившим низовья Енисея. Дневник его экспедиции увидел свет только в 1897 г., но этот документ так и остался единственным геологическим описанием этого района. Только через полвека Енисейский север вновь посетили геологи. В дневнике И. Лопатин подробно описал встретившиеся ему обнажения горных пород, произвел обильные сборы фауны из мезозойских отложений. Разработанная им схема стратиграфии района осталась неизменной вплоть до 20-х гг. XX в.

В этой экспедиции Лопатин понял перспективную ценность Норильского медно-никелевого месторождения, ставшего через три четверти века крупнейшим не только в стране, но и в мире.

После окончания экспедиции И. А. Лопатин поехал в Петербург, где занялся обработкой собранных Туруханской и Витимской экспедициями коллекций. Коллекций было так много, что он не успел их все обработать до отъезда и оставил на хранение в минералогической лаборатории Петербургского университета. Сотрудники университета продолжили обработку лопатинских коллекций, и впоследствии петрографом Б. К. Поленовым в 1895 г. был издан дневник Витимской экспедиции.

3 февраля 1867 года за заслуги в проведении Витимской и Туруханской экспедиций И. Лопатин был награжден орденом Владимира 4-й степени. В августе этого же года горных инженеров переименовали из военных чинов в гражданские. Это было связано с ликвидацией военизированного Корпуса горных инженеров. И в 1868 г. Иннокентию Александровичу присвоили звание коллежского асессора. В это время Лопатин начал экспедицию по изучению Сахалина. Дорога была трудна. Для прохождения пути нужен был проводник, но желающих сопроводить его не нашлось. Только один местный житель вылезался, но и тот весь путь проделать с экспедицией отказался. Лопатин принял решение идти пешком вдоль берега острова на север в сопровождении четырех своих постоянных рабочих. В запасе на весь остаток пути у него оставалось 40 кг сухарей.

За год экспедиции по острову Лопатин полностью осмотрел всю южную часть Сахалина, его восточное побережье от полуострова Терпения до устья р. Набиль. Он осмотрел все известные выходы каменноугольных пластов и открыл несколько новых. Его первая геологическая карта острова послужила основой для всех дальнейших работ.

Одной из важнейших геологических заслуг И. А. Лопатина стал анализ полученных им данных об изученных во время его экспедиции девяти месторождений угля в различных частях Южного Сахалина. Впоследствии его выводы о большой перспективности угленосности острова были подтверждены многими исследователями.

За заслуги в проведении Сахалинской экспедиции И. А. Лопатин был награжден орденом Станислава 2-й степени. Горный департамент присвоил Лопатину очередной чин надворного советника. Но в 1870 году по состоянию здоровья Лопатин подал в отставку, после чего продолжил дело своего отца и занялся золотопромышленностью.

Русское минералогическое общество избрало его своим деятельным членом.

Старый друг, участник всех поездок И. А. Лопатина академик Ф. Б. Шмидт предложил Академии наук использовать опыт И. А. Лопатина для проведения нескольких весьма важных исследований. И Иннокентий Александрович отправился в очередную экспедицию в 1873 году. Район исследования находился неподалеку от Красноярска. В этом месте был найден большой кусок самородного железа. При исследовании Лопатин склонялся к тому, что найденное в этой местности железо было метеоритного происхождения. А из осадочных пород он собрал большую коллекцию окаменелостей. Эти находки позволили в дальнейшем разработать обоснованную стратиграфию этого района.

Летом 1877 г. состоялась одна из крупнейших экспедиций Лопатина – на Подкаменную Тунгуску. Она стала блестящим завершением его экспедиционной деятельности. Там он изучил геологическое строение западной части Сибирской платформы, в частности Тунгусские синеклизы. Огромное значение имело детальное описание силурийских отложений и большая

палеонтологическая коллекция, собранная на Подкаменной Тунгуске. Наиболее важным стало открытие большой площади распространения траппов в верхней части изученного течения реки, открытие фаунистически охарактеризованных силурийских отложений и серии байкитских песчаников. В одном из писем Ф. Б. Шмидту (от 11 июля 1878 г.) И. Лопатин сообщает, что за время поездки он собрал большую коллекцию окаменелостей девонского возраста, таких же, как он раньше привозил из окрестностей Бейского озера, и получил несколько новых интересных фактов, подтвердивших составленную им в 1876 г. стратиграфическую колонку Минусинско-Ачинского края.

После отставки в 1870 г. его поглотила другая страсть – археология. К этому времени его дела в золотопромышленности шли хорошо, и он был достаточно обеспечен, чтобы вести раскопки за свой счет. Начав серьезные занятия археологией, И. А. Лопатин не прерывал их до самых последних лет жизни. Он создал множество коллекций археологических находок, добросовестно собрал все имеющиеся сведения об археологических памятниках края для передачи их специалистам. Так, собранная им коллекция предметов бронзового века южной части Сибири, сыграла значительную роль в истории археологии. В благодарность за то, что Лопатин передал в распоряжение Археологической комиссии для научной обработки свою коллекцию древностей бронзового века Сибири, в 1888 году его утвердили в звании члена-корреспондента Археологической комиссии. Вся археологическая коллекция была передана в Московский исторический музей, рукописные дневники и отчеты об экспедициях частично попали в разные архивы, частично исчезли бесследно.

Ф. Н. Чернышев писал, что «... если самому Лопатину не удалось опубликовать полностью свои наблюдения, то наука обязана ему тем, что он позаботился привести свои коллекции и дневники в образцовый порядок и передать их в надежные руки для обработки» [5]. Рукописи И. А. Лопатин вел тщательно, документально точно. Наряду с результатами современных исследований они могут служить фактическим материалом при изучении описанного им района. В этом вечная ценность трудов И. А. Лопатина и его величайшая заслуга перед отечественной наукой.

В Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края можно найти много материалов о знаменитом красноярском геологе. Так, в монографии И. Л. Клеопова «И. А. Лопатин: очерки жизни и научной деятельности. Неопубликованные дневники и письма» представлен биографический очерк о нем и сведения о научной деятельности, ранее неопубликованные рукописи И. А. Лопатина, снабженные пояснительными текстами и комментариями, и некоторые из его писем.

В фонде библиотеки хранятся и уникальные прижизненные издания И. А. Лопатина: «Дневник Витимской экспедиции 1865 года, обработанный Б. К. Поленовым» (1866) [6], «Некоторые сведения о ледяных слоях в Восточной Сибири» (1876) [7], «Дневник Туруханской экспедиции 1866 г.: с картой, рисунками и чертежами» (1897) [8].

Дневники экспедиций хранятся в отделе редкой книги в Юдинской коллекции.

Полный текст книги «Некоторые сведения о ледяных слоях в Восточной Сибири» оцифрован и доступен на сайте Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

Именем И. А. Лопатина названы высочайшая гора острова Сахалин, потухший вулкан в Северном Прибайкалье, мыс, который находится в южной части западного побережья острова Сахалин, несколько видов ископаемых животных и растений. Эти названия увековечивают память о неутомимом ученом, одном из первых исследователей Сибири и Дальнего Востока.

Список источников:

1. Клепов И. Л. И. А. Лопатин: очерк жизни и научной деятельности, неопубликованные дневники, письма / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т географии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск : Восточ.-Сибир. кн. изд-во, 1964. С. 191–192.
2. Великое байкальское землетрясение // Земля. Хроники жизни : [сайт]. 2017. 15 янв. URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2017-01-15-100349> (дата обращения: 09.12.2021).
3. Клепов И. Л. И. А. Лопатин ... С. 14.

4. Там же. С. 15.
5. Там же. С. 56.
6. Лопатин И. А. Дневник Витимской экспедиции 1865 года, обработанный Б. К. Поленовым. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1895. XIV, 283 с.
7. Лопатин И. А. Некоторые сведения о ледяных слоях в Восточной Сибири. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1876. 32 с.
8. Лопатин И. А. Дневник Туруханской экспедиции 1866 г. : с картой, рисунками и чертежами. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1897. IX, [1], 191, с.

Список литературы:

1. Потапов И. Ф. Енисейская губерния: история в документах и фотографиях. Красноярск : Офсет, 2008. 416 с.
2. Статейнов А. П. Золотой век Сибири. Красноярск : Буква Статейнова, 2012. 335 с.
3. Ощутимые землетрясения Прибайкалья за период 1900–1949 гг. по макросейсмическим данным // Байкальский филиал ФГБУ Федерального исследовательского центра «Единая геофизическая служба Российской академии наук» : [сайт]. URL: [https:// http://www.seis-bykl.ru/modules.php?name=Seismo_vz](https://http://www.seis-bykl.ru/modules.php?name=Seismo_vz) (дата обращения: 09.12.2021).

В. В. Хорина

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЛЕОАРХЕОЛОГИИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ: П. С. ПРОСКУРЯКОВ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ АЙДАШИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

В конце XIX века в Енисейской губернии силами местных исследователей были сделаны первые научные открытия в области археологии и палеонтологии, в том числе в этот период были изучены пещеры в окрестностях Красноярска и в Ачинском уезде. Одним из ценных археологических памятников древних религиозных культов является Айдашинская пещера, впервые обследованная преподавателем Красноярской учительской семинарии П. С. Проскуряковым в 1897 и 1899 годах.

Ключевые слова: Енисейская губерния, спелеоархеология, Айдашинская пещера, Д. С. Каргополов, П. С. Проскураков.

В конце XIX века в Енисейской губернии не существовало ни университетов, ни, тем более, научно-исследовательских институтов (ближайшим научным учреждением был Императорский Томский университет, открывшийся в июле 1888 года), но наука здесь уже была.

В столице губернии Красноярске имелись мужская и женская гимназии, акушерско-фельдшерская школа, учительская и духовная семинарии и еще несколько учебных заведений, преподавательский состав которых составлял на тот момент одну из самых образованных и передовых страт местного общества. Многие из этих людей были не только отличными учителями, но и неравнодушными и пытливыми исследователями губернской истории, археологии, геологии и т. д. Во многом благодаря именно им на территории Приенисейского края состоялись первые серьезные научные открытия.

Весьма известна в этом плане так называемая «савенковская школа палеолита». Такое определение дал группе красноярских педагогов-исследователей, сформировавшейся вокруг первого директора Красноярской учительской семинарии Ивана Тимофеевича Савенкова – известного в масштабах всей России археолога, знаменитый советский археолог В. Е. Ларичев [1]. К этой группе обычно относят преподавателей А. С. Еленева и П. С. Проскуракова, а также окончивших учительскую семинарию и крепко «заразившихся» в ней от И. Т. Савенкова археологией С. С. Веселовского, А. П. Мостица и др.

Одним из наиболее интересных и плодотворных научных направлений в исследованиях «савенковской группы» была спелеоархеология. В частности, А. С. Еленев и П. С. Проскураков обследовали более сотни пещер в окрестностях Красноярска и далее: по берегам рек Бирюса, Белый и Черный Июс, в районе устья р. Караульной, на Торгашинском хребте и т. д. В них исследователи обнаружили массу артефактов, представляющих собой свидетельства древних эпох от палеолита до железного века (как костные останки различной местной фауны, так и многочисленные предметы, созданные человеком: от са-

мых примитивных каменных орудий до настоящих произведений древнего искусства из кости, меди, бронзы и т. д.) [2; 3; 4].

Мы рассмотрим только один из эпизодов, иллюстрирующих становление «пещерной археологии» на территории Енисейской губернии: обнаружение и первый этап исследования Айдашинской пещеры недалеко от г. Ачинска. Он тоже связан с учителем истории, географии и естествознания Красноярской учительской семинарии П. С. Проскураковым.

Павел Степанович Проскураков (1857–1919) – выпускник физмата Санкт-Петербургского университета, приехал в Красноярск в 1883 году и сразу был утвержден на должность учителя приготовительного класса Красноярской губернской гимназии и учителя истории и географии при Красноярском уездном училище. В 1885 году Проскураков перевелся в Красноярскую учительскую семинарию, возглавляемую как раз И. Т. Савенковым [5; 6]. Здесь, собственно, и началась его интересная и достаточно плодотворная научная биография.

Из докладной записки, написанной рукой Павла Сергеевича и адресованной ректору Императорского Томского университета (куда Проскураков был переведен в 1900 году) мы узнаем, что перечень его внеслужебных занятий в г. Красноярске не ограничивался поиском и изучением памятников археологии. Так, в 1892–1896 годах он, по поручению Енисейского губернатора, предпринял несколько поездок по губернии с целью изучения насекомых, вредящих злаковым посевам, и выработки возможных мер борьбы с ними. Кроме того, здесь же Павел Сергеевич перечисляет все научные занятия и открытия своего красноярского периода жизни: в 1888 году исследовал в археологическом и палеонтологическом отношении пещеры, расположенные по берегам рек Белый и Черный Июс (в Ачинском уезде) по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, членом которого являлся с 1886 года (кроме всего прочего обнаружив на стене Тохзасской пещеры руническую надпись); в феврале 1889 года стал первым консерватором только что открывшегося Красноярского городского музея и работал в этой должности до 1892 года, составив неплохие коллекции палеонтологических, археологических, минералогических, ботанических, энтомологических и других экспонатов; в 1892 году (сначала по личной

инициативе, затем по поручению Имп. Академии наук) изучал Торгашинские пещеры под Красноярском, собрав богатую коллекцию послетретичной фауны и обнаружив при этом новый вид коралла; в 1894–1895 годах производил раскопки курганов в районах дд. Карымской, Татарской и с. Ладейского Красноярского уезда по поручению Имп. Археологической комиссии; в 1897 и 1899 годах исследовал Айдашинскую пещеру (вновь по поручению Археологической комиссии); за оказание помощи французскому археологу барону Жозефу де Баю в его изысканиях по берегам р. Енисея и определении материала, собранного на Афонтовой горе, был награжден французской Академией изящных наук орденом *Officier d'Academie* («Сотрудник Академии») [7; 8].

Результаты своих исследований Павел Степанович обычно сразу же публиковал, как в материалах сибирских и красноярских научных обществ, членом которых являлся, – «Отчетах» Общества врачей Енисейской губернии, «Известиях» ВСОРГО и Красноярского подотдела ВСОРГО, так и в более престижных «Отчетах Имп. Археологической комиссии» [9].

В сентябре 1896 года П. С. Проскуряков, на тот момент уже хорошо известный в городе исследователь, получил письмо Енисейского губернатора о том, что в августе того же года в Ачинском округе была найдена пещера, из которой извлекают какие-то старые кости, а также предметы, созданные человеком. На самом деле местные жители знали о ней намного раньше – первый спуск в пещеру состоялся в 1850 году. Примерно с этого же времени ходили стойкие слухи о спрятанных там сокровищах. А в начале 1880-х годов крестьяне организовали артель и стали раскапывать пещеру, доставая различные бронзовые, медные и костяные предметы и охотно сбывая их любителям древностей [10]. Возможно, что и П. С. Проскуряков знал о существовании Айдашинской пещеры еще до того, как получил известие от губернатора. Строго говоря, настоящим первооткрывателем этого памятника археологии логичнее всего считать Дмитрия Семеновича Каргополова – выпускника все той же Красноярской учительской семинарии, археолога-любителя и страстного приверженца идеи повсеместного открытия местных краеведческих музеев. Именно Д. С. Каргополов, бывший в это время учителем арифметики и геометрии

Ачинского уездного училища, первым сообщил о существовании Айдашинской пещеры властям и научной общественности после того, как лично проверил слухи о таинственной «Девичьей яме» в 14 км к юго-западу от г. Ачинска, выкупив у крестьян – «черных копателей» несколько найденных там наконечников стрел и других предметов. В «Известиях ВСОР-ГО» за 1889 год было опубликовано сообщение Д. С. Каргополова «Пещера близ Ачинска», датированное 6 октября 1888 года [11]. Кстати, Д. С. Каргополов (1858–1923) – обычный учитель (хоть и весьма талантливый, судя по воспоминаниям его учеников), оставил в истории Енисейской губернии яркий след как единственный человек, основавший здесь два городских музея и городскую библиотеку: в 1887 году – библиотеку и музей в г. Ачинске, и в 1912 году – Канский краеведческий музей, благополучно действующие до сих пор [12].

В августе 1897 года П. С. Проскураков получил открытый лист Имп. Археологической комиссии на проведение раскопок в Айдашинской пещере с предоставлением 200 рублей на необходимые траты [13]. В ходе первых пробных разведок он обнаружил внутри несколько сильно перекопанных камер, основные площади которых, как и многие боковые ходы, были завалены извлеченным здесь же известковым щебнем и обломками известняковых натеков, в результате чего все культурные слои оказались безнадежно перемешаны.

В 1897 году Павел Степанович обнаружил в пещере большое количество различных предметов, наиболее интересными из которых оказались медная застежка с изображением медвежьих головок, медное литое изображение совы, пряжка с изображением барса, медная бляха с оленем «в профиль», 2 бронзовых зеркала, более 100 костяных, бронзовых и железных наконечников стрел треугольной и листовидной формы, кости мелких животных: росомахи, лисы, соболя, козы, глухаря, рябчика и т. д. Составив интересную, хотя и разновременную, коллекцию, П. С. Проскураков пришел к выводу, что Айдашинская пещера, скорее всего, на протяжении нескольких веков служила культовым местом, где приносились жертвы богам или духам [14; 15]. Хронологически находки принадлежали разным эпохам – от неолита до железного века (примерно от второй пол. I тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия н. э.).

После проведения раскопок П. С. Проскуряков закрыл вход в пещеру. Но, как оказалось, нанятые им для работ местные крестьяне продолжали копать самовольно в надежде все-таки найти здесь настоящий клад. Мало того, пытаясь добраться до нижнего яруса пещеры, они прорыли прямо в толще горы, со стороны Айдашинского озера, боковой ход длиной почти 28 метров, потратив на это более полугодя. В итоге они попали в нижнюю камеру и вырыли в ней широкую яму глубиной примерно 6,5 метров. Но так и не обнаружив «заповедной двери» в сокровищницу, бросили работу [16].

28 декабря 1898 года П. С. Проскуряков написал Енисейскому губернатору докладную записку, в которой сообщил, что находит нецелесообразным проводить дальнейшие раскопки пещеры по нескольким причинам: во-первых, для этого недостаточно выделенной ему суммы денег, во-вторых, он не уверен, что затраты оправдаются результатами раскопок. Кроме того, Павел Степанович признался, что идея прокопать боковой ход в пещеру принадлежит ему, но он не давал такого поручения своим рабочим, они сделали это без его ведома. 27 декабря сего года ему пришло письмо от одного из «кладоискателей» (слесаря Е. Краснощекова), в котором тот сообщает, что они с товарищами достали из пещеры через новый ход «разные вещи». П. С. Проскуряков был обеспокоен тем, что какие-то из этих «вещей» могут иметь археологическую ценность, но кладоискатели не придадут им должного значения, и в итоге важные предметы будут потеряны для науки. Павел Степанович покорнейше просил губернатора дать указание ачинскому полицейскому исправнику выяснить все обстоятельства самовольных раскопок и судьбу найденных в пещере артефактов [17].

Уже 29 декабря Енисейский губернатор дал ачинскому исправнику соответствующее предписание. 4 февраля 1899 года тот представил губернатору свой рапорт по этому вопросу, в котором сообщил сведения о раскопках и о составе производившей их артели Краснощекова, а также о том, что часть серебряных, бронзовых и костяных предметов Краснощеков продал золотопромышленнику Рытову. Еще несколько десятков артефактов (костяные наконечники стрел, медную бляху с изображением коня, белую стеклянную бусину с черными

глазками и голубой каймой и т. д.) исправнику удалось изъять у кладоискателей [18; 19].

26 февраля 1899 года помощник ачинского исправника по его поручению произвел осмотр пещеры и сделал заключение, что артель Краснощекова вела раскопки без малейшего соблюдения правил техники безопасности, во многих местах теперь имеется риск обрушения свода, что делает дальнейшие работы здесь опасными [20].

В апреле 1899 года ачинский уездный исправник, по приказу губернатора, отправил изъятые у Е. Краснощекова предметы в Имп. Археологическую комиссию [21]. В это же время Краснощеков подал прошение губернатору о вознаграждении его артели деньгами за раскопки Айдашинской пещеры – в качестве возмещения понесенных убытков. На это он получил категоричный ответ, что никакого вознаграждения не будет, поскольку ему никто не давал такого поручения, и он вообще не имел права производить самовольные раскопки, так как явно преследовал не научную цель, а искал клад [22].

Письмом от 8 мая 1899 года Имп. Археологическая комиссия уведомила Енисейского губернатора, что в текущем году вновь поручает дальнейшие раскопки Айдашинской пещеры П. С. Проскурякову [23]. В 1899 году Проскуряковым было найдено около 700 различных артефактов – от костяных неолитических наконечников стрел до медно-бронзовых и железных украшений и культовых предметов Кулайской и Тагарской культур и даже отдельных вещей эпохи раннего средневековья в Сибири [24]. Большая часть той самой «коллекции П. С. Проскурякова», к сожалению, была утеряна, но часть ее все-таки успели передать в будущий Московский государственный исторический музей, кое-что сохранилось в местном Ачинском краеведческом музее. Краткие сведения о раскопках Проскурякова в Айдашинской пещере были опубликованы в «Отчетах Имп. Археологической комиссии» [25; 26].

В 1900 году П. С. Проскуряков уехал из Красноярска, получив должность помощника инспектора студентов Имп. Томского университета. После этого Айдашинская пещера долго оставалась без внимания исследователей. Только в 1974 году, когда она оказалась под угрозой уничтожения, поскольку находилась в зоне, предназначенной для разработки известняково-

го карьера, в пещере силами сотрудников Института истории, филологии и философии СО РАН СССР (г. Новосибирск) были организованы раскопки под руководством В. И. Молодина [27].

Айдашинская пещера сохранилась, увидеть ее можно и сейчас.

Список источников и литературы:

1. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1969. Ч. I. С. 52.

2. Вдовин А. С., Макаров Н. П. Еленев А. С. : материалы к биографии. Красноярский период // Енисейская провинция : альманах. Красноярск, 2009. Вып. 4. С. 341–347.

3. Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества / Краснояр. краев. краевед. музей. Красноярск : Кн. изд-во, 1989. С. 131–189.

4. Макаров Н. П., Макарова Н. А., Вдовин А. С. Материалы к биографии и научной деятельности П. С. Проскурякова // Становление Красноярска как экономического и общественно-политического центра Енисейской губернии (к 370-летию г. Красноярска, 80-летию Государственной архивной службы России) : Архивные чтения : тезисы докладов и сообщений научно-практ. конф. Красноярск : РИО КГПУ, 1998. С. 89–95.

5. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 398.

6. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф. 8400-1/1387-58.

7. КККМ. О/ф. 8400-1/1387-60.

8. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 236. Л. 6.

9. Проскуряков П. С. Июские пещеры // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XX, вып. 2. Иркутск, 1889. С. 45–78 ; Он же. Отчет о предварительном исследовании Июских пещер // Там же. Т. XXI, вып. 4. Иркутск, 1890. С. 20–25 ; Он же. К материалам постплиоценовой эпохи в окрестностях г. Красноярска : Торгашинская пещера // Отчет Общества врачей Енисейской губернии за 1892–1893 гг. Красноярск, 1893. С. 20–30 ; Он же. Отчет о курганных раскопках в окрестностях д. Карымской, д. Тагарской и с. Ладейского Красноярского округа Енисейской губернии // Отчет Имп. Археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1896. С. 152–157; Он же. Заявление об исследовании Торгашинских пещер в палеонтологическом отношении // Известия Красноярского подотдела ВСОИРГО. Вып. 2. Красноярск, 1901. С. 26–28; и др.

10. Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. С. 9–21.
11. Каргаполов Д. С. Пещера близ Ачинска // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1889. Т. 20. Вып. 1–2. С. 34.
12. Хорина В. В. Провинциальная наука: городские музеи и научные общества Енисейской губернии последней четверти XIX – начала XX вв. Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2018. С. 152–161.
13. КККМ. О/ф. 8400-1/1387-37.
14. Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Указ. соч. С. 9–21, 14.
15. Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 год. СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1900. С. 52–54.
16. Отчет Императорской археологической комиссии за 1899 год. СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1902. С. 137–138.
17. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2931. Л. 1.
18. Отчет Императорской ... за 1899 год. С. 138.
19. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2931. Л. 2–5.
20. Там же. Л. 12–13.
21. Там же. Л. 8–10.
22. Там же. Л. 11, 16–20.
23. Там же. Л. 15.
24. Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Указ. соч. С. 9–21.
25. Отчет Императорской ... за 1897 год. Там же.
26. Отчет Императорской ... за 1899 год. С. 105, 137-138.
27. Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 208 с.

В. В. Чернышов

**КРАЕВЕД И ЭТНОГРАФ А. А. САВЕЛЬЕВ.
ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

В статье на основе анализа материалов фондов Государственного архива Красноярского края рассказывается о жизни А. А. Савельева – этнографа, исследователя Приангарского края.

Ключевые слова: ссылка, Красноярский подотдел Русского географического общества, этнография, краеведение, Енисейский уезд.

В «Государственном архиве Красноярского края» на хранении находится личный фонд краеведа и этнографа Антона Антоновича Савельева. Составляющие его документы представляют собой интересные материалы, собранные А. А. Савельевым во время нахождения в ссылке на территории Енисейского уезда в 1909–1916 годах. Анализ этих документов, а также материалов Енисейского губернского управления, Енисейской земской управы, Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества свидетельствует, что судьба самого А. А. Савельева не менее интересна, чем собранные им материалы. Ведь в ней отражается история человека, жившего в переломное для страны время и активно участвовавшего в происходивших в ней событиях.

Родился Антон Антонович Савельев 29 марта 1875 года [1] и, несмотря на простое происхождение (он происходил из крестьян Витебской губернии) [2], закончил археологический институт [3], получив филологическое и археологическое образование [4]. Как видно из документов до ссылки в Енисейскую губернию А. А. Савельев проживал в Санкт-Петербурге, где сначала работал помощником ревизора, а потом служил доверенным по делам частных лиц при Государственном банке [5].

Одновременно Антон Антонович занимался научной деятельностью и даже добился определенных успехов в этой сфере. «Еще ранее, до ссылки, в Петрограде, интересовался сибирской географией, бытом многообразного населения ее, и мои труды – весь довольно обильный материал, собранный мною по фольклору и этнографии местного населения, поступил в распоряжение Императорского Русского географического общества», – не без гордости писал он, уже будучи ссылкой в одном из прошений, адресованных енисейскому губернатору [6].

По своим политическим воззрениям молодой ученый был социалистом-революционером и с 1902, как он позже писал, «принимал участие в общественно-революционном движении» [7]. За это А. А. Савельев неоднократно арестовывался полицией, а в 1909 году был приговорен Петербургским военно-

окружным судом к восьми годам каторги, которая была вскоре заменена ссылкой в Енисейскую губернию [8].

В губернии А. А. Савельев сначала проживал в селе Бельском Бельской волости Енисейского уезда. Из-за материальных затруднений он первоначально пытался заняться, по его выражению, «прибыльным сельским хозяйством», однако, израсходовав на это еще большое количество денег, оставил это занятие [9] и снова обратился к этнографическим исследованиям – составил словарь из 250 местных слов, записывал песни, собирал предметы народного быта и даже предполагал в летние месяцы провести раскопки близ села Пировское [10]. О научных занятиях ученого-ссыльного из Санкт-Петербурга вскоре стало известно в округе и местный благочинный даже доверил ему разборку и приведение в порядок архива Благовещенской церкви села Бельского, а также предложил ему заняться аналогичной работой в архивах церкви и монастырей города Енисейска [11].

В это же время А. А. Савельев устанавливает отношение с Красноярским подотделом Русского географического общества и становится его вкладчиком, то есть собирает для подотдела и Красноярского музея научные коллекции. В «Государственном архиве Красноярского края» находится интересный документ – ходатайство распорядительного комитета подотдела перед енисейским губернатором о разрешении ссыльному А. А. Савельеву передвигаться с научными целями по территории Енисейского уезда. В нем сам Савельев характеризуется как «серьезный и трудолюбивый исследователь, обладающий достаточной научной подготовкой и вполне владеющий методами исследования». «Исполненные им работы», – сообщает подотдел – «сами по себе представляют ценное научное приобретение, а с другой стороны дают право надеяться, что в лице Савельева, изучение края будет иметь обещающего работника и может рассчитывать на серьезный успех» [12]. Интересен и тот факт, что в этом документе, датированном 24 января 1912 года, А. А. Савельев впервые официально называется Антоном Антоновичем, хотя раньше в официальных документах и даже подписанных им прошениях он назывался как Антон Александрович.

Из документов неясно, почему Савельев сменил отчество, но возможно это связано с его политической деятельностью, которую он не оставлял. Так, в начале 1910 года у А. А. Савельева был проведен обыск, во время которого произошел его конфликт с полицейскими чинами, за что из села Бельского он был переведен в деревню Яркино Пинчутской волости [13].

В Яркино Антон Антонович Савельев продолжил заниматься научной деятельностью. Тем более с помощью Красноярского подотдела Русского географического общества он все же получил от властей разрешение на работу во всех Приангарских архивах – волостных, уездных, церковных, больничных [14]. При этом подотдел выделил ему на продолжение научных работ небольшую денежную сумму [15]. Результатом такой работы стали статьи «Элемент язычества в быту Приангарского населения», «Легенды Приангарского края с географическими элементами», «Медицинская самопомощь в Приангарье», «Праздники Приангарья», «Влияние уголовной ссылки на население Приангарского края», «Свадьба в деревне Яркиной Енисейского уезда» [16]. Статьи эти печатались в разных периодических изданиях, таких как журналы «Живая старина», «Сибирский архив», «Сибирский врач», «Сибирская деревня» [17].

В фонде «Енисейское губернское управление» сохранился своеобразный отчет А. А. Савельева о научных изысканиях в Приангарье, содержащийся в прошении енисейскому губернатору. В нем Антон Антонович тщательно описывает проведенную им работу и предстает, как увлекающаяся научными исследованиями личность. Так, например, в архиве Богучанской сельской лечебницы он нашел «превосходный статистический материал о заболеваемости как старожильческого населения, так и ссыльного элемента», в местных церковных архивах – «прекрасный статистический материал» о движении народонаселения и документы о миссионерской деятельности [18]. А вот как А. А. Савельев описывает архивы волостных правлений: «Здесь статистические данные о народонаселении, о росте культурной земельной площади, количестве скота, промыслов, податей и прочих повинностей дают весьма ясное представление о всех сторонах хозяйственно-экономической жизни населения. Решения же волостных сходов дают чудес-

нейший материал для суждения об обычном праве местного крестьянства. Кроме ряда только что указанных выше сведений, обозрение архивов доставило мне материал и чисто исторического характера, хотя материал этот по количеству своему весьма скудный. Церковные архивы, охватывая период времени в общем с 1753 года, хоть и освещают сравнительно неполно быт и положение местного духовенства, в то же время не выясняют взаимоотношений его к местному населению. Волостные архивы охватывают время приблизительно с половины минувшего XIX столетия и содержимое их для характеристики жизни волостей за последнюю половину прошлого столетия. Безусловно большой интерес представляет случайно найденные мною материалы об оказании правительством в начале XIX столетия экономической помощи местным инородцам-тунгусам» [19].

Кроме работы в архивах А. А. Савельев успешно собирает материальную коллекцию, для чего в декабре 1912 года, по проекции того же Красноярского подотдела ему разрешают приобрести фотографический аппарат [20].

Меняется и социальный статус А. А. Савельева. В 1914 году он переводится из ссыльных в крестьяне Пинчугской волости, что позволяет ему с 1915 по 1916 работать помощником волостного писаря Пинчугского волостного правления и секретарем местного волостного суда, а с 1916 по 1917 год войти в правление Богучанского кредитного товарищества [21].

Однако после Февральской революции 1917 года он покидает Енисейский уезд и уезжает в Пермскую губернию, где служит в уездном земстве в качестве лектора, заведует одним из лекторских районов, принимает участие в сельскохозяйственной переписи, состоит секретарем артели, редактором газет «Народная воля» и «Социалист-Революционер», заведующим отделом этнографии в местном Пермском музее [22]. Будучи убежденным социалистом-революционером, А. А. Савельев не принял Октябрьской революции и, по его словам, «принимал деятельное участие в свержении большевистской власти в Перми, за что неоднократно был обвиняем в «контр-революции» и два раза ставлен к стенке» [23].

В середине января 1919 года А. А. Савельев был избран Пермской городской думой на должность члена управы [24],

а с приближением Красной армии по распоряжению военных властей был эвакуирован из Перми сначала в город Ишим, а затем в Иркутск [25]. Однако Антон Антонович не стал жить в Иркутске, а уехал в хорошо знакомый Красноярск, где, как он писал в своем заявлении в Енисейскую губернскую управу, «знают меня Н. Н. Козьмин, К. А. Козьмина, А. Л. Тугаринов, М. В. Красноженова, покойный Ермолаев А. П. и весьма многие другие» [26]. Так начался новый красноярский этап жизни Антона Антоновича Савельева. Здесь он работал инструктором по внешкольному образованию губернской земской управы, а с 1920 по 1922 год – в музее Приенисейского края [27]. Однако в середине 1920-х годов Антон Антонович Савельев снова уезжает из Красноярска, на этот раз навсегда.

Список источников:

1. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 2
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6290. Л. 2.
3. ГАКК. Там же.
4. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 2.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6290. Л. 2.
6. ГАКК. Там же. Л. 38 об.
7. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 2.
8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6290. Л. 2.
9. ГАКК. Там же. Л. 8.
10. ГАКК. Там же. Л. 8 об.
11. ГАКК. Там же.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6 290. Л. 23.
13. ГАКК. Там же. Л. 5.
14. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 2.
15. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6290. Л. 38
16. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. Л. 1.
17. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. Л. 2.
18. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6290. Л. 39. Л. 39.
19. ГАКК. Там же.
20. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6290. Л. 30.
21. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 2.
22. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 2 об.

23. ГАКК. Там же.
24. ГАКК. Там же.
25. ГАКК. Там же.
26. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 226. Л. 3 об.
27. ГАКК. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

Н. В. Санжиева

ОСНОВАТЕЛЬ НОРИЛЬСКА Н. Н. УРВАНЦЕВ

Статья посвящена знаменитому российскому полярнику, исследователю, выдающемуся ученому Николаю Николаевичу Урванцеву, с чьим именем неразрывно связано рождение заполярного города Норильска.

Ключевые слова: город Норильск, Н. Н. Урванцев, экспедиция, медно-никелевое месторождение, основатель.

История заполярного города Норильска начинается в XX веке. В 1953 году поселок Норильск Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля перешел в новое для себя качество, став городом, и от этой даты идет его официальное летоисчисление. Но сколько лет населенному пункту, какую дату можно считать датой его основания? Здесь историки выстраивают разные версии. В качестве датировки основания населенного пункта исследователи не редко используют его первое упоминание в письменных источниках. Впервые Норильское зимовье, река Норильская, хребет Норильский Камень отмечены в материалах описи побережья Таймыра, выполненной Харитоном Лаптевым, начальником одного из отрядов Великой Северной экспедиции 1733–1743 годов. А слова «станок Норильское» появились на российских картах в 1884 году. Исследователи, придерживающиеся геологической истории норильской земли, предлагают разные отправные даты. 1920 год – открытие Норильского медно-никелевого месторождения научной экспедицией во главе с Н. Н. Урванцевым. Еще одно событие, которое рассматривают как основание для будущего города, – это «решение

о строительстве в Норильске полиметаллического комбината, сырьем для технологии должны были стать руды открытых месторождений «Норильск-1» летом 1935 года. С этого года начинается официальная история Норильского комбината. Стоит отметить 1939 год, когда 7 апреля было принято решение «Об отнесении к категории рабочих поселков населенного пункта Норильск Усть-Енисейского района Таймырского национального округа». И если у даты, от которой можно вести отчет истории города, есть разночтения, то в вопросе его основателя краеведы солидарны – Николай Николаевич Урванцев. Интересный исторический казус – нет официальной даты основания, но есть основатель города.

Николай Николаевич Урванцев родился в купеческой семье в 1893 году в городе Лукоянове Нижегородской губернии. В 1903 году поступил в Нижегородское реальное училище, которое окончил с отличием в 1911 году. В том же году он уехал в Томск с целью поступления в недавно открывшийся Томский политехнический институт. Жизнь в Томске в те времена была значительно дешевле, чем в Москве и Петербурге, к тому же там жил тогда его дядя (брат матери Н. М. Патапаев), и предполагалось, что молодой племянник будет жить у него [1]. Имея отличный аттестат, юноша поступил на механическое отделение без конкурса, но в следующем году перешел на горное, где проучился до 1918 года. По воспоминаниям самого Николая Николаевича, слушая лекции выдающегося геолога Владимира Афанасьевича Обручева, он понял, что именно горное дело и геология есть его призвание, позволяющее изъездить всю Сибирь. Будучи студентом, он работал в изыскательных партиях на Алтае, в Хакасии, в Минусинском районе Красноярского края.

Его знакомство с Таймыром произошло в 1919 году. В то время в научных кругах активно обсуждался вопрос освоения Северного морского пути. В 1918 году власть в Сибири оказалась в руках белогвардейцев во главе с Александром Васильевичем Колчаком. Как бывший полярник, он прекрасно понимал экономическое значение Северного морского пути для Сибири, России. Поэтому летом 1919 года Сибирский геологический комитет командировал в низовье Енисея своего научного сотрудника Н. Н. Урванцева. Вместе с ним в экспедиции участвовал Александр Сотников, чья семья (дудинские

купцы) еще в XIX веке предприняла первые попытки добычи угля и меди в Норильске. Н. Н. Урванцев в своей работе «Открытие Норильска» пишет: «Сотников, как уроженец низовья Енисея, мог быть очень полезен, так как местные условия, конечно, знал хорошо» [2]. Кроме того, заочное знакомство с норильскими месторождениями Н. Урванцева состоялось еще в 1915 году. В этот год А. Сотников собрал в Норильске образцы горных пород и попросил его научно обработать этот материал, который в 1919 году включил в опубликованную брошюру. Эта работа – своего рода первый научный отчет о географическом положении, климатических условиях и геологическом строении участка Норильского месторождения. Результатом работ, продолженных экспедицией 1919 года, стал вывод, что угольные месторождения будут крупными, способными решить проблему «обеспечения местным углем приходящих в устье Оби и Енисея морских и речных судов, которые были вынуждены до 30 % своего тоннажа загружать углем для обратного рейса» [3].

Позже экспедиция 1919 года, организованная при А. В. Колчаке, послужила поводом для ареста Н. Н. Урванцева. Первый арест состоялся в 1920 году, в этом же году были арестованы А. В. Колчак и А. А. Сотников. Но сразу после ареста он был освобожден и отправлен в качестве руководителя экспедиции в Норильск. А судьба А. А. Сотникова, как и А. В. Колчака, сложилась трагически, оба были расстреляны. Освобождение геолога Урванцева в 1920 году остается еще одним «загадочным» моментом в биографии ученого, поскольку неизвестно, что побудило молодую советскую власть его освободить. Биографы ссылаются на телеграмму, найденную в архиве: «Найти Урванцева, освободить и послать на север». Следующий арест последовал в 1938 году. Доктора геолого-минералогических наук, зам. директора Всесоюзного Арктического института Н. Н. Урванцева осудили по 58 статье, и часть лагерного срока, с 1942 по 1945 годы, он отбывал в «своем» городе в Норильлаге. Несмотря на досрочное освобождение в 1945 году, был оставлен в ссылке при комбинате до 1956 года. Николай Николаевич в письме к писателю-краеведу Д. К. Алкацеву объясняет свою связь с Колчаком следующим образом: «В 1919 году я работал геологом в Сибирском Геологическом Комитете при Томском технологическом Институте. Это научное учреждение никако-

го отношения к Колчаку не имело. Если рассуждать, что в это время было правительство Колчака, то стало быть профессура Института, Университета, преподаватели школ и другие научные работники, вели работу у Колчака. Ясно, что это чушь. Есть печатный отчет о работе Сибирского геологического Комитета 1919 г. Отпечатан в Томске. Это официальный документ. Там нет ни слова о Колчаке» [4].

Экспедиция 1920 года стала судьбоносной не только для Н. Н. Урванцева, но и для норильской земли, возможно, изменив вектор ее исторического развития. За сорок два дня экспедиция, состоявшая из пятнадцати человек, выполнила огромный объем работы. Впервые была составлена крупномасштабная инструментальная топографическая карта с рельефом, открыты новые месторождения каменного угля. Н. Н. Урванцев, занимаясь исследованием распространения пластов каменного угля, обнаружил на горе Рудной (название горы дано Н. Н. Урванцевым) две шлиры богатых сульфидных руд, в которых оказались промышленные содержания меди и никеля. Анализы на никель были сделаны им впервые. Несколько позже в собранных им образцах было определено наличие металлов платиновой группы, содержание которых превышало таковое в рудах канадского месторождения Садбери. Это первое открытие подобного типа руд в России, которое Николай Николаевич назвал Норильск-1, будучи уверенным, что в ближайшее время в Норильске найдут новые месторождения такого типа. Открытие Урванцевым медно-никелевых месторождений значительно расширило промышленные перспективы Норильска и поставило вопрос о возможности ведения в Заполярье круглогодичных работ, не имеющих аналога в мировой практике.

В 1921 году впервые была запланирована экспедиция с зимовкой. Во время этой экспедиции у подножья горы Рудной геологи группы Урванцева построили из местной лиственницы первый норильский деревянный дом на 10–12 человек. В качестве прокладки между венцами использовали мох, которого на севере достаточно. Место для строительства дома выбиралось с учетом будущей планировки поселка. «Улицы поселка потянутся, конечно, вдоль склона гор, т. е. на юг, в направлении долины Угольного ручья. Ориентировать наш пер-

вый дом надо так, чтоб он вписывался в планировку будущего строительства: длинной стороной по ширине, а короткой – по меридиану» [5]. Участники экспедиции постарались учесть северные особенности, так, например, к дому пристроили холодные сени, в которых хранили дрова, лед для воды, продовольствие – все, что необходимо для жизни в суровых условиях севера. Входная дверь на случай пурги открывалась внутрь, чтоб можно было открыть ее и отгрести снег. Из-за сильных ветров одна сторона дома была построена глухой, без окон. Кладка русской печи также требовала учета северных условий. Ее установили на сруб, заполненный галькой и песком, чтоб не растаяла мерзлота от тепла печи. Знали бы первостроители, что их дом простоит 100 лет. Сегодня это единственное деревянное здание в Норильске. Удивительно, как сохранился дом, ведь на севере, в условиях вечной мерзлоты, приходится бороться за каждое здание. Современные норильчане называют его с любовью «Домик Урванцева» [6]. За ним закреплено официальное имя «Первый дом Норильска», что указывает на его исключительное право считаться первым строением города. Вероятно, поэтому не вызывает споров среди исследователей тезис: Н. Н. Урванцев – основатель Норильска.

Николай Николаевич верил, что городу быть. В 1924 году Геолком решил прекратить работы в Норильске из-за их экономической нецелесообразности, обусловленной удаленностью и тяжелыми климатическими условиями. В этом вопросе Н. Н. Урванцев проявил свой упорный характер, ему удалось отстоять Норильск. Поддержал молодого ученого председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский, было принято решение не только продолжить работы, но и расширить. В 1925 году состоялась следующая масштабная экспедиция в Норильск. Интуиция не подвела Урванцева и здесь – экспедиция открыла новое месторождение медно-никелевых руд – Норильск-II. Безусловно, экспедиционная работа Н. Н. Урванцева 1920–1929 годов заложила основу для дальнейшего развития региона, появления Норильска.

С уходом людей – современников исторических событий, историческая память меняется, приобретает новые оттенки. «В Норильске кроме того следовало бы привести в порядок «Первый дом» на улице Горной. Он изуродован краской и вну-

три абсолютно пуст. А можно было бы его внутри восстановить как было первоначально: с грубыми табуретками, столами, кроватями из колотых лиственничных плах и настилом из оленьих шкур. А я все отлично помню, как было. Но увы, никому это не интересно» [7], – писал в письме краеведу Ф. И. Антонову Николай Николаевич. В контексте письма неопенима работа, проделанная геологической службой и сотрудниками музея в конце 1970-х годов. Дом был перебран, сгнившие бревна заменены на специально привезенные лиственничные из Снежногорска. Это было сделано, чтобы сохранить аутентичность дома. Н. Н. Урванцев выступил главным консультантом в его реставрации: «Очень рад, что в Норильске всерьез решили реставрировать первый домик в Норильске, построенный летом 1921 года. Дело это весьма нелегкое. Много придется положить на это дело труда. Но все же стоит это сделать на память потомства. Конечно же вещей того времени ничего не могло остаться. Когда мы уезжали, то по северному обычаю оставляли все нетронутым в наследие вновь прибывающим» [8]. Торжественное открытие домика состоялось в 1978 году. В 1980 году семья Урванцевых, посетив Норильск, высоко оценила работу «реставраторов». Это был последний визит Николая Николаевича в «свой» город. В 1985 году прах Николая Николаевича и его супруги Елизаветы Ивановны был захоронен в Норильске согласно их завещанию.

Таким образом, имя Николая Николаевича тесно ассоциируется с основателем Норильска, с появлением на малообжитом Таймыре промышленного мегаполиса. Для всех нас Николай Николаевич Урванцев может являться примером героического первопроходца, талантливого ученого, культурного человека, который бескорыстно стремился быть полезным своему отечеству [9]. В историческом пространстве города Норильска память о Николае Николаевиче, как основателе города и одного из первооткрывателей, увековечена разными способами, прежде всего, это дом-музей «Первый дом Норильска». Н. Н. Урванцев является первым почетным гражданином города. Его именем названа набережная. В сквере Музея Норильска в 2017 году на собранные горожанами и выделенные «Норникелем» средства ему установлен памятник высотой в два с половиной метра, отлитый из бронзы. В декабре 2018

года аэропорту присвоено имя Николая Николаевича Урванцева. Геологи в его честь назвали минерал «урванцевит».

Список источников и литературы:

1. Николай Николаевич Урванцев. К 120-летию со дня рождения / ВНИИ-Океангеология им. И. С. Грамберга ; авт.-сост. В. А. Даценко, Т. К. Иванова ; гл. ред. В. Д. Каминский. СПб. : ВНИИОкеангеология, 2012. С. 18.
2. Фонд письменных источников Музея Норильска. ОФ. 11 555-26. Письмо Урванцева Н. Н. Антонову Ф. И. С. 30.
3. Николай Николаевич Урванцев. К 120-летию ... С. 144.
4. Фонд письменных источников Музея Норильска. ОФ. 11555/1. Письмо Урванцева Н. Н. Алкацеву Д. К. от 03.04.1973.
5. Урванцев Н. Н. Открытие Норильска / авт. предисл. Н. А. Флоренсов ; отв. ред. А. Л. Яншин. М. : Наука, 1981. С. 79.
6. Львов А. Л. Норильские судьбы. М. : Агентство «Престо», 1995. С. 40.
7. Фонд письменных источников Музея Норильска, ОФ. 11 555–26. Письмо Урванцева Н. Н. Антонову Ф. И.
8. Фонд письменных источников Музея Норильска. ОФ. 2832. Письмо Урванцева Н. Н. Поддубной Е. Н.
9. Николай Николаевич Урванцев. К 120-летию... С. 125.

К. И. Шестакова

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. А. ШАПИРО В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье на основе архивных документов раскрывается жизненный путь и научная деятельность Н. А. Шапиро – аптекарского работника, члена Русского географического общества, квалифицированного химика, изучавшего возможности расширения лесохимической промышленности в Красноярском крае.

Ключевые слова: биография, лесохимическая промышленность, Русское географическое общество, личность в истории.

Документы фондов «Красноярского подотдела Восточно-Сибирского Русского географического общества» и «Общества изучения Красноярского края», находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, это ценные источники исторически достоверных сведений о Енисейской губернии – Красноярского края, а также о членах Географического общества и самом обществе.

Среди членов Среднесибирского отдела Русского географического общества за 1929 год числится Шапиро Наум Абрамович, медик по образованию, возможно, не слишком известный, но, без сомнения, выдающийся человек.

Наум Абрамович Шапиро родился 13 июня 1885 года в Красноярске [1]. Его отец, Абрам Берка Лейбович Шапиро, Ново-Александровский мещанин из Ковенской губернии, в Енисейскую губернию попал по приглашению Исайя Хейсина.

И. Хейсин имел хорошее положение в обществе, занимался благотворительностью, был гласным городской думы. Достигнув устойчивого материального благополучия, Исай начал искать возможности, как сохранить в своей семье еврейские традиции, обучить свою дочь, Хаву, ивриту и основам иудаизма. С этой целью он пригласил из центральной России учителя – Абрама Лейбовича Шапиро.

В 1865 году Хава Исайевна вышла замуж за своего учителя. В начале их семейной жизни все было благополучно. Исай Хейсин сам многое делал для молодой семьи Шапиро, в которой со временем стали появляться дети: дочь Любовь, сын Исай, дочери Рахиль и Генриета, сыновья Моисей, Ананий и Наум. Согласно посемейному списку за 1887 год, Наум был младшим из детей Абрама и Хавы [2].

Однако спустя несколько лет в семье Шапиро и Хейсина произошёл ряд событий, сильно повлиявших на их дальнейшую жизнь. Исай, как многие в те времена, создал золотопромышленное общество. Одно из новых месторождений оказалось нерентабельным, и общество разорилось. В результате Хейсин потерял свое высокое положение в обществе.

Невозможность восстановить состояние и репутацию подорвала жизненные силы Исайя, и он в скором времени умер. А после его смерти и в семье Шапиро началась череда неудач. Непредвиденно енисейское окружное полицейское управление

отказало в праве на жительство Абраму Лейбовичу в г. Енисейске, где он проживал более 20 лет и даже был причислен к Енисейскому купеческому обществу [3]. Причиной отказа послужил закон того времени, запрещающий жить представителям еврейской национальности в больших городах, если они не владеют каким-либо ремеслом. По этой же причине не удалось получить разрешение остаться и в Красноярске, где на тот момент проживала семья Абрама [4].

До выяснения обстоятельств А. Шапиро пришлось поселиться в ближайшей деревне, отдельно от семьи. Хава, оставшаяся без поддержки и отца, и мужа, одна с семьей детьми, оказалась в тяжелом материальном положении. Распутать весь этот тяжелый клубок неприятностей так и не удалось, в 1906 году Абрам Шапиро умер вдали от близких ему людей.

В таких непростых условиях рос Наум Абрамович. Постоянный недостаток денежных средств в семье вынуждал его обучаться школьным азам дома. А в 1899 году по этой же причине его пришлось устроить накладчиком в типографию Кохановского [5]. Но Наум всегда тяготел к медицине.

В 1903 году ему удается пройти испытания при Красноярской мужской гимназии для поступления на должность аптекарского помощника в вольную аптеку дворянки Ц. И. Смирновой [6]. Проработав в этой аптеке с 24 августа по 28 мая и получив первый опыт и хорошие отзывы, Наум Абрамович поступает в Красноярскую вольную аптеку общества врачей Енисейской губернии. Навыки и знания, приобретенные во время работы в аптеках, помогают Науму Абрамовичу 18 октября 1906 года успешно сдать экзамены медицинского факультета Томского университета на звание аптекарского помощника [7]. После Шапиро работает еще в нескольких аптеках города и даже пробует открыть свою сельскую аптеку в селе Сухобузимо. Аптека просуществовала 3 месяца, после чего, как нерентабельную, ее пришлось закрыть [8].

13 сентября 1909 года Наум Шапиро женился на Дине Сендерзон. Дина-Фрейда, дочь Моисея Залмановича Сендерзона, родилась в 1884 году в г. Борисоглебске, там же окончила гимназию. В документе об открытии зубоврачебного кабинета имеются данные, что 31 мая 1908 года Харьковским Универси-

тетом ей выдано свидетельство на звание дантиста [9]. 17 ноября 1908 года Дина Моисеевна подала прошение на открытие зубоврачебного кабинета в Красноярске в доме Агапова по Покровскому переулку (ныне – улица Сурикова). В этом же доме Наум и Дина Шапиро начали свою супружескую жизнь.

В 1910 году Наум вместе с братом Моисеем организовали небольшой аптекарский магазин, который размещался по Воскресенской улице (ныне – проспект Мира). Магазин просуществовал с 1910 по 1914 год. К сожалению, данных, по какой причине пришлось закрыть магазин, не обнаружено.

Далее о жизни Наума Абрамовича мы можем узнать из послужного списка, который сохранился в фонде «Красноярский уездный военный комиссариат». В анкете Н. Шапиро пишет: «В апреле 1918 года был принят по мобилизации в Красноярский местный военный отряд в качестве фармацевта на должность младшего медицинского военного аптекарского фармацевта. В июне был произведен в старшего аптекарского фельдшера. В августе 1918 года по болезни легких был освобожден с комиссии без зачисления на военную службу. С 1918 года по 1920 работал на своем скипидарном заводе. С 1920 года по 1922-ой был прикомандирован вместе с заводом к Совнархозу при химическом отделении в качестве лаборанта завода сухой переработки дерева» [10].

В 1923 году Наум Абрамович возвратился к уже знакомому ремеслу – устроился фармацевтом в Сибмедторг при Наркомздраве. В 1924 году его повысили до заведующего аптекой [11].

В 1928 году Наум Абрамович оставляет аптекарское дело в прошлом и увлекается изучением процесса химической обработки дерева. Он вступает в ряды членов Среднесибирского отдела Государственного русского географического общества, в промышленную секцию [12].

В начале XX века в России не существовало предприятий, изготавливающих уксусный натр, который был необходим для сухой обработки дерева. Продукт приходилось заказывать из Европы, что сильно увеличивало стоимость такой обработки. Русскому географическому обществу была поставлена задача: найти возможности удешевления этого производства [13]. Этим и занимался Наум Абрамович, пользуясь ресурсами и возможностями общества. Можно сказать, он досконально

изучил вопрос развития лесохимической промышленности в Красноярском округе. В своих докладах и научных статьях он указывал на большой потенциал ресурсов края и возможности удешевления процесса сухой обработки дерева [14; 15].

В скором времени ему предложили, как квалифицированному химику, принять участие в создании кооперативных предприятий по химической переработке древесины. При активном участии Наума Абрамовича в качестве главного технолога было организовано производство древесного угля, скипидара, пихтового масла и другой лесохимической продукции в расположенных недалеко от Красноярска населенных пунктах [16].

Дальнейшие служебные перемещения Шапиро прослеживаются по записям трудового листка: с января 1929 года – технический работник Лесохимической лаборатории треста «Химлессырье», а с 1939 года – директор Технохимической лаборатории горпромкомбината; с 1943 года – директор Технохимического завода [17].

В годы Великой Отечественной войны Технохимический завод под руководством Н. А. Шапиро снабжал своей продукцией судоремонтный завод, ПВРЗ и другие заводы, работающие на фронт [18]. Также при заводе запустили производство соды, которая была необходима для изготовления мыла. Однако соды в городе все равно не хватало, и был открыт Содовый завод, а с октября 1947 года его директором назначен Н. А. Шапиро. По характеристике, составленной на него при вступлении в ВКП(б), видно, что, несмотря на его возраст, Наума Абрамовича высоко ценили как специалиста [19].

Наум Абрамович ушел из жизни в 1951 году. Но его дела продолжили жить в его детях: старший сын Лев Наумович работал горным инженером, занимал руководящие должности в шахтах Кузбасса. У дочери Любви Наумовны трудовая деятельность была связана с лесохимией и с химической службой на железной дороге. Сима Наумовна работала ихтиологом, затем преподавателем химии и биологии. Тамара Наумовна трудилась в строительных организациях Красноярского края.

Список источников:

1. ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 118. Л. 324.
2. ГАКК Ф. 516. Оп. 1. Д. 1022. Л. 24.
3. ГАКК Ф. 595. Оп. 1. Д. 1312. Л. 9.
4. ГАКК Ф. 595. Оп. 2. Д. 1253. Л. 6, 6 об.
5. ГАКК Ф. П-17. Оп. 2. Д. 2516. Л. 1.
6. ГАКК Ф. 348. Оп. 1. Д. 161. Л. 95 об.
7. ГАКК Ф. 595. Оп. 1. Д. 2168. Л. 7 об.
8. ГАКК Ф. 595. Оп. 22. Д. 973. Л. 2.
9. ГАКК Ф. 595. Оп. 22. Д. 825. Л. 2.
10. ГАКК Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 1227. Л. 1–2.
11. ГАКК Ф. П-17. Оп. 2. Д. 2516. Л. 1 об.
12. ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 118. Л. 324.
13. ГАКК Ф. Р-1380. Оп. 3. Д. 157.
14. ГАКК Ф. Р-1380. Оп. 3. Д. 110.
15. ГАКК Ф. Р-1380. Оп. 3. Д. 116.
16. ГАКК Ф. Р-1380. Оп. 3. Д. 179.
17. ГАКК Ф. П-17. Оп. 2. Д. 2516. Л. 1 об.
18. Газетный фонд ГАКК. «Красноярский рабочий». 1942. 13 авг.
19. ГАКК Ф. П-17. Оп. 2. Д. 2516. Л. 5.

Л. Э. Мезит

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СИБИРИ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ КГПУ В 1950-1970-Е ГГ.

В статье на основе анализа научных сборников, изданных кафедрой истории КГПИ, анализируются исследовательские проблемы региональной истории, которые разрабатывали сотрудники кафедры в конкретный период существования факультета истории.

Ключевые слова: кафедра, научная проблема, научные публикации, сибиреведение.

Созданный в военный период исторический факультет КГПИ (ныне КГПУ им. В. П. Астафьева) был призван решать важнейшую идеологическую функцию – готовить педагогические кадры, готовые осуществлять патриотическое воспитание подрастающего поколения.

По мере развития факультета усложнилась его структура, увеличилось количество студентов и преподавателей, происходило формирование научных направлений, которые объединяли педагогов и студентов факультета.

В фондах университетской библиотеки сохранились Ученые записки кафедры «Из истории Сибири» за 1959–1973 гг. и два тематических сборника «Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.)» (1976, 1978 гг.). На основе Ученых записок, сборников научных трудов исследуемого периода, был проведен контент-анализ, результаты которого приведены ниже в таблице (см. табл).

Таблица

Результаты контент-анализа научных сборников кафедры истории КГПИ

<i>Всего сборников</i>	<i>В них статей</i>	<i>Статьи по досоветской истории Сибири</i>	<i>Статьи по советской истории Сибири</i>	<i>Рецензий</i>
9	43	27 статья (81 %)	9 статей (19 %)	9

Анализ данных таблицы позволяет утверждать, что проблемы досоветской истории Сибири изучались более активно, чем проблемы советской истории региона. Объяснить это можно научным интересом сотрудников кафедры истории.

В конце 1950-х гг. из Ленинграда на работу в КГПИ приходит Павлов Павел Николаевич и активно включается в научную работу. Его первая публикация в Ученых записках была посвящена монголо-татарскому игу, но с 1969 г. он публикует в сборниках «Из истории Сибири» ряд статей, освещающих развитие пушного промысла Сибири в XVII в. [1; 2; 3]. Исследование пушного промысла в Сибири вскоре стало темой его докторской диссертации, успешно защищенной в марте 1973 г. Актуальность избранной темы была обусловлена тем,

что до него этот аспект хозяйственной жизни был обойден вниманием сибиреведов и, по признанию специалистов, своими исследованиями П. Н. Павлов внес существенный вклад в разработку источниковедческих проблем истории Сибири. Он установил, что «мягкое золото» давало одну пятую часть всего государственного дохода. За 1620–1680-е гг. сибирская тайга дала свыше 7 млн. соболей [4]. Мысль Павла Николаевича о ведущей роли в пушном промысле не крупного предпринимательства, а мелко товарного уклада, являлась основой его концепции конкретно-исторической формы генезиса капитализма в Сибири [5].

Публикации Шейнфельда Михаила Борисовича, изданные в Ученых записках и сборниках научных трудов, условно можно разделить на две группы: историография Сибири и рецензии на монографии коллег сибирских вузов. Он являлся редактором анализируемых Ученых записок, сборников научных трудов кафедр.

Шейнфельд М. Б. достаточно плодотворно изучал историю Сибири. Он глубоко проанализировал историческое наследие преподавателей юридического факультета ТГУ в изучении истории Сибири в XIX–XX в., работы В. Н. Соколова, С. В. Бахрушина, В. Н. Семеновского, А. А. Кауфмана и др. [6; 7; 8; 9]. Изучая труды сибирских областников, М. Б. Шейнфельд пришел к выводу, что историческая концепция поздних областников весьма эклектична, не противоречит буржуазной историографии, но несколько отличается от нее. Областники, на его взгляд, несколько преувеличивали роль естественно-географического фактора в освоении Сибири и не признавали общих закономерностей исторического развития центральной части страны и Сибири [10].

В 1966 г. на факультет пришел работать преподавателем бывший выпускник Геннадий Федорович Быконя. В своих работах, посвященных проблемам заселения русскими территории Приенисейской Сибири, он обосновал факторы, определявшие в XVII–XVIII вв. изменение численности населения [11; 12; 13; 14]. Г. Ф. Быконя убедительно обосновал, почему правительственная колонизация, проводившаяся в военно-оборонных и фискальных целях, трансформировалась в вольную с хозяйственно-экономическими целями [15]. Его вывод

о том, что русское население Сибири складывалось преимущественно за счет естественного прироста и внешней миграции, а решающую роль в первичном заселении сыграли люди разных служилых категорий, до сих пор считается бесспорным [16].

Изучением проблем пореформенного развития Восточной Сибири по материалам периодической печати занимался Корякин Б. Г. [17; 18; 19]. Его источниковедческое исследование раскрывает ход финансовой реформы во второй половине XIX в., что значительно углубляет представления по социально-экономической истории Сибири исследуемого периода.

Петр Николаевич Мешалкин изучал историю сибирской ссылки марксистов. Его статьи, посвященные литературной деятельности П. Н. Лепешинского, пребывании В. К. Курнатовского на сибирской земле, раскрывают новые, малоизвестные факты о занятиях, взаимоотношениях ссыльных революционеров [20; 21].

Светлана Александровна Бердникова публиковала материалы об участии крестьян в первой русской революции [22], на основе региональных архивов она проследила динамику численности крестьянских протестных выступлений, эволюцию их форм на протяжении революции и сделала убедительный вывод о том, что «разгромное движение», присущее европейской части страны, для сибиряков не было характерным, что объясняется особенностями аграрных отношений в Сибири, в частности, отсутствием помещичьего землевладения.

Среди публикаций советского периода особо выделяются работы Юрия Васильевича Журова. В анализируемых сборниках Ю. В. Журов публиковал статьи, посвященные классово-вой борьбе в сибирской деревне в годы гражданской войны. Характеризуя политические настроения в сибирской деревне летом-осенью 1918 г., он установил, что число кулацких хозяйств сократилось незначительно (2–3 %), но они активно участвовали в вооруженной борьбе с Советской властью. Неорганизованное беднейшее крестьянство не имело связи с городскими рабочими, терпело поражение в вооруженной борьбе, а среднее крестьянство стремилось «переждать» лихолетье, не вмешиваясь в вооруженные события [23; 24; 25]. Юрий Васильевич одним из первых выделил два этапа в развитии партизанского движения на территории Енисейской гу-

бернии (осень 1918 – весна 1919 г.; весна – осень 1919 г.). В его работах появилось понятие «партизанская республика» и выделение основных центров их деятельности. Одним из первых Ю. В. Журов обосновал очаговый характер партизанского движения в Сибири, революционно-демократический характер власти в партизанских республиках. Фактологический материал, введенный в оборот Ю. В. Жуковым, имеет познавательную ценность и сегодня.

Валентина Васильевна Рукосуева свои исследования посвятила культурно-просветительской работе в Красноярском крае в годы войны и в послевоенный период [26; 27]. На основе большого массива статистических и архивных материалов она проанализировала, как шло изменение сети библиотек и прочих культурно-просветительных учреждений в крае, развивалась сеть учебных заведений, курсов по подготовке специалистов для сферы культуры, как в соответствии с изменяющимися запросами населения реформировались формы работы, репертуарные планы учреждений культуры.

Г. М. Макиевский в своих публикациях раскрывает, как осуществлялось пополнение рабочего класса в Сибири в послевоенный период [28; 29]. Сибирский регион в эти годы отличался дефицитностью трудовых ресурсов. Г. М. Макиевский аргументированно доказал, что несмотря на малочисленность рабочих со значительным производственным стажем и высоким образовательным уровнем в ведущих отраслях промышленности края (капитальное строительство, химическая и др.), индустриальное развитие региона осуществлялось более высокими темпами, чем в целом по стране [30].

Приведенный обзор позволяет утверждать, что научные исследования сотрудников исторического факультета КГПИ были посвящены малоизученным проблемам истории Сибири. Их работы существенно расширяли источниковую базу региональных исследований, отличались новизной постановки проблем. Фактологический материал, содержащийся в исследованиях, до сих пор не потерял своей актуальности. В 1970-е гг. факультет стал ведущим научным центром гуманитарных исследований региональной истории, что несомненно положительно отразилось на качестве подготовки будущих учителей истории.

Список источников и литературы:

1. Павлов П. Н. Место пушного промысла среди других отраслей хозяйства Сибири в XVII в. // Из истории Сибири. Красноярск : Краснояр. рабочий, 1969. Вып. 1. С. 43–92.
2. Павлов П. Н. К вопросу о пользовании охотничьими угодьями в Сибири в XVII в. // Из истории Сибири. Красноярск : Краснояр. рабочий, 1970. Вып. 2. С. 3–18.
3. Павлов П. Н. Некоторые особенности пушной торговли в Восточной Сибири времени расцвета соболиного промысла (30–50-е годы XVIII в.) // Из истории Сибири. Красноярск, 1971. Вып. 5. С. 70–123.
4. Павлов П. Н. Место пушного промысла ... С. 76.
5. Павлов П. Н. Некоторые особенности пушной торговли ... С. 118.
6. Шейнфельд М. Б., Соколов В. Н. (из истории марксистского направления в историографии Сибири начала XX в.) // Из истории Сибири. Красноярск, 1971. Вып. 4. С. 75–98.
7. Шейнфельд М. Б. Социально-экономические исследования сибирской деревни А. А. Кауфмана // Из истории Сибири. Вып. 5. С. 17–70.
8. Шейнфельд М. Б. Работы В. И. Семеновского по истории Сибири // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып. 6. С. 3–28.
9. Шейнфельд М. Б. Методология работ С. В. Бахрушина по истории Сибири // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.). Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 106–134.
10. Шейнфельд М. Б. Проблемы истории Сибири в областничестве в начале XX в. // Из истории Сибири. Красноярск, 1970. Вып. 3. С. 56–119.
11. Быконя Г. Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. // Из истории Сибири. Вып. 3. С. 3–56.
12. Быконя Г. Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. // Из истории Сибири. Вып. 4. С. 3–41.
13. Быконя Г. Ф. Проблема поземельных отношений русского трудового населения Сибири XVII–XVII вв. в советской историографии // Вопросы историографии и ... Вып. 1. С. 98–106.
14. Быконя Г. Ф. Русское заселение Восточной Сибири в XVIII в. в домарксистской историографии // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX–XX вв.) Красноярск, 1978. Вып. 2. С. 33–48.
15. Быконя Г. Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. // Из истории Сибири. Вып. 3. С. 44–45.

16. Быконя Г. Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIIIв. // Из истории Сибири. Вып. 4. С. 40.

17. Корякин Б. Г. Городская реформа в Западной Сибири // Из истории Сибири. Вып. 4. С. 41–60.

18. Корякин Б. Г. Проведение реформ 60-х гг. XIX в. в области финансов в Западной Сибири // Из истории Сибири. Вып. 4. С. 60–75.

19. Корякин Б. Г. Финансово-кредитная система Сибири второй половины XIX в. на страницах газеты «Восточное обозрение» // Вопросы историографии ... Вып. 2. С. 71–80.

20. Мешалкин П. Н. О литературной деятельности П. Н. Лепешинского в период сибирской ссылки // Из истории Сибири. Вып. 5. С. 3–17.

21. Мешалкин П. Н. В. К. Курнаатовский в Минусинской ссылке (1897–1900 гг.) // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып. 6. С. 28–43.

22. Бердникова С. А. Митинги и собрания крестьян как формы крестьянских движений в Сибири в 1905–1907 гг. (по материалам Енисейской и Иркутской губерний) // Вопросы историографии и ... Вып. 2. С. 80–88.

23. Журов Ю. В. Классовая борьба в Енисейской деревне весной – летом 1918 г. // Из истории Сибири. Вып. 2. С. 18–48.

24. Журов Ю. В. К вопросу об аграрно-крестьянской революции в Сибири // Из истории Сибири. Вып. 4. С. 98–110.

25. Журов Ю. В. Гражданская война и расстановка классовых сил в сибирской деревне летом 1918 г. // Вопросы историографии ... Вып. 1. С. 40–82.

26. Рукоосуева В. В. Культурно-просветительная работа в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны (1941–1945гг.) // Вопросы историографии ... Вып. 1. С. 82–98.

27. Рукоосуева В. В. Культурно-просветительная работа в Красноярском крае в годы послевоенного восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1946–1958 гг.) // Вопросы историографии ... Вып. 2. С. 105–119.

28. Макиевский Г. М. Технический прогресс и изменение форм пополнения рабочего класса Восточной Сибири (1946–1958 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 4. С. 110–133.

29. Макиевский Г. М. Ржепко Б. К. Некоторые проблемы изучения истории рабочих Восточной Сибири послевоенных лет // Вопросы историографии ... Вып. 2. С. 3–17.

30. Макиевский Г. М. Технический прогресс и изменение ... Там же. С. 132.

А. Е. Калюга

ЛЕТОПИСЕЦ КУРАГИНСКОГО РАЙОНА

В статье представлены основные этапы жизненного пути общественной, исследовательской, творческой деятельности видного краеведа, «летописца» Курагинского района Александра Георгиевича Шароватова.

Ключевые слова: краеведение, архив, музей, исследователи, общественные организации.

История городов, сел и деревень нашей Родины пишется не только историками, но и энтузиастами-краеведами, которые собирают ее по крупицам. К числу таких интересующихся людей можно отнести и Александра Георгиевича Шароватова. Более тридцати лет его нет рядом с нами, но для курагинцев он, как и прежде, остается образцом служения своей малой родине.

Родился он 7 ноября 1918 года в крестьянской семье Георгия Ивановича и Наталии Семеновны Шароватовых в с. Пойлово. Там же в 1928 году он поступил в Пойловскую начальную школу, которую окончил в 1932 году. Затем, с 1932 по 1935 год продолжил учебу в Курагинской средней школе, но после окончания 7-го класса обучение ему пришлось завершить. В ноябре 1935 года Александр Григорьевич вернулся в с. Пойлово, где работал в колхозе «Совет труда». Там же в апреле 1938 года вступил в комсомол.

В феврале 1939 года он был призван на службу в ряды Красной армии, которая продлилась долгих семь лет. 22 июля 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, и молодой артиллерист встал на защиту Родины. На Ленинградском, Северо-Западном, 3-м Украинском фронтах Александр Георгиевич сражался за свободу и независимость нашей страны. Прошел Финляндию, Норвегию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию и Германию. На фронте в 1944 году был принят в ряды Коммунистической партии.

После окончания войны Александр Георгиевич вернулся в родные места с боевыми наградами: Орденом Красной Звезды и тремя медалями «За боевые заслуги».

Бравый фронтовик был замечен районными органами власти и рекомендован на ответственные должности, где также добросовестно трудился: в 1946–1953 годы – заведующим отделом физкультуры и спорта, в 1953–1957 годы – инспектором и заведующим отделом культуры, в 1957–1958 годы – заведующим отделом кадров Курагинского райисполкома.

Александр Георгиевич постоянно повышал свой образовательный уровень. В 1948–1949 годах он продолжил учебу в Курагинской вечерней школе и получил восьмилетнее образование. В 1951–1952 годах окончил двухгодичную вечернюю партийную школу при Курагинском райкоме партии, а также прошел переподготовку на различных курсах по профилю работы.

С 1959 года и до выхода на пенсию (в 1978 году) судьба Александра Георгиевича была связана с железной дорогой – он работал инспектором отдела кадров, строймастером, прорабом, заместителем председателя и председателем постройкома Головного ремонтно-строительного поезда № 38 (ГОРЕМ-38). В составе ГОРЕМ-38 трудился в г. Тобольске, г. Абакане, строил «трассу мужества» – железную дорогу Абакан–Тайшет. Закончил трудовой путь охранником военизированной охраны этой железной дороги.

Александр Георгиевич всегда занимал активную жизненную позицию, принимал деятельное участие в общественной жизни. Он избирался членом комитета комсомола колхоза, секретарем комсомольской организации артиллерийской дивизии, членом бюро Курагинского райкома комсомола, председателем товарищеского суда и народным заседателем, членом партийного бюро ст. Курагино, членом Курагинского районного и поселкового Советов ветеранов. Был членом различных общественных организаций и обществ: профсоюза, Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, Общества охотников и рыболовов, Всесоюзного спортивного общества «Локомотив», Научно-технического общества, пропагандистом общества «Знание» и внештатным корреспондентом районной газеты «Заветы Ильича» и др.

Но, в первую очередь, в памяти курагинцев Александр Георгиевич Шароватов остался как краевед и патриот Курагинского района.

Еще с детства запали ему в душу рассказы односельчан о нелегкой крестьянской судьбе, байки и предания, которые с яркостью проявились в нем в зрелом возрасте. Интерес к истории родной земли подтолкнул его к сбору воспоминаний очевидцев событий, привел в архивы и музеи городов Минусинска и Красноярска, где он был одним из активных исследователей.

Его привлекали разнообразные темы: «История Ирбинского железодельного завода», «Социал-демократы в сибирской ссылке», «Золотые прииски на территории района», «Партизанское движение», «Участие курагинцев в Великой Отечественной войне» и др.

Он вел обширную переписку с жителями района, а также с теми, кто вложил свой труд в развитие района и проживал ранее на его территории. Через различные службы вел их активный поиск на территории страны. В его личном архивном фонде, находящемся на хранении в Курагинском районном архиве, есть переписка с потомками революционеров: О. П. Лепешинской, И. И. Окуловой; редакциями газет «Правда», «Пионерская правда», «Красноярский рабочий», учреждениями и школами, Советами ветеранов [1].

На основе собранных материалов он писал статьи и доклады, с которыми выступал перед учащимися и молодежью района. Такие выступления пользовались огромным успехом не только потому, что факты, приведенные в них, были малоизвестны, но и по причине отсутствия в тот период достаточного материала в районном краеведческом музее.

Часто пионеры-поисковики школ района, участвующие во Всесоюзном марше «Моя Родина – СССР», для того, чтобы побеседовать с Александром Георгиевичем, приезжали к нему домой. Многие до сих пор помнят его небольшой домик около маслозавода, который сохранился до сих пор.

Его статьи печатались в районной газете «Заветы Ильича». Как нельзя лучше это плодотворное сотрудничество охарактеризовал новогодний кроссворд, опубликованный в 1988 году, где фамилия краеведа была зашифрована под следующим пун-

ктом: «Внештатный корреспондент газеты, знающий биографию района гораздо лучше, чем свою собственную. Газета публикует по нескольку его материалов в месяц, а читатели все говорят «мало!» [2].

Но самый большой труд, можно сказать итог всей исследовательской и краеведческой работы А. Г. Шароватова – это книга «История Курагинского района» в 13 частях, материал для которой он собирал по крупицам. По историческим меркам она охватывает значительный период – от глубокой древности до конца 80-х годов XX века и в своем роде уникальна. Александр Георгиевич относился к ней очень трепетно. Сначала она была в рукописном виде, потом он ее собственноручно напечатал на печатной машинке и переплел, вклеил фотографии. Этот экземпляр хранится в его личном фонде Курагинского районного архива.

Вскоре после завершения этого труда Александра Георгиевича не стало. Но потомки через двадцать лет, в 2007 году, осуществили его мечту и напечатали первые пилотные экземпляры его труда. Инициатором этого значимого дела стал глава района Е. Г. Турчанов, который возглавил редакционную коллегию. В предисловии к книге кандидат исторических наук Б. Е. Андюсев отметил, что некоторые утверждения автора являются спорными, но тем не менее, она будет интересна читателям и полезна краеведам [3].

Александр Георгиевич был интересным и разносторонним человеком. Он писал не только статьи, но и басни, стихи, пьесы, рисовал и даже пытался научиться играть на фортепиано. Он являлся членом Совета музея им. Н. М. Мартыанова г. Минусинска, заведующим сектором краеведения районного Совета ветеранов, членом клуба «Краевед» южных районов Красноярского края, учрежденного Минусинским краеведческим музеем и Минусинским филиалом Государственного архива Красноярского края.

По его инициативе в п. Курагино появились улицы и переулки, названные в честь знаменитых людей: революционеров, находившихся здесь в ссылке (Лепешинских, Стасовой), участников Великой Отечественной войны, погибших при защите Родины (братьев Бухаркиных, Аникиенко) и др. С группой

сторожилов А. Г. Шароватов отыскал на месте бывшей церковной ограды могилу декабриста А. И. Тютчева.

Александр Георгиевич всегда живо откликался на важнейшие события, происходившие в стране, крае, районе. Встречался и общался с районными краеведами – Е. М. Климкиной, В. Т. Посоховым, Н. В. Челеевым, И. Ф. Еськиным, Ф. П. Зыряновым. Они с интересом обсуждали новые исторические факты, а иногда и спорили, в том числе на страницах местной прессы. Благодаря его рекомендациям и помощи занялась исследованием периода репрессий района А. И. Фролова – дочь репрессированного председателя колхоза д. Покровки Курагинского района, участника Первой мировой войны и партизана. Она составила Книгу памяти репрессированных граждан района.

Александра Георгиевича можно назвать и родоначальником краеведения в районе. В архивном фонде Курагинского райисполкома хранится протокол заседания от 26.01.1948 г. № 2, на котором был утвержден районный «Комитет Краеведческого общества» под его председательством [4].

Заместитель редактора районной газеты «Заветы Ильича» Креков В. В. так характеризовал увлечение краеведением Шароватова А. Г. «У каждого человека есть свое хобби. Но у многих оно личное, а хобби Александра Георгиевича – краеведение – служит многим». Об уникальном краеведе неоднократно писали многие корреспонденты районных и краевых газет. Их статьи: «В гостях у фронтовика-краеведа», «Добрый след», «Высоко нести звание ветерана» раскрывают Александра Георгиевича как увлеченного, талантливого, самобытного и творческого человека, к которому тянулись люди [5].

Александр Георгиевич был постоянно занят. Каждая неделя была у него расписана, так что иногда на свое еще одно увлечение – рыбалку, приходилось с трудом выкраивать часы. «Некоторые пенсионеры сетуют, что некуда использовать свободное время. А мне его не хватает», – сожалел Александр Георгиевич.

Часто сожалел он и о том, что не имел специального образования. Корреспонденту газеты «Красноярский рабочий» Жоресу Трошеву он как-то чистосердечно признался: «Быстрее бы все делал, не копался бы попусту, не искал бы известную знатокам литературу, не ломился бы в открытые двери, коли б грамоты было побольше» [6].

За свой ратный и многолетний труд в мирное время Александр Георгиевич награжден двумя орденами и 11-ю медалями, ему присваивались почетные звания. Но, пожалуй, самая высокая награда – это благодарность и незабвенная память потомков о нем, как о летописце Курагинского района. И подтверждением этому является одноименный архивный фонд, который был открыт в Курагинском районном архиве в 2004 году, и в который его дочь Валентина Ивановна передала документы краеведа.

А спустя 100 лет после его рождения, в 2019 году, в рамках реализации краевого проекта «Наследие Красноярского края» участнику Великой Отечественной войны, общественному деятелю, краеведу А. Г. Шароватову на здании Курагинского районного архива был установлен Мемориальный знак.

Список источников:

1. Курагинский районный архив. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 56, 57.
2. Там же. Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 33.
3. Там же. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 131.
4. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 712. Л. 24-25.
5. Там же. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 80. Л. 2; Д. 82. Л. 5; Д. 83. Л. 2.
6. Там же. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 72. Л. 3.

О. А. Коваленко

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО ОТКРЫТИЯ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. А. КРАСНОЛУЦКОГО

В статье рассказывается о жизни, научной и творческой деятельности Почетного гражданина Шарыповского района, члена Союза художников России Сергея Анатольевича Краснолуцкого.

Ключевые слова: С. А. Краснолуцкий, Шарыповский район, палеонтология, археология, скульптура.

Уроженец Воронежской области и настоящий сибиряк, талантливый, увлеченный и многогранный человек, достопримечательность и живая легенда Шарыповского района. Все эти слова – об удивительном человеке, Сергее Анатольевиче Краснолуцком. Многие шарыповцы знакомы с этим приветливым, улыбочивым и открытым человеком, но далеко не все знают, что он является действительным членом палеонтологического общества при Российской Академии Наук; членом Союза художников России; почетным гражданином Шарыповского района, заслуженным работником культуры Красноярского края, победителем конкурса «Народный герой объединенного края» и обладателем Почетного знака отличия Министерства культуры Российской Федерации «За достижения в культуре». Его имя внесено в международную энциклопедию «Лучшие люди России».

Сергей Краснолуцкий родился 11 сентября 1961 года в городе Калаче Воронежской области. С самого детства он был пытливым и увлеченным человеком. Сергей любил бродить по окраинам родного города и собирать различные древности в свой домашний музей. После окончания строительного техникума, в 1982 году, Сергей поехал на Всесоюзную стройку КАТЭК. Не забыл он своего увлечения и на новом месте жительства. Только теперь его находки и открытия стали носить сугубо научный характер. На многие годы палеонтология, археология и минералогия стали неотъемлемой частью его жизни.

Первой местной реликвией, найденной Сергеем, был каменный наконечник стрелы у родника в поселке Горячегоorsk. Позже на распаханых полях он стал находить черепки глиняных горшков, костяные и бронзовые изделия. Сергей засел за учебники, научные труды археологов, участвовал в экспедициях, работающих на КАТЭКе, и со временем стал разбираться что, где и как искать.

За это время им найдены тысячи предметов, относящихся к археологии, палеонтологии, минералогии, этнографии, опубликовано более 30 научных статей в соавторстве с российскими и немецкими учеными. Всего на территории Шарыповского района Краснолуцким найдено более 250 ранее неизвестных памятников археологии от палеолита до средневековья: это древние стоянки, поселения, могильники, крепости, местона-

хождения петроглифов. Сергеем Анатольевичем была обнаружена единственная в нашем районе стоянка эпохи мезолита, оборонительное средневековое сооружение на горе недалеко от озера Белого. Впервые на территории Красноярского края им были открыты: поселения афанасьевской, самусьской культуры, каменное изваяние окуневской культуры – Тигер Тас Обаа, менгир с кыргызскими рунами (оба памятника являются самыми северными), отмечены следы проживания кулайцев, молчановцев. Большинство археологических местонахождений запаспортизировано.

На разрушающихся и имеющих высокую научную ценность объектах произведены раскопки совместно с петербургскими и красноярскими археологами. Но все же большую часть теплого времени года Краснолуцкий посвящает палеонтологическим раскопкам. В залах городского музея можно увидеть представительную коллекцию ископаемых различных геологических периодов. Почти все экспонаты обнаружены Сергеем Краснолуцким в Красноярском крае и соседних областях.

Он исследовал Среднеюрское местонахождение позвоночных Березовского бурогоугольного карьера, находящееся на территории Шарыповского района. В составе этого комплекса присутствуют: рыбы, амфибии, черепахи, ящерицы, хористодеры, крокодилы, птерозавры, динозавры, тероморфы и млекопитающие. Благодаря Краснолуцкому и ведущим специалистам России и Германии А. О. Аверьянову, А. В. Лопатину, Томасу Мартину были открыты и описаны шесть млекопитающих: Итатодон татаринова (новый род и вид); Амфибетулимус краснолуцкого (новый род и вид); Симпсонодон сибирikus (новый вид); Хутэготериум йоминга (новый род и вид); Синелеутерус исседоникус (новый вид); Антраколестес сергея (новый род и вид). Им также описаны две амфибии: Урюпия монстроза (новый род и вид) и Киятритон краснолуцкого (новый вид).

Краснолуцкому удалось найти фаланги, позвонки, и, самое главное, фрагмент верхней челюсти динозавра, по которой и было сделано описание хищного представителя тиранозавроидов. Он оказался самым древним среди данной группы. Аверьянов и Краснолуцкий дали ему имя Килескус аристотокус, что в переводе на русский язык означает – ящерица благородного происхождения.

В краеведческом музее Красноярска в витрине лежит фрагментарный скелет еще одного динозавра – стегозавра. Кости этого животного раскапывались Краснолуцким при поддержке друзей более 10 лет. Ученые предполагают, что он является самым ранним в геологической летописи стегозавром.

Еще одна сторона деятельности Сергея Анатольевича связана с творчеством. С детства он лепит, режет, точит, ваяет скульптуры. Ранние произведения были выполнены из глины, пластилина, дерева и мрамора. В 30 лет он впервые увидел на дороге прозрачный зеленый камешек серпентинит (по-народному – змеевик), попробовал его обточить, получилось, и с тех пор змеевик стал его любимым материалом. Это оказался серпентинит с Верхне-Тейского железорудного месторождения. Такого серпентинита больше нет не только в России, но и за рубежом. У Сергея Анатольевича возникла идея собрать научную коллекцию этого поделочного камня, и, при возможности, организовать музей. Сейчас коллекция состоит из сотен кабошонов, пластин, штуфов, пейзажных миниатюр, женских украшений, инсталляций.

В 46 лет С. А. Краснолуцкий окончил университет по специальности «инженер художественной обработки камня». В Красноярском отделении Союза художников России он является единственным мастером, создающим скульптуру малых форм из цветного камня.

Как говорит Краснолуцкий, «я не могу разделить свою жизнь на части и сказать, что важнее всего для меня – археология, палеонтология, геммология или скульптура. Мне все важно и все интересно».

Основное место работы Сергея Анатольевича – детская школа искусств, где он преподает скульптуру, декоративно-прикладное искусство и графику. Некоторые из его учеников получили профессии скульптора и археолога.

Сергей Анатольевич – это человек, чья увлеченность и энергия являются хорошим примером для подрастающего поколения города Шарыпово и всего Красноярского края.

Список литературы:

1. Бодянская А. Палеонтолог с археологическим началом // Огни Сибири. 2021. 7 июля (№ 27). С. 12.
2. Бурлаку С. Динозавр, каких еще поискать // Наш Красноярский край. 2020. 11 сент. (№ 68). С. 28-29.
3. Володина Д. Человек, который открывает новое // Огни Сибири. 2009. 25 сент. (№ 39). С. 12.
4. И это все о нем // Огни Сибири. 2011. 7 сент. (№ 37). С. 15.
5. Краснолуцкий Сергей Анатольевич // Художники земли Красноярской : [каталог / авт. ст., сост. справочника Т. М. Ломанова]. Красноярск : Поликор, 2007. С. 303.
6. Ломанова Т. М. Сергей Анатольевич Краснолуцкий // Искусство Красноярска. XX век : живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство : монография. Красноярск : [КГПУ им. В. П. Астафьева], 2013. С. 303–304.
7. Павленко С. И. Завораживающий мир серпентинита // Красноярский рабочий. 2021. 17 нояб. (№ 85). С. 20.
8. Угольков Ю. Человек, который нашел динозавра // Инголь. 2001. Вып. 1 (2). С. 18–20.

Н. В. Пирогова

«ЕНИСЕЙСКИЙ НЕКРОПОЛЬ 1867–1920 ГГ.» КАК РЕЗУЛЬТАТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ Г. ЕНИСЕЙСКА И КЛУБА «РОДОСЛОВИЕ»

Статья знакомит читателя с книгой «Енисейский некрополь». В ней опубликованы списки похороненных на православных кладбищах г. Енисейска, а также данные о погребенных при церквях и монастырях с 1869 по 1920 гг. Это документальный справочник создан трудами членов клуба «Родословие» г. Енисейска на основе документов архива г. Енисейска за 1869–1919 годы. Издание дополнено данными более раннего периода из Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и из других источников. Справочник будет интересен краеведам, родословам, историкам и всем, кто неравнодушен к прошлому и будущему Енисейска.

Ключевые слова: некрополь, кладбище, списки, Енисейск.

В последние годы в нашей стране наблюдается невиданный рост интереса к генеалогии и генеалогическим исследованиям. В 2008 году в центральной библиотеке Енисейска появился клуб «Родословие», где люди, увлеченные изучением своих корней, работают сообща, помогают друг другу в исследованиях. Работа в клубе неизбежно влечет за собой изучение не только своих родословных, но и истории, краеведения, некрополистики. С некрополистикой каждый из нас очень хорошо знаком, потому что каждый хоронил своих близких, бывал на погостах, и, в конце концов, каждому из нас суждено в свое время остаться там.

В русском языке греческое слово «некрополь» имеет два значения – это кладбище в античном мире или странах древнего Востока и кладбище, на котором похоронены знаменитые люди. Но в обиходе слово «некрополь» означает просто кладбище, а главной задачей некрополистики является изучение, описание и сохранение некрополей или же данных о тех, кто на них нашел место последнего упокоения.

Любой более или менее крупный российский православный или иноверческий некрополь является объектом национального культурного наследия, богатейшим источником генеалогической, биографической и хронологической информации. Енисейск – город с 400-летней историей, безусловно, достоин того, чтобы иметь единое издание, содержащее в себе сведения о похороненных на его старинных кладбищах. Целью работы был сбор сведений о похороненных на старинных кладбищах Енисейска конца XIX – начала XX вв. На основе собранных материалов в 2020 году вышло наше издание «Енисейский некрополь 1867–1920 гг.» [1].

Принцип составления документального справочника таков: родословы на протяжении двух лет работали с метрическими книгами Енисейского городского архива, выписывая данные о похороненных на енисейских погостах. Затем в библиотеке эти данные обрабатывались, печатались, формировались в таблицы. Библиотека привлекала к работе волонтеров, как при сборе данных, так и при оформлении самой книги.

В нашем «Некрополе» нашлось место всем – от арестантов и ссыльнопоселенцев до дворян и почетных граждан. Не внесены в списки только дети до 15 лет. В издании можно найти данные о захороненных на православных енисейских кладбищах, это: жители Енисейска; жители деревень, приписанных к енисейским церквям; жители Енисейской губернии и других регионов России, оказавшиеся на момент смерти в Енисейске. Так, на момент смерти в Енисейске оказались люди из Томской, Тобольской, Иркутской, Пермской, Нижегородской, Владимирской, Симбирской, Вятской, Пензенской губерний и других регионов.

Издание побудило к работе и других исследователей. После выпуска книги нашлись желающие продолжить тему некрополя прихожан Усть-Кемской церкви, похороненных в разных деревнях.

В данных «Некрополя» вы найдете возраст, год смерти, церковь, где был отпет умерший, место захоронения, номера архивных фондов и дел, откуда взяты данные, принадлежность к сословию и место жительства или приписки. Таким образом, любой заинтересованный благодаря сведениям нашего издания, может самостоятельно заказать в Енисейском архиве дело, увидеть необходимую метрическую запись, узнать причину смерти.

Так как речь у нас идет о православных погостах, то нужно отметить, что на них хоронили христиан из других конфессий – католиков, лютеран. Большею частью данные об этом записывали в метрических книгах церквей, в которых их отпевали по православному обряду. Например, «17 декабря 1910 года на Выходо-Иерусалимском (Абалацком) кладбище был похоронен Хорн Юлиан Александрович, енисейский мещанин лютеранского вероисповедания с пением «Святой Боже, Святой Крепкий...» в сопровождении священника и псаломщика». В наших списках такие случаи отмечены особо (выделены жирным шрифтом), что соответствует традиции составления российских некрополей. Несколько раз в год в Енисейск приезжали священники этих конфессий и заносили в свои книги записи об умерших единоверцах, но велись эти записи не систематически. В нашем издании мы предоставляем данные по выпискам из католического костела г. Красноярска о похороненных в Енисейске.

Кроме данных о похороненных на Входо-Иерусалимском (Абалацком) и Крестовоздвиженском (Севастьяновском) кладбищах, опубликованы данные о погребенных при церквях и монастырях. Данные об этих, так называемых «особых случаях», в метрических книгах чаще всего сопровождались пояснениями. Например, «похоронен в ограде сей церкви на основании разрешения Енисейской Духовной консистории и Губернатора».

Наш «Некрополь» состоит из тринадцати таблиц и одного приложения. Представленные данные обусловлены в основном наличием документов в Архиве города Енисейска с 1869-го по 1919 год. Есть немного данных из Красноярского краевого архива (ГАКК) и из других источников разных лет – это «Енисейские епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости».

При работе с архивными документами встречались и недоумения. Например, по данным метрической книги енисейский купец 2-й гильдии, потомственный Почетный гражданин Ларионов Прокопий Дмитриевич был отпет в Троицкой церкви и похоронен на Крестовоздвиженском кладбище, но при археологических раскопках при Троицкой церкви был обнаружен памятник и его захоронение возле этой церкви. Где в действительности похоронен Ларионов, сейчас сказать сложно, хотя к версии о Троицкой церкви склоняет факт захоронения в 1918 году в ее ограде супруги купца, этот факт подтверждает и запись в метрической книге.

Если в документах архива случаются казусы, то тем более встречаются они в литературных источниках. В Енисейске было общепринятым считать, что декабрист Якубович похоронен в ограде Троицкой церкви. В связи с болезнью ему было разрешено в 1845 году выехать из с. Назимово в Красноярск. Вот как пишет об этом в своей «Летописи» А. И. Кытманов: «...но он доехал только до Енисейска. 25-го августа 1845 года Якубович скончался. Гроб несли в церковь и на кладбище служащие с приисков...». В сноске указан источник этого факта: «Сообщение П. М. Прейн». А далее следует предложение: «Он похоронен в ограде Троицкой церкви». Источник этого факта – «Сообщение И. П. Кытманова». Факт погребения политического преступника в церковной ограде вызывает сомнение. И они подтверждаются документом Красноярского архива – Метри-

ческой книгой Троицкой церкви за 1845 год. Читаем дословную выписку: «умер 3 сентября, похоронен 5 сент. Анциферовской волости села Назимовского приписной из поселенцев Государственный преступник Александр Иванов Екубович, 61 года. Без напутствия. Кто совершил погребение: протоиерей Опресов с диаконом Илией Касьяновым на Крестовоздвиженском кладбище» [2].

Особая страница истории Енисейска – это 1919 год. В городе происходили кровавые события и власть переходила от белых к красным и наоборот. Просматривая метрические книги, отчетливо видишь страшную картину смертоубийств. Эти люди выделены нами в отдельные таблицы: «Похоронены в братской могиле перед оградой Богоявленского собора» и «Похоронены в тюремной могиле по отношению коменданта города». К сведениям этих таблиц обращались археологи, занимаясь раскопками на территории Богоявленского собора.

Члены клуба предприняли попытку поработать и по другому принципу. До наших дней дошел документ 1905 года «Градо-Енисейская Крестовоздвиженская церковь», в котором протоиерей Дмитрий Евтихийев описывает старинные надгробия Крестовоздвиженского кладбища. Родословы несколько раз посещали это кладбище с целью поиска указанных памятников. Из 15 памятников, перечисленных протоиереем, сохранились только 5: И. П. Кытманову, С. В. Козминых, И. П. Захарову, В. С. Востротину, М. П. Бородкину (откопали частично).

Также обнаружили более 20-ти памятников, полуразрушенных, вросших в землю, сваленных в кучу и забросанных мусором, являющихся подпорками под современные ограды, со сбитыми надписями и поставленных на современные могилы «предприимчивыми» родственниками. На некоторых из них еще можно прочесть данные об усопших, на некоторых встречаются эпитафии, что для некрополя очень важно. Клуб предложил нынешнему подрядчику-исполнителю по содержанию кладбища В. Н. Климченко подумать о том, чтобы перенести сохранившиеся еще старинные памятники в одно место.

Дальнейшее продолжение начатой работы возможно уже только путем обхода кладбища.

«Хранить память о других – это оставлять добрую память о себе», – говорил Д. С. Лихачев. Эти слово хорошо отражают вклад енисейских родословов в сохранение памяти о своих и чужих предках.

Список источников:

1. Енисейский некрополь (1867–1920 гг.) / Енисейский обществ. клуб «Родословие», ред.-сост. Глухова В. К., Пирогова Н. В., вступ. ст. Глуховой В. К. Енисейск, 2020. 328 с.

2. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 258. Л. 327.

ЛИЦА УПРАВЛЕНИЯ И ВЛАСТИ

Кирпиченко Н. Н.

СИБИРСКАЯ РЕВИЗИЯ М. СПЕРАНСКОГО И ОСНОВАНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматривается деятельность российского общественного и государственного деятеля М. М. Сперанского на посту генерал-губернатора Сибири, которая заключалась не только в наведении порядка и борьбе со взяточничеством должностных лиц, но и в реформировании системы сибирского управления, в результате чего и была образована Енисейская губерния.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, реформа, Сибирь, законодательство, Енисейская губерния.

Сибирь – регион с богатой историей. Сегодня справедливо будет сказать, что эта территория – гордость России. Но, конечно, так было не всегда. История освоения Сибири берет начало во второй половине XVI века. За это время она успела претерпеть множество изменений. Особенно активное развитие Сибири началось в XIX веке. И связано оно было с Михаилом Михайловичем Сперанским, именно он стал реформатором и преобразователем местного сибирского управления [1].

22 марта 1819 года Сперанский получил от Александра I особый документ (рескрипт), где говорилось: «Исправя властью, ему вверяемую, все то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному суждению, сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и, сделав оному начертания, представить Его Величеству». Сам же Михаил Михайлович воспринимал это важное царское задание как почетную ссылку.

Первое впечатление от Сибири у Сперанского было бодрое, лирическо-философское. В письме к дочери из Тобольска он сообщал: «И здесь, любезная моя Елизавета, то же небо, тот же благотворительный свет солнечный, те же люди, смешение добра и зла. Доселе я еще не мог составить никакого понятия, которое представляло бы мне сибиряка. Те же пороки; те же глупости; то же терпение в бедных и своекорыстие в богатых. Различие только в том, что здесь, говоря вообще, весьма жить хорошо, земля довольна хороша, и, следовательно, бедных меньше». Источая дифирамбы о здешнем богатстве края, Сперанский в перспективы будущего его развития не верил. Об этом он постоянно напоминает в письмах к дочери: «Модное заблуждение превозносить Сибирь и находить в ней Индию», или: «Сибирь не место для жизни». Но больше всего его удручало административное бесправие [2].

В начале августа 1819 года Сперанский уже подъезжал к Красноярску. Об этом сделанная им отметка в дневнике гласила: «Путь через Кемчуги ночью. Положение места ужасное: непрестанные горы и болота. До 3 тыс. человек было употреблено весною для поправки и проруби, сея дороги. Ныне она довольно удобна и без нужды следовать по ней можно. Гати по версте и более. Усилия эти делают честь исправнику красноярскому Кольчеву. Завтра рано в Зелеево. Отсюда до Красноярска почти непрерывные и богатые селения. Земля прекрасная: скотоводство и торговля со степными народами».

6 августа 1819 года генерал-губернатор Восточной Сибири знакомился с Красноярском и красноярцами. На память потомкам знатный вельможа сделал в дневнике такую запись: «Вид к Красноярску с горы прекраснейшей, Енисея не видно, но величавые горы на противоположной стороне указуют его течение, смежаясь с облаками в величественном разнообразии. Верст за пять появились казаки, с их головою до 24-х. Здесь сильная команда до 500 человек; ибо отсюда наряжается пограничная стража. Перед городом встретили купечество и чиновники. Город изукрашен решетками и надолбами по новому вкусу, который, однако же, довольно дорого стоит обывателям. Остановились у купца Ильина. Благообразный протопоп. Встреча с иркутским комендантом Цейдлером. Обед у меня. После обеда к вечеру путешествие в Енисейск» [3].

Вернулся Сперанский из Енисейска вечером 11 августа. После двухдневного осмотра города он записал в своем дневнике: «Обозрение судебных мест. Сверх тюрьмы две темницы в частях города и обе наполнены людьми. Вообще при внешней чистоте города – беспорядок и притеснение в делах внутренних».

Встречи с красноярцами еще раз убедили губернатора в том, что дельные, знающие чиновники в этом далеком краю в большом дефиците. Как отмечает автор монографии «Михаил Сперанский» историк Леонид Ермолинский, «в обстановке противоборства, когда мир разделен на «своих» и «чужих», на «наших» и «ненаших», надежность ценилась превыше всего». Надежных же своих людей у Сперанского не было. И это его огорчало больше всего. Как навести порядок в этом крае, когда он вот уже несколько столетий живет по неписанным законам, где главную роль играют взятки? Кто давал больше, тот и был прав. Кто не давал или давал мало – тому кнут и батоги.

Особенно бесчинствовал исправник Федор Лоскутов, гроза сибирского населения, выработавший свою собственную инструкцию, данную им поселенцам. Лоскутов предписывал, «когда и как должен вставать крестьянин, как умываться, как читать молитвы, сколько времени и как запрягать лошадей, как должно держать молоко, яйцо, мясо, когда и как снимать сметану, когда мыть в избе и проч.». Лоскутов строго наблюдал за соблюдением своей инструкции, он приезжал в селение не иначе, как с командой казаков, с несколькими возами палок, прутьев и лоз. Тотчас по приезде он приступал к осмотру хозяйства поселенцев. Если найдет у бабы непокрытый горшок с молоком или невыполотые в огороде гряды, или прореху на платье, – тотчас порка. Потом едет он по полям, и, если находит, что мужик спашал мало или плохо, – беспощадно сечет его. Если же на обратном пути заметит, что работа у наказанного плохо продвигается вперед, – то снова сечет. Лоскутов деятельно преследовал преступления. Он хотел исправить поселенцев, сделать их трудолюбивыми и нравственными. «Действительно, по наружности все было хорошо, но за кулисами производились страшные преступления», – отмечал публицист Серафим Серафимович Шашков.

Когда на берегу Кана исправника Лоскутова по приказу Сперанского арестовали, то местные жители, не веря глазам,

падали на колени и со страхом говорили: «Батюшка, да ведь это Лоскутов!». На этого представителя местной власти было подано 280 жалоб, а стоимость описанного у него имущества доходила до 138 тысяч рублей.

Итоги ревизии Сперанского мало кого удивили в столице: до семисот чиновников были сняты с должностей, а 48 человек за особо тяжкие преступления преданы суду. Этот своеобразный отчет нанес серьезный удар по авторитету предшественника Сперанского – бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири Ивана Борисовича Пестеля. Почти все исследователи жизни и деятельности М. Сперанского, как дореволюционные, так и современные, резко критикуют правление Пестеля, обвиняя его во всех творившихся безобразиях и лихоимствах в период его правления Восточной Сибири.

Таким образом, первой причиной того, почему Сибирь находилась в упадке, была коррумпированность местных чиновников, богатеев и их регулярное злоупотребление властью.

Второй причиной Михаил Михайлович называл «недостаток уставов» на те части управления, которые требовали в Сибири особенных положений. Например, с 1769 года в Сибирь со всей России ссылались преступники, но до 1823 года никакого положения не было сделано о порядке их приема, провожания, распределения и водворения. С давнего времени учреждены казенные запасные магазины, но только в 1818 году положение внесено на рассмотрение Государственного Совета.

В числе других причин Сперанский назвал и нехватку толковых чиновников, которые из-за низкого жалованья, дороговизны жизни, трудностей с воспитанием и обучением детей не хотели ехать служить в Сибирь. «Нравственность в чиновниках, – был убежден Сперанский, – достигается их строгим выбором: но где избирать некого, не может быть строгости в выборе». И еще: Сперанский был твердо убежден в том, что где недостает законов, там управляет личная власть. В Сибири укоренилась столетняя привычка ничего не ожидать от закона, а в каждом деле прибегать к деньгам.

Но все-таки основные философские рассуждения о власти вообще и о губернаторской в частности мы находим у Сперанского в его отчетах о сибирской ревизии в 1819–1820 годах, где он откровенно и честно пишет о том, что личной властью

здесь злоупотребляют, она почти всегда переходит в самовластие. Из-за распространенности такого поведения даже чиновники с, казалось бы, чистыми намерениями не вызывают доверия. Причем бесчестные чины думают, что удаленность Сибири от столицы обеспечивает им безопасность, потому что слухи об их делах не доходят до двора. Это правда так, многие слухи не доходят, но именно из-за удаленности Сибири она постоянно вызывает подозрения. И раз нет никаких уставов, которые могли бы хоть как-то ограничивать местных власть имущих, то единственным способом с ними совладать до 1810 года оставались жалобы и доносы [4].

По окончании ревизии и возвращении М. М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 года был создан I Сибирский комитет. Заручившись поддержкой Александра Николаевича Голицына, Виктора Павловича Кочубея и Алексея Андреевича Аракчева, Сперанский довольно быстро провел через Сибирский комитет свои реформаторские проекты. Менее чем за год был рассмотрен целый пакет законодательных актов, и уже 22 июля 1822 года Александр I утвердил главный проект М. М. Сперанского «Учреждения для управления Сибирских губерний». Главная идея этого документа – преобразование власти губернатора из сугубо личной в публичную на основе гласности и надзора. 1 августа 1822 года Сперанский в письме к своему преемнику Петру Михайловичу Капцевичу так охарактеризовал управленческую реформу: «Общая черта всех учреждений есть та, чтоб вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого. Все они представляют более план к постепенному образованию сибирского управления, нежели внезапную перемену» [5].

У реформ Сперанского было очень много противников среди сибирского чиновничества. Наиболее ярым считался сибирский путешественник Матвей Матвеевич Геденштром. Он писал, что реформы Сперанского оторваны от жизни. Реформатор предполагает, что народ «образован, благочестив, покорен, прилежен и деятелен», а управляющие им чиновники «бескорыстны, умны и деловиты». Но где взять в Сибири и такой народ, и таких чиновников? – не раз задавал вопрос М. М. Геденштром. Он считал, что Сперанский зря отменил

телесное наказание: «Сибиряк после этого стал менее трезв и менее прилежен к труду. С первыми шагами реформы народ обеднел и беднеет еще более, потому что образования нет ни у одного сословия. Население дойдет до нищеты, прежде чем получит образование. Уже и теперь дня не проходит без воровства и убийства; житье в Сибири хорошо только откупщикам и чиновникам» [6].

Но реформатор твердо стоял на своем. «Сибирь для меня есть театр довольно выгодный, – писал Сперанский дочери 1 февраля 1820 года, – если не много я здесь сделал, по крайней мере, много осушил слез, утишил негодований, пресек вопиющих насилий и, что, может быть, еще и того важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях. Один Ермак может спорить со мною в сей части».

А еще Михаил Михайлович провел важнейшие ревизии во всех губерниях, организовал широкий сбор географических, топографических, статистических, исторических сведений. Благодаря реформам Сперанского образовалась самостоятельная Енисейская губерния.

26 января 1822 года появился указ «О разделении Сибирских губерний на Западное и Восточное управления». По этому указу в Сибири учреждались два Главных управления: Западное и Восточное. К Западному принадлежат губернии Тобольская, Томская и область Омская, к Восточному – губернии Иркутская, вновь учреждаемая губерния Енисейская и область Якутская. Енисейская губерния составит из уездов, отделяемых от Томской и Иркутской губерний. Губернскому ее управлению быть в Красноярске. Главное управление в каждой части Сибири вверяется генерал-губернатору. Местопребывание одного из них назначается в Тобольске, другого – в Иркутске. Первою обязанностью генерал-губернаторов будет, «приняв в управление вверяемые им губернии в настоящем их составе, приступить по обоюдному личному их соглашению и по усмотрению местных удобств к подробному назначению граничной черты между обеими частями Сибири по примерной карте и описанию, которые к ним доставлены будут... Обязанностью томского и енисейского гражданских губернаторов будет под руководством генерал-губернаторов, держась той же примерной карты, назначить граничные черты Енисейской губернии» [7].

Этим же указом 26 января 1822 года определено: присоединить Туруханский уезд к Енисейскому, открыть уездное управление в Ачинске, Минусинске, Канске и губернское управление в Красноярске.

Новая сибирская губерния была образована в границах водного бассейна р. Енисея. Определение границ проходило под руководством генерал-губернаторов, назначенных царским указом от 22 марта 1822 года: «Быть командиру Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанту Капцевичу П. М. генерал-губернатором Тобольским и Томским, а тайному советнику Лавинскому Александру Степановичу быть генерал-губернатором Иркутским и Енисейским». В 1823 году А. С. Лавинский представил на рассмотрение министру внутренних дел карту внутреннего деления Енисейской губернии, составленную иркутским губернским землемером Антоном Ивановичем Лосевым. Административно-территориальное деление Енисейской губернии оставалось в основном неизменным до революции. Изменялось лишь волостное деление.

Сперанский умер в 1839 году. За неделю до своей кончины он получил титул графа, оставив после себя первое «Полное собрание законов Российской империи», вышедшее в 1830 году, и незабываемую о себе память как первого реформатора Сибири [8].

В январе 2022 года исполняется 250 лет со дня рождения М. М. Сперанского. К юбилейной дате великого реформатора сотрудники ЦГБ им. А. М. Горького составили рекомендательный библиографический указатель о жизни и деятельности М. М. Сперанского в Европейской России и Сибири. Указатель содержит несколько разделов, где представлены основные этапы жизнедеятельности, воспоминания сибиряков о сибирском реформаторе в дореволюционных печатных изданиях. В разделе «Сперанский на книжных полках библиотеки им. А. М. Горького» можно познакомиться с книгами и периодическими изданиями из фондов ЦГБ им. А. М. Горького, где есть упоминания о М. М. Сперанском.

Список источников и литературы:

1. Потапов И. Ф. Сперанский в Сибири // Енисейская губерния : история в документах и фотографиях. Красноярск : Офсет, 2008. С. 32.
2. Бердников Л. П., Лони́на С. Л. Два века красноярского самоуправления : История и современность (1822–1917). Красноярск : Издат. проекты, 2003. С. 45–46.
3. Сперанский М. М. Из дневника М. М. Сперанского о посещении Красноярска // Город у Красного яра, первая половина XIX : документы и материалы. Красноярск : Кн. изд-во, 1986. С. 55–56.
4. Потапов И. Сперанский ... С. 33–34.
5. Потапов И. Реформы М. М. Сперанского // Енисейская губерния : история в документах и фотографиях. Красноярск : Офсет, 2008. С. 27–32.
6. Бердников Л. П. Вся красноярская власть : очерки истории местного управления и самоуправления, (1822-1916): факты, события, люди. Красноярск : Кн. изд-во, 1995. С. 11–16.
7. Бердников Л. П., Лони́на С. Л. Два века красноярского ... С. 58.
8. Шатилов М. Михаил Михайлович Сперанский // Сибирская жизнь. 1914. 11 февр. (№ 30). С. 2.

М. Ю. Гордиенко

И. И. КРАФТ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРЬЕРЫ: ОТ ПИСАРЯ ДО ГУБЕРНАТОРА

В статье рассмотрены основные этапы служебной деятельности губернатора И. И. Крафта; отмечен его вклад в экономическое и культурное развитие не только Енисейской губернии, но и Якутской области, губернатором которой он являлся ранее. Рассматриваются перспективы использования представленных в статье материалов в деятельности Шушенского музея.

Ключевые слова: И. И. Крафт, Шушенское, писарь, Минусинск, Тургайская область, губернатор, Якутская область, Енисейская губерния.

Иван Иванович Крафт был поистине выдающейся личностью в среде российского чиновничества конца XIX – начала XX вв. Современники за его деятельность называли Крафта «маленьким Сперанским», он был государственным служащим, внесшим не только свою лепту в развитие тех территорий, где работал, но и оставившим след во времени, в сердцах и памяти людей.

Научная и краеведческая работа, связанная с изучением деятельности И. И. Крафта, проводилась в музее-заповеднике Шушенское и ранее, но в основном это касалось его происхождения из семьи ссыльнопоселенцев, а также деятельности на посту губернатора Енисейской губернии. После систематизации имевшегося материала было принято решение, с учетом недостатка информации в музее о деятельности И. Крафта в масштабах Российской империи, заполнить этот пробел. Эта информация используется как в тематической экскурсии для старшеклассников, на которой они могут узнать о деятельности нашего земляка, ставшего губернатором, так и в обзорной экскурсии для аудитории разного возраста.

Родился И. Крафт в Динобурге в 1861 г. Его отец Иван Иванович Крафт, потомственный польский дворянин, занимал высокую должность при витебском губернаторе. Но за должностное преступление, состоявшее в неправильном вытребывании кормовых денег и провианта на сумму 2 400 р., он был разжалован, осужден и сослан в Сибирь на поселение сроком на 25 лет. За ним в ссылку отправились его жена Анна Дементьевна с детьми Марией 5 лет и Иваном 3 лет. В ссылке в семье Крафт родились сыновья Евгений и Александр и дочь Ольга. Как родившиеся в ссылке, они принадлежали к сословию ссыльнопоселенцев и были лишены дворянского звания, в отличие от старших детей, его сохранивших.

Иван, закончив Шушенское волостное приходское училище, стал работать письмоводителем у сельского старосты. Отец специально отделил сына от семьи в 12 лет, чтобы предоставить ему самостоятельность и дать возможность карьерного роста. Затем Иван был назначен в с. Жеблахты, писарем. За свою работу он получал три рубля в месяц. У некоторых исследователей есть упоминания о том, что в Жеблахтах И. Крафт изучил бурятский язык, но подтверждения этому не обнаружено.

С 10 сентября 1877 г. по 22 июля 1880 г. он являлся вольнонаемным чиновником минусинской полиции. Желанием Ивана Крафта было поступить на государственную службу в окружное полицейское управление в качестве столоначальника. Но для этого ему нужно было доказать свое дворянское происхождение. Он подает прошение на имя Государя Императора о том, что он «сын ссыльного дворянина прибыл в ссылку с отцом, имея от роду три года, следовательно, согласно высочайше утвержденной статьи 24 Устава о наказаниях, сохранил все права на родовое звание, по рождению своему». Но местное руководство сочло, что доказательством принадлежности к дворянскому сословию служат выписки из родовых книг и протоколы дворянских собраний. Родовые бумаги отца Ивана Ивановича остались у его братьев. 17 декабря 1877 г. Иван Крафт отправляет запрос о розыскании формулярного списка унтер-офицера И. И. Крафта Витебскому воинскому начальнику.

12 мая 1881 г. сыну унтер-офицера И. Крафту было дозволено поступить на государственную службу с причислением его к третьему разряду канцелярских служащих. С этого момента начался быстрый карьерный рост И. Крафта.

В 1882 г. году Крафт поступил на службу в г. Читу в штаб Забайкальского губернского правления. Здесь его заметил Забайкальский военный губернатор Яков Федорович Барабаш и назначил одним из своих советников. В Чите Иван Крафт женился на дочери местного советника Марии Константиновне. В мае 1889 года Я. Ф. Барабаша перевели губернатором в Тургайскую область Степного генерал-губернаторства. Вместе с начальником в Оренбург отправился и И. И. Крафт. В Тургайской области Иван Иванович стал советником Тургайского областного управления по инородческим вопросам, одновременно являясь редактором газеты «Тургайские ведомости», что помогло ему лучше познакомиться с культурой и бытом местного населения. В 1893 г. выходит его работа «Положение об управлении в степных областях», в ней также были раскрыты вопросы национального характера. Почти десять лет прослужил Иван Иванович в Тургайской области. Здесь в его жизни произошло печальное событие – умерла его жена Мария Константиновна. Эту потерю он переживал очень тяжело, находя утешение в еще большем погружении в работу.

В январе 1899 г. по рекомендации Я. Ф. Барабаша Иван Крафт был приглашен на службу в Министерство внутренних дел в Санкт-Петербург, где он прослужил до 1906 г. В Петербурге он закончил двухгодичные курсы при Археологическом институте. После получения диплома И. Крафт был назначен на должность советника по особым поручениям.

В Санкт-Петербурге 21 апреля 1902 г. И. И. Крафт женится второй раз. Его женой стала дочь генерал-майора, фрейлина царского двора Вера Александровна Эммануэль. Венчание состоялось в церкви с. Никандрово Боровичского уезда. Однако этот брак оказался несчастливым.

Вскоре Высочайшим указом императора Николая II от 25 ноября 1906 г. Крафт был назначен якутским губернатором.

27 марта 1907 г. Иван Иванович прибыл в Якутск. Телеграмма, отправленная им в Иркутск генерал-губернатору, гласила: «Доложу Вашему высокопревосходительству, сегодня прибыл в Якутск и вступил в должность». Приехал на место назначения Иван Иванович один, без семьи. Вера Александровна не захотела покинуть двор и отказалась ехать с ним к месту службы. По другим сведениям, он сам не захотел взять ее с собой.

Крафта отличало ревностное отношение к служебным делам, разбор дел по существу, чуткое отношение к людям. За годы шестилетнего пребывания на посту губернатора Якутской области ему удалось вывести отсталую окраину империи на уровень жизни европейской части России. Заметный сдвиг произошел в экономической и культурной жизни края, здесь появились телефон, телеграф, кинематограф, электричество, а также сквер с фонтаном в городе. Вышла первая демократическая газета «Якутский край», она печаталась на русском и якутском языках. В начале 1911 г., для снабжения Колымского округа необходимыми продуктами и товарами, по р. Колыме была снаряжена Гижигинская экспедиция. В целях изучения природно-климатических условий и исследования полезных ископаемых Крафт с разрешения Императора в январе 1911 г. учредил в Якутской области отдел Имперского Русского географического общества.

И. И. Крафтом был подробно разработан вопрос о выявлении причин, тормозивших развитие сельского хозяйства. Было исследовано 2 220 хозяйств. Для оказания помощи кре-

ствиям он организовал через областное управление на льготных условиях выдачу им сельхозмашин, оборудования и семян овощных и зерновых культур. По ходатайству Ивана Ивановича перед Управлением государственных конезаводов в Якутию был завезен племенной состав лошадей рысистых и тяжело-возных пород для улучшения рабочих качеств местной аборигенной низкорослой породы. Также в целях поддержания развития животноводства был завезен крупный рогатый скот холмогорской породы

И. И. Крафт добился, чтобы в области работало как можно больше специалистов по сельскому хозяйству, которые, живя среди местного населения, смогли бы доказать преимущества нововведений. Им была учреждена ветеринарно-бактериологическая лаборатория в Якутске.

Для поддержания развития охотничьего и пушного промыслов он добился улучшения снабжения населения ружьями и патронами. Но в то же время именно при губернаторе Крафте началась борьба против истребления редких видов местной фауны, значительно снизился отток пушнины в США. Иван Иванович прилагал старания, чтобы заинтересовать купцов, предпринимателей и различные фирмы и учреждения во вложении капиталов в развитие экономики Якутии, а также стремился к созданию благоприятных условий экспорта и импорта товаров. Повышенное внимание уделял он развитию просвещения. В этот период в регионе были открыты 34 школы, педагогические курсы народного образования, построены здания училища и женской гимназии. Иван Иванович изыскивал средства для учреждения стипендий учащимся из беднейших слоев населения, занимался организацией приютов для брошенных детей. Своим примером губернатор привлекал к благотворительной деятельности местное население, на пожертвования было возведено здание музея-библиотеки. За шесть лет деятельности на посту губернатора Якутии Крафтом были разработаны такие важные проекты, как положения об инородцах, о введении института крестьянских начальников, о местном управлении, о преобразовании якутского казачьего полка. По всем вопросам управления и развития края Крафт обращался в Петербург, минуя своего непосредственного начальника, Иркутского генерал-губернатора А. Н. Сели-

ванова, что вызвало между ними личный конфликт, и Крафт, как нижестоящее лицо, подал прошение об отставке. Государь ценил обоих управленцев. Вместо отставки И. И. Крафт был назначен губернатором в Енисейскую губернию.

Городская дума единогласно вынесла постановление об избрании действительного статского советника Ивана Ивановича Крафта почетным Гражданином г. Якутска. Решено было вывесить в зале музея-библиотеки портрет Его Превосходительства, как напоминание о его деятельности на благо края, а также учредить стипендию его имени в одном из учебных заведений Якутска.

Иван Иванович покидал Якутск 22 июля 1913 г. На роскошно иллюминированной пристани собрались сотни жителей города, чиновники, представители Городской Думы и духовенства, казаки и мещане. Пароход двинулся под звуки военного оркестра и фейерверки. По пути следования вверх по Лене приходили к пристаням делегации от сельского населения, чтобы вместе с благодарностью выразить свои сожаления по поводу отъезда губернатора.

И. И. Крафт прибыл в Енисейскую губернию 17 августа 1913 г. Население Енисейской губернии восприняло его назначение как награду. Однако на новой службе Крафт проработал всего лишь 15 месяцев.

При вступлении в должность Иван Иванович осмотрел некоторые сельские лечебницы и нашел их не соответствующими назначению, а кредиты, которые отпускались на их содержание, недостаточными. Поэтому предложил строить пять новых зданий участковых лечебниц с ассигнованием на каждую по 18 000 рублей. Ему принадлежит инициатива создания колонии для тихих умалишенных. Одной из первых деловых бумаг, подписанных Крафтом в Красноярске, был циркуляр о сохранении памятников и архивов. По его инициативе в Красноярске был построен краеведческий музей. Иван Иванович первым внес 1 000 р. на его создание, тем самым подав пример остальным участникам заседания. Перед этим он сказал: «Придет время, когда каждому из нас материальные блага не понадобятся, и, чтобы от нас остался след в культурной жизни края, мы должны поддержать это очень нужное предприятие, и оставить о себе память грядущим поколениям».

Губернатор не раз выступал в качестве мецената-благотворителя. Он внес средства на открытие женской гимназии в Красноярске, а также в пользу учениц фельдшерской школы и на другие социально-культурные дела. Он очень тревожился по поводу детской безнадзорности, в октябре 1913 г. губернатор обратился к жителям Красноярска с предложением создать особый комитет по организации денежных сборов на призрение беспризорных детей.

При губернаторе И. И. Крафте в Енисейской губернии началась целенаправленная борьба с чрезмерным потреблением алкогольных напитков. Пропаганда здорового образа жизни стала реальностью, в Красноярске и Минусинске были организованы мероприятия в рамках Всероссийского праздника трезвости. Под личным контролем губернатора происходило массовое закрытие питейных заведений.

Рабочий день губернатора начинался с 6 часов утра. В это время он выслушивал рапорты полицмейстера и исправника, с 7 до 9 часов принимал посетителей, а после сам лично разбирал доклады начальников отделений. Малейшие промедления или упущения даже крупных по рангу чиновников влекли за собой немногословное указание: «Работать со мной Вы не можете, подавайте в отставку. Переводитесь».

Изучив положение на местах, И. И. Крафт наметил пути развития промышленности в губернии, начал преобразования в просвещении, здравоохранении и в других областях. Неизвестно во что бы превратил Енисейскую губернию этот неординарный человек, если бы судьба не распорядилась иначе.

В феврале 1914 г. И. И. Крафт тяжело заболел. В конце мая он выехал на лечение в Берлин, однако оно не принесло положительного результата, Иван Иванович продолжил лечение в Петербурге, но вновь безрезультатно. 21 ноября 1914 г. Иван Иванович Крафт, Енисейский губернатор, действительный статский советник, умер в возрасте 54 лет от болезни почек. Он был погребен на кладбище с. Никандрово Боровичского уезда, Новгородской губернии, где находилось его имение, пожалованное императором. Иван Иванович Крафт был удостоен самых почетных государственных наград – орденов Святого Станислава 1, 2, и 3-й степени, ордена Святой Анны, ордена Святого Владимира 3-й степени, медалей в память царствова-

ния императора Александра III и в память трехсотлетия царствования дома Романовых. Он прожил короткую, но яркую жизнь. На страницах газет того времени можно было увидеть такие отзывы о нем: «добросовестный чиновник, который служил и горел» («Сибирская жизнь»), «личность незаурядная в бюрократическом мире» («Отклики Сибири»). «Губернатор-ученый» и «губернатор-труженик» называли его современники. В последний год жизни губернатора Крафта с ним встречался корреспондент газеты «Отклики Сибири», который хотел собрать материалы о знаменитом администраторе для написания его биографии. Но Иван Иванович заявил ему: «Я против своей биографии при жизни, пусть история оценит меня». Благодарные потомки не забыли этого выдающегося человека: 9 сентября 2001 г. в г. Якутске был торжественно установлен памятник И. И. Крафту на Площади дружбы, в 2010 г. учреждена премия им. И. И. Крафта в номинации «Библиотека года».

Разработка данной темы представляется перспективной в рамках деятельности музея-заповедника «Шушенское» для тематических экспозиций на мероприятиях музея, таких как «Ночь искусств» и «День открытых дверей», а также событий, посвященных юбилейным датам Енисейской губернии, Минусинского уезда и Шушенской волости.

Список источников и литературы:

1. ГАКК. Ф. 2997. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–4. Косованов В. П. Воспоминания о членах семьи. Выписки.
2. Конкин П. В. В высочайше вверенной моему управлению области все спокойно // ИЛИН. 1999. № 3-4. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1999-34/28.htm> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Мешалкин П. Н. Родом из Шушенского // Научно-практическая конференция, посвященная 250-летию Шушенского и 50-летию Шушенского района (материалы выступлений) 24–27 янв. 1994 г. / Гос. историко-этногр. музей-заповедник «Шушенское», Администрация Шушенского р-на, Краснояр. гос. пед. ун-т. Шушенское, 1994. С. 23–26.
4. Павлов А. А. Губернатор И. И. Крафт / отв. ред. Е. Е. Алексеев; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. Якутск : Изд-во СО РАН, 2004. 247 с.

5. Скоробогатова Н. Н. Иван Иванович Крафт – Енисейский губернатор // Поляки в Приенисейском крае : сб. материалов межрегион. научно-практич. конф. и семинаров «Польская тема в работе архивов и музеев Хакасии и Красноярс. края» 2003–2004 гг. / ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Журналист, 2005. С. 98–104.

И. В. Нашивочникова
Н. А. Горбачева

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГУБЕРНАТОР КРАФТ. МАТЕРИАЛЫ К РОДОСЛОВНОЙ

Статья посвящена истории семьи Енисейского губернатора Ивана Ивановича Крафта. На основании опубликованных и архивных данных построено родословное древо.

Ключевые слова: Крафт, губернатор, родословие и Енисейская губерния.

В последние несколько лет наблюдается повышенный интерес к личности Енисейского и Якутского губернатора Ивана Ивановича Крафта. Возникает закономерный вопрос: «Чем этот человек заслужил столь большое к себе внимание?» Ответ прост – редко какой человек создает себя сам. А Иван Крафт сумел пройти путь от сына ссыльнопоселенца до губернатора и потомственного дворянина. В 12 лет ушел из дома «в люди» и начал трудовую деятельность, получив при этом только домашнее образование. И только в дальнейшем, служа в Министерстве внутренних дел в г. Санкт-Петербурге в 1899–1906 годах, параллельно с работой, закончил вольнослушателем двухгодичный курс в Археологическом институте.

Иван Иванович Крафт родился 5 (18) апреля 1861 г. в городе Динабурге Витебской губернии Российской империи. Вызывает вопрос его вероисповедание – римско-католическое или православное. Если православное, то тогда к нему нельзя было применить так называемый закон о «конфирмации», а он, как

известно, был применен. Если же католическое, то когда он перешел в православие, ведь отпевали его в православном храме.

Семейство предков будущего губернатора по книгам народонаселения Августовской губернии за 1825 г. значилось в дворянском сословии и было показано прибывшим из Познанского княжества Польского.

Про его отца, поляка по национальности, римско-католического вероисповедания, сказано в Алфавите экспедиции о ссыльных за 1865 г. за № 21: «Ян (Иван) Крафт – писарь Динабургской инженерной команды, унтер-офицер Витебского батальона Внутренней стражи – был обвинен в «излишнем вытребовании контрамарок, кормовых денег и провианта на сумму 2 400 руб.» [1].

Родовые бумаги семьи Крафт остались у его братьев.

Когда Иван Иванович собирался поступить в штат государственной службы, он начал писать прошения в Минусинское окружное полицейское управление, но получал отказ. Судимость отца все же сказывалась отрицательно на судьбе сына, хотя и не считалась официальным препятствием. И. И. Крафт это знал и настаивал на справедливости, неоднократно обращаясь в Минусинское окружное полицейское управление, где намеревался служить: «Ваше Превосходительство, на основании примечания к 1267 статье III тома Устава о службе гражданской могут быть приняты на службу даже и поселенцы из дворян и чиновников, пробывшие в наказании не менее 10 лет, а я, сын дворянина, рожденный до конфирмации отца, не могу воспользоваться этим правом, несмотря на буквальный смысл 24 статьи Устава о наказаниях, где сказано, что дети, не участвовавшие в преступлении, рожденные до конфирмации родителей, хотя и последовавшие добровольно в ссылку, сохраняют все права состояния по рождению своему и могут именоваться прежним званием своего отца. Если закон позволяет пользоваться мне прежним званием своего отца, то почему же невозможно пользоваться правами и преимуществами этому званию присвоенными?» [2].

Минусинское окружное полицейское управление приняло Ивана Ивановича на службу в штат в 1877 году с резолюцией

его начальника: «Разрешаю». После этого 17-ти летний Крафт был назначен секретарем гражданского стола в Минусинское окружное полицейское управление, затем столоначальником и быстро пошел вверх по служебной лестнице.

За годы ссылки семья бывшего писаря увеличилась. Родились сыновья Евгений, Александр и дочь Ольга. Дети, родившиеся в Сибири, были лишены дворянского звания и принадлежали к сословию ссыльнопоселенцев. Старшая дочь Мария поступила в ученицы к портнихе, затем удачно вышла замуж за Петра Павловича Косованова. Евгений Иванович Крафт закончил школу в Минусинске, устроился учеником в почтово-телеграфную контору, затем отбывал военную службу на Дальнем Востоке. Как сын ссыльнопоселенца, он не смог сделать никакой карьеры, стал пить и умер молодым. Александр Иванович Крафт после школы устроился подсобным рабочим в ту же контору, где работал Евгений. Тоже служил на Дальнем Востоке, остался работать на золотых приисках в Джилинде, где женился на дочери средней руки золотопромышленника. Данных об Ольге Ивановне Крафт не найдено.

Нужно отметить, что в семье Крафтов все было далеко не благополучно. Для примера: как только Иван начал работать, его мать, собрав всех детей, переехала к нему в Минусинск, оставив мужа. В 1884 г. мать, Анна Дементьевна, не выдержав всех трудностей, выпавших на ее долю, уезжает в Читу, где жили ее сыновья Александр и Иван, но по дороге теряется. Существует семейная легенда, что она ушла в монастырь.

Старик Крафт, будучи больным, переезжает в с. Абаканское (Краснотуранск) к своему внуку Виктору Александровичу. И в 1895 г. умирает в возрасте 67 лет. Спустя 18 лет, в 1913 г., Иван Иванович прибывает в Красноярск Енисейской губернии в должности губернатора и ставит памятник на могиле своего отца.

Служа в Чите в 1882–1889 годах, Иван Иванович женился на дочери советника Марии Константиновне. Брак оказался недолгим. После переезда молодой семьи в Оренбург в 1890 году, примерно в 1890–1893 гг. Мария Константиновна умирает. Точную дату смерти установить не удалось. Был сделан запрос в Оренбургский архив, но в ответе было сказано, что «данных не обнаружено».

В соответствии с законом от 9 декабря 1858 года о Табели о рангах Иван Иванович вместе с титулом действительного статского советника получил право потомственного дворянства. В связи с этим «в 1908 году в Никандровской волости ему были выделены земли в даче пустоши Сорокино = 228 десятин, земля в даче пустоши Леонтьев горох (Дорково и Налетово Горка) Шереховской волости = 178,5 десятин, а всего 406,5 десятин» [3].

21 апреля 1902 г. Иван Иванович женится вторично на дочери генерал-майора Вере Александровне Эммануэль, фрейлине царского двора. Венчание проходило в церкви села Никандрово Боровичского уезда» [4].

Совместная жизнь с женой продолжалась всего 21 день. Указом императора Николая II от 25 ноября 1906 г. И. И. Крафт был назначен якутским губернатором. Его жена не захотела покидать царский двор и отказалась ехать с ним к месту службы. Этого Иван Иванович простить ей не смог. Официально брак расторгнут не был, но, приезжая по делам в г. Санкт-Петербург, он останавливался в гостинице и с супругой не встречался. Ей же выплачивал содержание в размере 250 руб. Вера Александровна считала это малой суммой и несколько раз жаловалась П. А. Столыпину, требуя, чтобы на ее мужа повлияли, и ей было увеличено содержание. Крафту неоднократно приходилось писать объяснительные.

Скончался Иван Иванович Крафт в 1914 году. В документах Петроградской духовной консистории в метрической книге церкви Св. равноапостольной царицы Елены при императорском клиническом институте великой княгини Елены Павловны в г. Санкт-Петербурге за 1914 г. в актовой записи № 57 значит: «Иван Иванович Крафт, енисейский губернатор, действительный статский советник, умер 21 ноября 1914 года в возрасте 54 лет от воспаления почек. Погребен 23 ноября 1914 года на кладбище села Никандрова Боровичского уезда Новгородской губернии» [5].

В газете «Новое время» 27 ноября/7 декабря № 13 903. 1914 г. сообщалось: «23 ноября тело скончавшегося Енисейского губернатора, действительного статского советника И. И. Крафта из часовни клиники Великой княгини Елены Павловны перевезено в церковь Знаменской Божьей матери для отпевания...

Процессия направилась на Николаевский вокзал. В тот же день тело отправлено в имение Новгородской губернии, где будет предано земле» [6].

Поскольку детей у Ивана Ивановича не было, то, согласно завещанию, личное имущество в Красноярске перешло его племяннику, сыну его сестры Марии, Вячеславу Петровичу Косованову.

Косованов Вячеслав Петрович родился 25 января 1880 года в селе Лугавском Минусинского уезда в семье Петра Павловича Косованова и Марии Ивановны Крафт. В 1892 году он поступил в Алтайское горное училище и через 6 лет получил специальность горного техника. Уже через год Вячеслав Косованов открыл залежи руд неподалеку от Абаканского железоделательного завода.

В 1904 году Вячеслав Петрович исследовал, снял на план и застолбил один из первых угольных отводов – Анненский. В это же время он с братом Виктором открывает несколько месторождений слюды на южной оконечности Енисейского кряжа в районе впадения речки Барга в Кан. Это важное открытие в 1913 году положило начало первому в России промышленному производству высококачественной слюды.

Круг его интересов оказался довольно широким. Косованов занимался землеустройством переселенцев, участвовал в экономическом районировании губернии. С 1926 года и до ареста был председателем Среднесибирского отдела Русского географического общества. В 1934 году он стал первым профессором в Красноярском крае. Вячеслава Петровича называли народным профессором.

В. П. Косованов первым высказал мнение, что на Таймыре есть нефть, а в Балахтинском районе – уголь. Благодаря ему в двадцатые годы в крае были восстановлены и дали продукцию многие прииски.

В. П. Косованов был первым изыскателем места под строительство будущей Красноярской ГЭС. В начале 1930-х годов его утвердили председателем геологического бюро при крайплане. Он занимался, в том числе, и вопросами размещения промышленных предприятий. Был одним из авторов и редакторов «Сибирской советской энциклопедии», автором 4-х томного издания «Библиография Приенисейского края», около 25

монографий и множества статей и отчетов. Часть его работ была уничтожена сотрудниками НКВД при аресте.

Широта интересов Вячеслава Петровича и его продуктивная деятельность в самых разных областях позволяют называть его энциклопедистом. Широкая образованность, преподавательская деятельность, краеведение, литература, музыка, активная общественная работа – все это поднимало его на высокий уровень. Но это не уберегло его от репрессий. В 1937 году он был арестован, а 13 июля 1938 года – расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

Потомков Косовановых, а значит и Ивана Ивановича Крафта, только в г. Красноярске, насчитывается более 42 человек. В заключении нужно сказать, что у И. И. Крафта есть родственники по его второй жене. Это ныне живущие потомки ее брата Владимира Александровича Эммануэль, его сына Арсения и внука Георга (Евгения). Это потомки по женской линии в 4-м поколении. Их насчитывается более 37 человек.

Список источников:

1. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 50. Л.16-16 об.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1284. Оп. 47. Д. 151. Л. 85.
4. РГИА Ф. 1284. Оп. 47, Д. 242. Оп. 47. Л. 82, 82 об. О службе генерала И. И. Крафта
5. РГИА Ф. 19. Оп. 127. Д. 3038. Л. 293 об., 294.
6. Разные известия // Новое время. 1914. 27 нояб. – 7 дек. (№ 13903).

Список литературы:

1. Бердников Л., Мешалкин П. Служил и горел // Енисей. 2002. № 2. С. 2–3.
2. Годеев О., Прядко И. Профессор Косованов // Енисей. 1984. № 6. С. 41.
3. Данута Чмель. Якуцкі губэрнатар Иван Крафт : [сайт]. Койданова. 2014. URL: https://adzharaj-kut.blogspot.com/2019/10/2019_0.html (дата обращения: 01.12.2021).
4. Материалы о семье Крафтов из личного архива Н. Н. Скоробогатовой.

5. Павлов А. А. Губернатор Крафт /отв. ред. Е. Е. Алексеев; авт. вступит. ст. Ю. В. Заболев ; Учреждение Рос. Акад. наук, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера Сиб. отд-ния. 2-е изд., испр. и доп. Якутск : Бичик, 2011. 194, [1] с.

6. Якутский губернатор Иван Иванович Крафт (1861–1914) : био-библиограф. указатель / Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия), Отд. ретросп. нац. и краевед. библиогр. Якутск : НБ РС(Я), 2011. 211 с.

А. П. Дементьев

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВИЧ МУЗЫКИН: ЗАБЫТЫЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА КРАСНОЯРСКА

Статья посвящена основным вехам жизни и политической биографии А. М. Музыкина – общественного и политического деятеля Красноярска в период революции 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: А. П. Музыкин, Красноярск, меньшевики, Гражданская война, городской голова.

Алексей Платонович Музыкин занимал пост городского головы Красноярска в один из самых напряженных периодов его истории, в разгар Гражданской войны, с июля 1918 по октябрь 1919 гг. Однако подробная информация об этом человеке в историко-краеведческих исследованиях отсутствует. К настоящему времени мы располагаем только небольшими биографическими справками, составленными Л. П. Бердниковым [1] и О. А. Помозовым [2].

Будущий общественный деятель родился в 1883 г. в городе Керчь Таврической губернии, в мещанской семье. Получил средне-специальное образование, служил несколько лет в Екатеринбургской губернской земской управе. В 1902 г. он вступил в партию социал-демократов и до 1917 г. три раза отбывал ссылку за принадлежность к революционной организации [3].

С 1913 по 1916 годы он жил на поселении в городе Енисей-

ске, затем переехал в Красноярск, где стал заведовать статистическим отделом городской управы, состоял членом губернской продовольственной комиссии. «Предварительная записка к проекту Барнаул-Красноярской железной дороги», составленная А. П. Музыкиным, была опубликована в Красноярске в 1916 г.

Февральская революция 1917 г. позволила Алексею Платоновичу проявить себя на общественно-политическом поприще. Весной 1917 г. члены профессионального союза служащих и работников городской управы избрали его своим председателем. Он открыто вступил в объединенную социал-демократическую организацию, где придерживался меньшевистских позиций. Позднее, в августе 1917 г. на I губернской конференции меньшевистских организаций Алексей Платонович был избран в состав губернского комитета партии [4].

В июле 1917 г. в Красноярске прошли первые прямые, равные и всеобщие выборы в городское самоуправление. Музыкин по списку социал-демократов был избран в состав гласных городской думы Красноярска, активно выступал на заседаниях по хозяйственным вопросам, участвовал в работе ревизионной комиссии. Параллельно он продолжал заниматься вопросами продовольственного снабжения. Так, в августе 1917 г. он председательствовал на губернском продовольственном совещании в Красноярске, где было принято решение о необходимости твердых цен на продукты первой необходимости сельскохозяйственного производства и на продукты фабрично-заводского производства массового потребления [5].

К концу 1917 г. Музыкин, до этого чуждый политической полемики, стал открыто заявлять о своем неприятии большевистской тактики. Так, 30 декабря 1917 г. он назвал большевика А. И. Семененко страдающим «кретинизмом» за его политические взгляды [6]. На заседании городской думы 27 января 1918 г. он выступил с большой критической речью в адрес большевиков. Музыкин заявил, что в городе «царит режим жандармского и полицейского застенка», так как большевики запрещают свободу собраний, вводят цензуру, проводят обыски и аресты у оппозиции [7]. Алексей Платонович поднял вопрос о незаконности проводимых акций, после чего представители центристских фракций вынесли на голосование

постановление о немедленном освобождении арестованных большевиками. Но вследствие преобладания в думе большевиков это предложение было отклонено. На следующий день квартира самого Музыкина была подвергнута обыску [8].

Тем не менее, большевики не стали изолировать оппозиционного деятеля. Весной 1918 г., после ликвидации городской думы, губернский исполнительный комитет, оценив заслуги Музыкина в решении хозяйственных вопросов, поручил ему разработку материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Енисейской губернии.

К моменту свержения советской власти чехословаками в Енисейской губернии в мае – июне 1918 г. Музыкин пользовался значительным авторитетом, как среди красноярских социалистов, так и среди их политических оппонентов – либералов. Первые выдвинули его, как человека хорошо знакомого с городским хозяйством, на пост городского головы. Самая большая в красноярской городской думе фракция эсеров могла провести на голосовании собственного городского голову, но, как писала одна из местных газет, «оказалась качественно настолько слаба...» [9], что предложила этот пост меньшевику А. П. Музыкину. Сама фракция меньшевиков в это время насчитывала 6 человек, то есть всего 7 % состава думы. В то же время кадеты характеризовали Музыкина «во всех отношениях разумным человеком» [10]. В итоге 27 июля 1918 г. Алексей Платонович был избран городским головой губернского центра.

Как городской голова А. П. Музыкин стремился наладить хозяйственную жизнь города. Так, 17 мая 1919 г. по его инициативе городская дума одобрила покупку турбогенератора для электрической станции мощностью до 700 лошадиных сил из Америки [11]. 29 июля 1919 г. он призвал гласных прийти на заседание думы для решения важного вопроса о ссуде для покупки дров. Данный вопрос несколько раз переносился из-за отсутствия кворума [12].

В условиях всевластия военных Музыкин продолжал занимать активную политическую позицию, отстаивая принципы демократии. Беззаконное насилие военных в июле 1918 г. над А. П. Лебедевой, Т. П. Марковским и С. Б. Печерским взволновало общественность, городская дума приняла резолюцию с осуждением самосуда, меньшевики направили протест в Ени-

сейский губернский комиссариат, выпустили прокламацию и газету с обвинениями в адрес военных [13]. В октябре 1918 г. выполняя поручение совещания общественных организаций А. П. Музыкин вместе с председателем губернской земской управы И. В. Казанцевым посетили представителя чехословаков поручика Лелека и сделали заявление о необходимости смягчения участи большевиков, находящихся в тюрьме [14]. Благодаря действиям Алексея Платоновича из красноярской тюрьмы были освобождены большевики С. А. Дубровинская (жена Я. Ф. Дубровинского), Ф. В. Гусаров и др. [15].

Занимаясь в первую очередь хозяйственными вопросами, А. П. Музыкин постепенно отошел от партийной деятельности. В январе 1919 г. он написал заявление о выходе из партии меньшевиков, мотивируя это отсутствием в городской думе меньшевистской фракции и нежеланием возлагать на партию ответственность за свои действия [16].

Под руководством Музыкина были подготовлены новые выборы в городскую думу, которые состоялись 31 августа 1919 г. Несмотря на ряд стеснений агитации социалистов со стороны военных властей, электоральная кампания в целом прошла «гласно и конкурентно» [17]. Победили представители праволиберального блока. 23 сентября 1919 г. новый состав городской думы переизбрал городского голову, которым стал кадет В. И. Староверов. 6 октября Алексей Платонович передал дела городской управы.

За несколько дней до сложения полномочий Музыкин принял участие в совещании представителей земств и городов Енисейской губернии (2–6 октября 1919 г.), где призвал членов совещания рассмотреть вопрос о сибирском самоуправлении, обсуждение которого несколько месяцев земцы пытались согласовать с административной властью. «Я думаю, что такое компетентное собрание могло бы высказаться по этому поводу...», – заявил А. П. Музыкин [18]. Таким образом, с его подачи форум принял оппозиционную Колчаку резолюцию о необходимости созыва Земского собора, наделенного правом законодательства и контроля над деятельностью правительства.

Осенью 1919 г. Музыкин продолжил заниматься общественно-политической работой: занял пост председателя губернского попечительского совета и санитарной комиссии [19]. В ноябре

1919 г. по командировке губернского земства Музыкин уехал в Иркутск, где вскоре началось восстание против А. В. Колчака. Не имея возможности вернуться в Красноярск, он поступил на службу заведующим инструкторским и контрольно-ревизионным отделом Иркутского губернского продовольственного комитета. Однако по ходатайству Енисейской губернской чрезвычайной комиссии 18 апреля 1920 г. его арестовали и отправили в Красноярск.

Следствию не удалось собрать доказательную базу виновности Музыкина в антисоветской агитации. Одним из главных обвинений в его адрес стало подписание приветственного послания А. В. Колчаку в декабре 1918 г. Однако сам Музыкин отрицал данный факт, заявляя на следствии, что его подпись была сфальсифицирована представителями военных властей. Тем не менее в августе 1920 г. он был осужден Красноярской губернской чрезвычайной комиссией и отправлен на три года в концентрационный лагерь без права заниматься трудовой деятельностью.

Последнее обстоятельство сильно ущемило положение Алексея Платоновича. 6 октября 1920 г. он написал письмо «авторитетнейшему местному коммунисту» А. И. Окулову, в котором пытался обосновать абсурдность обвинений в свой адрес. Понимая невозможность своего освобождения, Музыкин хотел быть «полезным работником на пользу советской власти» и просил разрешить «использовать свой труд по специальности» [20]. Согласно его письму, еще в середине 1920 г., он пришел «к непоколебимому убеждению, что в России может существовать только Советская власть» [21]. Вероятно, его просьба была удовлетворена, потому что в документах Архива УФСБ по Красноярскому краю указано, что в дальнейшем он работал бухгалтером на Коркинских копиях.

Известно, что 25.11.1998 Алексей Платонович был реабилитирован прокуратурой Красноярского края [22]. По данным О. А. Помозова, он окончил свою жизнь в одном из лагерей ГУЛАГа. Однако документального подтверждения этому не обнаружено. В своем заключении о реабилитации заместитель прокурора Красноярского края указал, что дальнейшая судьба Алексея Платоновича неизвестна.

Список источников и литературы:

1. Бердников Л. П. Музыкин Алексей Платонович // Мой Красноярск. Народная энциклопедия : [сайт]. URL: <https://region.krasu.ru/people/muzikin> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Помозов О. А. День освобождения Сибири. Томск : Красное знамя, 2014. С. 527.
3. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23004. Л. 3–5.
4. Общегубернская конференция меньшевистских с.д. организаций Енисейской губ. // Дело рабочего (Красноярск). 1917. 11 сент. С. 3.
5. Губернское продовольственное совещание // Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 5 сент. С. 3.
6. Городская дума. Заседание 30 декабря // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 5 янв. С. 2.
7. В городской думе (заседание 27 января) // Дело рабочего (Красноярск). 1918. 27 янв. С. 3–4.
8. Помозов О. А. Указ. соч. С. 110.
9. По поводу городских выборов // Дело рабочего (Красноярск). 1918. 1 сент. С. 3.
10. Кусков П. Социалистический блок // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 28 авг. С. 3.
11. Городская дума // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 21 мая. С. 3.
12. Музыкин А. Открытое письмо гласным городской Красноярской городской думы // Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 29 июля. С. 4.
13. Городское самоуправление // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 30 июля. С. 3.
14. По поводу предания части большевиков военно-полевому суду // Дело рабочего (Красноярск). 1918. 27 окт. С. 2–3.
15. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23004. Л. 3–5.
16. Выход А. П. Музыкаина из партии // Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 28 янв. С. 3.
17. Шереметьева Д. Л. Городские выборы в условиях военной диктатуры А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 2. С. 84.
18. Органов Л. Совещание представителей земств и городов Енисейской губернии // Новое земское дело (Красноярск). 1919. 7 ноября. С. 14–18.
19. Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23479. Л. 30.
20. Там же. Ф. 7. Д. П-23004. Л. 3–5.
21. Там же. Ф. 7. Д. П-23479. Л. 30.
22. Там же. Ф. 7. Д. П-23004. Л. 41.

Т. Г. Карчаева

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ЧИНОВНИКИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПЕРСОНАЛИИ

В статье выявлены изменения в социальном облике не имевших классов чин канцелярских служащих Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв., занимавших должности столоначальников, секретарей, контроллеров, регистраторов, журналистов, счетных чиновников, письмоводителей и их помощников соответственно. Статистические данные по социальным критериям (вероисповедание, пол, возраст, уровень образования, сословное и территориальное происхождение) приведены за 1893 и 1905 г. На основании анализа более 200 единиц формулярных списков установлена тенденция происходившей демократизации доступа на государственную службу, проявившейся в увеличении числа представителей податных сословий (из мещан, купцов, крестьян), омоложении кадров, привлечении на местные должности выходцев из Енисейской губернии. Представлены биографии местных чиновников – П. П. Прейна, И. П. Прейна, А. П. Прейна, М. С. Любимова, С. И. Любимова, В. Е. Кошелева, И. И. Кононова.

Ключевые слова: чиновники, государственная служба, канцеляристы, городской голова, Енисейская губерния, Сибирь.

Система государственной службы на уровне административно-территориальных единиц государства – один из важнейших элементов политической системы, от которого зависит и всегда зависела реализация политики центральной власти на местах. В научной литературе доказано, что Енисейская губерния на рубеже XIX–XX вв. представляла собой территорию, экономически и геополитически важную для Российской империи. Золотодобывающая, горная, маслоделательная промышленность, пушной и рыбный промыслы были отраслями экономики, наиболее распространенными именно в Енисейской Сибири, также традиционно выступавшей местом ссылки политических преступников и местом назначения переселенцев в рамках политики переселения крестьян из

губерний Центральной России [1]. Произошедшие в 1880-х гг. преобразования административно-территориального деления Сибири мало коснулись Енисейской губернии, остававшейся в рамках Иркутского генерал-губернаторства вплоть до 1917 г. [2]. Однако облик местных чиновников на рубеже XIX–XX вв., по сравнению с предшествовавшими десятилетиями, изменился, что было обусловлено политикой демократизации поступления на государственную службу [3].

Цель исследования – проследить эволюцию социального облика местных чиновников конца XIX – начала XX в., занимавших канцелярские должности на губернском и окружном (с 1901 г. – уездном) уровнях государственной власти на территории Енисейской губернии. Сравнение социальных и профессиональных характеристик чиновников за 1893 и 1905 гг. позволило сделать выводы о произошедших изменениях, выявить определенные закономерности, особенности и тенденции.

Источниками исследования послужила служебная документация местных присутственных мест – это хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края (далее – ГАКК) формулярные (послужные) списки чиновников губернского правления (в 1895 г. реорганизовано в губернское управление), казенной палаты, управления государственных имуществ (в 1902 г. переименовано в управление земледелия и государственных имуществ), губернского акцизного управления (создано в 1902 г.), красноярского, канского, минусинского, ачинского, енисейского окружных (с 1901 г. – уездных) правлений.

В практике дореволюционного управления канцелярскими назывались «обслуживающие» должности присутственных мест системы государственной власти, которые могли занимать лица, не имевшие классных чинов по Табели о рангах. Однако в Сибири, имевшей послабления в назначении претендентов на должности, это были и обер-офицерские должности, которые занимали служащие в статусе канцеляристов.

Следовательно, объектом настоящего исследования стали столоначальники, регистраторы, секретари, журналисты, экзе-

куторы, контроллеры, бухгалтеры (со второго разряда), кассиры, счетные чиновники, письмоводители, помощники столоначальников, регистраторов, бухгалтеров, которые на момент нахождения на должности не имели класных чинов, то есть были канцеляристами или канцелярскими чиновниками.

Характеристика канцелярских чиновников Енисейской губернии дана путем анализа формулярных списков местных чиновников, который позволил выявить статистические закономерности (см. табл.). Всего было рассмотрено 112 чиновников в источниках за 1893 г., 116 чиновников – за 1905 г.

Таблица

**Характеристика канцелярских чиновников
Енисейской губернии в 1893 и 1905 гг.***

<i>Крите- рий/ год</i>	<i>Вероисповедание</i>			<i>Пол</i>	
	<i>православ- ные</i>	<i>католики</i>	<i>протестанты</i>	<i>муж- ской</i>	<i>жен- ский</i>
1893	90 чел. (80,4 %)	12 чел. (10,7 %)	10 чел. (8,9 %)	112 чел. (100 %)	–
1905	96 чел. (82,8 %)	12 чел. (10,3 %)	8 чел. (6,9 %)	116 чел. (100 %)	–
<i>Крите- рий/ год</i>	<i>Возраст</i>				
	<i>от 16 до 25 лет</i>	<i>от 26 до 45 лет</i>	<i>от 46 до 55 лет</i>	<i>от 56 до 75 лет</i>	
1893	14 чел. (12,5 %)	35 чел. (31,2 %)	47 чел. (42 %)	16 чел. (14,3 %)	
1905	32 чел. (27,6 %)	42 чел. (36,2 %)	30 чел. (25,9 %)	12 чел. (10,3 %)	
<i>Крите- рий/ год</i>	<i>Уровень образования</i>				
	<i>высшее</i>	<i>среднее</i>	<i>начальное</i>	<i>част- ное</i>	<i>домаш- нее</i>
1893	12 чел. (10,7 %)	42 чел. (37,5 %)	46 чел. (41,1 %)		12 чел. (10,7 %)
1905	14 чел. (12,5 %)	44 чел. (39,3 %)	44 чел. (39,3 %)		14 чел. (12 %)

<i>Критерий/ год</i>	<i>Сословное происхождение</i>			
	<i>дворяне</i>	<i>духовенство</i>	<i>обер-офицеры</i>	<i>дети канцелярских чинов</i>
1893	30 чел. (26,8 %)	26 чел. (23,2 %)	42 чел. (37,5 %)	6 чел. (5,4 %)
1905	12 чел. (10,3 %)	16 чел. (13,8 %)	28 чел. (24,1 %)	4 чел. (3,5 %)
<i>Критерий/ год</i>	<i>военные</i>	<i>казаки</i>	<i>«свободного состояния»</i>	<i>крестьяне, купцы и мещане</i>
1893	4 чел. (3,5 %)	–	–	4 чел. (3,6 %)
1905	–	8 чел. (6,9 %)	4 чел. (3,5 %)	44 чел. (37,9 %)
<i>Критерий/ год</i>	<i>Территориальное происхождение</i>			
	<i>Приезжие</i>	<i>Западная Сибирь</i>	<i>Восточная Сибирь (кроме Енисейской губернии)</i>	<i>Енисейская губерния</i>
1893	26 чел. (23,2 %)	14 чел. (12,5 %)	50 чел. (44,7 %)	22 чел. (19,6 %)
1905	20 чел. (17,2 %)	16 чел. (13,8 %)	46 чел. (39,7 %)	34 чел. (29,3 %)

*Сост. по: ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–49; Д. 110. Л. 1 об.–82; Д. 177. Л. 1–6; Д. 1470–1482; Ф. 160. Оп. 1. Д. 58–179; 212–246; Д. 335–339; Д. 445–450; Д. 972, 1066, 1268, 1340, 1363 1373; Д. 2862. Л. 1–166; Оп. 2. Д. 48–49; Ф. 401. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–7; Д. 290. Л. 1–41; Ф. 613. Оп. 1. Д. 14–316; Ф. 595. Оп. 1. Д. 3949. Л. 1–89; Д. 4308. Л. 1–80; Оп. 3. Д. 4645–4668; Оп. 45. Д. 3–326; Д. 486. Л. 1–16.

Приведенные в таблице критерии – вероисповедание, пол, возраст, уровень образования, сословное и территориальное происхождение – позволяют судить о социальном облике местных чиновников, занимавших должности, как сейчас бы

сказали, технических исполнителей. Данные свидетельствуют о существенной демократизации к началу XX в. доступа на государственную службу в местные учреждения [4].

Во-первых, в составе канцелярских чиновников в 1905 г. (по сравнению с 1893 г.) стало, в среднем, в два раза больше государственных служащих в возрасте до 25 лет, сократилось число служащих старшего возраста (46–55 лет и 56–75 лет), которые наиболее часто встречались в системе окружного (уездного) управления.

Во-вторых, в начале XX в. широкий доступ на государственную службу открылся для лиц податных сословий – число выходцев из мещанской, купеческой и крестьянской среды в 1905 г. увеличилось в 11 раз, что произошло за счет сокращения числа служащих из дворян, духовенства, обер-офицеров (дети чиновников на должностях IX–XIV классов) и канцелярских служащих. На государственную гражданскую службу стали поступать казаки и лица «свободного состояния».

В-третьих, если в конце XIX в. достаточно распространенным явлением были переводы на вакантные места служащих из соседних губерний и областей Восточной Сибири, то в начале XX в. в составе канцелярских чиновников стало в полтора раза больше местных чиновников, а именно родившихся на территории Енисейской губернии.

Стабильными показателями в социальном облике канцелярских чиновников было преимущественное православное вероисповедание (католики и протестанты – до 10 %), имевшееся среднее и начальное образование (городские училища, уездные училища, губернские гимназии). При этом в 1893 и 1905 г. переведенных из Центральной России было около 20 % чиновников. Законодательство о государственной гражданской службе не допускало женщин в систему государственного управления. Анализ формулярных списков показал, что нарушений или послаблений в Сибири по данному критерию (полу) не было. Среди местных служащих в начале XX в. по-прежнему встречались лица с домашним образованием при достаточно широко распространенной сети учебных заведений.

В качестве среднестатистических и одновременно ярких примеров канцелярских чиновников Енисейской губернии

на рубеже XIX–XX вв. могут быть приведены биографии Прокопия Павловича Прейна (1893 г.), Михаила Сергеевича Любимова (1905 г.), Василия Ефимовича Кошелева (1905 г.), Иннокентия Илларионовича Кононова (1905 г.).

Канцелярский служащий Прокопий Павлович Прейн в 1893 г. – чиновник особых поручений Общего губернского управления, 21-го года от роду (дата рождения – 8 июля 1862 г.), православный, холостой, не окончивший полного курса юридического факультета Императорского Санкт-петербургского университета, по формуляру – сын купца Енисейской губернии [5]. Установлено, что Прокопий Павлович Прейн был сыном городского головы Красноярска Павла Яковлевича (Марковича) Прейна, неоднократно избиравшегося горожанами в 1868–1870, 1875–1879, 1879–1882, 1894–1897 гг. и пользовавшегося огромным уважением. Можно предположить, что государственная служба рассматривалась в качестве привлекательной сферы профессиональной деятельности для сына городского головы, назначенного, скорее всего, благодаря протекции отца, на столь высокую должность при условии отсутствия классного чина.

Другие два сына городского головы П. Я. Прейна также служили в структуре губернской власти. Средний сын, Андрей Павлович Прейн (1866 г. р.), после окончания в 1891 г. с отличием Императорского Казанского университета на 1893 г. имел чин титулярного советника, служил Красноярским окружным сельским врачом, а по формуляру за 1912 г. в чине статского советника исполнял должность Енисейского губернского врачебного инспектора [6]. Младший сын, Иван Павлович Прейн, (дата рождения – 23 сентября 1872 г.) на гражданскую службу вступил только в 38 лет на должность канцелярского служащего тюремного отделения Енисейского губернского управления, после окончания трех классов Красноярской мужской гимназии классного чина не имел, в формуляре указано – «сын потомственного почетного гражданина, женат на крестьянской девице», имел четырех детей (два сына и две дочери) [7].

Не имеющий чина в 1905 г. Михаил Сергеевич Любимов (дата рождения – 4 сентября 1888 г.) был молодым канцелярским служащим второго разряда в штате Енисейского губернского управления, сын титулярного советника, после

окончания Красноярского городского трехклассного училища исполнял должность помощника делопроизводителя, в которой будет утвержден в 1906 г. [8]. Он был представителем династии красноярских чиновников Любимовых, то есть преимущественно находившихся на службе в структуре губернского управления в губернском городе Красноярске. Его отец Сергей Иванович Любимов (дата рождения – 11 сентября 1861 г.) на момент рассматриваемого 1893 г. также был в статусе канцеляриста на должности помощника столоначальника первого стола третьего отделения Енисейского губернского правления, по сословно-социальному происхождению был из обер-офицерских детей (сыном чиновника IX–XIV класса). С. И. Любимов к 1915 г. дослужился до чина титулярного советника, но высокой должности так и не занял – находился на обер-офицерской должности помощника журналиста Енисейского губернского управления. Он был женат на дочери мещанина, имел четверых детей, кроме рассматриваемого нами сына Сергея на государственной службе находился еще один сын Михаил Иванович Любимов [9].

Среднестатистическим примером канцелярского чиновника рассматриваемого 1905 г. из самой массовой группы по сословному происхождению – из податных слоев (а именно – «из крестьян») – может служить не имеющий чина Иннокентий Илларионович Кононов (дата рождения – 20 ноября 1872 г.). По формулярному списку, составленному в 1906 г., он исполнял должность младшего чиновника особых поручений при Енисейском губернаторе, был православным, имел хорошее денежное содержание по должности – по 600 руб. жалования и столовых в год. Иннокентий Илларионович Кононов происходил из крестьян Назаровской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, в 1890 г. окончил Ачинское городское трехклассное училище и на службу поступил в 17 лет, приписавшись канцелярским служащим третьего разряда к Енисейскому губернскому управлению, в течении 13 лет служил на различных должностях окружного уровня власти, но преимущественно в Ачинском окружном управлении, в 1903 г. поступил на должность делопроизводителя первого отделения Енисейского губернского управления. И. И. Кононов был женат на дочери коллежского асессора Людмиле Александровне Луговской [10].

Таким образом, рассмотренные статистические данные из формулярных списков канцелярских чиновников Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. свидетельствуют о происходивших в русле демократизации изменениях в системе государственной службы на местном уровне власти. Должности столоначальников, регистраторов, секретарей, журналистов, контроллеров, бухгалтеров (со второго разряда), кассиров, счетных чиновников, письмоводителей и их помощников в начале XX в. все чаще стали занимать государственные служащие податного происхождения (из мещан, крестьян и купцов), возраст канцеляристов стал моложе, больше стало местных, не приезжих чиновников, происходивших родом из Енисейской губернии. Однако биографии канцелярских служащих показали сохраняющееся высокое положение государственной службы в Российской империи на местном уровне власти, все также называвшейся «коронной».

Список источников и литературы:

1. Бергилев Д. Н. Административно-территориальное устройство Сибири в 1708–1917 гг. : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 3–6.
2. Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Сиб. федерал. ун-т. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 12.
3. Комарова Т. С. «Наивеличайшая между всеми в Российской империи» : к 190-летию образования Енисейской губернии / М-во культуры Краснояр. края ; Краснояр. краев. краеведч. музей. Красноярск, 2012. С. 147–149.
4. Положение о преимуществах гражданской службы в Сибири // Сборник узаконений, относящихся до преобразования суда в Сибири / Сост. чл. Житомир. окр. суда С. Г. Громачевским. Житомир : паровая типо-лит. Угер и Блох, 1897. Ст. 1-32.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 83. Л. 41-42.
6. Там же. Ф. 595. Д. 230. Л. 1 об., 2, 28.
7. Там же. Ф. 595. Д. 130. Л. 44 об.-45.
8. Там же. Ф. 595. Д. 326. Л. 74 об.-75.
9. Там же. Ф. 595. Д. 326. Л. 72-74.
10. Там же. Ф. 595. Д. 326. Л. 1-13.

О. В. Гринь

ДЕПУТАТ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ С. А. ЕРМОЛАЕВ, КРЕСТЬЯНИН СЕЛА ШУШЕНСКОЕ

В статье освещена биография и общественно-политическая деятельность Симона Афанасьевича Ермолаева, крестьянина села Шушенское, депутата I Государственной Думы и участника Гражданской войны.

Ключевые слова: Шушенское, Енисейская губерния, I Государственная Дума, Гражданская война.

На территории Музея-заповедника «Шушенское» находится большой дом, который был построен в конце XIX века. Он принадлежал зажиточному крестьянину села Шушенское Симону Афанасьевичу Ермолаеву, депутату I Государственной Думы. Симон Афанасьевич пережил бурный период в годы революционных потрясений 1917 года и гражданской войны. В биографии этого человека было 3 ареста: первый в царское время, два других – в годы советской власти.

Симон Афанасьевич родился в 1870 году и вырос в семье крестьянина-старожила. Его предки Ермолаевы прибыли в Шушенское во второй половине XVIII века из Нижегородской губернии. Занимались они земледелием. С. А. Ермолаев был зажиточным крестьянином с коммерческой жилкой. Ведя свое крепкое хозяйство, он вдобавок скупал по весне скот, откармливал и осенью сбывал, потом занялся скупкой и перепродажей пушнины. Ему были присущи хозяйственность и деловитость. Поэтому крестьяне Шушенской волости в 1895 году избрали его казначеем в волостное правление, а в 1897 году – волостным заседателем. Будучи в этой должности, он осуществлял надзор за политическими ссыльными В. И. Ульяновым, Н. К. Крупской, Я. Л. Проминским, О. А. Энгбергом. На венчании у В. И. Ульянова с Н. К. Крупской 10 июля 1898 года был поручителем со стороны жениха. В начале 1900 года ему доверили заниматься землеустройством. Но самым главным общественным делом для Симона Афанасьевича было избрание его депутатом в I Государственную Думу [1].

Выборная законодательная власть в России была введена Манифестом от 17 октября 1905 г. Одновременно с подготовкой создания Государственной Думы была проделана работа по изменению «Основных законов Российской империи». Новый вариант «Основных законов» был подписан Николаем II 23 апреля 1906 г. Они подтверждали неизбежность самодержавия, царь сохранял право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначал высших чиновников. Тем не менее, все законы должны были утверждаться Думой и Государственным советом.

Выборы в Первую Государственную Думу состоялись в марте-апреле 1906 г. Выборная кампания в Енисейской губернии прошла с большим подъемом и оживлением, как в обществе, так и в местной печати. В г. Красноярске борьба носила ожесточенный характер. Состоялся ряд предвыборных собраний, очень многочисленных и оживленных. Велись горячие дебаты и словесные схватки представителей различных партий, отстаивавших своих кандидатов. Каждая партия стремилась как можно шире распространить свое влияние на жителей губернии [2].

Одной из особенностей выборов в Государственную Думу в Сибири было то, что основными выборщиками (еще в большей степени, чем в Европейской России) здесь являлись крестьяне. Всего от Сибири должно было быть выбрано 26 депутатов (при общем количестве 524 депутата). Однако выборы прошли не везде – например, в Восточной Сибири они завершились только в Енисейской губернии. От нее было избрано два трудовика – С. А. Ермолаев и Н. Ф. Николаевский [3].

Газета «Голос Сибири» от 2 июня 1906 г., комментируя это важное событие, сообщала: «Выборы двух членов Государственной Думы от Енисейской губернии доказали, что выборщики отнеслись к своей задаче вполне серьезно и сознательно. Оба члена Думы – крестьянин Ермолаев и доктор Николаевский – принадлежат по своим программам ближе всего к трудовой парламентской группе, к которой они, по всей вероятности, и примкнули в Государственной Думе. Трудовая парламентская группа левее кадетов, законодательные требования ее радикальнее и тактика смелее и энергичнее» [4].

После избрания членов Государственной Думы народ должен был познакомиться с ними и дать свои наказания. Состоялись

собрания крестьян, где они вырабатывали наказания. К сожалению, приговоры таких собраний не сохранились, кроме Ермаковского сельского схода № 42 от 11 июня 1906 г. Он состоял из 15 пунктов. В качестве первого значилось уничтожение сословий, сравнение крестьян с прочими гражданами империи и снятие с крестьян опеки в лице крестьянских начальников. В следующих пунктах сход наказывал депутату настойчиво добиваться амнистии всем без исключения политическим преступникам, подвергнутым преследованию за народное движение, введения избирательного права на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола и национальности, уничтожения системы нынешнего обложения податями преимущественно крестьян и введения взамен того прогрессивного налога. Интересен наказ в части земли. Признавая землю ничьей собственностью, а Божьей, крестьяне полагали, что права на нее имели только те, кто желал обрабатывать ее личным трудом и предлагали все земли разделить между трудящимся людом.

16 июня в городе Минусинске состоялось последнее собрание для выработки наказа члену Государственной Думы С. А. Ермолаеву. Два дня в городском театре держались речи, шли наказания депутату. А уже 20 июня священник Бриллиантов, отслужив на церковной площади напутственный молебен члену Государственной Думы Ермолаеву, обратился с речью, в которой обрисовал настоящее положение дел в России и закончил словами: «Россией до сих пор управляла кучка людей, называемых министрами, которые «высосали» из России все соки и довели ее до полного бессилия» [5].

Дума начала работу с 27 апреля 1906 года. В конце июня на ее заседаниях шли дебаты по аграрному вопросу. С. А. Ермолаев прибыл в Петербург в первых числах июля и включился в ее работу. Но поработать в Думе Симону Афанасьевичу удалось всего несколько дней. Царское правительство внимательно следило за работой этого органа. В целом Первая Государственная Дума оказалась слишком радикальной, «левой» по политическим воззрениям, чем этого ожидали царь и его окружение. Особенно выделялись депутаты-трудовики, которые вообще потребовали конфискации помещичьих земель.

Судьба думы была предрешена, 8 июля 1906 г., через 72 дня после начала работы, она была распущена [6].

В знак протеста 180 бывших депутатов, в том числе С. А. Ермолаев и Н. Ф. Николаевский, в Выборге подписали воззвание «К народу от народных представителей» [7]. За это С. А. Ермолаев был осужден 6 апреля 1909 года Петербургской судебной палатой. Судом он был приговорен к лишению гражданства и 3-х месячному заключению, которое он отбывал в Петербургской тюрьме «Кресты» [8]. Восстановила его в правах Февральская революция 1917 года. В июне этого года шушенские крестьяне избрали его председателем Комитета безопасности.

Защищая свои интересы и собственность, в годы гражданской войны Симон Афанасьевич выступал на стороне имущих классов. Советскую власть С. А. Ермолаев по всей вероятности не принял, так как по воспоминаниям односельчан Г. Ф. Россиева, А. Ф. Бугаевой, Н. К. Обухова, А. Е. Харчунова, А. А. Цыпильниковой в 1918 г. он входил в штаб белоказаков, и в его доме располагался этот орган. В штаб входили в основном состоятельные, зажиточные крестьяне. Им было что защищать. Обухов Николай Корнилович вспоминал: «В Шушенском уже была создана белогвардейская группа под руководством члена I-й Государственной Думы А. С. Ермолаева, которая обрабатывала наши распоряжения 7-ой армии...» [9].

В конце 1919 года Ермолаев уехал в г. Красноярск, где стал работать в «Сибторге» по приемке и оценке пушнины. Дважды он подвергался аресту по обвинению в контрреволюционной деятельности. В 1931 году его приговорили к 5 годам ссылки условно. В 1935 году вновь арестовали, но 28.02.1936 г. освободили из-за отсутствия состава преступления [10]. В 1937 году он вышел на пенсию. Умер в 1948 году в г. Красноярске, похоронен на Троицком кладбище [11].

Таким образом, можно сказать, что не все сведения удалось узнать об этой весьма интересной личности, еще есть белые пятна в его биографии и поисковая работа будет продолжена.

Список источников и литературы:

1. Кикилова Т. М. Депутат I Думы из Шушенского // Ленинская искра. 2006. 25 апр. С. 6.
2. Бердникова С. А. Выборы в I Государственную Думу в Енисейской губернии по крестьянской курии [в 1906 году] // Современное российское общество: осмысление прошлого, поиск достойного будущего. Красноярск : КАС ЦИ; Администрация Кр. края экспертно-аналитич. центр, 1995. С. 400–403.
3. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 23. С. 53–85.
4. Порхунов Г. А. Выборы в Третью и Четвертую Государственные Думы в Сибири (политические партии и городская демократия) // Перестройки в российской истории: исторический опыт и уроки XX века : (сб. тезисов республиканской науч. конф., 20–21 марта 1996 г.) / Красноярск. гос. ун-т и др. Красноярск : Рио-Пресс, 1996.
5. Там же.
6. Состав сибирских депутатов Первой Государственной Думы // Сибирские вопросы. 1906. № 4. С. 44–46.
7. Там же.
8. Кикилова Т. М. Указ. соч.
9. Там же.
10. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 23. С. 53–85.
11. Кикилова Т. М. Указ. соч.

П. П. Вицинская

«ПРАВЫЕ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ Г. КРАСНОЯРСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: А. Г. СМИРНОВ И В. Е. ЗАХАРОВ

В статье рассматривается «правый» лагерь в общественно-политической жизни г. Красноярск в начале XX века. Основное внимание сконцентрировано на двух деятелях этого периода – А. Г. Смирнов и В. Е. Захаров. Источниковой базой исследования стали периодические издания, выходявшие в г. Красноярске в начале XX века, а также делопроизводственные документы, на основе которых и формируется представление о лидерах «правых», их деятельности и образах в глазах современников.

Ключевые слова: правый лагерь, общественно-политическая жизнь, Красноярск, Союз русского народа, Союз мира и порядка.

Проблема общественно-политической жизни г. Красноярска в начале XX в. является частично изученной. Недостаточно исследованной темой является правый лагерь политических сил города. Опубликованы статьи и книги, касающиеся правых, как в городе Красноярске, так и в Сибири в целом, но при этом их лидеры упоминались лишь вскользь. Целью данной статьи является попытка охарактеризовать лидеров правого лагеря в Красноярске в начале XX в., что также способствует формированию более полного представления об общественно-политической жизни города в изучаемый период.

Одним из ключевых моментов рассматриваемой проблемы является погром 21 октября 1905 г., в результате которого было несколько десятков жертв убитыми и ранеными, после него же и наблюдается оформление правых объединений в городе. Внимание так же будет сосредоточено на таких организациях, как Союз мира и порядка и Красноярский отдел Союза русского народа, которые, стоит отметить, не отображают все многообразие правого лагеря Красноярска. Но с учетом доступной источниковой базы (периодические издания) и самого факта существования объединений, остановимся именно на их лидерах.

Афанасий Григорьевич Смирнов – гласный Городской Думы, учитель духовной семинарии, один из лидеров и организаторов правых объединений в г. Красноярске. Рубежным событием в формировании правого лагеря в Красноярске, как отмечалось выше, стал погром 21 октября 1905 г. Именно после него сформировалось первое правое объединение в городе – Союз мира и порядка, одним из глав которой и был А. Г. Смирнов.

Роль А. Г. Смирнова в событиях 21 октября спорная, согласно некоторым показаниям он пытался отговорить манифестантов идти в сторону Народного дома, где происходил митинг, дабы избежать столкновения [1]. Имеются данные, что его предупреждали о возможных столкновениях, что он осознавал последствия, так как знал настроения «простолюдинов» [2]. Результатом погрома для А. Г. Смирнова стало исключение из числа членов Красноярского общественно-

го собрания [3]. Постановлением 18 апреля 1906 г. Судебный Следователь привлек А. Г. Смирнова к следствию, «предъявив ему обвинения в участии 21 октября 1905 года в г. Красноярске в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилия над личностью и похищения чужого имущества» [4]. В июле 1906 г. на заседании Окружного суда была рассмотрена жалоба Смирнова и отменено постановление о привлечении его к следствию за неимением оснований. Важно отметить, что Смирнов не отрицал своей роли в организации патриотической манифестации, но к убийствам и грабежам отношения не имел [5].

Редакция газеты «Голос Сибири» также обвиняла А. Г. Смирнова в организации погрома, и именно на ее страницах появилась информация о привлечении его к следствию [6], что не удивительно, ведь одним из тех, кто обвинил в ходе следствия А. Г. Смирнова, был Вс. М. Крутовский, редактор «Голоса Сибири» [7]. На страницах этого же издания можно проследить деятельность Союза мира и порядка и А. Г. Смирнова в рядах его членов. Так, на собрании 23 ноября 1905 г. была «принята» программа Союза. Так называемое «принятие» заключалось в том, что Смирнов зачитывал отдельные положения, воспринимая тишину со стороны публики как согласие. Одной из проблем Союза был раскол на почве отказа принять «смирновскую» (как ее окрестили в «Голосе Сибири») программу [8]. Среди прочего стоит упомянуть и характеристику, данную В. Анучиным в открытом письме «К красноярским мещанам»: «я не имею решительно никаких оснований думать, что г. Смирнов в состоянии создать что-нибудь полезное народу». Заканчивалось письмо словами: «Афанасий Смирнов злостный враг ваших прав и обманно хочет их у Вас похитить» [9]. Кроме упомянутой газеты «Голос Сибири», стоит также упомянуть газету «Светоч». Со страниц этой газеты становится известно, что в мужской гимназии преподавал сын А. Г. Смирнова Всеволод, его же отец характеризовался как «народный гений» [10]. Что только дополняет оценку, данную в письме В. Анучина: «г. Смирнов слыл в народе заступником интересов городской бедноты» [11].

Приближались выборы в Первую Государственную Думу. Изначально кандидатами в выборщики в первую Государствен-

ную Думу от Союза были выбраны А. Г. Смирнов и А. Ф. Комаров. В случае Смирнова помешала болезнь, он был ранен выстрелом в ногу [12]. В Союзе начали искать замену. В конечном итоге, после всех споров, кандидатами в выборщики от Союза мира и порядка стали А. Г. Смирнов и В. Захаров [13].

По мнению правых, именно рана, «нанесенная революционерами», стала причиной болезни Смирнова, снижения его активности и, впоследствии, смерти 28 июля 1906 г. Красноярский отдел Союза русского народа сформировался в Красноярске в ноябре-декабре 1906 г. Несмотря на это, союзники считали А. Г. Смирнова первым председателем отдела [14]. Так, они в 1909 г. начали сбор средств для открытия в Красноярске школы Союза русского народа имени Афанасия Григорьевича Смирнова [15]. Собрание отдела 18 января 1909 г. началось с панихиды по Смирнову, где В. Захаров охарактеризовал его «как борца за русское в нашем городе дело» [16].

Варсанофий [17] Емельянович Захаров – протоиерей, точный год его приезда в Красноярск неизвестен. Он являлся одним из активнейших деятелей правого лагеря города. Согласно газете «Православный сибиряк», Захаров был одним из священников, имевших высшее образование [18]. На события 21 октября 1905 г. он отреагировал брошюрой «Беседа по поводу последних массовых кровавых столкновений на почве политической в г. Красноярске, бывших 21 и 22 октября 1905 г.», в которой он дал характеристику общественно-политической обстановке и рассуждал о различиях политических лагерей и их идеях. Заканчивается текст призывом: «Отбросим личные расчеты, взаимную партийную ненависть и недоверие, дружно и беспристрастно станем на дело созидательной на пользу отечества работы» [19].

При формировании Союза мира и порядка Захаров проявлял меньшую активность, чем Смирнов. После того, как Смирнов снял свою кандидатуру в выборщики от Союза, Захаров был одним из тех, кто отказался занять это место. Но, как было сказано выше, в итоге именно они и стали кандидатами. К этому же периоду относится «Речь в объединенном предвыборном собрании избирателей для выбора выборщиков в Государственную Думу от населения г. Красноярска 21 апреля 1906 г.

в Народном доме театре», в которой Захаров заявлял, что христианская вера является единственным объединяющим русский народ средством, способствующим борьбе с врагами и с «разрушительными стремлениями наших чрезмерно свободолюбивых мечтателей – собратьев». Далее Захаров призвал народ отстаивать государственный строй [20].

Лидирующие позиции в среде правых В. Захаров занял, когда в Красноярске сформировался отдел Союза русского народа. Изначально отдел возглавлял исполняющий обязанности председателя Н. И. Чуевский, но на собрании Совета отдела 7 декабря 1906 г. он подал заявление об освобождении его от избрания председателем. Единогласно председателем отдела был избран член Совета В. Захаров [21].

11 февраля 1907 г. состоялись выборы выборщиков в Государственную Думу. От отдела были выбраны В. Захаров и И. Н. Разночинцев, получившие, соответственно, 628 и 478 голосов. Из восьми кандидатов В. Захаров стал третьим по количеству голосов. Председатель отдела положительно оценивал ситуацию с проигрышем: «Союз не одержал победы, но все же был близок к тому; этот сравнительный успех свидетельствует о прочности организации, обеспечивающей союзу большой успех в будущем» [22].

Роспуск Второй Государственной Думы дал новую возможность для правых. На одном из собраний отдела было проведено голосование. По итогам баллотировки кандидатами в выборщики были вновь избраны В. Захаров и А. Ф. Молочков [23]. Тогда Захарову удалось попасть в губернское избирательное собрание по выборам депутата от Енисейской губернии [24]. Захаров стремился и в Четвертую Государственную Думу, в которую также не попал. Красноярские правые выставили в выборщики Л. П. Терских и Захарова, на тот момент, настоятеля градо-Красноярской Благовещенской церкви [25].

В 1909 г. прошли очередные выборы гласных Городской Думы, 22 ноября было избрано 42 гласных. По подсчетам «Сусанина» в Городской Думе правые совместно с умеренными составляли 73,6 % [26]. Впоследствии, Захаров стал упоминаться в новостных сводках с собраний [27]. В декабре 1910 г. под председательством В. Захарова состоялось совещание о возрождении открытого в 1901 г. общества трезвости [28].

Правые Красноярска проявили себя на поприще периодической печати. С 1907 по 1914 гг. издавалась газета «Сусанин», которая с 1909 г. стала главной газетой «союзников» в Сибири [29]. За годы существования у газеты сменилось несколько редакторов, Захарова среди них мы не видим, но это не значит, что влияния он не оказывал. Об этом свидетельствуют слова Н. С. Ковалева – редактора «Сусанина». В 1911 г. на суде по делу о клевете (газета часто оказывалась в центре конфликтов) он заявил, что является номинальным редактором, а на самом деле им был В. Захаров [30].

Предположительно В. Захаров покинул город в 1914 г., что стало одной из причин упадка Красноярского отдела, хотя этот процесс начался несколькими годами раньше. В результате, по донесению начальника Енисейского ГЖУ, после отъезда председателя В. Захарова отдел находился в полном упадке и не собирался [31].

Анализ источников позволяет сделать вывод, что двумя охарактеризованными личностями список лидеров и активных деятелей правых в г. Красноярске в начале XX в. не ограничивается. К сожалению, отсутствуют автобиографические материалы, как и ряд других источников, которые могли бы полнее представить жизнь лидеров правых. Так же мало сохранившихся данных о деятельности других членов объединений и организаций, чьи имена упоминались в отдельных газетных материалах, например, о П. Никольском, названном в газете «Красноярец» лидером Союза мира и порядка [32]. Красноярские правые и их лидеры все еще остаются открытым для исследователей вопросом.

Список источников и литературы:

1. ГАКК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 16 об., 31, 36.
2. ГАКК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 12. Л. 12, 12 об.
3. Голос Сибири. 1905. № 8. С. 4.
4. ГАКК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 12. Л. 12 об.
5. ГАКК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 12. Л. 22, 22 об., 23.
6. Голос Сибири. 1906. № 26. С. 2.
7. ГАКК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

8. Голос Сибири 1905. № 5. С. 2.
9. Анучин В. Открытое письмо. К красноярским мещанам // Голос Сибири. 1905. № 8. С. 2.
10. В учебных заведениях гор. Красноярска // Светоч. 1905. № 1. С. 4.
11. Анучин В. Указ. соч.
12. В союзе мира и порядка // Голос Сибири. 1906. № 11. С. 3 ; Голос Сибири. 1906. № 1. С. 2.
13. К предстоящим выборам // Голос Сибири. 1906. № 24. С. 2.
14. Сусанин. 1908. № 119. С. 3.
15. Сусанин. 1909. № 41. С. 4.
16. Сусанин. 1909. № 17. С. 4.
17. В источниках встречается написание имени в двух вариантах – Варсанофий и Варсонофий.
18. Православный сибиряк. 1906. № 2. С. 4.
19. Захаров В. Беседа по поводу последних массовых кровавых столкновений на почве политической в г. Красноярске, бывших 21 и 22 октября 1905 г. [Красноярск, 1905]. С. 20.
20. Захаров В. Речь в объединенном предвыборном собрании для выбора выборщиков в Государственную Думу от населения г. Красноярска 21 апреля 1906 г. в народном доме театра. Красноярск : тип. А. Д. Жилина, 1906. С. 6.
21. ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
22. Сусанин. 1907. № 7. С. 4.
23. Сусанин. 1907. № 41. С. 1.
24. Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири, (1905 г. - февраль 1917 г.) / М-во общ. и проф. образования РФ, Ом. гос. ун-т. Омск : ОмГУ, 1999. С. 93.
25. Сусанин. 1912. № 1320. С. 1.
26. Что можно бы сказать по поводу только что закончившихся выборов // Сусанин. 1909. № 163. С. 2.
27. Вести. 1910. № 39. С. 2.
28. Сусанин. 1910. № 136. С. 3.
29. К сведению монархических организаций Сибири // Сусанин. 1909. № 11. С. 1.
30. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2662. Л. 27 об.
31. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 153.
32. Красноярец. 1906. № 30. С. 3.

В. В. Бибикова

КОММУНИСТЫ – ПЕРВЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ ЭВЕНКИИ

В статье содержатся краткие биографические сведения о первом руководителе Туринской культбазы Ф. Я. Бабкине, первом секретаре оргбюро ВКП (б) Эвенкийской партийной организации Ф. М. Родине, первом председателе оргкомитета Эвенкийского окрисполкома И. Ф. Первухине. В статье изложены некоторые материалы об их деятельности в Эвенкии, мерах, предпринимаемых для разрешения острых политических конфликтов, межличностных отношениях.

Ключевые слова: Эвенкийский национальный округ, культбаза, оргбюро ВКП (б), тунгусы, ессейские якуты.

Эвенкийский Национальный округ был образован Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 года. Этому событию предшествовала большая работа как теоретического, так и практического плана как в центре, так и на местах. На территориях, которые вошли в состав округа, проживали тунгусские роды и ессейские якуты. Ко времени образования округа в Илимпийской тундре и в районе Подкаменной Тунгуски были образованы родовые советы, учреждены Илимпийский и Байкитский РИКи. Завершающим этапом в подготовке к оформлению национального объединения – округа – было создание Туринской культбазы. Первым руководителем культбазы был назначен Филипп Яковлевич Бабкин.

Филипп Яковлевич Бабкин родился в деревне Маклаково Енисейского уезда 4 января 1894 года в бедной крестьянской семье. Родители умерли, когда мальчику было семь лет. Именно с этого раннего возраста он пошел «в люди»: батрачил у кулаков, с 11 лет уже начал работать на золотых приисках, а затем плывал на пароходах, был грузчиком, кочегаром, слесарем. Февральские события 1917 года застали его в Иркутске, где он находился на военной службе. Волевой и решительный, он был авторитетным в солдатской среде. Филипп Яковлевич был выбран в Совет солдатских депутатов, который впослед-

ствии слился с Иркутским Советом рабочих депутатов. Именно здесь он получил первый опыт работы в выборном органе, понял значение коллективного принятия решений и на практике осознал меру ответственности за их выполнение. Осенью 1917 года Ф. Я. Бабкин уже на Западном фронте, где также избирается в полковой солдатский комитет, организует большевистскую ячейку, в которой становится руководителем.

В 1918 году он демобилизуется, возвращается на родину, где вновь работает на пароходе, избирается в судовой комитет, вступает в один из отрядов Красной гвардии. После белочешского переворота он вынужден скрываться. Возвратившись в Маклаково, он начал подпольную работу среди рабочих лесопильного завода, а с февраля 1919 года возглавлял восстания в деревнях Енисейского уезда против колчаковщины, организовывал партизанские отряды в районах Тасеевской республики. При его непосредственном участии были подготовлены и проведены Первый, а впоследствии и Второй армейские съезды. Ф. Я. Бабкин инициировал решение армейского съезда о реорганизации партизанской армии в регулярную Красную армию. Филипп Яковлевич был выбран членом армейского Совета Северо-Канского фронта. 20–25 декабря 1919 года партизанский отряд под командованием Ф. Я. Бабкина перешел в наступление, освободил Енисейск и взял в плен военный гарнизон. Временный Военно-революционный комитет восстановил советскую власть в городе.

Ф. Я. Бабкин руководил операцией по подавлению кулацкого восстания под руководством полковника Алифатова в 1920 году. В этом же году сформировал для борьбы с Врангелем добровольческий батальон красных партизан. Возвратившись с врангелевского фронта, Филипп Яковлевич находился на руководящей советско-партийной работе в Енисейске. Был выбран членом Енисейского губисполкома. В 1921 году был делегатом от Енисейской губернии на IX Всероссийском съезде, где был выбран членом ВЦИК от Енисейской губернии [1].

С июля 1923 года до 1927 года возглавлял исполком Совета Туруханского края, вел большую работу по претворению в жизнь ленинской национальной политики. Именно при нем начинается создание родовых Советов в Илимпейской тундре и в районе Подкаменной Тунгуски. С 1925 года избирался

членом Красноярского окрисполкома. В 1927 году, находясь на лечении в городе Томске, Бабкин обратился к председателю Красноярского окружного комитета Севера И. М. Суслову с просьбой принять его на работу на открывавшуюся Туринскую культбазу: «Я буду оставаться заинтересованным в прививке культуры туземцам нашего Севера для появления интеллигентов из них самих» [2]. 1 июля 1927 года Бабкин был назначен заведующим культбазой. От Красноярска до культбазы первая бригада специалистов добиралась 32 дня. По впечатлениям Филиппа Яковлевича, «это путешествие от начала до конца представляло сплошной риск, ибо средства перевозки – илимки, катера – далеко не подходящи для этой реки» [3]. По прибытии на базу все специалисты включились в работу. Они помогали строителям окончить работы: вставляли окна, стелили полы, выносили мусор. Одновременно обустроивали ветпункт, больницу, школу, жилые помещения. Заведующий организовывал заготовку дров, сена для привезенных животных, хлопотал о налаживании радиостанции. Но в первую очередь он предпринимал меры по налаживанию контактов с местным населением. Его выбирают членом Илимпейского РИКа, членом ревизионной комиссии кооператива «Чувакан». На все мероприятия – будь то открытие дома туземцев, школы, проведение революционных праздников, он приглашает эвенков. Несмотря на то, что Бабкин имел низшее образование, его авторитет в среде специалистов был непререкаемым. Он поддерживал их в трудные минуты, подсказывал, как установить контакты с туземцами: «Сотрудники должны вести простую, непринужденную, понятную беседу, умело формируя туземца, заново его воспитывая. Мало хорошего врача, хорошей акушерки, хорошего ветеринара. Они должны быть хорошими общественниками, общительными, терпеливыми людьми, педагогами по типу, по методу своей работы. Они должны работать, не считаясь со временем, с расписанием, со своим настроением, не считаясь со своей специальностью» [4]. Он завел порядок, при котором туземец, прибывший на базу в любое время дня и ночи, должен был принят специалистами по интересующему его вопросу.

Заведующий занимался не только обустройством культбазы. Организация снабжения факторий продуктами и промтовара-

ми была в зоне его компетенции. Для того, чтобы договориться о доставке муки на Чиринду, он сам поехал для поиска оленеводов-перевозчиков. Путь был нелегким. Вместе с оленями провалился на середине реки Н. Тунгуска. С большим трудом удалось выбраться из ледяной полыньи. Переночевали под открытым небом при тридцатиградусном морозе. На Чиринде нашли переводчика, перевозчиков, хлеб был вовремя доставлен [5]. Всю зиму он был в разъездах – побывал в Б. Пороге, на Северном камне, озерах Агата, Якшинда, Виви, Тембенчи, в районе Чиринды, Мурухты, на озере Ессей, проехал систему экондовских озер. Во время поездок составлял посемейные списки каждого хозяйства Илимпейской тундры, устанавливал контакты с населением, приглашал в больницу культбазы, агитировал за отправление детей для учебы в школу. Да и в самой культбазе дел хватало. Он писал: «Моя работа нынешнюю зиму является самой тревожной работой в мирной обстановке после военной. Как ни странно, это так. Заваливались дымоходные трубы. Мороз 40–50 градусов. В ремонте пришлось браться самому первому за всю работу, своим собственным примером увлекая рабочих. В мороз иметь дело с глиной и водой – это прямо ужас, так как наполненная глиной рука замерзала на кирпиче, и никто из рабочих не испытывал желания жертвовать здоровьем своих рук, поэтому приходилось первому начинать эту работу, постепенно увлекая остальных. Здесь, как никогда, мне пригодилась моя профессия слесаря» [6]. В поисках строевого леса для строительства бани и изготовления мебели он сам на лыжах обошел окрестности культбазы на расстоянии от 5 до 30 км. Но самая главная работа – это встречи с тунгусами. Организация просветительских лекций со специалистами, агитация за лечение оленей от чесотки, выстраивание доверительных отношений, помощь в работе родовых советов – все было в поле зрения руководителя культбазы. Он не опускал рук, когда не мог убедить тунгусов не обращаться к шаманам, не воспринимал их как отсталых людей: «Особенно сетовать на это не приходится, ибо много еще есть более «культурных» людей на Руси, которые верят в чудо, а туземцу тем более позволительно». Адекватно оценивал он и позицию зажиточных оленеводов по отношению к культбазе: «И прав один из зажиточных тунгусов, ответив на заданный мной во-

прос, хорошо ли сделал Комитет Севера, что выстроил здесь в тундре больницу, школу. Ответ получил, по-моему, умный: «Хороши все здания и снаружи, и внутри, большие, но какой толк будет от них, сказать не могу». Из сказанного можно вывести заключение, что, несмотря на веру в неизвестные силы, тунгус и реалистичен, а реальности излечения оленя ему, тунгусу, еще никто не показал» [7]. Это еще предстояло сделать.

Завершая работу на культбазе, Ф. Я. Бабкин писал: «Культбаза есть только остов, сруб того здания, которое в конечном счете должно быть там возведено. Если туземец, прибыв на культбазу, сможет полечить оленя от чесотки, залечить рану на руке, вылечить глаза, получить хлеб и ружье в лавке, отдаст мальчишку в школу, пожалуется на богатого сородича – и с этим, закончив дела, он оттуда уедет и не почувствует тяги к этой культбазе, это значит, что дом наш стоит все еще без крыши. Культбаза – это школа для туземца. Каждый отдельный туземец – ребенок, взрослый, мужчина, женщина – это целевая установка для всех тех, кто работает на культбазе. Надо, чтобы ребенок уезжал с мечтой о школе, женщина – с предчувствием новых возможностей в ее жизни и ее детей, тунгус – с новым пониманием окружающего его мира природы» [8].

По окончании работы Филипп Яковлевич работал заместителем председателя Красноярского комитета Севера. Летом 1930 года был направлен на строительство Казымской культбазы, где сумел организовать строительство зданий, сформировать первую бригаду работников. Работать в незнакомой местности, с незнакомыми людьми было довольно трудно. С 15 февраля 1932 года он принят на работу сотрудником Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в Москве. С 1 сентября 1935 года переведен в аппарат ГУСМП. В 1937 году он поступает для обучения на факультет особого назначения Главсевморпути. Учиться – это была его давняя мечта! В это время он – начальник управления хозяйства и культуры народов Севера Главсевморпути. Но 9 апреля 1937 года он был арестован по обвинению в участии антисоветской организации правых под названием «Московский антисоветский партизанский центр», по которому были арестованы бывшие партизаны, в том числе В. Г. Яковенко, Н. С. Буда и другие. Во время многочисленных допросов Ф. Я. Бабкин никого не оговорил и вины не признал.

28 ноября 1937 года он был приговорен к высшей мере наказания. По одним данным он был расстрелян в этот же день, по другим – 4 марта 1939 года. Его жена Серафима Сосипатовна была осуждена на 8 лет с отбыванием в исправительных лагерях. Дочь Филиппа Яковлевича Февралина умерла в 20 лет от туберкулеза и похоронена в Красноярске. В 1957 году Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР был отменен приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 ноября 1937 года. Филипп Яковлевич Бабкин был полностью реабилитирован.

Ко времени образования Эвенкийского национального округа на культбазе сменилось еще три руководителя, каждый работал по году. Все они были коммунистами: Адам Петрович Курилович, Петр Васильевич Чалый, Федор Матвеевич Родин.

Познакомимся с краткими биографическими данными Ф. М. Родина, так как ему пришлось не только исполнять обязанности заведующего культбазой, но и быть у истоков образования округа.

Федор Матвеевич Родин родился в 1895 году в семье малоземельного крестьянина Смоленской губернии. Отец, оставив деревню, устроился работать на железную дорогу. Работал сторожем, ламповщиком, стрелочником, составителем поездов, канцеляристом в Крестьянском банке. Федор Матвеевич учился в железнодорожной школе. С 13 лет в течение четырех лет работал в кустарной слесарной мастерской в Смоленске. В 17 лет уехал в город Копысь Могилевской губернии, где работал слесарем на заводе, затем в Киеве – на Русско-южном машинном заводе, с 1913 года – на Екатеринославском заводе Шодуара. За участие в забастовке в знак протеста против избияния бакинских рабочих в 1914 году был уволен. Переехал в Мариуполь, где вновь работал на заводе. С началом I Мировой войны был призван на военную службу и направлен в Московскую мастерскую тяжелой осадной артиллерии, где назначен бригадиром. После февральской революции единогласно был выбран старшим мастером. Участвовал в демонстрациях. Был делегатом съезда рабочих мастерских и складов военных ведомств. Выбран в постоянное бюро съезда. Затем отправлен помощником комиссара по эвакуации юга России на Украину. Работал под руководством Артема (председателя Совнаркома

Украины) его заместителем по эвакуации. На станции Лихой был назначен комендантом подрывных поездов. Затем – Москва, откуда командировается уполномоченным по волжским городам. Во время поездки попал в плен к чехословакам. Бежал. В ноябре 1918 года вступил в РКП (б). Затем был направлен на Украину. В декабре 1919 года установил связь с подпольным комитетом железной дороги. После освобождения Одессы был введен в состав ГСНХ, где выполнял обязанности заместителя председателя ГСНХ. Потом переведен в Смоленск директором Губторга. В Смоленске написал заявление о направлении на работу в Сибирь. В 1922 году был командирован в Томск, где работал заместителем председателя ГСНХ до 16 января 1923 года. После ликвидации ГСНХ 8 месяцев работал управляющим Томским кожтрестом. В августе 1924 года направлен в Красноярск заведующим Губвноторгом. С 1925 года был членом Красноярского комитета Севера [9]. 22 мая 1930 года Комитет Севера при ВЦИК назначил Ф. М. Родину руководителем Туринской культбазы. До середины июня 1930 года Ф. М. Родин комплектовал штаты культбазы, искал специалистов, хлопотал о доставке грузов в Туру. О сложностях говорят его скупые строки: «Средств на ремонт культбазы нет. Сотрудникам платить нечем». Большие проблемы сложились с руководством «Комсеверопути», арендовавшим катер «Орон» и задержавшим его до середины июля. Из-за неспособности местных властей помочь ему в противоборстве с КСМП он пригрозил обращением в суд с иском к КСМП: «Местные организации струхнули». Обращаясь в письме к И. М. Сулову, он писал: «Вам и только Вам это дело необходимо передать прокурору Республики, чтобы на будущее время такие эксперименты не вздумалось производить» [10]. И советовал: «При выработке Положения об уполномоченном присвоить ему права прокурора и Вноторга в части снабжения Севера, и, главное, нужно сильных товарищей, которые бы не боялись говорить во весь голос» [11].

Ф. М. Родин адекватно оценивал изменение приоритетов в отношении к Северу – на Севере выполнялись серьезные правительственные задания, объем и значение которых были важными для всей страны. Он писал: «Строительство, развернутое на Севере, в значительной степени отодвинуло на

задний план вопрос о самом туземном населении. Строительство Игарки, лесосплав, Карская – вот те вопросы, которые отодвинули на задний план заботу о народах Севера у местных организаций, которые совершенно забывают, что без туземца, одними только дорогими привозными рабочими силами край северный не поднять» [12]. «Комсеверпуть» ни ВЦИКовских, ни окрисполкомовских распоряжений не выполняет» [13]. Действительно, стране нужна была валюта для индустриализации, и КСП вел себя довольно независимо. Но у Родина была другая задача: организация завоза продовольствия, промтоваров, горючего в Илимпейскую тундру: «Никто не чувствует и не считает себя ответственным за Север. Экспорт ставится выше жизненных интересов туземцев. Насколько можно, поворачиваю всех лицом к Северу» [14]. Анализируя обстановку того суматошного лета, приходишь к выводу, что только бешеная энергия, настойчивость, презрение к условностям помогли Родину мобилизовать все и вся для выполнения поставленных задач. Фактически он выполнял функции не только завкультбазой, но и председателя Комитета Севера, так как А. А. Иваненко находился в поездке по северным территориям. Видя, что катера можно не дожидаться, он сам поехал на место его работы: «За катером я ездил на Анггару сам. На лодке дошел до Котуя, где и поймал катер. Если бы знал, что приказы окрисполкома никем не исполняются, я выехал бы раньше». Родин своей волей и настойчивостью вернул катер в Красноярск, добился ускоренного ремонта. Одновременно он формировал бригаду специалистов, добивался увеличения норм довольствия, зарплат. Любопытными были его выводы о деятельности «Комсеверопути»: «Хорошие цели у этой организации. Паршивый аппарат, в который затесались авантюристы, вредители, лжецы и значительная прослойка дураков. Комитету Севера необходимо добиваться контроля над этой организацией в части деятельности в туземных районах» [15]. Эти краткие выдержки из его писем и заметок характеризуют Федора Матвеевича как человека резкого, категоричного, но в то же время решительного, ответственного, для которого на первом месте – дело. Отчета о его работе на культбазе в архиве не найдено. Но судя по имеющимся документам, в поле его деятельности была не только работа непосредственно на культбазе, но и проведение

ряда политических и экономических заданий, которые он был обязан выполнять по заданию крайкома ВКП (б), в частности, проведение самообложения и культсбора среди местного населения зимой 1931 года. Именно он принял радиограмму об образовании Эвенкийского национального округа, не подозревая, что его командировка затянется.

Постановлением Восточно-Сибирского исполкома краевого Совета от 3 марта 1931 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» был утвержден оргкомитет Эвенкийского окрисполкома в составе Ивана Федоровича Первухина (председатель), Федора Матвеевича Родина, Ивана Алексеевича Мирошко и оргбюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) в составе Ф. М. Родина (секретарь), И. Ф. Первухина и А. А. Крехова.

Утверждение Федора Матвеевича секретарем оргбюро ВС КК ВКП (б) было для него неожиданным и, по всей вероятности, не входящим в его личные планы: «Прошу пересмотреть крайком вопрос о моем утверждении секретарем оргбюро, так как я никогда не работал. Работал только в административно-кооперативных организациях. В данном случае для пользы дела целесообразнее назначить знающего партработу из секретарей РК бывших окружных партпаратов». Зная, что председателем оргкомитета по организации Эвенкийского ОкрИКа назначен И. Ф. Первухин, он предлагал вариант его назначения: «Первухин знает работу Севера». В его планы входил выезд из округа, так как до него все заведующие культбазой работали по году. Он намеревался помочь специалистам, которые должны были приехать на работу в округ с началом навигации: «Оставаясь до конца августа, мною все работники будут введены в курс дела». Необходимость выезда из округа он объяснял личными причинами: «Состояние моего здоровья, усилившаяся невращательность, малокровие, отсутствие зубов (необходимо менять два моста). Жена имеет начальные признаки цинги. Ребенок нуждается в перемене климата». При этом он напоминал: «Учтите, что на север ехал добровольно, но выехать по указанным причинам необходимо» [16]. Однако, замены Ф. М. Родину крайком партии не нашел, предоставив ему отпуск для лечения.

Анализируя рекомендации крайкома по налаживанию парторганизации, Родин писал: «Затрудняюсь указать возможность проведения партсобраний. Видимо, необходимо оставить руководство парторганизацией оргбюро» [17]. Это заключение имело на то основание: летом 1931 года на территории округа было 17 коммунистов, из них четверо из коренного населения, находившихся на учете в Туруханской парторганизации. По Уставу партии в организациях, насчитывающих менее 100 коммунистов, можно было проводить только районные отчетно-выборные собрания. Парторганизация Эвенкии была малочисленной до конца 30-х годов, и 1 партконференция была проведена только в 1940 году. Ф. М. Родин выехал из Эвенкии в отпуск в конце июня. На культбазе остался И. Ф. Первухин, прибывший с бригадой советских работников на культбазу.

Первухин Иван Федорович родился в 1887 году, окончил Зырянскую школу в Пермской губернии, с 1912 по 1914 год работал учителем. С 1914 по 1918 год – инструктор по кооперации. В 1919 году вступил в РКП (б). С 1919 по 1925 год работал председателем ВИК и РИК. С 1925 года – председатель Тобольского ОкрИК. С 1927 по 1929 год – председатель Тобольского комитета Севера, с 1927 по 1930 год – заместитель председателя Сибирского комитета Севера. В 1930 году направлен на работу в Иркутск, в комитет Севера Восточно-Сибирского края. Именно там в начале 1931 года было принято решение Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) о направлении Ивана Федоровича в Эвенкийский национальный округ руководителем оргкомитета исполкома и начальником Туринской культбазы. В апреле 1931 года он был командирован в Москву для получения консультаций, разъяснений и рекомендаций в связи с образованием округа [18].

После возвращения из Москвы И. Ф. Первухин вместе с бригадой специалистов в конце июня 1931 года прибыл в Туру. Первые впечатления отражены в его записке; «Обширность территории, отсутствие путей сообщения, наличие одной плохо оборудованной радиостанции в Туре, почти поголовная безграмотность населения, полное отсутствие туземных кадров, меняющийся состав привозных работников, слабо, а в большинстве случаев, весьма плохо разбирающихся в вопросах национального северного строительства. Сла-

бая работа кооперации, ограниченная сеть школ, больниц, ветпунктов» [19].

Не мешкая, Иван Федорович начинает активную работу по созыву первого окружного съезда Советов, который был проведен с 25 по 30 июля. Первухин отмечал «живейшее участие» местного населения в проведении съезда, «большой подъем» выступающих. Все доклады произносились на трех языках. На съезде были сформированы окружные органы власти. Первухин был избран председателем Эвенкийского окружного исполкома. После съезда была начата организационная работа в условиях острого дефицита кадров. Нужно было, в первую очередь, заняться комплектованием как окружных, так и районных структур, например, в образованном Чунском районе. Первухин говорил: «Так как работников у нас мало, надо регламентировать использование наличных коммунистов» [20]. Им была введена практика совместительства. Но это была вынужденная мера. На собственном опыте И. Ф. Первухин убедился в ее недостатках: «Изрядно отражается на работе совместительство. Председатель ОкРиКа, он же заведующий культбазой. Опыт этот, проверенный на мне, показал уже ряд отрицательных моментов» [21].

Писал он и о трудностях в работе: «Какой-либо помощи со стороны Комитета Севера не чувствуется. Бросили на произвол судьбы, ничем необходимым не снабдили, работай и изворачивайся, как знаешь. В общем, духом не падаю, из трудностей так или иначе выхожу» [22]. Он поставил задачу перед аппаратом: «Введение коренизации в организациях. С этой целью развернуть преподавание эвенкийского языка не только среди эвенков, но и среди кадра привозных работников, обязав последних к быстрейшему изучению эвенкийского наречия» [23]. Иван Федорович организовал первые курсы для эвенкийской молодежи в Туре, подыскивал кандидатов для направления на учебу в Ленинград и Иркутск. На плечи Ивана Федоровича выпала задача коллективизации местного населения. Первоначально планировалось создать колхоз при каждом Интеграле (кооперативе). Отправленные в районы Эвенкии осенью 1931 года бригады специалистов столкнулись с большими трудностями, которые заставили сделать шаг назад и перейти к укреплению нескольких созданных колхозов

вместо развертывания коллективизации вширь. Другой неожиданной для И. Ф. Первухина проблемой оказались события на Ессее.

Здесь следует вернуться к событиям лета 1931 года, когда после окружного съезда Советов 29 июля состоялось собрание членов ВКП (б). На нем присутствовало 12 коммунистов, 7 из которых были вновь прибывшими. Тем не менее, это не помешало им принять решение о невозможности возвращения Родина в Туру в качестве секретаря оргбюро. Причиной было то, что на окружном съезде Советов местным населением были высказаны жалобы на проведение «важнейшей политической кампании среди населения – культурного сбора: переобложение середняцких и бедняцких хозяйств». Однако крайком не спешил одобрять это решение собрания. Очевидно, там прекрасно понимали, что Родин выполнял решение крайкома о культсборе (кстати, впоследствии культсбор среди коренного населения был отменен республиканскими органами) и, наверняка, крайком настаивал на безусловном выполнении плана. Кстати, на собрании была дана странная оценка попыткам Родина исправить положение, дав, как тогда говорили, «отступного»: «В исправлении ... ячейка ударилась вправо и в панику, стала производить ничем не обоснованные скидки с сумм платежей шаманов по культсбору» [24]. 30 октября 1931 года в округе была получена телеграмма крайкома ВКП (б) о возвращении Родина в округ. Из округа в Иркутск ушла радиограмма, подтверждающая прежнее летнее решение, но с припиской: «Принимаем к обязательному исполнению телеграмму крайкома о возвращении Родина» [25]. Сам Первухин в письме к И. М. Суслову писал: «Если Родин возвратится с губернаторским насскоком, то пусть останется и работает, я же поставлю вопрос об уходе» [26; 27]. Почему у Ивана Федоровича сложилось такое пристрастное отношение к Родину – только ли из-за жалоб тунгусов на практику проведения культсбора – неизвестно. Можно предположить, что ранее они могли быть знакомы – ведь Первухин и Родин могли встречаться на совещаниях в Сибирском комитете Севера, и, возможно, у них сложились определенные впечатления друг от друга. Однако, это не более, чем предположение.

Но опасения Ивана Федоровича оказались излишними. Родин вернулся на культбазу 4 января 1932 года, объяснился с коммунистами, и в радиোগрамме, отправленной в крайком, говорилось: «Родин получает ...полное понимание и доверие как руководитель организации» [28]. Правда, противоречия между Первухиным и Родиным сохранялись на межличностном уровне. 13 января при обсуждении проекта отчетного доклада оргбюро И. Ф. Первухин сказал: «С приездом Родина организация стала подходить к общей пришибленности, безынициативности». На это замечание Родин ответил: «Я киселем никогда не буду, хотя и хотят это сделать» [29].

В это время с Ессея пришли тревожные новости. Руководитель бригады П. Н. Астраханцев сообщал о том, что на общем собрании якуты заявили, что «никаких вопросов слушать и обсуждать не будем, если хотите проводить собрание, то давайте обсудим один вопрос, чтобы нас якутов, передать в распоряжение вилюйских властей» [30]. Попытки наладить контакты ни к чему не привели, большинство семей с Ессея и Кирбея откочевало в Якутию, бросив оленей и имущество. Нужно отдать должное Родину: он сразу помчался к месту событий. По всей вероятности, его способности оценивать ситуацию помогал опыт работы по организации эвакуации на Украине в годы гражданской войны, когда промедление было смерти подобно. К моменту его прибытия Астраханцев организовал охрану оставленного оленьего стада, имущества и поехал в Якутию на факторию Якторга, где расположились якуты с Ессея, к заведующему факторией Васильеву «для переговоров с руководителями, чтобы исправить эту суматоху, в крайнем случае – арестовать Васильева. Переговоры привели к тому, что Васильев хотел пустить в ход револьвер – приставил ко лбу секретаря Ессейского тузсовета». Дальше события развивались как в киносценарии. П. Н. Астраханцев писал об этом И. М. Суслову: «Не знаю, чем бы дело кончилось, но в это время подъехал Родин, которому удалось рассеять разгоревшиеся страсти. Получив окончательный ответ, что население Ессейского тузсовета не хочет подчиняться «тунгусам» и туруханским властям, выехал, а вместе с ним все русские, на Ессей и дальше на Чиринду» [31]. Очевидно, это было единственно правильное решение. Адекватная реакция секретаря оргбюро

спустить все «на тормоза» сняла напряжение: русские уехали, воевать было не с кем. Бригада осталась на Чиринде, где организовала колхоз, а Родин вернулся на культбазу. Обострение конфликта могло бы привести к более нежелательным событиям, как это произошло весной на Таймыре, где было поднято восстание коренного населения, в ходе которого были убиты 36 партийных и советских работников. Вернувшись в Туру, Родин приказал отправить немедленно несколько санок продуктов (сахар, чай, масло, мануфактуру) на Ессей: «Организовать транспорт, подготовить продукты для обеспечения населения на лето. Часть забросить немедленно. Кулачеству предложить вернуться на Ессей, к своим хозяйствам». Но Родин не был бы Родиным, если бы не принимал жестких решений: «При отказе вернуться – арестовать» [32]. Никто никого не стал арестовывать, так как он сам своим поведением показал, что лучше в опасной ситуации проявлять выдержку и спокойствие, да и телеграммы из крайкома призывали к установлению доверительных отношений с местным населением.

В оценке произошедших событий И. Ф. Первухин и Ф. М. Родин были солидарны. Они видели возможность стабилизации положения на Есsee и в Кирбее в улучшении там социально-экономической обстановки, комплектовании квалифицированными кадрами, разрешении пограничных споров на уровне Республики. Комиссия ЦК и ВСК ВКП (б) высоко оценила действия Родина: «Все грубые политические ошибки бригады и преступные действия представителей Якутии не вызвали дальнейшего обострения положения только благодаря быстрым и решительным действиям оргбюро, сейчас же по получении первых сведений о создавшемся положении командировавшего туда секретаря оргбюро, который на месте исправил ошибки бригады и успокоил население» [33]. Правда, при этом комиссия сочла нужным указать на некоторые отрицательные черты в его поведении: «К числу личных недостатков Родина могут быть отнесены резкость, некоторая нетактичность в отношении к некоторым членам партии, которые ... давали повод к тому, чтобы обвинять его в личной неприязни к этим товарищам, зажиме самокритики» [34]. Эта же комиссия приняла решение: «Первухина, председателя ОкрИК, с работы снять» [35]. Но Иван Федорович решением крайкома ВКП (б) был

оставлен на работе, так как замены ему не нашлось, да и обвинять его в допущенных искажениях, как и ранее в случае с Родиным, было неправильным: он четко выполнял установки, спущенные сверху. Оставлять в округе новых людей, не имевших представления о специфике работы, было бы достаточно опрометчиво.

В одной из последних докладных записок в крайисполком Ф. М. Родин сделал анализ проводимых в округе мероприятий по коллективизации, признав ошибочную поспешность с ее организацией. Однако при этом он сделал вывод: «Отменить сделанное – еще больше осложнить положение. Мы должны сказать, что население охотно идет в колхозы, но не потому, что вполне осознало преимущество колхозного хозяйства, а главным образом потому, что надеется получить добавочных оленей, получить еще в долг как колхозник (как единоличник он закредитовался за два-три года вперед)» [36]. Встретив новую бригаду специалистов, он выехал из Эвенкии. Якутское население постепенно в течение 1932–33 годов вернулось на Ессей. И. Ф. Первухин в течение года продолжал работу по укреплению колхозов, организации пушного промысла, упорядочиванию работы школ и медпунктов. Большую работу он вел по вовлечению молодежи в комсомол.

Работа командированных на Север была тяжелой. Отсутствие связи с родными, непривычные условия, климат, незнание языка коренных народов, бесконечные разъезды, необходимость разрешения возникающих проблем в условиях отсутствия инструкций на свой страх и риск вызывали чувство усталости, тревоги, а подчас и безнадежности. И. Ф. Первухин, имевший восьмилетний опыт работы, как он писал, «в отдаленных территориях», признавался: «За отрывом от культурных мест, утратой привычки пользоваться газетами и прочим, чувствую в себе отсталость от всех темпов происходящего строительства» [37].

Летом 1933 года Первухин выехал из округа. О его отъезде секретарь окружкома ВКП (б) М. И. Чернявский писал: «Первухин выехал, оставив больное настроение: виноват крайком, все другие, только не он. Он заявил, что бросит партбилет и уедет в Москву» [38]. Но Первухин был направлен работать в Иркутское крайЗУ. В письме И. М. Сулову он писал: «Лицо Севера меняется, а с этим происходит и замена работников но-

выми кадрами. Иные уходят совсем, иным не дают работать, а иные предпочитают сами уходить, предпочитая более легкие условия и характер жизни» [39].

Попытки найти какие-то сведения о дальнейшей деятельности И. Ф. Первухина не увенчались успехом. А вот Ф. М. Родин еще раз вернулся в Эвенкию, но уже с другим заданием. Весной 1937 года Родин по заданию крайкома ВКП (б) приехал в округ. Шли массовые чистки партийных организаций. Вместе с помощником краевого прокурора Давыдовым он первым делом направился в Байкитскую парторганизацию. Результатом этой поездки стал «разгром врагов народа». Секретарь райкома, его заместитель, инструктора, уполномоченный НКВД, начальник раймилиции, нарсудья были исключены из партии. После отъезда проверяющих в крайком ВКП (б) ушло письмо Эвенкийского окружкома партии о том, что «в результате таких действий комиссии партработа в районе была приведена к полному развалу» [40]. Судя по документам, в работе проверяющих доминирующими методами были администрирование и командование. Этот вывод приводит к мысли о том, что решение далекого летнего партийного собрания 1931 года о нежелательности возвращения Родина в Эвенкию имело основания.

По-разному сложились судьбы первых руководителей Эвенкии. Да и сами они были очень разными. Объединяло их членство в коммунистической партии, которая своими уставными требованиями, провозглашенной политикой требовала одного: неукоснительное выполнение ее решений, безусловное подчинение долгу. Но несомненен их вклад в развитие социально-экономического потенциала Эвенкийского национального округа.

Список источников и литературы:

1. Бойцы революции / [науч. ред.: Б. Ф. Багаев, П. Н. Мешалкин]. Красноярск : Кн. изд-во, 1982. С. 12–14.
2. ГАКК. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 24. Л. 75.
3. Там же. Д. 125. Л. 28.
4. Там же. Д. 192. Л. 104.
5. Там же. Д. 181. Д. 224.

6. Там же. Д. 143. Л. 4.
7. Там же. Д. 143. Л. 8.
8. Там же. Д. 192. Л. 104.
9. Там же. Д. 270. Л. 29.
10. КККМ. 7473/20.
11. КККМ. 7473/15.
12. Там же.
13. КККМ. 7473/23.
14. Там же.
15. КККМ. 10175/155. Д. 6788.
16. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 1. Д.3. Л. 171.
17. Там же.
18. ГАКК. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 12. Л. 119.
19. Там же. Д. 5. Л. 61.
20. Там же. Д. 7. Л. 61.
21. Там же. Д. 2. Л. 40.
22. КККМ. 10175/81. Д. 6661.
23. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 5. Л. 64.
24. Там же. Д. 1. Л. 8.
25. Там же. Д. 1. Л. 21.
26. КККМ. 10175/81. Д. 6661.
27. КККМ. 10175/82. Д. 6662.
28. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
29. Там же. Д. 7. Л. 71.
30. КККМ. 10175/144. Д. 6724.
31. Там же.
32. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
33. Там же. Д. 19. Л. 5.
34. Там же. Д. 10. Л. 6.
35. Там же. Д. 9. Л. 3.
36. Там же. Д. 7. Л. 38.
37. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 6. Л. 130.
38. Там же. Д. 6. Л. 36.
39. КККМ. 10175/84. Д. 6664.
40. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 4. Д. 1. Л. 95.

С. В. Кухта

«МЕСТНЫЙ И ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК». СУДЬБА П. В. ОШАРОВА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье раскрываются вехи жизни и деятельности П. В. Ошарова – первого председателя исполнительного комитета Кировского районного Совета депутатов трудящихся, руководителя разных советских и профсоюзных организаций г. Красноярска на протяжении сорока лет.

Ключевые слова: кадровая политика, номенклатура, личное дело, биография, репрессии, местное управление, история г. Красноярска.

На хранении в Государственном архиве Красноярского края находится большое количество личных дел членов ВКП (б), в составе которых – автобиографии, анкеты, фотографии, характеристики, заявления и другие официальные биографические документы. Благодаря этим документам становится возможным достоверно восстановить этапы жизни и деятельности многих государственных деятелей г. Красноярска и Красноярского края, оценить их вклад в развитие региона и масштабы личности. Среди таких деятелей – Петр Васильевич Ошаров, чиновник, возможно, не слишком известный, но, без сомнения, оставивший о себе добрую память в истории нашего города.

Петр Васильевич родился в июне 1894 г. в с. Березовском Вознесенской волости Красноярского уезда (ныне пгт. Березовка), с раннего детства проживал в Красноярске. Его отец происходил из крестьян-бедняков с. Комы Новоселовской волости, был извозчиком и горняком-рабочим, мать – домохозяйкой. «До учебного возраста находился периодически то при отце и матери, то при одной матери, т. к. отец большую часть своей жизни проводил на приисковой службе, причем в период дошкольного моего возраста я помню, что, живя в большинстве с матерью, мы терпели страшную нужду...», – вспоминал Петр Васильевич. В 1905–1909 гг. он учился в начальной при-

ходской школе и в первом классе 4-х-классного Красноярского городского училища, однако, полноценного образования так и не получил. В 1910 г. в возрасте 15 лет поступил на работу в Красноярский окружной суд рассыльным, затем служил конторщиком в Сибирском торговом банке: «В 1911 году, будучи неквалифицированным конторским служащим, по простой случайности я поступаю на службу в банк... [там] мне удалось изжить небольшую часть той нужды, которая подчас доводила меня до безумия» [1].

В 1915 г. Петр Ошаров был призван в армию, служил писарем в 14-м Сибирском стрелковом запасном полку. Там молодой служащий проникся социалистическими идеями, вступил в партию большевиков и в 1917 г. был избран членом Енисейского губернского Совета депутатов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и членом президиума солдатской секции при Совете. С октября 1917 г. занимал должность председателя железнодорожного кооператива, «по простой случайности не подвергаясь особенным преследованиям в период колчаковской власти». Петр Васильевич персонально отвечал за своевременное снабжение продовольственными товарами всего «железнодорожного» населения губернии от станции Нижнеудинск до Ачинска. Из рядов РКП (б) он в 1920 г. «механически» выбыл, так как из-за «перегруженности в работе и болезней в семье» не мог уделять достаточного внимания партийно-общественной работе.

В 1920-е гг. П. В. Ошаров сменил несколько руководящих должностей, среди которых: заместитель заведующего Енисейским губернским отделом социального обеспечения; управляющий делами бюро полномочного представительства ВСНХ; заведующий подотделом Енисейского губернского отдела труда; заведующий подотделом Енисейского губернского отдела здравоохранения; председатель Красноярского окружного правления Союза «Медсантруд»; председатель Красноярского окружного правления Союза работников просвещения. В 1928 г. он был вновь принят в члены ВКП (б). В январе 1931 г. Петра Васильевича отзывают в г. Иркутск на должность заведующего отделом кадров Восточно-Сибирского крайпрофсовета. В 1932–1933 гг. он возглавлял Иркутский городской профсовет и отдел кадров Иркутского городского комитета ВКП (б) [2].

В 1934 г. Петр Васильевич Ошаров вернулся в Красноярск и был избран председателем Совета нового правобережного района города. Перед руководством района во весь рост встала необходимость решения множества неотложных задач, связанных с промышленным, транспортным и социально-культурным развитием стремительно растущего правобережья. На первом пленуме 13-го созыва горсовета 29 декабря 1934 г. предрайсовета Правобережной стороны П. В. Ошаров выступил с такой речью: «[...] необходимо отметить и, в частности, успехи, которые мы имеем в гор. Красноярске. Сейчас, исходя из постановления партии и правительства об образовании нового Красноярского края, гор. Красноярск приобретает особое значение как краевой центр, и мы обязаны поднять работу во всех отраслях на должную высоту. За последний период мы по гор. Красноярску и его району добились безусловных успехов как в области сельского хозяйства, так и в промышленности. За ближайшие несколько лет город изменил свое лицо. У нас появились новые фабрики и заводы, заканчивается строительство гиганта тяжелого машиностроения – «Красмашстроя» на правобережной стороне Енисея. С ростом промышленности растет и население на правобережной стороне. На сегодняшний день насчитывается 20 тысяч человек пролетариата. Необходимостью обслужить нужды этого пролетариата вызвана организация на правом берегу райсовета. Пленумом райсовета выставлен ряд задач, вытекающих из общих задач, направленных к культурному обслуживанию трудящихся. Принимая во внимание громадные перспективы развития промышленности на правобережной стороне, пленум горсовета должен быть заинтересован в оказании помощи райсовету, а помощь эта настоятельно требуется: имеется слабая сеть школ, библиотеки нет, парка культуры нет, недостаточно кино, нет театра. Народное здравоохранение требует разрешения целого ряда важнейших вопросов [...]. Проведение этих мероприятий требует капиталовложений, и в этой части мы требуем от горсовета ассигнований и, в свою очередь, приложим все силы к тому, чтобы с этой большой задачей справиться. Пленумом райсовета выдвинуто требование о присвоении ему названия имени т. Кирова [...]» [3].

Петр Васильевич живо включился в работу первых организационных заседаний райсовета. Определение границ района,

строительство жилья, школ, яслей, дорог, колодцев, проведение кампании по прививанию рабочих от оспы и тифа, устройство звукового кино и многие другие насущные вопросы обсуждались на пленумах под его председательством. К примеру, на совещании 8 марта 1935 г. он сообщил «о предстоящих затруднениях с переправами в связи с развертыванием нового строительства на правой стороне города и о необходимости конкретных и практических мероприятий по установлению надлежащего состояния переправ в предстоящий летний сезон 35 г. и необходимости установления автобусного сообщения на правом берегу» [4].

Однако уже в апреле П. В. Ошарова внезапно отозвали на другой сложный участок – заведующим в городской отдел внутренней торговли. В январе 1936 г. председатель горсовета Ф. И. Болховитин признал, что этот перевод был незаконным, и возвратил Петра Васильевича на прежнее место руководителя Кировского района [5]. Формирование сети государственных учреждений на правом берегу шло медленно, население нуждалось в филиалах почты, телефонной станции, сберегательной кассы и т.д., нехватка которых особенно остро чувствовалась в период весеннего разлива Енисея. Райсовет готовил ходатайства в городской Совет с просьбой выделить средства и специалистов, ускорить процесс формирования инфраструктуры района [6; 7]. Особенно тревожило Петра Васильевича бытовое положение рабочих правобережья: «[...] представители ЖКУ выступали здесь, я бы сказал с явно преуменьшенными фактами тех безобразий, которые имеются в общежитиях, обнаруженных комиссиями по обследованию общежитий [...] Мы вынуждены со всей резкостью потребовать от начальников ЖКУ немедленно улучшить жил[ищно-]бытовые условия рабочих, а также потребовать и от профорганизаций лучшего культурно-бытового обслуживания рабочих[...]», – говорил Ошаров на заседании исполкома райсовета 16 января 1937 г. [8].

С июня 1937 г. Петр Васильевич Ошаров – секретарь исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся. В этой должности он и был арестован в июне 1938 г. по абсурдному обвинению в «контрреволюционной вредительской работе». Арест для Петра Васильевича не стал

неожиданностью, поскольку многие его коллеги по крайисполкому уже были под следствием. Среди обвинений, которые прозвучали в адрес Ошарова, были: «срыв работы секций и депутатских групп, срыв финансирования хозяйственных и культурных учреждений, особенно школ и фельдшерских пунктов, срыв благоустройства Кировского райсовета». В жалобе на несправедливый арест, направленной народному комиссару внутренних дел 20 июня 1939 г., Петр Васильевич писал: «[...] Заявляю Вам, гражданин народный комиссар, я никогда в жизни не состоял и не принимал никакого участия ни в какой к[онтр]р[еволюционной] организации, в том числе и в организации правых, я всю жизнь честно трудился для партии, для советской власти и для всего советского народа, я своим честным трудом хотел осчастливить и жизнь моих детей, а теперь получилось так, что я выброшен, как ненужная вещь, и изолирован от общества, несмотря на то, что я ни в чем не виновен[...]». К счастью, после 19 месяцев тюрьмы 15 января 1940 г. уголовное дело против П. В. Ошарова было прекращено, он был освобожден из-под стражи и вскоре восстановлен в партии [9; 10]. После задержания П. В. Ошарова его семью – жену Ольгу, дочь Валентину и сына Владимира выселили из квартиры в «Доме специалистов», откуда они переехали во флигель дома на улице Горького, 66. В день освобождения на эту улицу Петра Васильевича доставили на служебной машине начальника тюрьмы. Там его, сидящего на скамейке у чужого дома и совершенно растерянного, спустя время заметил проходивший мимо сын [11].

С марта 1940 г. П. В. Ошаров трудился начальником контрольного инспекторского отдела краевого управления наркомата связи, в первый год войны руководил отделом военного снабжения стрелкового батальона в г. Кемерово, откуда был уволен в запас по возрасту в апреле 1942 г. Затем – вновь череда руководящих должностей: заведующий Красноярским городским торговым отделом, заместитель председателя исполнительного комитета Красноярского городского Совета, начальник Красноярского краевого управления пищевой промышленности, начальник управления рабочего снабжения Енисейского речного пароходства [12]. Руководство крайторгоотдела так характеризовало П. В. Ошарова в 1943 г.: «Работая с 1920 года в советских и торговых организациях, приобрел

рел большой опыт советской и хозяйственной работы, всегда пользовался большим авторитетом как в руководящих кругах, так и у подчиненных. Дисциплинирован, инициативен, политически развит. Принимает активное участие во всех проводимых мероприятиях как партийных, так и советских организаций, пользуется большим авторитетом среди населения города как местный и честный человек» [13].

Много интересных деталей о личной жизни и особенностях характера Петра Васильевича Ошарова содержится в находящейся на хранении в архиве рукописи книги речника и краеведа Бориса Николаевича Еремеева «Кача впадает в Енисей». Отец Бориса Николаевича погиб на фронте, мать – племянница жены П. В. Ошарова – тяжело болела и вскоре умерла. Так в доме Ошаровых (тогда они жили на площади Революции на первом этаже деревянного двухэтажного дома) появились воспитанники – сначала Юрий Еремеев, а затем, в 1946 г., и его младший брат Борис. «Эти два человека заменят нам отца и мать, сначала заставят нас сломать в себе все искаженные жизненные критерии и понятия, а затем помогут нам выработать новые и осмыслить свое будущее. Главная роль и ответственность, безусловно, принадлежала, в общем-то, не родному нам человеку – дяде Пете», – вспоминал Б. Н. Еремеев [14]. На протяжении всей жизни Борис Николаевич с теплом и любовью вспоминал ту бескорыстную помощь, которую в трудное время оказала ему семья Ошаровых: «Каким же нужно быть добрым человеком, каким был наш дядька, чтобы вот так тратить свое здоровье, трепать свои нервы, убивать свое очень малое для отдыха время на воспитание двух, не родных ему по крови родственников. Каким же бескорыстным и человеческим человеком нужно быть, чтобы в труднейшее время к не очень богатому столу кристально честного работника добавить два прожорливых рта и огромную кучу забот, проблем и ответственности?» [15].

Б. Н. Еремеев описывает своего воспитателя как честного, прямого и предельно искреннего человека, который не терпел лжи, фальши и обмана и никогда не злоупотреблял своим служебным положением. Борис Николаевич вспоминал случай, когда Ошаров со скандалом вернул директору пивзавода привезенный в его отсутствие жене ящик пива [16]. Скром-

ный в быту, он не стремился обзаводиться лишним имуществом – в обстановке квартиры Ошаровых не было и намека на роскошь [17]. Злобы на своих, часто непослушных, воспитанников Петр Васильевич никогда не держал, быстро восстанавливая в семье атмосферу покоя и благожелательности.

Родной сын Ошаровых Владимир Петрович стал военным летчиком, прослужил всю войну и трагически погиб уже в мирное время, разбившись при посадке на аэродроме г. Дзауджикау в 1946 г. Дочь Валентина окончила Красноярский финансовый техникум, работала бухгалтером в одном из учреждений Красноярска [18].

О последних годах жизни Петра Васильевича известно немного. После смерти жены в 1952 г. он тяжело заболел и вынужден был на некоторое время прервать работу, а в 1956 г. уйти окончательно на пенсию по старости. В 1954 и 1964 гг. персональный пенсионер местного значения П. В. Ошаров, оказавшийся в сложном материальном положении, просил Красноярский городской исполнительный комитет о выделении ему финансовой помощи на лечение [19; 20]. Умер Петр Васильевич Ошаров в 1967 г. [21].

Судьба Петра Васильевича Ошарова во многом типична для представителей партийной номенклатуры 1920–1930-х гг. Будучи талантливым практиком и организатором, он компенсировал отсутствие образования широким кругозором, верностью партийным идеалам и колоссальной работоспособностью. Частая смена мест службы, перипетии трудовой и личной жизни не смогли поколебать его моральные ориентиры. Выходец из бедной крестьянской семьи, он стал профессиональным управленцем и известным в Красноярском крае человеком, не получив, однако, от своего статуса никаких материальных выгод и к концу жизни столкнувшись с той же бедностью, что была его спутником в юности.

Список источников:

1. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 17п. Д. 1855. Л. 14–15.
2. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 3. Д. 1112.
3. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 317. Л. 4.

4. ГАКК. Ф. Р-2095. Оп. 1. Д. 1. Л. 38, 40.
5. Там же. Д. 2. Л. 10 об.
6. Там же. Д. 3.
7. Там же. Д. 4.
8. Там же. Д. 4. Л. 12, 14, 15.
9. Там же. Д. 413. Л. 5, 113-113 об., 273.
10. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 17п. Д. 1855. Л. 105.
11. АКК. Ф. П-1005. Оп. 1. Д. 19. Л. 22-23.
12. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 3. Д. 1112.
13. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 28к. Д. 2684. Л. 8.
14. ГАКК. Ф. П-1005. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.
15. Там же. Л. 41.
16. Там же. Л. 26.
17. Там же. Л. 39.
18. Там же. Л. 31, 46.
19. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 805. Л. 1.
20. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1160. Л. 83.
21. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 94. Л. 76.

ДЕЯТЕЛИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

А. П. Борисова

ВОЗВРАЩАЕМ ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В центре внимания статьи – именные списки участников Первой мировой войны 1914–1918 гг. от Енисейской губернии, адресованные всем интересующимся историей Приенисейской Сибири, а также в помощь тем, кто работает над родословной своих семей для восстановления недостающих звеньев в ее истории. Представленный в статье материал предназначен также для привлечения внимания к проблеме «Забытой войны» и ее героев.

Ключевые слова: Забытый полк, Первая мировая война 1914–1918 гг., енисейские сибиряки.

Тема исследовательской работы, результаты которой отражены в представленной статье – именные списки участников Первой мировой войны 1914–1918 гг. Енисейской губернии. В 2019 году была издана первая книга под названием «Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.», в которой около 20 тыс. имен участников Великой войны, восстановлено более 600 георгиевских кавалеров. Книга есть во всех библиотеках края и в свободном доступе в Интернете. Работа над составлением именных списков продолжается, на сегодняшний день георгиевских кавалеров-земляков в списке уже более 800. О некоторых защитниках Отечества хотелось бы рассказать в этой публикации.

Кравцов Тимофей Кузьмич (1889–1972) – уроженец Курской губернии, из крестьянской семьи. В семилетнем возрасте остался без отца, после четырех классов школы поступил учеником слесаря в мастерские. В 15 лет уехал на Донбасс, где работал слесарем на рудниках до призыва в армию. В 1910 году был призван на действительную военную службу во Владивостокскую крепостную военно-телеграфную роту, успешно окончил школу телеграфии. В октябре 1912 года Кравцов был переведен на службу в авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы (окончил авиамоторный класс Теоретических авиационных курсов при Петербургском политехническом институте). Это был первый выпуск авиамотористов для Российской армии, до этого все авиамеханики получали образование только за границей. В декабре 1913 года получил звание ефрейтора. С началом Мировой войны служил в 31-м авиаотряде, по количеству и результативности боевых полетов превзошел всех офицеров своего авиационного дивизиона, один из первых в русской авиации летал ночью на бомбометание. Летал на самолетах различных марок – Дюпердюсен, Ньюпор, Фарман, Блерио, Моран, Моран Парасоль, но более всего – на самолете марки Вуазен. Удостоен четырех Георгиевских крестов с формулировкой «за воздушные разведки» и был произведен в первый офицерский чин прапорщика. Кроме того, за свои боевые полеты Кравцов был награжден орденами Святой Анны 3-й ст. с мечами и бантом (приказ по Особой армии № 1119 от 8 нояб. 1917); орденом Святого Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (приказ по Особой армии № 530 от 28 мая 1917). Золотым Георгиевским оружием награжден Петроградской думой 22 сент. 1917 за то, что 20 мая 1917 г. вылетел для разведки и фотографирования неприятельских позиций в районе Гулевичи-Свидники, произвел 37 снимков железной дороги, проложенной в Ковельском направлении к позиции фронта. Аэрофотосъемка впервые в русской армии была произведена непрерывно на всем протяжении позиций 31-го корпуса Юго-Западного фронта, что представляло большую ценность для командования. Во время этих вылетов экипажу Кравцова приходилось неоднократно вступать в воздушный бой. В последнем бою из семи самолетов противника

Кравцов сбил два (в одном из них застрелил вражеского пилота из личного оружия). В этом же воздушном бою Тимофей Кузьмич сам был ранен и сбит над территорией противника, спланировал к лесу, но к счастью, был спасен от плена во время Брусиловского прорыва русскими войсками на реке Буг. После революции 1917 года солдатским комитетом авиаотряда Т. К. Кравцов был послан делегатом на фронтовой съезд от частей Юго-Западного фронта. С первых дней организации РККА Тимофей Кравцов вступил в ее ряды и принял командование 21-м авиаотрядом, где был примером для всего личного состава. В 1919 г. назначен начальником авиации и воздухоплавания 15-й Армии. Воевал против Деникина и Петлюры.

В мирное время работал в гражданской авиации Красноярского края, Якутии и Чукотки, руководил аэропортами в Игарке, Дудинке, Норильске, Анадыре, Певеке, Якутске, авиаремонтными мастерскими в Красноярске. Жена Валентина Васильевна Матанцева – коренная красноярка. Тимофей Кузьмич умер в 1972 году, с почетом похоронен на Базайском кладбище г. Красноярска, не оставив прямых наследников. Сейчас кроме единственного еще пока живущего, но сильно возрастного родственника, на могиле никто не бывает.

Лет пять назад общественные организации выступили инициаторами переноса могилы Кравцова, как одного из первых военных авиаторов нашей страны, на Троицкое кладбище, «в летчицкий уголок», который находится сразу за зданием музея «Мемориал Победы», и где захоронены многие летчики, погибшие при исполнении воинского и служебного долга. В этом случае могила была бы под присмотром музея как памятник истории Первой мировой войны. Или на аллею Славы кладбища Бадалык с установлением на могиле памятника, соответствующего статусу героя. К сожалению, администрация города ходатайство не поддержала по ряду объективных причин. Правда, могилу на Базайском кладбище привели в порядок, заменили старый железный памятник на гранитный простой, без портрета.

В преддверии 200-летия Енисейской губернии и 400-летия г. Красноярска решение этого вопроса было бы исключительно актуально – город обрел бы памятник-символ в память о событиях и героях войны, которую часто называют «забытой».

Заслуживает внимания и геройская судьба Шлихтера Сергея Александровича. Он родился в 1894 г. в г. Полтаве. Отец его был сослан в г. Енисейск. Сергей окончил гимназию. Будучи студентом 2-го курса Московского университета медицинского факультета с началом Первой мировой служил в лазарете братом милосердия, записавшись добровольцем в 1-й Сибирский врачебно-госпитальный отряд Всероссийского союза городов. Отважный юноша не ограничивался только перевязкой и эвакуацией раненых. Во время боя 24-го июля 1915 года, перевязывая раненых в окопах, восстановил связь между двумя ротами, чем спас их от гибели и плена. Сам медбрат был ранен в ногу, но умудрился вынести из-под обстрела раненого командира роты. За свой подвиг Сергей Шлихтер получил Георгиевский крест IV ст. Это был исключительный случай награждения санитаря подобной наградой. В сентябре 1915 года, узнав, что несколько десятков наших раненых остались на территории под обстрелом немцев, он вызвался пойти парламентом к врагу. Для этого с двумя товарищами вышел вперед с флагом для переговоров с немцами. Эта миссия полностью удалась – наши воины, трое суток пролежавшие без всякой помощи, были погружены на санитарную машину и вывезены в тыл. А Шлихтера представили к Георгиевской медали. С весны 1916 г. Сергей вступил в команду пеших разведчиков 266-го полка, где вместе с Мартьяновым Н. Н. (сыном основателя музея), участвовали в Брусиловском прорыве. 20 июня в бою под Барановичами, после выбытия всех офицеров роты, Шлихтер встал во главе подразделения и повел роту в атаку. В результате был захвачен неприятельский перевязочный пункт и было взято в плен около сотни австрийцев. За этот подвиг последовало представление храбреца ко второму Георгию, но получить награду Сергей не успел. Через несколько часов уже после боя, он был тяжело ранен осколком гранаты в шею навылет и контужен в плечо. 25 июня 1916 года Сергей Александрович по дороге в Минский госпиталь скончался в возрасте 21 года. Погребен на Братском кладбище «Сокол» в Москве. Кладбище преобразовано в мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны. Так получилось, что эта единственная уцелевшая в нетронутом виде могила в этом комплексе, и состоит под охраной государства как памятник истории Первой мировой войне.

А Ткачев Федор Григорьевич, (1897–1987), родственник автора статьи, приведен в исследовании как участник четырех войн. Это типичный пример того времени. Семья переселенцев из Курской губернии остановилась на жительство в Минусинском уезде в с. Большая Иня. С началом Первой мировой войны 17-летним Федор ушел на фронт. Воевал на Румынском фронте, дослужился до звания старший унтер-офицер. После окончания войны домой добирался самоходом два года. Участник Гражданской войны, во время которой ему довелось воевать на стороне белых и на стороне красных в отряде Щетинкина. В 1939–1940 гг. участник финской операции. На трактористов налагалась бронь, поэтому на Отечественную войну он был призван только в 1943 году. В отделении был старшим по возрасту, подбадривал молодых солдат, старался быть спокойным, хладнокровным и уверенным. Солдаты его называли батей. Воевал под Ригой в танковых войсках, там и был ранен. Вырванный локоть правой руки 8 месяцев залечивал в госпитале Йошкар-Олы в Мордовии. Комиссован. Имел боевые награды. В мирное время работал бригадиром тракторного отряда колхоза им. Сталина в Большой Ине. Участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, в 1948 году был награжден орденом Ленина. О нем есть сведения в книге «Гордость земли минусинской» [с. 54]. Его дочь Анна Федоровна, учительница, рассказала, как 90-летний фронтовик был всеми забыт, и тогда директор Большеиньской школы, Бенедиктов Владимир Вячеславович, написал о нем письмо в райком партии и заметку в журнал «Крокодил». Последствия для фронтовика были самыми положительными: извинения, подарки, деньги, запоздалая награда. Похоронен он на кладбище в селе Большая Иня.

Подобных историй множество – земляки геройски защищали Родину, а в мирное время доблестно трудились на благо семьи и во благо Отчизны.

И задача потомков изучать историю своего рода, не только словами, но и делами подтверждать: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Список источников и литературы:

1. Наши славные крылья / [авт.-сост. В. Филиппов]. Красноярск : Поликор, 2014. 334 с.
2. Борисова А. П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Красноярск : Офсет, 2019. 607 с.
3. ГАКК. Ф. Р-51. Оп. 3. Д. 16.
4. Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг. : [сайт]. URL: www.gwar.mil.ru (дата обращения: 01.12.2021).

А. П. Шекшеев

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ ЗИМОЙ-ЛЕТОМ 1920 Г.

Статья посвящена рассмотрению создания и функционирования органов советской власти и коммунистических ячеек на территории пяти уездов Енисейской губернии в первой половине 1920 г. Указывая на характерные черты этого процесса, выражавшиеся в его длительности и применении разных форм организации соответствующих органов, автор считает, что одной из причин такого становления советской власти были ее непростые отношения с крестьянством. Вопреки утверждениям отечественной историографии об активной поддержке крестьянами организации новой власти, в представленном исследовании показано, что они не всегда стремились к активной общественной жизни и протестовали против ущемления своих прав и интересов.

Ключевые слова: деревня, Енисейская губерния, коммунисты, крестьяне, настроения, протестное поведение, революционные комитеты, советская власть, советы.

Тема становления советской власти на территории сибирской деревни в первой половине 1920 г. занимала одно из приоритетных мест в трудах советских историков [1]. Но с возникновением в постсоветское время новых научных запросов она незаслуженно утратила свое активное освещение

и стала возникать периодически и в качестве эпизодов совсем другой истории. При этом тезис, утвердившийся в отечественной историографии о том, что процесс формирования и функционирования первых структур советской власти протекал в благоприятной политической атмосфере, возникшей в результате добровольного выбора крестьянства в ее пользу, так и остался незыблемым.

Советская власть воцарялась на огромной территории Енисейской губернии со множеством селений, в которых проживали крестьяне, далекие от очагов цивилизации и настороженно относившиеся к новому в своей жизни. Поселенческая структура миллионного по численности крестьянства составляла 284 села, 1 775 деревень, 358 улусов, 89 поселков, 110 хуторов, 8 выселков и 132 заимки. Они находились на большом расстоянии друг от друга и были сравнительно небольшими по численности жителей. Около 70 % всех населенных пунктов региона являлись селениями, где проживало до 400 душ населения [2]. В деревне все еще сохранялись остатки сторонников белого режима в лице бывших казаков и дружинников. Замкнуто существовали родовые селения ачинско-минусинских инородцев, начавших консолидироваться в единую национальную общность.

Большие территории и плохие коммуникации делали государственный контроль на территории Енисейской губернии несовершенным. Свободное же землепользование и распоряжение доходами способствовали развитию хозяйственной инициативы предприимчивого крестьянства.

С приходом советской власти к традиционному управлению в лице общины, выражавшей интересы всех слоев крестьянского населения и сохранявшей традиции, ценности и социальные связи, добавились советские органы, действующие соответственно с решениями руководства или в духе того времени. Возникшие в с. Казачинском Енисейского уезда и в селениях Шилинской волости Красноярского уезда комитеты бедноты, оказывая поддержку нуждающимся гражданам, приступили к выявлению запасов продовольствия у кулаков и середняков [3].

Советское строительство в Сибири не было однообразным по форме и его исполнителям. После ликвидации колчаковщи-

ны одни органы советской власти образовывались под руководством политических работников Красной армии, другие – по распоряжению высших органов партизанского управления, а третьи – по инициативе самого населения. Преимущественно они избирались, но иногда назначались.

Первые советские органы в Минусинском уезде начали формироваться с появлением на его территории партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Организованный Армейским советом и местными большевиками в составе 125 делегатов от сел, 17 – от городского населения и трех – от партизан, VIII уездный крестьянский съезд создал Объединенный совет в составе шести горожан и трех членов от каждой волости, а 25 сентября 1919 г. утвердил постановление о правилах организации волостных и сельских советов.

В некоторых местностях губернии советы организовывались по инициативе самих крестьян. Так, собравшиеся 31 декабря того же года 200 представителей населения Больше-Муртинской волости Красноярского уезда, отвергнув земскую управу, как «отживший строй буржуазии», провозгласили восстановление советской власти и избрали волостной совет.

Но вхождение в состав советов зажиточных крестьян при существующем военном положении, объявленном в качестве решительной меры по установлению революционного порядка, побудило коммунистов преобразовать данные органы в ревкомы. К этому обязывала сама обстановка в Сибири, требовавшая от всего советского аппарата мобильности и инициативности. Ревкомы, состав которых при необходимости можно было изменить без перевыборов и согласно приказу, более всего отвечали ее условиям.

Первый уездный ревком был создан в Ачинске еще 3 января 1920 г. Но неоднократно реорганизуемый он даже к марту так и оставался в стадии организации. 5 января того же года Сибирский революционный комитет (Сибревком) назначил в Енисейскую губернию свое представительство, возглавляемое коммунистом А. П. Спундэ. Поскольку его члены прибыли в Красноярск не сразу, то до 15 января здесь действовал временный губернский ревком. В Канском уезде выполнявший функции руководящего органа партизанский Армейский совет был расформирован. Вместо него 26 января сотрудниками

дивизионных политотделов был создан уездный ревком. Избранный 3 февраля минусинским партийно-советским активом в составе 20 членов, уездный исполком уже на следующий день передал свою власть уездному ревкому [4].

В неразберихе военного времени организация и деятельность ревкомов осложнялись репрессиями и вмешательством в управление со стороны воинских отрядов. Так, образованный 12 января 1920 г. ревком в с. Монастырском – административном центре Туруханского края – на следующий же день был «нейтрализован» подошедшим партизанским отрядом М. Х. Перевалова. За неделю пребывания его члены уничтожили здесь начальника края, бывшего и нового начальника милиции, мирового судью, милиционеров и казаков. Протесты ревкома не имели последствий, а всяческая его деятельность стала невозможной. По воспоминаниям же самого Перевалова, его отряд якобы взял село штурмом, потом похоронил убитых товарищей и «немного отдохнул» перед дальней дорогой [5].

Создание ревкомов на местах осуществлялось на основе приказов, инструкций и других указаний губернских и уездных органов. Инструкция, разработанная Минусинским уездным ревкомом, к примеру, содержала требование производить выборы волостных ревкомов на волостных съездах советов, а сельских – на сходах граждан, имевших право избирать и быть избранными по Конституции РСФСР. В частности, в инструкции говорилось, что ревкомы «должны быть организованы из беднейших граждан». Вызванные с мест представители сельских сходов и волостных собраний получили в Ачинском уездном ревкоме соответствующие указания и создали советские органы собственными усилиями.

Вследствие того, что в губернском центре длительное время находился политотдел 5-й армии, а в селениях Красноярского и Минусинского уездов – политические работники проходивших или находившихся на отдыхе воинских частей, армейский вклад в создание ревкомов был существенным. Осуществленное в конце января – начале февраля оформление власти в Зелёдеёвской, Мининской, Михайловской и Вознесенской волостях Красноярского уезда, а также в Даурской волости Ачинского уезда происходило в присутствии военных инструкторов Красной армии.

В результате этих усилий, начиная с конца января и до середины апреля, в Ачинском уезде были созданы четыре волостных и 39 сельских ревкомов, в Красноярском и Канском уездах они организовались во всех волостях и селах. Только в одной Мининской волости были образованы волостной и 11 сельских ревкомов. Вместе с тем сами крестьяне стремились к избранию советов. Так, волостной совет крестьянских депутатов был создан в Еловской волости, а сельские – в с. Ильинское Больше-Улуйской и Илинево Шарыповской волости Ачинского уезда [6]. Напротив, ранее организованные на территории Канского и Минусинского уездов сельские советы и волостные исполкомы оказались простым переименованием реорганизованы в ревкомы.

Членами ревкомов в Енисейской губернии были избраны населением или назначены соответствующими органами 2 609 человек, в т. ч. в Ачинском уезде – 547, в Енисейском – 180, в Канском – 844, в Красноярском – 346 и в Минусинском – 692. Ревкомы состояли, например, в Красноярском и Канском уездах, в основном из бедняков и середняков, сочувствующих большевикам. Причем, в северной части Канского уезда, где волостные и сельские ревкомы организовывались на базе партизанских советов и исполкомов, председателями многих из них стали бывшие тасеевские партизаны, которых информационно-инструкторский подотдел уездного ревкома характеризовал как «верных защитников революции и трудового народа». На состоявшемся в апреле 1920 г. Енисейском уездном съезде из 94 прибывших с мест представителей ревкомов 22 зарегистрировались как коммунисты, а остальные – в качестве сочувствующих РКП(б).

В Красноярском уезде Александровский волостной ревком возглавил Д. С. Шадрин, крестьянин-середняк, участник революции 1905–1907 гг. и сочувствующий коммунистической партии. В состав этого ревкома вошли А. П. Пясецкий, середняк, член РКП(б) с 1918 г. и К. А. Удре, бедняк, близкий по взглядам с коммунистами и во время колчаковщины сидевший в тюрьме. Председателем Больше-Муртинского волостного ревкома стал бедняк и сочувствующий партии коммунистов А. С. Ковригин, находившийся с сентября 1918 г. до декабря 1919 г. в заключении как противник Временного Сибирского правитель-

ства; заместителем председателя – крестьянин А.Т. Иванов, разделявший взгляды коммунистов; членами – бедняки большевик С. А. Семенов и сочувствующий М. П. Коняхин. Вознесенский волостной ревком возглавил бедняк и сочувствующий РКП(б) Т. З. Василевский, а членами являлись беспартийные Н. В. Головалин и Н. С. Трофимов, заключенные в тюрьму при белом режиме, а ныне сочувствующие коммунистам. Членом Зеледеевского волостного ревкома состоял П. И. Шеходанов, коммунист с 1917 г., возглавлявший один из фронтовых солдатских комитетов. Председателем ревкома в Кияйской волости был середняк П. П. Скоромкин, являвшийся заместителем председателя Армейского совета партизанской армии Минусинского фронта. Во главе Сухобузимского волостного ревкома стоял середняк Л. Т. Березин, член Красноярского и Ирбитского советов 1917–1918 гг., участник борьбы с белыми.

Посетив еще в феврале 1920 г. ранее неблагополучный по общественному спокойствию Минусинский уезд, тот же А. П. Спундэ с удовлетворением констатировал, что у местного крестьянина понятие «ревком» начинает становиться популярным «как символ порядка» [7].

Между тем организационное оформление советской власти в губернии затянулось. В некоторых селениях, например, Ачинского уезда сохранялись земские управы, а в силу общекрестьянского характера этого процесса в ревкомы некоторых уездов попали вновь зажиточные крестьяне и даже антисоветские элементы. Сводка сообщала, что, например, в волостном и сельских ревкомх Кежемской волости Енисейского уезда служили шестеро бывших колчаковских офицеров.

Среди первых сторонников советской власти находились такие «защитники народа», вроде бедняка Текина из с. Каратуз Минусинского уезда. Являясь неременным участником всех съездов, конференций и собраний, он везде выступал с критикой окружавшей его действительности и тем самым снискал «любовь толпы». Подзадоривая мужика, кулаки и казаки везде избирали его руководителем. 10 февраля 1920 г. председателем Абаканского волостного ревкома был назначен 30-летний крестьянин-середняк из д. Уза и коммунист с 1917 г. Ф. С. Заброденко. Возглавив в селе коммунистическую ячейку, он не позволил «поднять голову вредным элементам», а затем в составе ком-

мунистического отряда преследовал крестьянских повстанцев на енисейском левобережье.

Обеспокоенный нежеланием бедноты и середнячества работать в ревкомах, теперь уже советский деятель П. Е. Щетинкин в обращении к крестьянам и бывшим партизанам Минусинского уезда писал: «Кулаки пользуются тем, что вы ... почти не принимаете участия в строительстве новой жизни, снова начинают поднимать свою голову, ... подбирать власть в свои руки...». Поэтому такие ревкомы в волостях, как Частоостровский, Абаканский и Каптыревский, состоявшие из представителей зажиточного населения, подверглись реорганизации. В их состав вошли, по сообщению сводки, «люди с твердой волей и преданные делу революции» [8].

Новая власть воплощалась и в коммунистических ячейках, организуемых с приходом частей Красной армии и с возвращением домой бывших партизан. Так, например, в конце января – начале февраля 1920 г. были созданы ячейки в селениях Сухобузимской, Шалинской и Кияйской волостей Красноярского уезда [9]. К марту армейскими политруками, бывшим анархистом и партизаном были организованы коммунистическая и комсомольская ячейки в с. Абаканское Минусинского уезда, состоявшие соответственно из 42 и 12 человек. Возникшая рядом Белоярская коммунистическая ячейка насчитывала шесть членов. Созданная двумя большевиками, Кортузская ячейка состояла из семи человек. По инициативе таких же лиц стихийно возникли, например, 5 апреля в Канском уезде Денисовская ячейка, 15-го – в Минусинском Паначевская, 7 мая – Каратузская и затем – Сагайская. К середине апреля того же года только в одном Канском уезде были созданы 35 комячек [10]. Руководство ими осуществляло Енисейское губернское бюро РКП(б), возглавляемое начальником политотдела 5-й армии Е. А. Литкенсом, а с апреля 1920 г. – председателем А. П. Спундэ.

Зачастую ячейки состояли не только из лиц, в прошлом партизанивших или служивших в советских органах, но и, случалось, даже зажиточных крестьян. Как правило, первые деревенские коммунисты были людьми неграмотными или обладали «низшим» и «домашним» образованием, грешили религиозными предрассудками, пьянством, слабой партий-

ной дисциплиной, хозяйственным обрастанием, карьеризмом, коммунистическим чванством и безответственностью, что раздражало окружающее население.

В феврале–марте 1920 г. зависимая от условий переживаемого времени деятельность ревкомов, как это было, например, в Ачинском уезде, еще носила «скачкообразный» характер. Позднее в Минусинском уезде крестьяне возмущались тем, что «выбрали Советы, а теперь какие-то ревкомы, это опять обман» [11], т. е. настаивали на полной выборности советских органов. Но одновременно съезд 158 представителей семи волостей северной части Канского уезда 12 марта заявил о поддержке советской власти и необходимости командирования к ним инструкторов для организации коммун и снабжения их материальными средствами. Состоявшийся в апреле первый съезд волостных ревкомов Красноярского уезда принял резолюцию, заканчивавшуюся здравицей в адрес советской власти [12].

Учитывая такое неоднозначное отношение к ревкомам со стороны населения и коммунистов, руководство Енисейской губернии еще в феврале 1920 г. поставило вопрос о необходимости новых выборов советских органов. Поддерживая эту инициативу, отдел управления Сибревкома 4 марта разослал циркуляр, в котором указал губернским и уездным ревкомам в целях совершенствования советских аппаратов приступить к подготовке созыва местных съездов советов. В тот же день Енисейское губернское бюро РКП(б) постановило провести выборы советов с 28 марта по 7 апреля текущего года. Но армейские политработники возражали против проведения их без тщательной подготовки. Только с ликвидацией военной опасности существующие власти приступили к укреплению советских органов. 2 апреля 1920 г. Сибирское бюро ЦК партии разрешило приступить к подготовке избирательной кампании в Восточной Сибири [13].

Между тем информация, которая в мае 1920 г. поступала властям с мест, оценивала ситуацию в деревне как противоречивую. В Ачинском уезде в селениях с преобладанием новоселов наблюдалось доброжелательное отношение к распоряжениям ревкомов. Здесь были созданы 17 сельскохозяйственных

объединений, несколько человек записались в коммуну, а 12 – создали ячейку сочувствующих. Положительно относившиеся к советской власти местные крестьяне выражали недовольство так и не упраздненными вольными рыночными ценами, которые, по их мнению, лишали бедноту последних пожитков и тормозили заготовку хлеба и фуража. Информация, получаемая с мест Ачинским уездным ревкомом, свидетельствовала об общем стремлении крестьян «во всех волостях уезда к просвещению, к открытию у себя школ, читален, к организации культурно-просветительных кружков и ячеек» [14].

Одновременно сообщалось, что в Мининской волости Красноярского уезда хозяйственные крестьяне высказывались за переизбрание ревкома, не защищавшего интересы населения. В Ачинском уезде боявшиеся остаться на зиму без дров, крестьяне проявляли недовольство задержкой отвода лесным отделом участков по их заготовкам. В Ильинской волости произошел конфликт между председателем ревкома и его членами, которые обвиняли его в несогласованных с ними арестах крестьян, что способствовало распространению их враждебного отношения к власти [15]. Во многих селах Минусинского уезда крестьяне, докладывали чекисты, «не повиновались распоряжениям властей, говоря, что эта власть хуже, чем была раньше, на самых высших должностях сидят евреи, немцы и опять приказы, и опять мучают нас. Ревкомы работают вяло. Нет работников». В самом же уездном центре обыватели проявляли пассивность и в большинстве, возводя клевету на советскую власть, не поддерживали ее. Наблюдая за настроениями в деревне, местные работники отмечали, что политически неграмотные крестьяне отказывались что-то продавать за деньги, а агенты продовольственных органов и армейские работники не понимали их психологии. Из-за хождения провокационных слухов неудовлетворительным считалось настроение жителей Бейской волости. Крестьяне Ермаковской волости и с. Нижний Суэтук, возжелавшие немедленного перехода к ним бывших казачьих земель, были недовольны сдержанной земельной политикой губернских властей. В некоторых волостях уже были слышны призывы не подчиняться власти, «как не отражающей волю крестьян». 30 мая толпа мужиков с криками «Долой советскую власть!» избила в с. Покровском Имисской

волости председателя ревкома и покушалась на других советских работников [16].

К лету 1920 г. в енисейской деревне выявилось, что даже в Красноярском уезде, где волостной и сельский аппарат был сильнее, чем в других уездах, «в работе членов некоторых ревкомов чувствуется апатия и усталость, наблюдается желание уйти от общественной работы, что объясняется небольшим окладом жалования, нежеланием отрываться от своего хозяйства, особенно в весеннее время... и индифферентным отношением населения к распоряжениям власти» [17].

В этих условиях важным для овладения коммунистами деревней являлось продолжавшееся оформление их членства в ячейках. В том же Ачинском уезде за июнь образовались 22 таких сообщества. Ячейки были небольшими по численности своих членов и составляли от четырех до 14 человек, а в целом только в сс. Покровское, Толстовское, Больше-Ярское, Велококняжеское, Мазульское, Тимонино и Курбатово Покровской волости насчитывались 53 коммуниста. Наряду с коммунистическими, создавались ячейки сочувствующих РКП(б). Так, в Медведевской волости появились четыре, в Мелецкой – одно такое объединение. Группу сочувствующих в с. Ястребово составляли семеро и в с. Ново-Ильинское Ястребовской волости – 23 человека.

Этот сельский актив проводил субботники и воскресники по благоустройству деревень, в Солгонской волости засеял несколько десятин земли в пользу государства, в Сerezжской – собирал пожертвования для красноармейцев-фронтовиков и в Ужурской – организовал коммунистическую столовую, сапожную мастерскую и несколько мелких кожевенных заводов. 27 июня в с. Коркино Частоостровской волости Красноярского уезда членами коммунистической ячейки и красноармейцами из бригады им. III Интернационала общей численностью в 70 человек был осуществлен воскресник по очистке уличных канав и ремонту сельскохозяйственных орудий [18].

Но многие крестьяне относились к организации всяческих ячеек недоброжелательно, а, например, в д. Хмелевской Межовской волости – даже враждебно [19].

При этом все чаще выявлялось множество поступков безобразного свойства, которыми отличалось поведение советско-

го представительства в деревенской глубинке. В Шарыповской волости Ачинского уезда население было запугано милицией, которая применяла к нему нагайки и приклады винтовок. Создав отряд самоохранны во главе с неким Яковлевым, бывшие партизаны из обрусевшего улуса Косой Ложок Кызыльской волости и милиционеры бесчинствовали, организуя порки и ограбления местных инородцев. Посетивший д. Костино, агент Ачинского совнархоза собрал у жителей кожи, подлежащие выделке на специальном заводе, и потребовал за их возвращение муку [20].

Проживавшие замкнуто и незнакомые с политикой, инородцы улуса Большой Ключ были напуганы милицией так, что восприняли приезд ответственных работников из Ачинска в качестве повода для их наказания и чуть не бежали в тайгу. Когда разобрались, то в этом и улусе Подкамень к приезжим обратились многие жители с жалобами на обыски и избиения, осуществляемые милиционерами. Собранные показания потерпевших и даже заболевших от истязаний были отправлены в Ачинскую уездную ЧК. Вследствие того, что некоторые крестьяне заявили о насильственной записи их в РКП(б), в с. Костино на собрании коммунистической ячейки была создана комиссия для фильтрации ее членов [21].

Свою лепту в дело дезорганизации крестьянской жизни вносили и сами советские органы. Например, созданные в Александровской волости Красноярского уезда волостной ревком и военный комиссариат состояли из бывших партизан. Расставив по ответственным постам своих людей, они действовали «по-партизански» – без всякого следствия арестовывали людей, отбирали у них имущество и даже расстреливали. Только поступившие в Енисейский губернский ревком жалобы на такую деятельность представителей власти заставили его обратиться в губернскую ЧК, которая приняла меры для расследования и пресечения подобных явлений [22].

«Отношение населения к власти, – говорилось в информационной сводке по Ачинскому уезду, – неодинаковое. В некоторых волостях отмечается полное сочувствие проводникам коммунизма в жизнь, в других же селах ... наблюдается резкое отношение к ревкомам, особенно при ... выполнении разверстки...». Еще 8 июня 1920 г. Ачинское уездное бюро РКП(б)

приняло постановление, в котором предложило губернским органам ускорить выборы в советы, считая, что крестьяне совершенно иначе будут относиться к мероприятиям советской власти, если таковые будут проводиться органами, избранными самим населением [23].

Представители 37 волостей Минусинского уезда, собравшись на беспартийную конференцию, приветствовали провозглашенный Енисейским губернским ревкомом переход к созданию советов и заверили власть, что население в советские органы «пошлет лучших сынов». 4 июля 1920 г. губернский орган утвердил «Инструкцию по выборам сельских советов и волисполкомов», которая гласила, что они создаются сроком на шесть месяцев, оговорила количество депутатов и условия их избрания. Впервые определялась категория лиц, лишенных избирательных прав. К участию в выборах не допускались бывшие служащие колчаковской контрразведки и добровольцы белой армии. Лица же, эвакуировавшиеся вместе с отступавшими белогвардейцами, временно лишались избирательных прав. Так, в выборной кампании, охватившей 132,6 тыс. человек населения Минусинского уезда, не участвовали 2,7 тыс. «лишенцев», или 2 % от численности всех избирателей [24].

Прошедшие выборы позволили взамен ревкомов избрать в деревне волостные исполнительные комитеты (ВИКи) и сельские советы, состоявшие в основном из сторонников советской власти. В Минусинском уезде в ВИКи вошли 52 бедняка, 47 середняков, два зажиточных крестьянина, семь рабочих и один интеллигент. Из 67 членов ВИКов Красноярского уезда (65 крестьян и двое рабочих) 37 не имели собственного дома, 26 – пашни, 30 – лошадей, т. е. представляли бедноту. В то же время четыре члена ВИКа заседали от 10 до 15 десятин и шестеро располагали более чем шестью лошадьми каждый. В Канском уезде в ВИКи были избраны 139 человек, из них 58 были коммунистами, 36 – сочувствующими РКП(б) и 45 – беспартийными. Должности председателей ВИКов в 30 случаях по губернии занимали коммунисты, в 42 – кандидаты в члены РКП(б) и в 90 – беспартийные [25].

Но кое-где коммунисты, будучи незначительными по своей численности, с трудом обретали места в руководстве территориями. На состоявшемся 23 августа 1920 г. заседании прези-

диума Енисейского губернского комитета РКП(б) отмечалось незначительное членство в партии в г. Минусинске и уезде: соответственно 90 и 60 человек [26]. Коммунисты, имевшие большинство среди участников I Минусинского уездного съезда советов (25–29 августа), сумели провести в уездный исполком, определенный в 20 членов и 10 кандидатов, лишь 18 своих представителей. Вопреки указаниям губернского руководства, съезд отказался избрать председателем исполкома назначенца, прибывшего из Красноярска [27].

За нарушение партийной дисциплины президиум губернского комитета решением от 7 сентября 1920 г. распустил Минусинский уездный комитет РКП(б) и вместо него образовал уездное бюро из трех лиц. Даже в условиях начавшейся борьбы с бандитизмом губернное партийное руководство 10 сентября решило вооружать деревенские ячейки только в исключительных случаях – по заявлениям районных инструкторов и уездных парткомов [28].

Напротив, состоявшийся в сентябре того же года I Енисейский губернский съезд советов прошел при участии 190 делегатов, из которых 169 – являлись коммунистами и сочувствующими РКП(б). Избранный на нем губернский исполком во главе с И. А. Завадским был полностью коммунистическим. Одобрив деятельность ревкомов, съезд постановил считать главной задачей для местных органов власти «полное проведение всех продовольственных заданий губпродкома» и призвал крестьян выполнять все задания, возлагаемые на них советской властью [29].

Летом 1920 г. наблюдались восторженные по отношению к советской власти настроения крестьян в бывших партизанских районах. Но в целом по губернии они продолжали ухудшаться. В инородческом районе, например, не только жители не хотели выполнять распоряжения властей, но и избранные ими председатели сельсоветов прятались при появлении советских эмиссаров [30]. О том, как относилось крестьянство к избранным советским органам, рассказывал случай, имевший место в Назаровской волости Ачинского уезда. На заседание ВИКа, проходившее в бывшем доме церковного причта, ворвались члены Мало-Улуйского сельского общества, которые, бранясь и размахивая кулаками, потребовали его выдворения [31].

Начальник Особого отдела 5-й армии примерно в июле 1920 г. сообщал в Президиум ВЧК, что, в частности, в Енисейской губернии, «много повредили делу... коммунисты из красных партизан, которые, войдя в партию, действовали по-партизански ... особенно в области религиозных отношений, создавая совершенно излишнее озлобление крестьян именно против коммунистов, а не против Советской власти». По мнению этого видного чекиста, «...весь корень того зла, которое выражается в брожениях ... местных крестьян, заключается в неумении подойти к ним, ... в незаконных и ... неправильных действиях, выражающихся... в грубых окриках, топании ногами и т. п., в злоупотреблении властью...» [32].

Губернское общество было охвачено острейшим недовольством деятельностью партийцев, что и было зафиксировано, например, курсантом командных курсов: «Обыватель Красноярска смотрит на нас, как на зверя..., – сообщал он в письме. – По деревням масса бандитов, которых скрывают крестьяне...» [33].

Выходы банд в селения сопровождалась ограблением их жителей, столкновениями со сторонниками советской власти и обоюдными жертвами. Так, в с. Покровское Ачинского уезда были убиты военком Кызыльской внутренней охраны с братом и затем председатель ВИКа той же волости. Население д. Локшино Корниловской волости приветствовало вышедшую из тайги банду и указывало квартиры коммунистов. Позднее совершенные в Усть-Ярульской и Ирбейской волостях грабежи сопровождалась убийством коммуниста Тихонова.

Напротив, в одной из местностей банда, начавшая было наступать на деревню, где укрылись красноармейцы, с подходом новых красных частей была вынуждена отступить. Приехавшие 10 сентября в селение Подкамень Ачинского уезда 40 неизвестных лиц назвали себя коммунарами. Заставив жителей истопить баню и выделить им продовольствие, они перед отъездом ограбили двоих служащих Учумского совхоза. Появившиеся 14 сентября в Ново-Николаевском ВИКе члены банды О. Зуйко забрали обнаруженные винтовки с патронами и пр. имущество. В ночь на следующий день бандиты совершили нападение на Паначевский ВИК, где ранили начальника милиции и уполномоченного ЧК. Несмотря на малочисленность

милиции, ее органы, например, в Минусинском уезде активно выдвигали свои силы на подавление бандитизма [34].

Подводя итоги своей деятельности за первую половину 1920 г., сибирское руководство назвало среди осуществленных им мероприятий «собрание партийных сил для организации советской власти» [35]. Между тем советское строительство в енисейской деревне из-за разных обстоятельств оказалось длительным и принимало разные организационные формы. Одной из причин такого становления советов были непростые отношения с местным крестьянством. Объявляя себя сторонником советской власти, оно не всегда стремилось к активной общественной жизни и, случалось, все чаще протестовало против деятельности ее органов, а также поведения коммунистов.

Список источников и литературы:

1. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск : Наука, 1983. 389 с. ; Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск : Наука, 1985. 319 с.
2. Жизнь Сибири (Новониколаевск). 1922. № 4 ; Жизнь Сибири. 1923. № 9–10 (13–14).
3. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 71 об., 88.
4. Соха и молот (Минусинск). 1920. 8 февр. ; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск : Наука, 1978. С. 118–119, 153, 212, 214 ; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 17 ; ГАКК Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 29. Л. 2 ; ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 88.
5. Архив Института истории СО РАН. Тепляков А. Г. Красногвардейцы и партизаны на востоке России в 1917-1922 гг.: девиации, анархия и террор (рукопись). Л. 258.
6. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 24 ; Д. 50. Л. 1 ; ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 11. Л. 3.
7. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 215, 219–223 ; Шишкин В. И. Социалистическое строительство ... С. 14-15, 17, 19, 30.
8. Власть труда (Минусинск). 1923. 21 марта ; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 215, 219–220, 224–225 ; ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 195.

9. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
10. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 11. Л. 3.
11. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 242 ; Кокоулин В. Г. Продовольственная политика и крестьянство Енисейской губернии зимой-весной 1920 г. // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска) : Мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 23–25 окт. 2019 г. Красноярск : ООО «Лаборатория развития», 2019. С. 172. URL: <http://красноярские-архивы.рф/upload/files/materialov-raboty-foruma-Eniseiskaya-Sibir-v-istorii-Rossii.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).
12. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919–декабрь 1925: Сб. док. и материалов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. С. 46 ; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.
13. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 269.
14. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 256–257 ; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 5 ; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 16, 54, 67, 73, 88, 141.
15. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 12, 54, 88 ; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.
16. Кокоулин В. Г. Настроения крестьян сибирской деревни зимой-весной 1920 г. // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 98–119 ; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2144. Л. 107 ; Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 133 ; АГМ (Архив г. Минусинска). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 ; Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 92. Л. 7.
17. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 259.
18. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 152, 164, 187–188, 192.
19. Там же. Л. 135.
20. Там же. Л. 184, 189–190.
21. Там же. Л. 152.
22. Архив Института истории СО РАН. Тепляков А. Г. Красногвардейцы... Л. 416
23. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 264.
24. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 22, 62.
25. Шишкин В. И. Социалистическое строительство ... С. 54.
26. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
27. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 271. Л. 35 ; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.
28. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 11, 13.
29. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири ... С. 312, 315, 317–318 ; ГАКК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 38. Л. 5.
30. АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 237. Л. 60.
31. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.

32. Архив Института истории СО РАН. Тепляков А. Г. Красногвардейцы... Л. 420.

33. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 29. Л. 26.

34. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 37, 40, 44, 46 ; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 11. Л. 22, 23, 26, 28 ; Оп. 2. Д. 32. Л. 201.

35. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 45. Л. 3-4.

Д. В. Мариловцев

РОЛЬ С. И. НАКЛАДОВА В ЕНИСЕЙСКО-МАКЛАКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1919 ГОДА

В статье рассматривается периодизация и основной ход событий Енисейско-Маклаковского восстания после смены власти в России в 1917 году. Автор анализирует на основании документов позиции руководителей восстания, их принципы и подходы к принятию решений в тех или иных военных операциях. Большое внимание уделяется трагическим событиям братоубийственной войны и ее влияния на жизнь главных участников тех событий.

Ключевые слова: Енисейская губерния, партизанское движение, повстанческий штаб, белое движение.

17 ноября 1917 года на очередном заседании Енисейский совет депутатов принял резолюцию, в которой объявил о переходе всей полноты власти в Енисейском уезде к Совету. Однако гражданская война уже стояла на пороге. Ситуация в Енисейской губернии осложнилась к марту 1918 года. Начались выступления противников советской власти. В результате Сибирь была объявлена на военном положении. В июне советская власть пала в Енисейске. Наиболее массовой и крупной формой борьбы с колчаковским режимом в губернии явилось партизанское движение. В глубоком тылу «белой Сибири» в течение 8 месяцев функционировали партизанские республики. Именно партизаны сыграли главную роль в освобождении Енисейской губернии от колчаковцев.

Еще в 1917 году в Маклаково с помощью ссыльных большевиков из Енисейска Худзинского, Лисневского, Треймана и других была создана большевистская организация, которая являлась одной из сильнейших в губернии. На лесозаводе села Маклаково организуется революционная группа из рабочих Ф. Бабкина, В. Петухова, С. Накладова, И. Игнатьева, В. Бабкина, Шалыгина и других. Одним из главных действующих лиц будущего Енисейско-Маклаковского восстания становится Степан Ильич Накладов.

Степан Ильич родился в 1884 году в деревне Маклаково. Участвовал в I Мировой войне, после ее окончания был полицейским стражем на Южных приисках. История семьи Накладовых очень противоречива с точки зрения их отношения к советской власти. Известно, что до революции у них было свое добротное хозяйство, включавшее мельницу и кирпичное производство, на котором использовался труд батраков. Однако в 1918 году Степан вступает в партию и принимает активное участие в установлении советской власти в Енисейске и районе. После перехода власти к колчаковцам он проживал в деревне Маклаково.

В дни февральского восстания 1919 года в Енисейске принимал энергичное участие в создании отряда из маклаковских рабочих лесозавода и крестьян деревень Маклаковской волости. Был назначен помощником командира отряда. По хронологии событий 6 февраля 1919 года на квартиру Накладова в Маклаково приехал из Енисейска его сослуживец по службе в Красной Гвардии, который привез воззвание о восстании енисейского гарнизона и перехода власти в Енисейске к повстанческому штабу. Задача воззвания была проста: сплотить и объединить ряды большевиков и им сочувствующих для удержания власти. На квартире прошло стихийное совещание, на котором было принято решение проверить достоверность информации в воззвании поездкой в Енисейск. Однако уже в середине дня в Маклаково приехали бывшие енисейские красноармейцы, которые были освобождены из тюрьмы. Они в течение полутора часов арестовали местных агентов колчаковской контрразведки и сочувствующих им из заводской администрации лесопильного завода. Вечером этого же дня в Волостной управе прошло совещание, на котором было зачитано

воззвание о помощи енисейскому повстанческому штабу. Было решено поддержать восставших, а также обратиться с призывом к ближайшим соседским селам. Сам Накладов и Бабкин направились в Енисейск для ознакомления с положением дел. В два часа ночи 7 февраля они уже были в Енисейске. На Абалаковском мосту их встретил часовой и проводил в штаб. Штаб размещался на верхнем этаже купеческой усадьбы Баландина. Начальник енисейского штаба Байкалов предложил Бабкину и Накладову организовать фронт на Маклаковском участке для сдерживания белых. Командующим фронтом был назначен Бабкин. Для этих целей были получены 27 винтовок, несколько сот патронов, телефонный аппарат, шесть тысяч денег и 5 солдат. Вот как описывает Накладов повстанческую организацию в Енисейске: «Хаос, впрочем, это свойственное явление для возникающей революционной организации».

В Маклаково был избран административно-хозяйственный орган, в задачи которого входило обеспечение семей добровольцев-партизан. В первые дни был организован отряд добровольцев из 93 человек, было собрано разное оружие, лыжи, седла, лошади. Были выставлены заслоны в д. Каргино и д. Сотниково. 9 февраля Накладов вновь выезжает в Енисейск за оружием и обмундированием для добровольцев. 9 февраля отряд партизан в количестве 200 человек выдвинулся по Енисейско-Красноярскому тракту, к деревне Сотниково. Главной задачей было занять Каргино. 10 февраля Каргино было занято. Казаки ушли в село Казачинское. 11 февраля состоялся первый серьезный каргинский бой с отрядами белых. Партизаны выставили две цепи обороны, которые были замаскированы против 400 вооруженных казаков, имевших пулеметы и 37-мм автоматические пушки Маклена («Макленки»). К концу дня партизаны оставили свои позиции по причине нехватки патронов и активного артиллерийского и пулеметного огня противника. Отступление было паническим, даже учитывая то, что из партизан никто не погиб. В Абалаково отряд сделал передышку. Здесь Накладов с Бабкиным поспорили о месте выбора позиции для укрепления. Степан Ильич предложил укрепиться в Абалаково, Филипп Яковлевич (Бабкин) настаивал отступить до Маклаково. По приезду в Маклаково были организованы несколько предупредительных мероприятий до

появления противника, а именно: мобилизация населения на оборону и создание заставы в 7 верстах в сторону белых. Шла работа по укреплению позиций. Рыли окопы в снегу, выкладывали бойницы кирпичами, устраивали бруствера, возили солому, делали проволочные заграждения. Женщины пекли хлеб на армию, чинили и готовили теплую одежду своим мужьям, братьям и сыновьям-партизанам. В мельнице плавил свинец, лили пули, заряжали патроны. Енисейский повстанческий штаб не координировал так называемый Маклаковский фронт. Партизаны были предоставлены сами себе и могли надеяться только на свои силы.

Перед Маклаковским боем, который произошел 14 февраля, партизаны приготовили линию окопов по фронту, а также закрыли правый фланг. Был также создан резервный отряд в тылу, установлена связь с городским штабом по телефону. Правым флангом как раз командовал Степан Ильич. После Маклаковского боя казаки отступили. Однако ситуация была сложной, ходили слухи о возможном нападении на Енисейск через Старо-Ачинский тракт. Командования повстанческим штабом в Енисейске не было. Бобыкин застрелился, а Байкалов выехал в селения. В течение всего нескольких часов партизанская армия практически перестала существовать, добровольцы разошлись по заимкам и тайге. Осталось всего около 30 человек. Этот отряд, в который входили и Накладов, и Бабкин двинулся в Тасеевскую республику. Перешли Енисей в районе д. Рудиковки. Не было ни компаса, ни карты. Выйдя через п. Стрелку на Тасеевский тракт, партизаны воспользовались подводами, которые дали местные жители. 21 февраля отряд добрался до села Новосельцы. Здесь не было белых. В районе села Кулаковское маклаковские партизаны встретились с разведчиками Тасеевской республики. 25 февраля Накладов с Бабкиным прибывают в штаб республики. Накладов получает назначение начальника заградительного отряда на Стрелковском участке. Позже он стал командиром конной разведки 3-го Тасеевского полка.

Важным событиям в жизни Степана Ильича была организация встречи в конце декабря 1919 года в деревне Абалаково переговорной делегации из Енисейска, которую наделили полномочиями с правом решающего голоса с членами Военно-

Армейского Совета Северо-Канского фронта. Также Степан Ильич участвовал в разоружении Енисейского гарнизона в первые дни января 1919 года.

С 1920 по 1956 г. Степан Ильич работал на руководящей советско-хозяйственной работе. В 1933 году, в период чисток и репрессий, Степан Ильич был исключен из партии, однако это ему не помешало оставаться на руководящей работе вплоть до самой пенсии.

Подводя итоги событий тех дней, можно сделать вывод, что всякая революция и гражданская война оставляет огромный рубец не только в человеческой памяти, но и заставляет с годами учитывать трагизм произошедшего, который преломляется в осмыслении причин и возможности недопущения в будущем таких событий.

Список источников и литературы:

1. Иванов Г. М. Тасеевская республика, 1918-1920 гг. Красноярск : Кн. изд-во, 1969. 100 с.
2. Красноярский край в истории Отечества : хрестоматия для учащихся старших классов средней школы / Гос. архив Краснояр. края [и др.; сост. А. А. Григорьев и др.]. Красноярск : Кн. изд-во, 1996. Кн. 2 : Октябрь 1917–1940. 270 с.
3. Накладов С. Бой под Стрелкой // За большевистские темпы. 1932. 23 фев. (№11/76).
4. Шайдт А. Партизанское движение на Енисее и Ангаре (1919 г.) // Вовремя. 1999. №7.
5. Шайдт А. Маклаковский бой // Вовремя. 1999. 12 фев. (№ 6).
6. Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова. ОФ-5392. Газета «За большевистские темпы» 1933 г. № 48.
7. Там же. ОФ-4089. Фото С. И. Накладова.
8. Там же. ОФ-5392-3. Справка Накладова С. И.
9. Там же. ОФ-5392_1. Воспоминания партизана С. И. Накладова.

А. А. Калистратов

ИВАН КУЗЬМИЧ ИГНАТЬЕВ – РЕВОЛЮЦИОНЕР И ТРУЖЕНИК

В статье на основе анализа материалов периодической печати, архивных и мемуарных источников представлены основные вехи жизни и деятельности активного участника Гражданской войны, одного из организаторов Енисейско-Маклаковского восстания, Почетного гражданина г. Енисейска и г. Лесосибирска Игнатьева Ивана Кузьмича.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война, Енисейско-Маклаковское восстание, МТС, Почетный гражданин.

В прошлом нашей страны были сотни выдающихся людей, оставивших свой след в истории. О них говорят на школьных уроках, они становятся героями документальных и художественных фильмов, их увековечивают в камне. Но за великими делами выдающихся деятелей скрываются не менее выдающиеся и значимые исполнители, усилиями которых и создается история. Иван Кузьмич Игнатьев является ярким примером такого человека, принявшего участие в великих по своим масштабам и значению исторических событиях.

Иван Кузьмич родился в 1898 г. в крестьянской семье, жившей в с. Маклаково, ныне известном как г. Лесосибирск. Вряд ли в свои юные годы он мог представить жизнь, которая его ждет. У его родителей Кузьмы Ивановича и Аксиньи Гордеевны была лишь одна забота – прокормить семерых детей, пять из которых дочери. Весьма вероятно, что Иван Кузьмич разделит бы судьбу своих родителей и миллионов соотечественников, однако история не терпит сослагательного наклонения. 1917 г. стал водоразделом истории нашей страны, перевернув складывавшиеся веками устои.

Шанс проявить себя представился в феврале 1917 г., Иван Кузьмич был призван в армию: «Я находился тогда в Ачинске, призвали меня в армию. Прибыли мы сюда целой группой: находились со мной мои земляки Георгий Колокольников, Леонтий Бабкин, Александр Чикинев... Попали в пулеметный полк, который вскоре был переведен в Воронеж. Все это время, до са-

мой Октябрьской революции, в полку велась своеобразная борьба за власть. Власть прежде всего над сердцами и душами солдат. Офицеры говорили: «Россия в опасности. Мы должны как можно быстрее идти на фронт и бить врага». А агитаторы большевиков заявляли, что опасность совершенно в другом, что Россию губит участие в антинародной войне» [1].

С началом Октябрьской революции почти весь полк перешел на сторону революционных сил, за исключением подавляющего числа офицеров. Полк участвовал в установлении власти советов в Воронеже. Несмотря на победу советов в Петрограде и Москве, у Временного правительства было множество сторонников, которые собирались с силами для ответного удара. Особый Воронежский красногвардейский отряд, в котором служил Иван Кузьмич, в Воронеже сдерживал армейские эшелоны, идущие с фронта. Как правило, части расформировывались, рядовой состав распускали по домам.

Гражданская война для Ивана Кузьмича началась с разгрома войск генерала Каледина. Особый Воронежский красногвардейский полк был одной из немногих боеготовых частей нового государства. Из воспоминаний Ивана Кузьмича: «В начале 1918 года наш отряд перебросили к Ростову. Тогда здесь была главная опасность – Каледин. Здесь у нас произошло несколько интересных встреч. Помните, мы говорили об офицерах, оставивших полк в октябре семнадцатого? Так вот, многие из них примкнули к Каледину. И в Ростове кое с кем из них мы встретились. Не очень приятными для бывших наших командиров оказались эти встречи...» [2].

В том же году, после разгрома Каледина, отряд передислоцировали обратно в Воронеж, откуда Иван Кузьмич вернулся на малую родину для организации Красной гвардии на месте. Однако развернуть деятельность не удалось, на территории Сибири власть в свои руки взял адмирал Колчак. Несмотря на активную антибольшевистскую деятельность и заключения их в тюрьмы, сторонники Советской власти продолжали действовать, но уже в подполье. Пиком подпольной деятельности местных большевиков стало Енисейско-Маклаковское восстание 1919 г., в котором Иван Кузьмич принял непосредственное участие: «В конце декабря 1918 г. член партии Бабкин Филипп, Накладов Степан дают мне задание собрать дезертиров, укры-

вающихся от призыва в армию Колчака, на совещание. Созвал человек пятнадцать, на этом совещании Бабкин и Накладов от имени парторганизации дают задания явиться в г. Енисейск к воинскому начальнику Платонову, с повинной головой и просить его, чтобы зачислил в Енисейский местный гарнизон. Одновременно проводят отдельное совещание со мной, Гавриловым Григорием, Кимом Иваном, Мартыновым Федором, Полынцевым Денисом, Бабкиным Леонтием и дают мне задание вести работу в гарнизоне по подготовке к восстанию, руководство будет осуществляться Енисейской парторганизацией» [3].

Спустя несколько дней «добровольцы» прибыли в Енисейск к воинскому начальнику Платонову, который сразу к ним отнесся недружелюбно и пообещал одного из пяти человек отдать полевому суду, но по какой-то милости не сделал этого, а направил к начальнику гарнизона Гулиту, который поместил их в казарму под охрану команды добровольцев. Иван Кузьмич следующее вспоминает о первых днях службы: «Прожили в тяжелой обстановке несколько дней, нам объявили, что мы представляем дезертирскую маршевую команду с пополнением ее до ста человек, будем отправлены на фронт искупить свою вину, и если кто будет замечен в какой-либо пропаганде, немедленно будет передан в полевой суд» [4].

Ситуация предвещала провал плана, поскольку команда стремительно пополнялась и к 20 января уже насчитывала 80 человек, но после 10 января ситуация изменилась, за командой был заметно ослаблен надзор и были разрешены отпуска в город и допуск родственников. При первой же возможности Иван Кузьмич воспользовался правом на увольнение в город: «Числа 21 января мне предоставили увольнение в город, и я пошел к родственникам, и в это время произошло событие. Родственник Германов Семен познакомил меня с рабочим Шевцовского кожевенного завода по фамилии Зверев. Знакомство происходило около каменного мостика в квартире большевика Фефелова. С первой беседы тов. Зверев дал мне задание изучить обстановку в гарнизоне, из кого состоит гарнизон и при следующей встрече рассказать [5].

В следующие дни Иван Кузьмич, вместе с товарищами, активно начал выполнять поручение, и вот что он выяснил: гарнизон делился четыре подразделения, помимо того, в ко-

тором состоял он сам. Первое из них – это карательный добровольческий отряд офицера Калашникова в количестве 60 человек, этот отряд большую часть времени был в разъездах. Второе подразделение – это команда добровольцев в количестве 60 человек, данное подразделение отвечало за охрану канцелярии гарнизона и было верна начальнику гарнизона. Третье подразделение было конвойной командой в количестве 80 человек, состав был смешанный, состояло оно как из добровольцев, так и из мобилизованных. И последним подразделением была местная команда в количестве 120 человек, занимавшая охраной тюрьмы и других военных объектов.

Следующее собрание состоялось 23–24 января, в том же месте что и первое. После вечерней поверки Иван Кузьмич сбежал на собрание и сообщил полученные им сведения. На этом же собрании Иван Кузьмич получил новое задание – найти среди команды дезертиров надежных людей и организовать их в взводы. По возвращению в казарму Иван Кузьмич сразу же начал работу, и назначил своим сподвижникам задания по организации людей. Но в конце января все планы могли сорваться – группу солдат из команды дезертиров арестовали и поместили на гарнизонную гауптвахту, случилось это так: «Один дежурный по гарнизону, из добровольцев, получил для освещения нашей казармы керосину и взял его себе. Мы об этом узнали и группой заявили фельдфебелю Буракову, а на завтра нас человек 6 арестовали и исключительно тех, кто стоял в руководстве развертываемых событий» [6].

В одиночной камере Ивана Кузьмича продержали до 3 февраля, на тот момент ему казалось, что дело уже погибло. Но 4 февраля состоялось новое собрание, на которое Иван Игнатьевич пришел вместе с самыми надежными товарищами. На собрании присутствовал приезжий большевик, который говорил об обстановке в других районах, что готовятся восстания в Тасеевой, Минусинске, Ачинске и др. На этом же собрании было решено провести восстание в Енисейске ночью с 5-го на 6-е февраля. По воспоминаниям Ивана Кузьмича ему и его товарищам было дано следующее задание: во-первых в гарнизоне обезоружить и арестовать всех добровольцев и командный состав, овладев оружием; во вторых в тюрьме заменить караул и никого из тюрьмы не выпускать до особого распоряжения [7].

По возвращению в казарму Иван Кузьмич начал составлять план вместе со своими товарищами. В своих воспоминаниях он довольно подробно изложил план восставших. Участники восстания планировали поделиться на три взвода, которые должны были бесшумно выполнить следующие задачи: захват канцелярии и разоружение добровольцев; захват тюрьмы и разоружение конвойной команды; разоружение местной команды. Бесшумное выполнение задания обуславливалось отсутствием стрелкового оружия у восставших.

В вечер перед восстанием обстановка в гарнизоне была тревожной, командный состав за исключением начальника гарнизона Гулита остался в расположении, в восставших нарастала тревога. Но ближе к ночи опасения улеглись, командный состав собрался в комнате фельдфебеля для распития алкоголя и игры в карты.

Наступило время восстания, Иван Кузьмич лично его начал, заблокировав командный состав в комнате фельдфебеля. После действий Ивана Кузьмича взводы приступили к выполнению плана, с чем в конечном итоге справились. Восстание произошло настолько тихо, что начальник гарнизона утром шел в гарнизон, как ни в чем не бывало, но он был встречен восставшими и впоследствии убит. Утром был выбран военный штаб из освобожденных большевиков. Штаб в первую очередь занялся организацией обороны города, однако вестники грядущего поражения просматривались уже в тот момент. Иван Кузьмич вспоминает следующее: «При формировании отрядов много оружия растащили лица, которые готовились оказать поддержку наступающим колчаковским отрядам. С первого дня было заметно, что некоторые члены военного штаба – Кузнецов и некоторые другие, находятся в штабе в нетрезвом состоянии» [8]. Во многом именно слабая организованность енисейского штаба предопределила грядущее поражение, а наш герой отправился под предводительство Бабкина Ф. Я. в Маклаково. В дальнейшем он участвовал в партизанской войне вплоть до 1920 г., тогда он влился в состав действующей армии. В том же году он проучился месяц в школе комсостава, после выпуска ему было присвоено звание командира взвода. Гражданская война для Ивана Кузьмича закончилась в 1921 г. после разгрома белогвардейцев в Иркутске, но борьба с врагом для него продолжилась в соседней Монголии.

Мирная жизнь для Ивана Кузьмича наступила только в 1924 г., с этого года по 1933 г. он работал в кооперативной системе на выборных должностях сначала в Енисейске, потом в Туруханске. С 1933 по 1936 г. И. К. Игнатъев – студент высшей коммунистической школы сельского хозяйства. В декабре 1936 из школы направлен в Центральный комитет партии большевиков, где получил направление на работу директором машинно-тракторной станции, Ивану Кузьмичу предстояло организовать МТС в чистом поле. Техника для МТС поступала в г. Красноярск, в феврале 1937 г. вся техника уже была на месте. Всего для МТС поступило 10 тракторов и плугов, 15 тракторных сеялок, которые предстояло доставить до места усадьбы в д. Маклаково своими силами. Иван Кузьмич вспоминает следующее: «Все плуги, сеялки, колесные тракторы и горючее было погружено на тракторные сени, а тракторы ЧТЗ были тягачами, побездорожью, по глубокому снегу в морозную зиму вышли из г. Красноярск в Енисейск. По пути встретились трудности из-за отсутствия квалифицированных кадров трактористов и ряда прочих. В конце февраля транспорт со всей техникой прибыл в д. Маклаково, т. е. к месту усадьбы МТС. Усадьба была чистая площадка в 3 га, занесена глубинной в метр снегом. Для МТС был представлен один жилой дом. Кадры трактористов спешно готовились в г. Енисейске при районной колхозной школе» [9].

В район обслуживания МТС входило 13 колхозов от д. Каргино до д. Еркалово по течению Енисея. В марте тракторы начали работу в колхозах района. Иван Кузьмич вспоминает это событие: «Переломный период и всеобщее ликование наступило тогда, когда на колхозных полях заработали тракторы ЧТЗ в сцепе с двумя 4-х корпусными плугами и тракторы СХТЗ с плугами 3-х корпусными. На поля, где заработали тракторы, вышли все колхозники от малого до старого. У многих были радостные разговоры, одобряли пахоту и последующую работу, говорили: «Вот это лошадки, земельку вспашут глубоко, посеём хорошими семенами, получим хороший урожай, хватит зерна с государством рассчитаться и останется на трудодни» [10].

Но радость быстро сменилась горем. В этот год произошло одно из крупнейших наводнений в истории Енисея. Воспоминания Ивана Кузьмича являют собой пример источника, ко-

торый передает картину бедствия, но при этом не лишен сочувствия, а вспоминает он следующее: «Не только затопило поля, технику, затопило ряд деревень. Колхозникам, при очень трудных и опасных условиях, приходилось спасать колхозное добро, а колхозникам «1 мая» д. Чикинева при всех принятых мерах не удалось спасти склады с семенами, со сбруей и другим колхозным добром, телятник с телятами в 60 гол. Затопило водой и снесло льдом, все погибли. В результате этого стихийного бедствия деревни Чикиневой с 1937 года не существует» [11].

В следующие после наводнения годы колхозы и МТС были восстановлены и продолжали функционировать. С началом Великой Отечественной войны Иван Кузьмич вновь попал в ряды армии, в этот раз на фронте ему оказать не довелось, здоровье не позволило, но он был полезен на службе в военкомате. В 1946 г. он вернулся к мирной жизни, работал в Удерейском районе, сначала на должности зав. райсельхозотделом до 1949 г., а по 1957 г. директором МТС, после чего вышел на пенсию. На пенсии Иван Кузьмич сохранил активную гражданскую позицию. В 1959 г. он был избран депутатом Маклаковского поселкового Совета депутатов трудящихся Енисейского района, активно посещал школы района, являя собой образ патриота своей страны, о чем свидетельствует местная периодическая печать. Венцом биографии Ивана Кузьмича стало присвоение ему звания Почетного гражданина города Енисейска в 1969 г. и города Лесосибирска в 1977 г. Оборвалась жизнь Ивана Кузьмича 28 октября 1992 г.

Список источников:

1. Заря Енисея. 1983 г. 20 мая. С. 1.
2. Там же.
3. Архив Енисейского краеведческого музея. ОФ. 5356_1. Л. 5.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. Л. 6.
7. Там же. Л. 11.
8. Там же. Л. 16.
9. Там же. ОФ. 5473. Л. 2.

10. Там же. Л. 3.

11. Там же.

Ю. Н. Бойко

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1925 ГГ.

В статье освещены проблемы и особенности формирования органов милиции Енисейской губернии в 1920–1925 гг., ключевые направления их деятельности в контексте исторических условий завершения Гражданской войны и начала новой экономической политики (НЭПа) – борьба с бандитизмом, самогоноварением, противодействие проституции. Выявлено, что функционирование органов милиции Енисейской губернии осложнялось постоянным сокращением штатов и финансирования.

Ключевые слова: советская милиция, Енисейская губерния, борьба с преступностью, самогоноварением, противодействие проституции.

Становление и развитие органов внутренних дел в первой половине 1920-х гг. в Енисейской губернии представляет собой важную и малоисследованную область в изучении правоохранительной системы Сибири. В условиях продолжавшейся Гражданской войны происходило формирование их организационной структуры, кадрового состава. В годы новой экономической политики сложившаяся структура подверглась существенной перестройке. Также особый интерес представляет изучение деятельности губернской милиции по противодействию бандитизму, распространению самогоноварения, проституции и детской беспризорности в указанный период.

В начале января 1920 г. в Красноярске была восстановлена советская власть, а высшим органом власти в регионе стал Сибирский революционный комитет. В его структуре был создан отдел управления, который на правах отделения Наркомата внутренних дел РСФСР осуществлял руководство рабоче-крестьянской милицией Сибири. В конце января было созда-

но Енисейское губернское управление милиции, которое возглавил И. Г. Деханов [1]. Он подчинялся заведующему отдела губисполкома (на тот момент губревкома), начальнику милиции Сибири, а также НКВД. В уездах органы милиции входили в отделы управления уездных исполкомов на правах подотдела.

К апрелю 1920 г. на службе в Енисейской губернии числилось 35 % от положенного по штату служащих, т. е. 1 100 человек из 3 045. В той или иной степени, некомплект наблюдался во всех городах и уездах, в большинстве случаев составлявший более половины от штатного списка. Так, в Красноярске штат был заполнен только на 44 %, т. е. числилось только 220 человек. По территории губернии некомплект варьировался от 53 % в Канском уезде до 95 % в Туруханском крае [2].

Профессиональные качества и лояльность многих сотрудников также вызывали сомнения. В январе в 1921 г. в Красноярской уездно-городской милиции числилось 375 сотрудников, из которых почти треть (118 человек) служила в свое время в правоохранительных органах при правительстве А. В. Колчака, а 43 являлись унтер-офицерами царской армии. Значительная часть штата милиционеров была заполнена бывшими партизанами, зачастую малограмотными и склонными к самоуправству. Среднее образование имели только 4 милиционера, домашнее и начальное образование – 350 человек, а 21 были совершенно неграмотными. Серьезные проблемы с дисциплиной наблюдались среди сотрудников Минусинского, Канского уездов [3].

В течение первой половины 1920-х гг. для повышения качества милицейского состава в сибирские органы правопорядка на руководящие должности отправлялись действующие командиры Красной армии, а также сотрудники милиции других губерний. Параллельно был взят курс на избавление милиции от не оправдавших доверие сотрудников посредством так называемых чисток. В результате первой «чистки» осенью 1921 г. количество сотрудников было уменьшено более чем на 60 %: с 3 036 до 1 100 человек [4], что, в целом, не сказалось на работе милиции, поскольку сокращение пришлось на недоукомплектованный штат. Вторая шла на протяжении первой половины 1923 г. и затронула не только милицию, но и школу милицейского комсостава, резерв, а также управление губернского уго-

ловного розыска. Вкупе с переводом милиции в 1922 г. на финансирование за счет средств местного бюджета, Енисейский губисполком продолжил линию на сокращение штатов милиции, в результате чего к концу 1924 г. штат сотрудников Енисейской губернской милиции составил 295 человек [5].

Параллельно в рассматриваемый период в Енисейской губернии продолжала сохраняться сложная криминогенная ситуация, которая в условиях социально-экономической и политической нестабильности создавала реальную угрозу советской власти в губернии.

Крайнюю опасность представлял бандитизм, изначально имевший сильную антисоветскую подоплеку, с годами трансформировавшийся в уголовную преступность. Осенью 1920 г. сводный отряд из 40 милиционеров и 350–400 красноармейцев под командованием будущего начальника губернской милиции В. Емельяшина принимала активное участие в ликвидации банд на территории Канского уезда. В 1921 г. под командованием начальника Ачинской уездной милиции П. Е. Пруцкого милиция совместно с войсками внутренней службы (ВНУС) участвовала в ликвидации повстанческих отрядов И. Н. Олиферова. Позднее отряд милиционеров под командованием начальника 10-го района Минусинской уездной милиции П. Г. Конопелько уничтожил главаря банды. Той же зимой работники милиции Енисейского уезда совместно с работниками УЧК ликвидировали банду Портнягина [6]. В той или иной степени, участие сотрудников милиции в борьбе с политическим бандитизмом в губернии продолжалось вплоть до 1924 г. и закончилось лишь с ликвидацией банды виднейшего деятеля антибольшевистского сопротивления в губернии И. Н. Соловьева.

Другим важнейшим направлением деятельности милиции в первой половине 1920-х гг. стала борьба с самогонварением. Этот вид преступления приносил государству существенный экономический ущерб, так как ежегодно на выгонку самогона тратилось значительное количество зерна. Например, в 1923 г. на выгонку самогона было затрачено 1 миллион 800 тысяч пудов зерна, из которых получилось 10 миллионов 800 тысяч бутылок готового продукта [7]. О масштабах явления можно судить по докладу начальника милиции Минусинского уезда

в начале 1924 г., где указывалось, что самогонварением занимаются до 90 % населения подведомственной ему территории [8].

Поначалу меры борьбы с выгонкой нелегального спиртного имели скорее спонтанный характер и заключались в локальных облавах на самогонщиков, например, в отдельных селах. Так, в начале мая 1921 г. в ходе такой облавы в д. Курская Минусинского уезда у 35 жителей были обнаружены и изъяты 17 самогонных аппаратов и по несколько ведер самогона [9]. По мере накопления опыта по обнаружению мест изготовления самогона и самогонщиков обновлялась милицейская тактика. На смену единичным вылазкам пришли повальные обыски и облавы, проводимые в рамках месячников и двухнедельников по борьбе с тайным винокурением. Особый эффект давали массовые обыски и облавы, проводившиеся накануне различных праздников. Например, только в первый двухнедельник 1923 г. в Красноярском уезде было конфисковано 36 аппаратов, а 39 человек привлечено к ответственности; в Ачинском уезде конфисковано 135 аппаратов и привлечено к ответственности 310 человек [10].

Согласно ежемесячной ведомости о работе Енисейской губернской милиции за март 1924 г. приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков и наркотиков занимали второе место по количеству зарегистрированных преступлений за месяц (824 дела), уступая лишь нарушениям правил, изданных местными органами власти (занятие торговлей, промыслом, публичного порядка и т. д., 855 дел). Следом шли имущественные преступления (разбой, грабежи, конокрадство, мошенничество, поджог и т. п., 518 дел) и преступления против личности (убийства, побои, клевета и т. п., 336 дел) [11]. Поэтому работа по искоренению пьянства и незаконного винокурения продолжала оставаться одним из основных направлений в работе милиции на протяжении всего десятилетия.

Другим важным направлением деятельности советской милиции в 1920-е гг. являлось противодействие проституции, которая получила «второе дыхание» в связи с началом НЭПа и массового притока сельского населения в города. По социальному составу 41,9 % женщин, занятых в этой сфере, имели крестьянское происхождение, из среды рабочих и мещан вышли 29,6 %, социальное происхождение остальных 28,5 % осталось

неустановленным. При этом более 70 % были в возрасте от 15 до 25 лет [12]. В докладе губернскому совещанию по борьбе с преступностью в ноябре 1924 г. сообщалось, что в Красноярске проституция развита в основном среди 17–25-летних, слушаев детской проституции зарегистрировано два за год [13].

Главными очагами проституции были гостиницы, постоялые дворя и съемные квартиры. Преобладающим типом проституции являлся коллективный промысел, когда проститутки работали на артельных началах вместе снимая квартиру-притон. По данным милиции на середину 1923 г. в Красноярске было выявлено около таких 30 притонов. В городе насчитывалось 200–300 профессиональных проституток. В Ачинске и Минусинске по неполным данным насчитывалось по 20 «профессионалок» [14]. За 4-й квартал 1924 г. в Красноярске было выявлено 43 проститутки и обнаружено 2 притона [15].

Государство лояльно относилось к проституции, считая ее исчезающим пережитком прошлого, ввиду чего работа милиции в основном сводилась к борьбе с ее пособниками.

В начале 1923 г. в Енисейской губернии при губздравотделе был создан губернский совет по борьбе с проституцией. Позднее в Минусинске, Ачинске и Канске организованы самостоятельные комиссии по борьбе с проституцией [16]. Советы собирались ежемесячно, в круг их задач входили: мониторинг ситуации с проституцией на местах посредством анализа данных, поступающих от милиции, организация профилактических мер по борьбе с женской безработицей, а также принятие решения о каре в соответствии с законодательством.

Однако, следует признать, что борьба с проституцией в Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. носила эпизодический характер. Большинство начатых инициатив быстро сворачивалось ввиду отсутствия финансирования и руководящих указаний от сибирских органов управления.

Таким образом, процесс организационного становления советской милиции в Енисейской губернии приходился на начало 1920-х гг. и проходил в сложных криминогенных условиях, связанных с «отголосками» гражданской войны. Приоритетной задачей являлась борьба с политическим и уголовным бандитизмом. В условиях разразившегося в стране голода

немаловажную роль играло противодействию самогоноварению. По отношению к бандитизму и самогоноварению власть требовала срочных и беспощадных действий, в то время как для борьбы с проституцией требовалась деликатность, и жесткие меры применялись только в крайних случаях. Характерно также и то, что весь спектр задач советская милиция решала в условиях ограниченности ресурсов, острой нехватки квалифицированных кадров, сокращения штатов и финансирования.

Список источников и литературы:

1. На службе милицейской / Упр. внутр. дел, Д. А. Бугаев. Красноярск : Кн. изд-во, 1993. Кн. 1 : 1917–1925 гг., ч. 1. С. 257.
2. ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 110. Л.17, 141–142.
3. Бойко Ю. Н. О кадровом составе и материальном обеспечении советской милиции в Енисейской губернии в 1920-1925 гг. // Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, 23-25 апр. 2018 г. / Санкт-Петербургский ун-т МВД России ; под ред. Н. С. Нижник. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2018. 1 электрон. опт. диск. С. 897–901.
4. ГАКК. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 35. Л. 89.
5. Коновалова О. В., Бойко Ю. Н. Вопросы кадровой политики в правоохранительных органах (на примере советской милиции Приенисейского края в первой половине 1920-х гг.) // Антинаркотическая безопасность. 2014. Вып. 1(2). С.113–120.
6. На службе милицейской ... С. 308, 313–314.
7. Шекшеев, А. П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ним в Енисейской деревне (1917-1930 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2016. Вып. 4(21). С.82–97.
8. На службе милицейской / Д. А. Бугаев. Красноярск : Кн. Изд-во, 1993. Кн. 1 : 1917–1925 гг., ч. 2. С. 223.
9. Шекшеев А. П. Указ. соч. С. 87.
10. Как идет борьба с пьянством // Красноярский рабочий. 1923. 4 фев. (№ 25). С. 3.
11. ГАКК. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 10. Л. 74.
12. Валиев Г. Х., Исаев В. И. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: историко-криминологиче-

ский анализ / Нижнекам. муницип. ин-т. [2-е изд., доп.]. Нижнекамск : Изд-во НМИ, 2008. С. 95.

13. ГАКК. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 51. Л. 35–37.

14. Проституция в Красноярске. Как ведется борьба с ней // Красноярский рабочий. 1923. 12 дек. (№ 278). С. 4.

15. ГАКК. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 101. Л. 22.

16. [Уездные комитеты по борьбе с проституцией] // Красноярский рабочий. 1923. 9 июня (№ 123). С. 4.

Н. С. Складренко

СИБИРСКИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ КОМИССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В 1920-Е ГОДЫ

В статье проводится попытка проанализировать условия формирования органов государственной безопасности в Сибири в 1920-е годы. Уделяется внимание специфике и условиям работы чекистов в данном регионе.

Ключевые слова: ГПУ, ОГПУ, ВЧК, Сибирь, повседневность.

Значимость административных органов определяется историческими условиями и задачами, которые ставило перед ним руководство страны. В Сибири после окончания борьбы с колчаковщиной начался процесс становления органов государственной безопасности. Целью данной статьи является выявление особенностей этого процесса в сибирском регионе.

Органы политической полиции были созданы декретом от 7 декабря 1917 года. Именно в этот день была сформирована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК), во главе которой стал Феликс Эдмундович Дзержинский, которого позднее прозвали «железным Феликсом». Изначально в задачи данного органа входили «пресечение и ликвидация контрреволюционных и саботажнических действий по всей России», а также «предание суду Революционного трибунала саботажников и контрреволюционеров и выработки мер по борьбе с ними».

Сибирские органы Чрезвычайной Комиссии берут свою историю от начальника Секретного отдела ВЧК С. Г. Уралова, которого 17 сентября 1919 года отправили в данный район для организации там местных чрезвычайных комиссий [1].

В 1920 году, после изгнания колчаковщины, сибирские чекисты приступили к формированию своих организаций в данном регионе. За основу была взята структура ВЧК, принятая на Первой Всероссийской конференции работников, проходившая с 11 до 13 июня 1918 года [2]. Она выглядела следующим образом: президиум ВЧК, состоящий из председателя ВЧК, заместителя председателя, секретаря и отделы: иногородний отдел, отдел по борьбе с контрреволюцией, отдел по борьбе со спекуляцией и отдел по борьбе с должностными преступлениями [3].

В связи со сложившейся сложной ситуацией, которая была на территории Сибири после прихода советской власти, сотрудникам ЧК пришлось дублировать функции народной милиции, т. к. катастрофически не хватало сил для борьбы с преступностью в данном регионе. Например, в январе-феврале 1920 г. омскими чекистами были раскрыты хищения изъятого при обысках имущества, а также пьянство среди милиционеров [4]. Уже при преобразовании из ВЧК в ГПУ (1922 г.) данная функция была официально закреплена в положении «О транспортных отделах Госполитуправления». В нем оговаривалось, что данный отдел должен осуществлять «охрану общественного спокойствия и порядка» [5].

Кроме этого, сотрудники ЧК занимались борьбой с бандитизмом, который процветал в 1920-е годы. Бандиты были хорошо вооружены и имели своих людей среди сотрудников милиции. Такой исход дел позволял им совершать дерзкие налеты. Например, 31 мая 1920 года коллегия Томской губчека при рассмотрении 58 дел на 92 человек, 11-ти утвердила высшую меру наказания за бандитизм [6]. В течение зимы 1925–1926 гг. органам ОГПУ удалось ликвидировать 23 бандформирования общей численностью 529 человек [7]. В работу чекистов входила борьба с крестьянскими выступлениями, происходящими на территории Сибири в больших масштабах. Подавление носили крайний жестокий характер, так как сами крестьяне сопротивлялись советской власти и ее политике военного коммунизма. Например, 13 июля 1920 года в ходе боя за

с. Волчиха Славгородского уезда, было уничтожено около 900 повстанцев, большинство из которых были зарублены, при потере одного человека со стороны чекистского карательного отряда [8]. Для подавления восстания в д. Дмитриевка Балаганского уезда Иркутской волости, в котором участвовало около 100 человек, был отправлен пулеметный взвод (около 50 человек) [9].

Важнейшей задачей региональных отделов ЧК была борьба с контрреволюцией, т. к. в Сибири в лесах скрывались колчаковские офицеры, казаки, не ушедшие в Маньчжурию с отступавшими белогвардейскими частями. С начала 1920 года формировались «летучие отряды» – небольшие подразделения, занимавшиеся поиском и искоренением «белых», которые действовали в отдаленных районах Сибири. Так, с февраля по март 1920 г. одно из таких подразделений ЧК вело следствие по делам крестьян – бывших колчаковских дружинников, которые проживали в Коуракской волости Томской губернии. В конечном итоге, пять подозреваемых были приговорены к расстрелу [10]. Итогами этой политики может служить сокращение повстанческого движения в Сибири. Например, в феврале 1921 г. общая численность всех мятежников составляла 30 тыс. человек. В марте этот показатель поднялся до 40 тысяч, а уже к концу июня 1921 года произошло его снижение до 5 тысяч человек. Окончательно подавить последние очаги сопротивления удалось только к 1924 году [11].

Священники любой конфессии в глазах чекиста были «заведомыми контрреволюционерами», которые должны подлежать уничтожению. Арестовать могли под любым предлогом. Например, священника Каинского уезда П. И. Чемоданова арестовывали трижды. Первый раз его обвинили за замечание пьяным солдатам заградотряда, дебоширивших в его доме. Второй – за выдачу коня «белым» со своей конюшни. А третий – за обвинение в пьянстве и ложь в прессе в адрес коммунистов. В конечном итоге его расстреляли в 1923 году [12]. В Иркутской губернии в ходе скрытой агитации против Советской власти было арестовано 2 священника [13]. Советская власть сурово относилась к священнослужителям. Только в период с 1921 по 1923 гг. по всей территории РСФСР было репрессировано 10 тысяч церковных деятелей, 2 тысячи из которых были расстреляны [14].

Чекистскому преследованию также подвергались представители разных политических партий и течений: меньшевики, правые эсеры, а после откола от ЦК РКП(б) и левые эсеры. Это можно подтвердить на основе постановления политического бюро ЦК РКП(б) от 20 марта 1920 года «Об изъятии меньшевиков и эсеров из государственных и общественных организаций» [15] или Приказ № 131 ВЧК «О производстве массовой операции по предупреждению белогвардейского восстания», в котором в пункте №3 говорится, что «немедленно приступить к аресту всех контрреволюционеров, как в военных, так и в гражданских учреждениях, в отношении коих имеются данные, как то: активные члены партии правых и левых эсеров, монархистов, кадетов, меньшевиков и анархистов, могущих принять участие в возможном выступлении» [16]. Однако, в силу нехватки рабочих кадров в государственных учреждениях в первые годы советской власти активно привлекались специалисты, являющиеся членами других партий.

Интеллигенцию чекисты тоже не обошли. Например, постановлением Политического бюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» предписывалось создать комиссию, которая занималась:

- фильтрацией студентов по политической благонадежности, социальному происхождению перед поступлением в вуз;
- проверкой студентов на политическую благонадежность во время обучения [17].

Чекисты пятого секретного отделения установили правила, с помощью которых они могли контролировать научные конференции и органы печати [18]. В период внутривнутрипартийной борьбы в РКП(б) в 1923–1929 гг. сотрудники ГПУ стали инструментом борьбы с «троцкизмом» и активно составляли «контрреволюционные дела». Так, в марте 1925 года чекисты Новониколаевска изъяли у заведующего книжного магазина М. К. Евграфова около 200 советских книг, среди которых были «Уроки Октября» Троцкого Л. Д., хотя сам автор еще входил в состав Политбюро [19].

Для проведения своих операций, выявления «контрреволюционных» элементов чекисты занимались вербовкой людей для агентуры, разработкой различных агентурно-оперативных комбинаций, и кроме этого вели расследование дел и наблюде-

ние за подозреваемыми [20]. Каждый оперативный работник должен был найти конспиративную квартиру, в которой он занимался работой с завербованной агентурой [21]. Обладая богатым опытом скрытной работы против царской полиции, ветераны-чекисты, а также недавно прибывшие сотрудники, стали формировать эффективную карательную систему [22]. Их плодами воспользовалось советское правительство во время организации операций по разоблачению «врагов народа» в 1930-е годы [23].

Для получения информации с подозреваемых чекистами часто применялись негуманные методы дознания. Это было выражено в стихотворении журналиста Г. Астахова «ВЧК»:

*В них сила сдержанного гнева,
В них мощь раскованной души,
В них жуть сурового напева:
«В борьбе все средства хороши!» [24].*

Так, среди сотрудников широко применялось избивание обвиняемого. Для запугивания могли симулировать расстрел. Также часто применялся метод, при котором подозреваемого держали в холодном, тесном карцере без еды и воды, так называемые «темные». Письмо, направленное 27 июня 1921 года в Сиббюро ЦК РКП(б), характеризует условия, в которых существовали заключенные: «Алтайцев массами арестовывают, бросают в тюрьмы; их пытаются, чтобы они выдали имена бандитов: например душат, бьют, симулируют над ними расстрелы... (...) Положение арестованных в тюрьме г. Алтайска ужасающие: арестованных сажают за повинности в «темную» конуру, где человек не может вытянуться на полу в свой рост, а туда сажают несколько человек, сажают на 6-7 суток, и за все время не дают не только хлеба, но даже воды. Арестованные... становятся совершенно больными, глаза выкатываются из орбит, лицо синее... По выходе из «темной» арестованные – точно невменяемые – сознаются в таких преступлениях, каких не делали» [25]. Подобная практика позволяла чекистам штамповать дела пачками для получения возможности продвигаться по службе.

Для проведения подобных «дознаний» чекистам выделяли здания с подвалами, в которых можно было реализовать групповые расстрелы. Чтобы не было лишних вопросов со стороны партийных сотрудников, трупы вывозили ночью. «Говорят

о пытках в этом подвале, но, когда я его осматривал, оказался закрытым, и я подозреваю, что его подчистили. Кровь так и стоит огромными черными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах, лестница открыта. Я прямо испугался. Гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избиения перед смертью в подвале, наблюдаемые из окон сотрудниками чека», – так описывал подвал Енгубчека заместитель председателя Сибревкома В. Н. Соколов в июне 1920 года [26]. Помимо традиционного расстрела могли использоваться метод удушения жертвы. Этот метод использовали для наименьшего привлечения внимания, экономии патронов или из садистских пристрастий исполняющего. Также могли изрубить, утопить, сжечь или закопать в землю живьем [27]. Таким образом, приведение высшей меры наказания определялась не столько законом, сколько садистскими наклонностями исполняющего приговор чекиста. «Ошибки», совершаемые чекистами, не вели к справедливому наказанию, как это должно было предполагаться. Частым наказанием служил перевод из одного места работы в другое. Например, омского чекиста Л. А. Мамендос-Поляка только выдворили из Омска за «связь с контрреволюцией и выдачу поддельных документов», а в Красноярске заместителя председателя губчека Д. М. Иванова выгнали за пьянство [28]. Можно предположить, что причиной сохранения чекистов в органах политической полиции являлась невозможность решения кадровой проблемы подбора сотрудников. Иными словами, было трудно найти кадры с таким же чекистским опытом работы.

Таким образом, первое десятилетие существования чекистской организации было достаточно трудное. Гражданская война, приведшая к обескровливанию страны, привела к росту преступности. С ней, а также с бывшими сторонниками «белых» органам ВЧК-ОГПУ пришлось бороться. Методы, которые они использовали, нельзя назвать гуманными, но они отражают дух того времени, психологию людей, переживших две войны – Первую мировую и Гражданскую.

Список источников и литературы:

1. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991 : Справочник / Сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Материк [и др.], 2003. С. 18.
2. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири 1918–1929 гг. М. : АИРО-XXI, 2007. С. 11.
3. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М. : Международ. фонд «Демократия» : Материк, 2003. С. 16-17.
4. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра» ... С. 16-17.
5. Там же. С. 60.
6. Там же. С. 62.
7. Там же. С. 92.
8. Там же. С. 60.
9. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918-1939 : документы и материалы : в 4 т. / Ин-т рос. истории РАН [и др.] ; под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1 : 1918-1922. С. 358.
10. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра» ... С. 26.
11. Шишкин В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 29 сент. – 2 окт. 2010 г. М. : РОССПЭН [и др.], 2011. С. 129-142.
12. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра» ... С. 56.
13. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... С. 305.
14. Худобородов А. Л., Яшина М. А. Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011. № 30. С. 61-65.
15. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... С. 324.
16. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД ... С. 146.
17. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... С. 286.
18. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра» ... С. 49.
19. Там же. С. 97.
20. Там же. С. 103.
21. Там же. С. 28.
22. Там же. С. 7.
23. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М. : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2008. С. 354.

24. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.) : историографические и источниковедческие аспекты. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2018. С. 379.

25. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра» ... С. 71.

26. Там же. С. 71.

27. Там же. С. 72.

28. Там же. С. 48.

В. О. Мезенцева, С. А. Шлыкова

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ЕГОРОВЫХ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье на основе документальных материалов региональных музеев и архивов предпринята попытка обобщить имеющуюся информацию в отношении членов семьи Егоровых, принимавших непосредственное участие в ключевых событиях отечественной истории советского периода. Материалы архива УФСБ России по Красноярскому краю вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Егорова Анна Михайловна, Егоров Валентин Кронидович, Октябрьская революция, Великая Отечественная война, Тегеранская конференция, история.

Документальные материалы, находящиеся на хранении в региональных архивах и музеях, являются уникальными носителями локальной истории, обращение к которым предоставляет возможность не только воссоздать историческое прошлое определенной территории и проиллюстрировать деятельность отдельных личностей, семей, династий, но и восстановить цепь исторических событий в масштабе государства.

Опыт обращения к массивам сведений регионального характера не теряет свою актуальность, источники комплектования музейных и архивных фондов Красноярского края удивляют своими разноплановостью и аутентичностью.

Специфика истории становления и развития территории современного Красноярского края отразилась и на особенностях комплектования фондов материального наследия нашего региона. В целях установления оптимально эффективного административно-территориального деления для налаживания социально-экономического и политического управления советское правительство инициировало разукрупнение ряда регионов. Так 7 декабря 1934 г. был образован Красноярский край, объединивший 46 районированных территорий существовавшей начиная с 1822 года Енисейской губернии, которая вошла в историю как северный регион с суровым климатом, богатыми природными ресурсами и крепкими по духу людьми.

Ярким примером источников, раскрывающих историю государства через призму человеческих судеб, является переданный на хранение в архив УФСБ России по Красноярскому краю в 2021 году личный альбом Валентина Кронидовича Егорова – ветерана органов безопасности.

Представители семьи Егоровых – это люди, внесшие вклад в историю не только Красноярского края, но и всей страны. Страницы альбома раскрывают нам события вековой давности.

Анна Михайловна Егорова (Тульникова) родилась 2 декабря 1881 г. в семье паровозного машиниста в Рославле. Вместе с матерью и сестрами занималась шитьем одежды. Старший брат Федор Михайлович работал в Челябинске на строительстве железной дороги. По его вызову Анна Михайловна переехала к нему. С начала XX в. Федор Михайлович и его друг Кронид Тульников состояли в местной социал-демократической организации. Анна Михайловна вошла в эту организацию и с 1904 г. стала вести революционную работу среди железнодорожных и строительных рабочих, тогда же она вышла замуж за Тульникова. За организацию забастовок на челябинском отделении железной дороги в 1905 г. они оказались арестованы. Анна Михайловна и ее супруг были сосланы в с. Колпашево Нарымского края, но вскоре совершили побег и перебрались в Женеву.

Жизнь в Швейцарии была одним из самых ярких периодов революционной карьеры Егоровой: она стала постоянным слушателем лекций, бесед и чтений рефератов Владимира Ильича Ленина, о которых вспоминала до конца жизни.

После нелегального возвращения из Женевы в Россию, супруги были вновь арестованы и направлены в ссылку в Минусинский уезд Енисейской губернии [1].

В Минусинске А. М. Егорова добилась разрешения на преподавательскую деятельность и стала учительницей в Новополтавской школе [2]. С началом февральской революции 1917 г. Анна Михайловна водрузила над зданием школы первый красный флаг [3].

Трудности революционного лихолетья не пугали женщину, работая учителем и имея на руках двух малолетних сыновей Валентина, 1908 года рождения, и Бориса, 1912 года рождения, она продолжала вести революционную работу среди местных крестьян, поддерживая связь с другими ссыльными социал-демократами.

Июнь 1918 г. стал началом очередного тяжелого рубежа для А. М. Егоровой и ее сыновей. В результате контрреволюционного мятежа в числе других минусинских большевиков Анна Михайловна была помещена в Минусинскую, а затем в Красноярскую тюрьмы. Ей была назначена высшая мера наказания – расстрел, избежать которого удалось лишь по счастливому, казалось бы, стечению обстоятельств – она заболела тифом [4].

В 1919 г. в составе «эшелона смерти» А. М. Егорова была отправлена в г. Читу, но по дороге эшелон был захвачен восставшими черемховскими рабочими, и узники были освобождены. Мало кто из освобожденных был способен держать оружие, в рядах стойких и сильных оказалась и Анна Михайловна, влившаяся в партизанский отряд шахтеров, действовавших против каппелевцев. Спустя год тяжелых мытарств, изможденная Анна Михайловна вернулась к детям в Минусинск [5].

А. М. Егорова принимала участие в организации пионерско-комсомольского движения в сельских школах, что оказало особое влияние на становление ее сыновей: Валентин в 12 лет стал одним из первых пионеров Сибири.

Накопленный за годы революционной борьбы и Гражданской войны обширный запас сведений помог Анне Михайловне в работе в рядах Енисейской уездной Чрезвычайной комиссии, где она участвовала в разоблачении и скрывании деятельности белых офицеров, карателей, организаторов кровавых расправ над крестьянами.

С 1923 г. А. М. Егорова работала в Красноярске в губкоме РКП (б), внося огромный вклад в сбор и изучение материалов о пребывании В. И. Ленина в Шушенской ссылке.

Активная партийная деятельность, перенесенные лишения и тяжелые заболевания надломили здоровье Анны Михайловны, она скончалась в 1927 г. в возрасте 46 лет.

Не уступая в силе духа и жизненной стойкости своей матери, традиции семьи Егоровых продолжил Валентин Кронидович. В 1920 г. он вступил в комсомол. В период 1921–23 гг. в составе бойцов ЧОН участвовал в охране жизненно важных объектов г. Минусинска. В 1923–26 гг. руководил созданием и работой пионерской организации в Красноярске, Минусинске, Енисейске, Канске. С 1926 г. стал инструктором коллегии Енисейского союза кооперативов. Работая на Таймыре, В. К. Егоров сумел овладеть якуто-долганским, ненецким и эвенкийским языками и мог общаться с коренным населением [6].

Проявляя себя надежной, достойной и идейной личностью, Валентин Кронидович был направлен на работу в органы безопасности, которая в дальнейшей стала его основным родом деятельности. Ему было всего 22 года, когда он стал уполномоченным отделения красноярского оперсектора ОГПУ.

«Учился я азам чекистского дела у каждого опытного товарища по службе, жадно изучал старые архивные дела, проведенные операции, охотно, в ущерб досугу, принимал участие в засадах, обысках, допросах, не обязательных для меня, но дававших мне ценную практику и новый опыт», – пишет в своих воспоминаниях Валентин Егоров [7].

В связи с разделением Сибири на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края В. К. Егоров с ноября 1932 г. был переведен в полномочное представительство ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в г. Иркутске. В предвоенные годы Егоров участвовал в специальных операциях частей Красной армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, руководил отделом в наркомате по борьбе с бандитизмом.

В период Великой Отечественной войны работал в транспортных органах по линии обезвреживания вражеской агентуры на узлах фронтовых железных дорог и водных путей сообщения, участвовал в сражениях на Западном, Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах.

Важной вехой в биографии Валентина Кронидовича стало участие в организации и обеспечении безопасности глав государств – участников Тегеранской конференции. Специальная группа, в которую входил Егоров, выполняла возложенную на них миссию – обеспечение всех условий надежной безопасности для проведения в Тегеране встречи Сталина, Рузвельта, Черчилля, их военачальников, министров и советников. Осложнялась задача тем, что действовать пришлось не у себя дома, а на территории чужого, суверенного государства, в аппарате которого было немало немецких советников.

Валентин Кронидович вспоминал: «Надо было не только скрытно подготовить техническую сторону этого необычного совещания на высшем уровне: транспортировку, размещение участников, выбор и оборудование места конференции, обеспечение бесперебойной телефонной связи глав правительств со своими столицами и ставками и многое другое. Предстояло главное – исключить всякую возможность нападений и диверсионно-террористических покушений на глав держав и других государственных и военных лидеров, которые будут участвовать в конференции» [8].

Заслуги В. К. Егорова были отмечены многочисленными правительственными, международными и ведомственными наградами.

В марте 1960 г. В. К. Егоров вышел в отставку. Вел лекторскую работу в обществе «Знание», печатался в газетах, журналах и сборниках по истории органов безопасности, освоения северных территорий Красноярского края.

Валентин Кронидович ушел из жизни в 1987 г., похоронен в Москве. До последних дней он поддерживал тесную связь с ветеранским движением УФСБ России по Красноярскому краю, а также с краевым государственным бюджетным учреждением культуры «Таймырский краеведческий музей» и муниципальным бюджетным учреждением культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», в которых имеются документальные материалы, отражающие историю семьи Егоровых.

Достойными представителями династии Егоровых стали Борис Кронидович Егоров, сражавшийся на Сталинградском фронте в период Великой Отечественной войны, Владимир

Валентинович Егоров, принимавший участие в запуске первого космического корабля «Восток» 12 апреля 1961 г., Феликс Валентинович Егоров, служивший в торговых представительствах СССР на территориях Египта и Индонезии [9].

Многие перипетии жизни рода Егоровых нашли отражение на страницах альбома, оформленного Валентином Кронидовичем. Поступление альбома на постоянное хранение в фонды архива УФСБ России по Красноярскому краю послужило началом исследования истории семьи Егоровых на территории Красноярского края, а также позволило сохранить уникальный исторический источник для изучения локальной истории России.

Список источников:

1. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. № И. Д. № И-174. Л. 49.
2. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартынова. ОФ. 6992. Ед. хр. 2.
3. Архив УФСБ ... Ф. № И. Д. № И-330. Л. 1.
4. Там же. Ф. № И. Д. № И-174. Л. 49.
5. Там же.
6. Таймырский краеведческий музей. Ф. 6587. Ед. хр. 7.
7. Архив УФСБ ... Ф. № И. Д. № И-174. Л. 91.
8. Там же. Ф. № И. Д. № И-174. Л. 138.
9. Там же. Ф. № И. Д. № И-330. Л. 18, 19, 26.

К. Р. Филиппова

ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ! ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л. Н. ШАПИРО

В статье на примере трудовой деятельности работницы Красноярской железной дороги Л. Н. Шапиро показан вклад работников тыла в укрепление обороноспособности страны в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: война, антинакипин, железная дорога.

Изучение истории Великой Отечественной войны играет важную не только научную, но и воспитательную роль. Несмотря на активное исследование разных ее аспектов, в истории войны остаются малоизвестные факты и личности, в том числе герои тыла, которые сыграли заметную роль в приближении ее окончания. Изучение войны в ее человеческом измерении позволяет сделать ее события более близкими и понятными молодому поколению, осознать вклад каждого человека в Великую Победу.

Цель исследования – на примере трудовой деятельности Л. Н. Шапиро показать вклад работников тыла в решение задачи сохранения подвижного состава железной дороги и укрепление военного потенциала страны в годы Великой Отечественной Войны.

Любовь Наумовна Шапиро – женщина, которая имеет множество правительственных наград и уникальное для женщин воинское звание «инженер-майор тяги». Среди ее наград не только почетные медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «За трудовое отличие», но и наградные знаки, такие как «Отличный паровозник» и «Ударник Сталинского призыва». В своей работе мы покажем, за что эта хрупкая женщина удостоилась стольких правительственных наград.

Любовь Наумовна родилась в Красноярске 14 марта 1913 года в семье медицинских работников [1; 2]. Уже в 1930 году Любовь Наумовна оканчивает девять классов при Институте народного образования. Вместе с аттестатом зрелости ей выдали удостоверение учителя начальных классов и распределили в село Атаманово работать хранительницей избы-читальни. Женщина вспоминает, что бытовые условия были ужасные. В итоге – тяжелая простуда, возвращение в Красноярск, несколько месяцев в больнице.

Л. Н. Шапиро очень хотела продолжать обучение и поэтому пошла в Лесотехнический институт, а уже через некоторое время стала выпускницей первого Красноярского вуза и первого потока химфак-лесотехнического отделения. Закончила она институт в 1936 году, но завершать обучение, 4-ый и 5-ый курс пришлось уже в Свердловске [3]. Ведь в 1934 году по ин-

ституту прошла волна репрессий, и весь преподавательский состав был репрессирован, преподавать стало некому. Но несмотря на эту ситуацию, в дипломе у Любови Наумовны стоит «Красноярский Лесотехнический институт» [4].

Сразу после окончания вуза Любовь Шапиро начала преподавать химию в медицинском техникуме. И уже в 1940-м году, случайно наткнувшись на объявление в газете, пошла работать на железную дорогу. В то же время ей была поставлена сложная задача – создать свою лабораторию. Вскоре началась Великая Отечественная война, и именно в тот момент Любовь Наумовна занялась решением важнейшей проблемы, оказавшей непосредственное влияние на организацию железнодорожных перевозок.

По воспоминаниям Л. Н. Шапиро, «начальник дорожной технической лаборатории не [был] ограничен в проявлении инициативы. В годы войны творческий подход, научная смелка и смелость очень пригодились» [5]. И, конечно, при работе паровозов нужно было соблюдать огромное количество требований, правил и подходов, учитывать малейшие нюансы и характеристики паровозов. Очень важной работой являлась своевременная обработка котлов специальными химикатами для очистки воды – антинакипинами. И если этого не делать, внутри котла будет образовываться накипь, а при ее большом количестве может произойти взрыв труб. Как известно, антинакипины в то время производили только в Белоруссии, откуда они и поступали к нам, но в самом начале войны Белоруссия была оккупирована врагом и поставки химикатов для очистки воды прекратились [6; 7].

Благодаря проделанной Л. Н. Шапиро работе паровозные котлы перестали выходить из строя. Это обеспечивало исправные перевозки, а это – безопасная перевозка различного оборудования, провианта, раненых солдат и даже учебных и промышленных заведений и т. д. На созданном Л. Н. Шапиро химикате паровозы Красноярской магистрали работали до 1960-х годов, до перехода на электротягу [8].

В настоящее время в музее истории Красноярской железной дороги можно увидеть ее военную форму, различные документы и даже образцы тех самых антинакипинов, благодаря кото-

рым движение на магистралях в годы Великой Отечественной войны не прекращалось и помогало всей стране.

Таким образом, Л. Н. Шапиро на основе своих профессиональных знаний химии спасла подвижной состав железной дороги от разрушений, позволив тем самым укрепить обороноспособность страны и мобильность действующей Красной армии в этот драматический период истории.

Список источников:

1. Красноярский железнодорожник. 2017. 29 сент. (№ 36).
2. На железнодорожном фронте : изобретение, приблизившее Победу // Наш Красноярский край : [газета; сайт]. 2013. 18 апр. URL: <https://gnkk.ru/articles/na-zheleznodorozhnom-fronte/> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Там же.
4. Проект «Все для Победы»: химик-изобретательница Любовь Шапиро // Радио Красноярск Главный. [сайт]. URL: <https://1028.fm/kak-zhili-i-trudilis-krasnojarcy-vo-vremja-vov/> (дата обращения: 01.12.2021).
5. На железнодорожном фронте : изобретение ... Там же.
6. Красноярский железнодорожник. 2013. 22–29 марта (№10).
7. Спасла паровозы: уникальная история подвига красноярской железнодорожницы // Проспект Пира : [электрон. издание]. 2020. 8 мая. URL: <https://vk.com/@pr.mira-spasla-parovozy-unikalnye-istorii-podvigov-krasnoyarskih-zh> (дата обращения: 08.11.2021).
8. Там же.

А. В. Спирина

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА ВИКУЛОВИЧА ВЕСЕЛКОВА

В статье описан жизненный путь Михаила Викуловича Веселкова – участника Великой Отечественной войны, многолетнего главного экономиста совхоза «Белоозерский», внесшего большой вклад в социально-

экономическое развитие Шарыповского района и награжденного за свой труд медалью «За успехи в народном хозяйстве СССР».

Ключевые слова: Шарыповский район, Великая Отечественная война, совхоз «Белоозерский», медаль «За Отвагу», медаль «За успехи в народном хозяйстве СССР».

Михаил Викулович Веселков родился 17 декабря 1921 года в селе Шарыпово, тогда Шарыповской волости Енисейской губернии. Он появился на свет спустя два года после того, как его отец Викул Веселков вернулся с Первой мировой войны. Отец его с фронта пришел без ноги. Возвращение его было долгим: шла Гражданская война, и когда Ачинск освободили от колчаковских войск, неизвестный теперь красный командир выделил двух красноармейцев, которые доставили увечного воина до села Березовского, а дальше его встретила супруга. Поэтому с ранних лет Михаилу пришлось трудиться на равных с взрослыми. Он работал на лошадях, любил этих умных животных. Его друг детства, красноярский поэт и композитор Федор Петрович Веселков вспоминал, что юный Михаил за любовь к своему коню носил кличку Гнедко [1].

В селе Шарыпово Михаил Викулович пошел в школу. Начинал в школе первой ступени, затем учился в неполной средней Шарыповской школе. Незадолго до начала Великой Отечественной войны завершил обучение. Как и все в селе Шарыповском, о начале войны он узнал по радио. Пришлось трудиться в полную силу. На фронт его, как сына инвалида Первой мировой войны, призвали только в 1944 году. В марте 1944 г. пришла повестка из военкомата [2].

Служба в Красной армии началась с Омского запасного полка, где Михаил Викулович прошел обучение на наводчика-артиллериста. 7 апреля 1944 года рядового Веселкова направили на 2-й Прибалтийский фронт, где он начал службу стрелком во 2-ом Стрелковом батальоне 760-го Стрелкового полка 208-ой Стрелковой дивизии 22-ой армии. В военных действиях принимал участие, начиная от Города воинской славы Великие Луки. Всю область дивизия Веселкова прошла пешком, затем преодолела границы Латвии и продвинулись до Риги, а оттуда ее перебросили в Литву, там некоторое время дивизия

стояла в обороне. Жили в землянке, познали все «удобства». Здесь Михаил был легко ранен осколком в локоть руки, но передовой не покидал, хотя рука у него очень болела. М. Веселков был наводчиком 45-миллиметрового орудия. Артиллерия обеспечивала пехотным войскам надежное огневое прикрытие. В расчете была команда из пяти человек. Со слов Михаила Викуловича, зачастую в их расчете оставалось до двух бойцов, остальные либо погибли, либо были ранены. Сил и уверенность в Победе придавали письма из дома. Полевая почта работала четко» [3].

Рядовой Веселков часто брал командование орудийным расчетом на себя. После очередного боя командир части предложил рядовому Веселкову стать командиром орудия, на что тот ответил: «Я не командовать сюда пришел, а воевать» [4]. 15 июля 1944 года стрелок Веселков М. В. был награжден медалью «За Отвагу». В тексте приказа было написано, что при прорыве немецкой обороны в районе деревни Минин-стан красноармеец Веселков М. В. первым поднялся в атаку и из личного оружия уничтожил трех немецких солдат, способствуя продвижению нашей пехоты.

Освобождая населенные пункты от немецких захватчиков, батальон, в котором служил сержант Веселков, с боями дошел до города Тильзит в Восточной Пруссии. Недалеко был Кенигсберг. Бои достигли наивысшего накала. Здесь Михаилу Викуловичу было присвоено звание сержанта. Затем батальон перекинули под Белосток на доформирование в связи с потерями в бойцах и технике. 1 января 1945 года сержанта Михаила Веселкова и еще одного солдата из его дивизии командование отправило в офицерское танковое училище в город Балашов. Там, в училище 9 мая 1945 года все узнали о Великой Победе. В честь этого радостного события был организован парад. После окончания обучения Михаилу Викуловичу было присвоено звание младшего лейтенанта [5].

За боевые заслуги Веселков М.В. награжден многими наградами, среди них орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», много юбилейных медалей, посвященных победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и Вооруженным силам СССР [6].

Домой, в село Шарыпово, Михаил Викулович вернулся в июле 1946 года после окончания танкового училища. Это было очень тяжелое время для истощенной войной деревни. Лето 1946 года было засушливым, виды на урожай были плохие, а в августе зарядили дожди, которые мешали уборочной страде весь сентябрь. Было принято решение об усилении руководства по хлебоуборке, об организации соцсоревнования, о выделении премиального фонда, о выполнении графика сдачи хлеба государству. Уже тогда родное село Веселкова стало районным центром – в его подчинение из Хакасии было передано несколько сел и деревень. В таких условиях началась трудовая деятельность М. Веселкова.

У Михаила Викуловича большой трудовой стаж – более 40 лет. Он трудился бухгалтером в Райтопе, организации, занимавшейся обеспечением топливом, прежде всего, дровами, многочисленных учреждений и населения Шарыповского района. Основная работа состояла в анализе бюджета за минувший год и планировании бюджета на новый год. Был он и ревизором краевого финансового управления. Зарекомендовал себя вдумчивым и ответственным финансовым работником. Учился без отрыва от производства на курсах при Красноярском сельхозинституте. Потом, когда набрался опыта и получил признание односельчан, был назначен главным экономистом в совхозе «Белоозерский», пожалуй, это основная страница жизни Михаила Викуловича Веселкова. С его приходом дела предприятия пошли в гору, совхоз твердо встал на ноги и стал год от года получать хорошую прибыль. В 1976 году Михаила Викуловича направили в Москву на ВДНХ, где ему была вручена медаль «За успехи в народном хозяйстве СССР» [7]. Вспоминая прошлые годы, М.В. Веселков говорит о том, какие большие стада были в совхозе, как много засевалось полей, какую хорошую прибыль приносило хозяйство [8].

Анатолий Иванович Катников (агроном и односельчанин Михаила Викуловича, ныне ветеран труда) считает Михаила Викуловича мудрым человеком, который был добрым советчиком, наставником, помогающим избежать ошибок, на которого ровнялись люди. Отмечает его особую скромность [9].

Михаил Викулович и в пожилом возрасте оставался деятелем и полон оптимизма. До глубокой старости все работы

по дому делал сам, содержал небольшое хозяйство. Он жил в небольшом бревенчатом доме по улице Советской в городе Шарыпово. В силу своей скромности даже от улучшения жилищных условий, гарантированных государством ветеранам войны, он официально отказался. С женой, Людмилой Павловной, он прожил в любви и согласии 64 года, в семье родились две дочери Татьяна и Екатерина. Вместе с женой он дожили до правнуков [10].

Михаил Викулович Веселков ушел из жизни в возрасте 99 лет, оставив о себе добрую память в сердцах всех, кто его знал. Земляки, люди, с которыми трудился Михаил Викулович, помнят этого славного человека и чтят его вклад в социально-экономическое развитие Шарыповского района, ставшего муниципальным округом.

Список источников и литературы:

1. Веселков Михаил Викулович // Краеведческий музей города Шарыпово : [сайт]. URL: <http://музейшарыпово.рф/stati-i-publikacii/veselkov-mihail-vikulovich/> (дата обращения: 01.12.2021).
2. Шинкоренко Н. Михаилу Викуловичу скоро 100 лет // Огни Сибири. 2021. 14 апр. (№ 15). С. 13.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Веселков Михаил Викулович // Город Шарыпово : [официальный сайт]. URL: <http://www.gorodsharypovo.ru/persons-by-category/nashi-veterani/show/86/> (дата обращения: 01.12.2021).
7. Шинкоренко Н. Указ. соч.
8. Веселков Михаил Викулович // Краеведческий музей города Шарыпово... Там же.
9. Фахрутдинова Г. Где родился, рос, трудился // Огни Сибири. 2021. 11 авг. (№ 32). С. 4.
10. Шинкоренко Н. Указ. соч.

Б. Е. Андюсев

«ПРЕДСТАВЛЕН К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ», ИЛИ ГЕРОИ, НЕ СТАВШИЕ ГЕРОЯМИ

Краткая аннотация: В 1934 г. было учреждено звание Героя Советского Союза. На 1 ноября 1946 года звания Героя были удостоены 12 208 человек, из них 207 жителей Красноярского края и современной Хакасии. В изучении этого вопроса для исследователей наиболее важными являются документы ЦАМО РФ в г. Подольске, и архивов родов войск, электронных ресурсов: «Память народа.ру», «Подвиг народа.ру» и др., основными источниками являются наградные листы с представлениями на воинов. Опыт поисковой работы, воспоминания ветеранов мотивировали задуматься над вопросом о представленных, но не получивших звания Героя Советского Союза, примеры которых приводятся в статье. Указываются возможные причины замены звания Героя на орден: «из бывших», «по соцпроисхождению», по «национальному признаку», «из семьи служителей культа», «из раскулаченных», «был в окружении». «был в плену», «проживал на временно оккупированной территории» и др. Автором выявлено до 180 «красноярцев», представленных к званию Героя, но награжденных орденами СССР.

Ключевые слова: воинские награды, «Герой Советского союза», Наградной лист, описание подвига, представление, награждение, замена звания Героя на орден.

Издrevле в русской армии существуют награды для отличившихся воинов – различные шевроны, знаки на мундирах, почетное оружие, ордена и медали. И среди наград были особо почетные, такие как Георгиевский крест и Георгиевское наградное оружие «За храбрость» в царской армии, орден Красного Знамени в Гражданскую войну, высшие Государственные награды и Почетные звания Великой Отечественной войны и послевоенного времени.

В Государственном архиве РФ имеется Справка отдела по учету и регистрации награжденных Президиума Верховного Совета СССР о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны по состоянию на 1 апреля 1946 года. Справка содержит общие данные о национальности,

партийности и полу 7 343 774 человек. Однако это был далеко не полный перечень награжденных, поскольку немалая часть награждений производилась от имени Президиума Верховного Совета непосредственно на фронтах войны [1]. По последним данным Центрального архива МО РФ, общее количество награжденных за ратные и трудовые подвиги в годы Великой Отечественной войны государственными наградами около 11,5 млн человек.

Уже в начальном периоде войны право награждения медалями и орденом Красной Звезды было делегировано от имени Президиума ВС СССР командирам подразделений действующей Армии. Награды более высокого ранга утверждались по нарастающей – командующими армиями, фронтами. Звание Героя Советского Союза присваивалось Президиумом ВС СССР по представлению командующих фронтами. Поэтому путь наградного листа на «Золотую Звезду» для рядового бойца был длинен – от написавшего наградной лист командира батальона к командиру полка, затем – к командиру дивизии, корпуса, армии, командующему фронтом и, наконец, – в Москву.

Для исследователей истории страны периода Великой Отечественной войны наиболее важными являются источники Центрального Архива МО РФ в г. Подольске, архива Пограничных войск РФ в г. Пушкино, архива ВМФ в г. Гатчина, Архива военно-медицинских документов в Санкт-Петербурге.

В 1970–1980-х гг., когда начиналась наша поисковая деятельность, работа строилась на постоянных запросах и ответах из этих архивов. Важнейшим достижением последнего времени стало создание электронных ресурсов открытого доступа к документам государственных архивов: «Память народа.ру», «Подвиг народа.ру», «Книг Памяти» краев и областей Российской Федерации. Исследователям, историкам и краеведам, стало возможно открыто работать с документами личного учета бойцов и командиров, учета боевых потерь, воинских захоронений, журналами боевых действий воинских частей. В статье речь идет о наградных документах и награждениях бойцов и командиров РККА за их боевые подвиги на фронтах действующей армии.

Для исследователя основными источниками являются наградные листы с представлениями отличившихся воинов

в адрес вышестоящих командиров. Это бесценный материал потому, что на их основе можно по крупицам, сопоставляя с другими источниками, восстанавливать подлинную картину награждений орденами и медалями. Анализ открытых данных сайта «Память народа.ру», показывает, что это была достаточно неоднозначная процедура. На войне наряду с объективными условиями обороны, отступления, наступления, окружения и даже гибели воинской части, серьезными были и факторы субъективные. Оценки подвига командирами рот, батальонов, полков и дивизий не всегда были понятны вышестоящему командованию. Мы видим, что ранг награды чаще всего поддерживался, но мог повышаться, снижаться до более низкого ранга, либо вообще не давался ход наградному листу. В таких случаях видим повторные представления на этих бойцов и командиров.

Нередкими были случаи представлений к ордену Красной Звезды, но итогом были медали «За отвагу», «За боевые заслуги». При этом Красную Звезду могли получить представленные к орденам Славы, Красного Знамени, Отечественной войны и наоборот. Например, приветствуемым был орден Александра Невского, – Красной Звезды считался первой наградой молодого офицера на фронте.

К орденам среднего уровня по статусу относились орден Отечественной войны 2 степени, ордена серии в честь великих полководцев России прошлых веков. Следует добавить, что солдатский орден Славы трех степеней почитали в равенстве статуса Героя Союза.

К орденам высшего уровня относились орден Победы, ордена Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны 1 степени.

Наряду с высшими орденами, еще в 1934 г. для награждения за особо выдающиеся подвиги в СССР было учреждено звание Героя Советского Союза в следующей редакции: «Установить высшую степень отличия – присвоение за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига, звания Героя Советского Союза» [2]. По состоянию на 1 ноября 1946 года звания Героя Советского Союза за боевые подвиги были удостоены 12 208 человек [3], из них 628 человек были награждены в довоенный период.

Общее число наших земляков, жителей Красноярского края и современной Хакасии, удостоенных высшего отличия Родины, составляет 207 человек. Анализ награждений по краю не входит в нашу задачу, но кратко остановимся на типичном награждении. В число Героев Советского Союза из с. Шарловка Козульского района входит майор Квитович Дмитрий Константинович. Как и наш Герой, по 69-й Армии за героизм в ходе форсирования Днепра было присвоено высшее звание 186 бойцам и командирам. Кстати, именно за Днепр было наибольшее количество Героев Союза – 2 438 человек. Мы видим, что майор Квитович был удостоен звания Героя 30.10.1943 г. согласно общего списка начальника главного управления кадров РККА Ф. И. Голикова по 69 Армии на имя И. В. Сталина. По этой причине в наградном листе майора Д. К. Квитовича описание подвига составляет всего 8 строк. Развернутые описания подвигов в наградных листах Героев Союза ЦАМО достигают до 3–5 страниц.

Еще много лет назад опыт поисковой работы, материалы бесед и письменных интервью, мемуаров ветеранов войны дали повод задуматься над вопросом о категории участников войны, которые были за особые подвиги представлены к званию Героя Советского Союза, но не получили их. Важные сведения были собраны в ходе составления Книг Памяти павших воинов Курагинского, Козульского и Северо-Енисейского районов.

Первым таким человеком в нашем списке был командир 7-й роты 155 гвардейского Померанского полка старший лейтенант Бурков Петр Иванович, уроженец Иркутской области, д. Нижняя Слобода Качутского района. В первый раз он был представлен к званию Героя за форсирование реки Одер, а второй раз – за то, что его рота первой в 52 гвардейской Рижско-Берлинской стрелковой дивизии вошла с боями в предместье Берлина [4]. Но П. Бурков был награжден лишь орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Его сослуживцы предполагали, что награждения не состоялись из-за того, что в 1941-м году тогда еще мл. лейтенант Бурков был около недели в немецком плену, бежал оттуда и вышел к своим. Но в его документах так и осталось это «черное пятно».

На сегодняшний день в нашем списке значится до 180 человек, представленных к званию Героя СССР, но награжденных

орденами Ленина, Красного знамени, Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды, по Красноярскому краю и Хакасии. Работа по дополнению списка продолжается [5].

В числе не ставших Героями, совершивших исключительные подвиги, приводим ряд воинов из нашего списка как пример случайной выборки:

Гв. ефрейтор Чехмалин Федор Степанович – город Норильск;
Мл. л-нт Титов Тимофей Васильевич – город Игарка;

Капитан Орехов Степан Григорьевич, ст. сержант Степущенко Роман Антонович, рядовой Артемьев Иван Абрамович – город Красноярск;

Мл. лейтенант Яковлев Михаил Петрович – Боготольский район;

Гв. мл. сержант Яричин Александр Константинович – Енисейский;

Гв. сержант Шапкин Михаил Николаевич – Ирбейский район;

Ст. с-нт Черешкевич Иван Иосифович – Идринский район;

Гв. мл. сержант Шабалин Владимир Саввич – Сухобузимский район;

Гв. капитан Федосов Иван Васильевич – Курагинский район;

Ст. лейтенант Федорцов Захар Васильевич – Козулька;

Сержант Тетерин Александр Николаевич – Ермаковский район;

Ст. сержант Терский Николай Федорович – Емельяновский район;

Гв. капитан Тарасов Николай Егорович – Нижне-Ингашский район;

Майор Иванов Федор Иванович – Больше-Муртинский район;

Мл. сержант Григорьев Филипп Петрович – Казачинский район.

Содержательно хотелось бы коротко представить одного из таких героев, не ставших Героем. Это капитан Пользиков Тимофей Николаевич. Родился он 22.02.1919 г. в с. Имисс Курагинского района Красноярского края. Закончив Имисскую неполную школу в 1936 г., он далее окончил в 1938 г. Красноярский аэроклуб и был призван 15.10.1938 г. в ряды РККА. Затем с 10.1938 г. по 04.1940 г. учился и успешно закончил 31-ю Новосибирскую ВАШП и продолжил воинскую службу летчиком в Туркестанском ВО.

В действующей армии Т. Н. Пользиков с октября 1941 г. по 9 мая 1945 г. в динамике званий до капитана, – летчик, командир звена, заместитель командира эскадрильи 3-го Гвардейского авиаполка АДД (3-го Гвардейского бомбардировочного авиаполка). Летал он на дальнем бомбардировщике Ил-4. Совершил 227 боевых вылетов, из них днем только 14, ночью – 213 на бомбардирование механизированных частей, эшелонов, железнодорожных узлов, аэродромов в районах боевых действий и в глубоком тылу противника. Награжден двумя орденами Красного Знамени (20.10.1943, 28.04.1944), орденами Отечественной войны 1 степени (27.07.1943), Красной Звезды (07.03.1943), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Уволен в запас 18.06.1947 г. [6]. После войны работал пилотом и техником в Красноярском Управлении Гражданской авиации.

Вот цитаты из текстов представлений наградных листов [7]: «В совершенстве овладел ночными полетами и техникой пилотирования в сложных метеоусловиях. Инициатор полетной бомбовой нагрузки»; «В ноябре 1942 г. при проходе линии фронта был сильно обстрелян огнем противника и потеряв штурмана привел самолет на свой аэродром и мастерски произвел посадку»; «Бомбил военно-промышленные объекты в глубоком тылу противника Тильзит, Инстербург, Кенигсберг»; «В ночь на 10.03.1944 г. после выполнения боевого задания по бомбардированию железнодорожного узла Таллин на обратном маршруте был атакован истребителями противника и подожжен. Загорелся левый мотор. В воздухе грамотными эволюциями сбил пламя, но сдали оба мотора. Летчик имел основание бросить самолет и выбросить экипаж на парашютах, но имея на борту двух тяжело раненых радиста и стрелка, посадил самолет в поле и спас экипаж». За этот подвиг был представлен к званию Героя Советского Союза 2 апреля 1944 года [8]. Представление было поддержано командиром авиадивизии гвардии полковником Щербаковым, но командир 2 гвардейского авиакорпуса генерал-лейтенант авиации Логинов решил иначе. В итоге гвардии старший лейтенант Т. Н. Пользиков был награжден орденом Красного Знамени приказом АДД № 0586 от 20.10.1943 г.

Важной задачей нашего исследования стало выяснение возможных причин замены звания Героя на орден. Мотивы могли быть: «по соцпроисхождению», «из бывших», по «национальному признаку», «из семьи служителей культа», «из раскучаченных», «был в окружении», «был в плену», «проживал на временно оккупированной территории»; могло быть просто неразумное превышение количество представлений в конце войны (существовали различные «квоты на награды»). На фронте бытовала и такая версия, что если на момент совершения подвига воин еще ничем не был награжден, то командование могло первую награду понизить до ордена Красного Знамени.

Примечательно, что в сети Интернет есть лишь единственный полновесный электронный ресурс памяти 220 воинов еврейской национальности, представленных, но не удостоенных звания Героя, это раздел на Сайте памяти «Jewmil.com» [9].

Согласно данным из открытых источников, по состоянию на 1.01.2021 г. общее число Героев Российской Федерации составляло не менее 1 080 человек. Примечательно то, что каждый десятый из Героев нашего времени, – это 109 участников Великой Отечественной войны, которым не было присвоено ранее заслуженное звание Героя Советского Союза [10]. Образцом восстановления справедливости служит история нашего земляка из с. Светлолобово Новоселовского района Красноярского края гвардии капитана Мудрова Михаила Ивановича. Неоднократные обращения тогда еще живых однополчан, поисковиков района и края к руководителям государства увенчались успехом спустя 51 год после гибели летчика. Указом Президента Российской Федерации от 10 апреля 1995 г. гвардии капитану Мудрову М. И. присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно.

Страна помнит подвиги своих героев, будем и мы помнить и чтить их.

Список источников и литературы:

1. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11, 12.
2. Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 17 апр. (№ 91). С. 1.

3. Справка о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны // Государственный архив Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://statearchive.ru/610> (дата обращения: 04.05.2021).

4. Наградной лист Буркова Петра Ивановича : [изображение электрон.]. URL: <https://cdnc.pamyat-naroda.ru/podvig/V5/166/033-0686196-3288+040-3297/00000393.jpg> (дата обращения: 01.11.2021).

5. Данная работа идет в сотрудничестве с В. В. Филипповым. Используются фрагменты текста: Филиппов В. В. Герои без «Золотой Звезды». Из архива автора.

6. ЦАМО. Шкаф: 672. Ящик: 1223. Учетно-послужная картотека. Капитан Пользиков Тимофей Николаевич.

7. ЦАМО. Шкаф: 69. Ящик: 13. Картотека награждений.

8. Пользиков Тимофей Николаевич : [наградной документ] // Память народа 1941-1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie22044536/?static_hash=a80fdfbfd797043649dcf0aa151ef53cv1 (дата обращения: 01.11.2021).

9. Представленные к званию, но не получившие его... // Jewmil.com : интернет-проект по увековечиванию памяти воинов-евреев. URL: <https://www.jewmil.com/taxonomy/term/549?char=A> (дата обращения: 01.12.2021).

10. Герои Отечества. Кто и за что удостоивался высшей награды России // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10199165> (дата обращения: 01.11.2021).

БЛАГОТВОРИТЕЛИ И ПЕДАГОГИ

О. М. Вавиленко

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЦОВ МАТОНИНЫХ В СЕЛЕ КЕКУРСКОМ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье описывается благотворительная деятельность бывшего крестьянина, енисейского купца 1-й гильдии, золотопромышленника, потомственного почетного гражданина Аверьяна Косьмича Матонина, а также других представителей рода. А. К. Матонин построил на личные средства первое в Енисейской губернии сельское начальное и ремесленное училище в своем родном селе Кекурском Нахвальской волости. На его пожертвования учебное заведение содержалось более 30 лет.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Красноярский уезд, Нахвальская волость, село Кекурское, училище имени А. К. Матонина, Пророко-Ильинский приход, благотворительность.

Когда едешь по деревне Кекур Сухобузимского района Красноярского края, среди неказистых деревенских изб вдруг открывается перед тобой старинный каменный особняк – величественное, красивое здание о двух этажах. Кажется, в XIX веке его взяли с улицы Благовещенской города Красноярска, где есть подобные купеческие дома, и каким-то чудесным образом перенесли на берег Бузима. В 1883 году купец из города Енисейска Аверьян (Аверкий) Косьмич (Козьмич, Кузьмич) Матонин, своих детей не имея (единственный сын умер в 4-летнем возрасте), возвел его для крестьянских ребятишек. Это было первое в Енисейской губернии и долгое время единственное сельское начальное и ремесленное учи-

лице. «Енисейские губернские ведомости» в январе 1884 года писали: «Жаль, что учредитель училища Аверьян Козьмич по случаю тяжелой болезни не мог присутствовать при крещении его возлюбленного детища. Как обрадовалось бы его сердце, если бы он видел, что уже в первый день желающих учиться мальчиков и девочек явилось 49 человек, будущих местных и разумных тружеников на пользу семьи, общества и Отечества» [1].

Однако торжество по случаю открытия учебного заведения, прошедшее 1 декабря 1883 года, стало большим и значимым событием. На нем присутствовали начальник Енисейской губернии Иван Константинович Педашенко, епископ Енисейский и Красноярский Исаакий, губернские и уездный начальники училищ. У церкви собралась небывалая толпа народа. Крестьяне не знали, на кого смотреть – на высоких гостей или на ребяташек, одетых в одинаковые, диковинные для деревни костюмчики. Матонин заказал для учащихся не только школьную форму. Он позаботился обо всем, начиная с учебников и тетрадей и заканчивая мебелью и инвентарем, на долгие годы вперед. Золотопромышленник не только пожертвовал 28 тысяч рублей на строительство, он выделил еще 18 тысяч рублей, проценты с которых и расходовались на содержание училища. В этот же день в Кекур пришла телеграмма на имя губернатора: Матонин сообщал, что дает еще 2 000 рублей, «из процентов на которые должны содержаться два стипендиата из самых беднейших и трудолюбивых крестьянских мальчиков» [2].

Дети получали общеобразовательные знания (по Закону Божьему, чтению, чистописанию и арифметике), а какое из ремесел, в «Енисейских губернских ведомостях» не уточняется, лишь говорится, что в будущем училище должно было дополниться школой земледелия. Почетный гражданин Сухобузимского района, краевед В. А. Аференко в своем очерке «Загадки рода Матониных и книги В. Я. Шишкова «Угрюм-река»» утверждает: мальчиков учили слесарному, кузнечному и плотницкому делу, девочек – кройке и шитью. В другом источнике упоминается только столярное дело. На цокольном этаже просторного дома находились мастерские.

В Сухобузимской и Нахвальской волостях к тому времени было одно-единственное училище Министерства народного про-

свещения – Сухобузимское. Только в 1884–1885 гг. в селах Шилинском и Подсопочном открылись церковно-приходские школы, а в 1887 году – министерское училище в селе Нахвальском.

Более 30 лет матонинское училище финансировалось за счет процентов с капитала благотворителя. Доброму примеру последовали другие представители его рода. Прямо на торжестве родной брат Аверьяна Тимофей Косьмич, избранный почетным блюстителем училища, известил о намерении ежегодно жертвовать на его нужды 300 рублей. Помощь оказывали вдова Аверьяна Косьмича Ольга Демидовна, его братья и племянники. Тимофей Косьмич и Ефим Косьмич были почетными блюстителями училища около 15 лет, в 1907–1915 гг. это место занимал сын Ефима Косьмича Николай Ефимович.

Аверьян Косьмич построил неподалеку от училища богадельню для немощных и увечных людей, которая тоже содержалась на его капиталы, позднее – и его родственников. В клировой ведомости Пророко-Ильинской церкви за 1907 год сообщается: «В 1883 году устроена деревянная богадельня иждивением Потомственного Почетного Гражданина Аверкия Матонина, в ней в настоящем году содержится 7 мужчин и 1 женщина на %% с капитала 9 000 руб., от учредителя 8 000 руб. и Потомственного Почетного Гражданина Михаила Матонина 1 000 руб. Церковно-приходской школы нет, а есть 2-х классная ведения Министерства Народного Просвещения детей обоего пола. Первый класс открыт в 1883 году и содержится на средства Потомственного Почетного Гражданина Аверкия Матонина. Второй класс открыт 10 декабря 1903 года и содержится на средства Министерства Народного Просвещения. Обучается 23 мальчика и 15 девочек» [3].

В «Памятных книжках Енисейской губернии» на 1896 и 1903 гг. тоже отмечалось: «в селе Кекурском Нахвальской волости, где отведено деревянное здание для помещения престарелых и безродных, которые содержатся на %% с капитала, пожертвованного умершим купцом Матониным». К этому следует добавить, что большинство подобных благотворительных учреждений находилось в городах и содержалось за счет бюджетных средств.

Матонины жили в разных городах и vesях Енисейской губернии и прославились не только как золотопромышленники, но и общественные деятели, солидные благотворители.

Но почему же они проявляли особую заботу о затерянном на сибирских просторах и никому не известном селе? Разгадка проста: Кекурское являлось их малой Родиной. Династия Матониных в Прикрасноярье начала свой отсчет еще в XVII веке. В «Служебной чертежной книге Сибири» Семена Ремизова 1701 года на Бузиме обозначена деревня Матона. Историк-сибиревед, член-корреспондент АН СССР С. В. Бахрушин писал: «Выше с. Бузимского на той же р. Бузиме имелась в 1701 г. еще и д. Кекурская (по Ремезову Матона), в которой жили казаки Лев Матонин со товарищи (8 человек) и двое посадских, отхвативших эту землю наездом у аринских татар». В «Переписи города Красноярска и его уезда 1719–1722» в деревне Кекурской значится четыре семьи Матониных – пешего казака Леонтия, казачьего сына Григория и двух посадских людей Онисима (Анисима) и Омельяна (Емельяна) Матониных.

Потомки Льва (Леонтия) Матонина более 100 лет крестьянствовали, а потом занялись торговлей и выбились в купцы. Сначала вели торговлю хлебом, скотом, лошадьми, поставляли товары на золотые прииски, кредитовали предпринимателей. А. И. Кытманов в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 годъ» пишет о верхотурских купцах Соловьевых, которым «доставлял припасы крестьянин села Кекурского Кузьма Матонин, сын торгующаго крестьянина Киприяна Матонина. Матонин от этой доставки скопил деньжонки, а в свою очередь он снабжал Соловьева деньгами. Сыновья Кузьмы Ефим, Михаил и Аверьян впоследствии переселились в Енисейск, где Аверьян играл видную роль в коммерческом мире» [4].

Матонины стали «доброхотными дателями» и для кекурской Пророко-Ильинской церкви. В ее клировых ведомостях сообщается, что она «построена в 1844 году тщанием прихожан, в 1862 году к ней пристроен с левой стороны придел иждивением 1-й гильдии купца Косьмы Киприановича Матонина» [5]. Когда прихожане в 1834 году решили вместо обветшавшего деревянного храма возвести каменный, то строителем выбрали Косьму Киприановича Матонина, который «поведения хорошего, домоводство, скотоводство..., хлебо-пашество производит достаточно, в штрафах и под судом не состоял, в пьянстве не дозрится? (неразборчиво)... и посему должность во всех

отношениях исправлять может и посему просим сей выбор представить куда следует на утверждение» [6]. Матонин энергично взялся за дело. А поскольку сбор пожертвований шел крайне медленно, то кирпич, известь, железо приобретал на личные средства. Будучи неграмотным, заключал весьма толковые контракты на поставку материалов. По разным причинам, не зависящим от Матонина, много лет епархия не разрешала строительство. И только в 1845 году Пророко-Ильинский храм был освящен. Каждого, кто входил сюда, поражало богатое убранство, не характерное для сельской обители. Здесь был невероятно красивый резной иконостас работы красноярского мещанина Федора Ушакова – 44 иконы. Ранее этот иконостас украшал Покровскую церковь в Красноярске (ныне это Свято-Покровский кафедральный собор), но в связи с реконструкцией был продан кекурской церкви.

Краевед В. А. Аференко в книге «Район в центре Сибири» пишет о том, что Аверьян Матонин приобрел для храма купола, жертвовал и на его убранство. По информации Красноярского краеведческого музея, на средства Аверьяна Косьмича в 1883–1884 гг. церковь в Кекурском была капитально отремонтирована и заново оснащена.

Много лет приход получал проценты от матонинских капиталов. В клировой ведомости 1907 года сообщается: «На содержание причта получается жалование от казны 525 руб. Священник 392 руб., псаломщик 122 руб. 50 коп. в год. %% с капитала положенных Михаилом Матониным 1 000 рублей, Иулитой Токаревой 350 рублей и Ольгой Матониной 1 000 рублей» [7].

Когда в 1922 году в храмах Сухобузимской и Нахвальской волостей изымали церковные ценности, то, судя по протоколам, самый большой трофей – 2 пуда 25 фунтов, 70 золотников серебра (43 кг. 297 гр.) взяли в кекурской церкви – восемь серебряных риз с икон, самая крупная весом 25 фунтов 6 золотников, кресты, обложки Евангелия, венчики, святые чаши, дарохранительницы. Да еще во временное пользование местной общине оставлено несколько серебряных предметов (чаша, дискос, звезда, лжица и тарелочки) общим весом 3 фунта 15 золотников [8]. Для сравнения: из храмов волостных сел вывезли гораздо меньше: из сухобузимского – 2 пуда 86 золотников (33 кг 127 г) из нахвальского – 1 пуд 37 фунтов 73 золотника (31 кг 842 г).

Долгожительница села Любовь Николаевна Лупанова, 1926 года рождения, помнит, что о Матониных постоянно рассказывали всевозможные истории. Аверьян Косьмич любил приезжать в родовое гнездо. Крестьяне встречали его с радостью. Он мог одарить любого. Однажды в неурожайный, голодный год пожаловал двум односельчанам хороший запас ржи. Один проел зерно – и снова зубы на полку. Другой же с толком распорядился семенами, вырастил добрый урожай и при случае попытался вернуть свой долг Матонину. Аверьян Косьмич похвалил земледельца за старание и принять зерно отказался.

Сколотив капитал, еще в 1863 году Матонины получили свидетельство на поиски и разработку золота. И уже в следующем году открыли богатое месторождение драгоценного металла на реке Рыбной (приток Ангары). С этого момента началась золотопромышленная веха в истории купеческого рода. Удача сопутствовала им, и с каждым годом расширялась благотворительная деятельность. С конца 1860-х благотворители Матонины жили в Енисейске и там жертвовали много – на образование, православные храмы, нужды города. Манифестом императора Александра Третьего от 10 апреля 1882 года Аверьян Косьмич Матонин, его супруга Ольга Демидовна, его родные братья, их жены и дети возведены в звание потомственных почетных граждан.

30 июня 1874 года за заслуги по духовному ведомству Аверьян Косьмич высочайше пожалован золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на шее. За крупные пожертвования в пользу Общества попечения о раненых и больных воинах 20 апреля 1881 года получил знак Красного Креста. 16 апреля 1882 года по представлению Министерства народного просвещения пожалован золотой медалью Св. Анны III степени с надписью «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте. За пожертвования кекурской Пророко-Ильинской церкви и енисейскому Богоявленскому собору получил благословение Святейшего правительствующего синода. За неслужебное отличие красоярским губернатором в 1883 году был представлен к ордену Св. Анны III степени, но так как не прошло положенного трехлетнего срока со дня получения золотой медали «За усердие», ходатайство было отклонено. Вероятно, по до-

стижении срока награждение состоялось бы, но 1 января 1884 года Аверьян Косьмич скончался – на 55 году жизни.

Купцы Матонины жили в разных городах, в том числе в Енисейске, но похоронить себя завещали на малой Родине – в Кекуре. Их воля была исполнена. Косьма Киприанович, четыре его сына – Михаил, Аверьян, Ефим, Тимофей – и их жены захоронены в родовом склепе-часовне при церкви. По некоторым данным, склеп вскрывали еще до Октябрьской революции: искали несметные богатства, якобы заложенные в родовой усыпальнице. Сооружение безжалостно разрушено в годы Советской власти. Как рассказывали старожилы, в 1931 году на свиноферме сложили печь, а подходящей плиты не нашлось. Подобрали чугунную плиту из склепа, перевернули надписью вниз и закрыли ею печь. Запаривали на ней корм свиньям. Потом плиты и вовсе пропали. А в 2004 году неожиданно появились в Сухобузимском краеведческом музее. Одна, без сомнения, с могилы Аверьяна Косьмича, так как сохранившиеся фрагменты надписи говорят, что его иждивением устроено училище, часовня и богадельня. Плита найдена Василием Сергеевичем Соколенко и его сыном Сергеем еще в 1987 году. А когда из публикаций краеведа В. А. Аференко в районной газете «Сельская жизнь» Соколенко узнали о купцах Матониных, передали чугунные плиты в музей. Вскоре и житель села Кекур Владимир Николаевич Дмитриев подарил музею еще один фрагмент плиты с надписью «Во имя Святой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа. Здесь покоятся дети потомственного почетного гражданина». На этом надпись обрывается.

Сокровища Матониных не дают покоя и нынешним кладоискателям. Время от времени они навещают старую деревню с металлоискателями, обмениваются информацией на своих сайтах. А здание народного училища стоит и поныне. В нем находилась школа, в годы Великой Отечественной войны – детдом, а сейчас размещается детский сад.

Список источников:

1. Село Кекур, Нахвальской волости, Красноярского округа // Енисейские губернские ведомости. 1884. 7 янв. (№ 1). С. 8.

2. Там же.
3. ГАКК Ф-647. О.1. Д. 3168. Л. 33.
4. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 годов / [предисл. В. Г. Дацышен; отв. ред. Л. П. Бердников]. Красноярск : СФУ, 2016. С. 254.
5. ГАКК Ф-674. Оп.1. Д. 3168. Л. 33.
6. ГАКК Ф-813. Оп. 1. Д. 510. Л. 3. Дело о постройке в селе Кекурском Ильинской церкви.
7. ГАКК Ф-674. Оп. 1 Д. 3168. Л. 33, 33 об.
8. ГАКК ФР-893. Оп 1. Д. 160. Л. 17. Красноярский уездный исполнительный комитет. Протоколы заседаний Красноярской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей 1922 год.

Список литературы:

1. Аференко В. А. Золотопромышленники Матонины и их вклад в развитие социально-культурной сферы «района» и губернии // Район в центре Сибири. [Красноярск : Красноярский писатель, 2006]. Т. 1. С. 207–213.
2. Аференко В. А. Суриков в Сухобузимском. Загадки рода Матониных и книги В. Я. Шишкова «Угрюм-река». Железногорск : Полиграфист, 1999. С. 64–87.
3. Бахрушин С. В. Очерки истории Красноярского уезда в XVI–XVII вв. // Научные труды : в 4 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 4. С. 5–192.
4. Город Енисейск и его уезд // Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год... / Красноярск : Енисейский губерн. стат. комитет, 1903. С. 53–59.
5. Канский уезд : Приходские училища // Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск : Енисейский губернский статистический комитет, 1915. С. 85, 87.
6. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 годов. Красноярск : СФУ, 2016. С. 254, 368, 488, 501, 507, 534, 538, 547.
7. Матонины // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун ; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2. С. 28–31.
8. Перепись города Красноярска и его уезда, 1719–1722 / подгот. и изд. И. А. Сиротинин ; [подгот. текста и объяснений: Г. Ф. Быконя, А. Л. Лифшиц]. Москва : Ломоносовъ, 2014. С. 287, 287, 289.
9. Потапов И. Ф. Аверьян Козьмич Матонин. // Красноярск : история в документах и фотографиях. Красноярск : Офсет, 2007. С. 373.

10. Училища в Красноярском округе // Памятная книжка Енисейской губернии составлена по 1 января 1896 года. Красноярск : Енисейский губерн. стат. комитет, 1896. С. 40.

11. Щетинин А. С. 190 лет со дня рождения Аверьяна Козьмича Матонина (1829–1884), енисейского купца 1-й гильдии, золотопромышленника, мецената // Край наш Красноярский : календарь знаменат. и памят. дат на 2019 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск : ГУНБ, 2018. С. 212–215.

Н. В. Поздеева

КЫТМАНОВЫ: ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ЕНИСЕЙСКОГО КУПЕЧЕСКОГО РОДА

В статье приводятся новые факты из жизни старинного енисейского купеческого рода – Кытмановых, их вкладе в историю Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейск, купцы, Кытмановы, род, семья, Енисейская губерния, Приенисейская Сибирь.

Сегодня становится нормой знание истории своего рода. И для музея, как института сохранения памяти, это явление не чуждо. К тому же, знать судьбу человека, который так много сделал для одного из старейших музеев Приенисейской Сибири, важно и необходимо. Отдавая дань Александру Игнатьевичу Кытманову, имя которого вот уже десять лет как восстановлено в названии Енисейского музея, обращаемся к истории купеческой веточки. Потомкам этой семьи были посвящены отдельные повествования, но единого рассказа до сих пор не существовало.

Кытмановы, по словам одного из потомков, были выходцами из деревни Кытман, что стояла на высоком берегу уральской реки Чусовой. Но семейные легенды умалчивают время и условия переселения.

Удалось отыскать сведения, относящиеся к 1782 году. Тогда большая семья Нефедя и его брата Марко Васильевичей (здесь

и далее употребляется современные правила написания отчеств – прим. автора) Кытмановых проживала в деревне Анциферовой (Анциферов Луг или Луговская) [1].

Самым младшим в семье Марко Васильевича был Петр, который родился около 1780 года. В 1803 году Петр на исповедь в Усть-Питскую (Успицкую) Христорождественскую церковь (Анциферова относилась к этому приходу – прим. автора) уже пришел с женой Ефимьей Матвеевной [2]. Но не она стала матерью Надежде, Михаилу, Игнатию и Александру, а Устинья Леонитьевна. Конечно, это не стало препятствием в общении со старшими братьями Ильей и Львом. Но отношения младших детей между собой в будущем, скорее всего, определялись именно фактором родства по отцу и матери. Так, Надежда Петровна до конца дней проживала в семье брата Игнатия. Она стала крестной практически всех его детей: Надежды (14 сентября 1855), Елены (26 мая 1857), Александра (6 июня 1858), Леонида (6 августа 1862), Анны (8 декабря 1869), Екатерины (3 декабря 1873) и внуков: Владимира Александровича (16 марта 1887), Ксении Петровны (20 апреля 1888) и Лидии Петровны (9 ноября 1889). По воспоминаниям внука Владимира, бабушка «управляла всем хозяйством». Ко «дню своих именин она шила новое платье и собирала всех крестников» [3].

Первым из четырех детей Устиньи покинул этот мир Михаил. Игнатий похоронил его, анциферовского крестьянина, в Енисейске на Крестовоздвиженском кладбище и установил на могиле памятник из шлифованного черного гранита. Этот материал и сейчас стоит недешево, а тогда и подавно. Этот памятник, как и памятники младшего брата Александра и его жены Анастасии Ивановны Кытмановых, был обнаружен летом этого года во время посещения енисейского погоста потомками Александра Игнатьевича по линии Владимира. Праправнучка А. И. Кытманова Людмила и ее сын Николай Исаев с женой впервые практически за 100 лет ступили на землю предков.

Переписка с этой веточкой знаменитого енисейского купеческого рода велась шесть лет. За это время фонды Енисейского музея пополнились сведениями о судьбах четырех детей Владимира Александровича, а также историями их потомков. Но прежде, чем познакомиться с ними, обратимся к семейным истокам.

В год, когда из Томской губернии была выделена Енисейская губерния, в семье анциферовского крестьянина Петра Марковича Кытманова родился Александр. Он стал самым младшим ребенком в семье. Он и его старший брат Игнатий стали впоследствии известны как енисейские купцы, пароходовладельцы, золотопромышленники и благотворители.

До 1861 года судьба братьев не разводила, но настал день, и общее дело пришлось разделить. И каждый пошел своей дорогой. Но жили два семейства рядом.

Игнатий обзавелся своим жильем в Енисейске еще в 1847 году. А дальше были приобретения рядом расположенных участков в 1857, 1864 и 1874 годах [4]. Таким образом, по четной стороне улицы Кедровой сформировалась усадьба, которая сегодня большей частью расположена по улице Кирова, 82. Александр обзавелся участком по Большой улице и выстроил двухэтажный каменный дом, очень похожий на дом брата (сегодня это здание городской администрации по улице Ленина, 113 – прим. автора).

Без сомнения, семья в жизни Игнатия занимала одно из важнейших мест. Он выстроил дом – «настоящий дворец», всем детям дал образование, обеспечил всех наследством. Женат был всего один раз.

Бракосочетание 34-летнего Анциферовской волости торгующего крестьянина Игнатия произошло в Христорожественской церкви Енисейска 26 июля 1854 года. Неясным до сих пор остается выбор церкви для венчания, ведь дом у Игнатия находился в центре города. Женой его стала совсем юная, практически вдвое моложе будущего мужа, Анастасия Зотиковна (Зотовна, Зотьевна) Комягина, дочь канского 2-ой гильдии купца. Принадлежал ее род к единоверческой (староверческой – прим. автора) церкви. Игнатия на венчании сопровождали два Александра – Кобычев, первый Почетный гражданин города и родной брат. Анастасию – енисейский 2-ой гильдии купец Павел Егорович Фунтосов и енисейский «купецкий» сын Иван Ильич Дементьев [5].

Игнатий долго подбирал себе спутницу жизни и не ошибся. Она родила ему девять детей. Правда, трое не прожили и года, но шестеро вышли в люди и нашли свои половинки. Устинья не разделила радость венчания старшей дочери Надежды, она

была слишком слаба. Через месяц после рождения Екатерины (последнего ребенка) она умерла. Справиться с тяжелой утратой Игнатию помог его «огненный» характер, а также дети, которых помогла «поднять» его сестра Надежда. Он на тот момент – уже состоявшийся первогильдеец, пароходовладелец, банкир, потомственный почетный и степенный гражданин.

Хорошими успехами радовали и дети.

Надежда Игнатьевна окончила Енисейское женское училище, вышла замуж за помощника окружного исправника Игнатия Гамалицкого. Своего единственного сына она назвала – Александром. К сожалению, его судьбу проследить не удалось.

Анна Игнатьевна стала самой политизированной из всей кытмановской семьи, поэтому нередко скрывалась от преследования за рубежом. Еще незамужняя Анна посетила родной город летом 1893 года, возвратившись из Женевы. Ее свадьба со смотрителем Енисейского уездного училища Григорием Захаровичем Баршем состоялась в 1894 году. До 1941 года семья преподавателей с тремя детьми проживала в Ленинграде [6].

О дочери Анны и Григория Нине ничего неизвестно, возможно, вышла замуж и сменила фамилию. Сведения о Сергее Григорьевиче затерялись в Харбине [7]. Виктор умер в январе 1942 года, как и родители (они – в декабре 1941 года – прим. автора) в Ленинграде, возможно во время очередной бомбежки. Могила их неизвестна [8].

Екатерина Игнатьевна зимним январским днем 1893 года обвенчалась со Степаном Васильевичем Востротинным (ветеринарным врачом, золотопромышленником, будущим городским головой, мировым судьей и членом III и IV Государственных дум – прим. автора). Во время свадебного путешествия летом 1894 года они совершили плавание на пароходе английского мореплавателя Иосифа Виггинса из Ньюкасла (Великобритания) до родного города Енисейска. Дальше она всюду будет следовать за мужем одна – детей им Бог не дал. После смерти мужа часть его архива Екатерина через консула передала в Архив Академии наук СССР. Похоронили Екатерину Игнатьевну 15 июня 1951 года на кладбище Кокад в Ницце.

Первым из детей Игнатия Петровича покинул сын Николай. Не успев познать счастье отцовства, он умер на Мариин-

ском прииске. Такое место указал в своем дневнике племянник Владимир Александрович Кытманов [9].

Сын Игнатия Петр по болезни окончил лишь курс прогимназии в Красноярске. С таким неоконченным образованием, по сведениям Степана Востротина (он также остался на 2-й год, не сдав латинский и греческий языки в Томской гимназии – прим. автора), можно было поступить лишь в ветеринарный институт, ближайший из которых располагался в Казани. После окончания Казанского ветеринарного института Петр учился в Томском университете, но по состоянию здоровья его не окончил. И если с учебой дела обстояли не гладко, то семейная жизнь была куда более удачной. Продолжателями рода стали его сыновья Игнатий, Николай, Петр и Иннокентий (последний родился за четыре месяца до смерти отца в августе 1902 года – прим. автора). Трех дочерей Петр Игнатьевич успел выучить, но не смог сопроводить к алтарю. Они вышли замуж без отца одна за другой. Ксения за Георгия Альбанского, томского студента-медика, будущего красноярского врача. Лидия готовилась к свадьбе с Михаилом Корвин-Красинским, Санкт-Петербургским студентом из дворян. Но будущего учителя артиллерийского училища увела у сестры Нина. Средней дочери ничего не оставалось, как искать жениха из енисейских мещан. Выбор пал на Александра Борзецова.

Старший из сыновей Игнатия – Александр окончил Красноярскую гимназию, а после и Санкт-Петербургский университет. В родной Енисейск он вернулся кандидатом естествоведения. Жена ему нашлась под стать – золотая медалистка Енисейской гимназии – Анастасия Калашникова. Шестеро детей они воспитали.

В семье Людмилы Исаевой сохранилась фотография, где изображены Кытмановы: гимназистка Маргарита и незамужняя Надежда, неженатые Дмитрий, Алексей и Николай, семья Владимира и Инна. Все они собрались вокруг мамы Анастасии Алексеевны, которая держит на руках свою первую внучку тоже Анастасию. На этом фото нет только Александра Александровича.

Старший сын Владимир стал юристом, почетным мировым судьей и родоначальником городского электричества. Отсут-

ствующий Александр после окончания Томского университета стал врачом и заведующим поликлиникой в Канске.

Николай Александрович стал агрономом и учителем естествознания. Уже после революции продолжил дело отца на ниве заведования музеем. Дмитрий Александрович также стал врачом, исследовал действие вакцины против туберкулеза в Туре. Надежда вышла замуж за капитана Мецайка, Маргарита за водника Яковлева. Младший сын Алексей проживал последние годы с матерью в Красноярске. Оттуда был призван на фронт, где и погиб зимой 1942 года. Сердце Анастасии Алексеевны не выдержало сначала смерти Николая в 1931 году, потом расстрела Александра в 1938. Смерть младшего сына стала последней каплей. Она пережила своего мужа, Александра Игнатьевича, на 32 года и, наверное, прочувствовала всю боль одиночества, как и ее свекор – Игнатий Петрович, переживший свою супругу на 21 год.

Владимир Александрович с семьей в 1928 году навсегда покинул Енисейск. С 1947 года родным городом для всех его потомков стала Томская область. До этого были долгие годы поиска места, где бы они могли осесть навсегда, не будучи арестованными. Красноярск, Александрово, Новосибирск, Колпашево – населенные пункты временного размещения. Сегодня в Колпашево проживает Алла Николаевна Кытманова, правнучка Александра Игнатьевича. Жива и праправнучка – Эмма Митрофановна из Томска. Значит, история продолжается.

Список источников и литературы:

1. ГАКК. Ф. 909. Оп. 1. Д. 4. Л. 568. Ревизский сказки жителей Енисейского уезда за 1782 год.
2. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 98. Л. 434. Исповедные росписи приходских церквей Енисейского округа за 1803 год.
3. Кытманов В. А. Дневник «Семейные дни. Радости и печали». Рукопись. Частная коллекция.
4. Архив города Енисейска. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 3-4. Вторичная выпись из крепостной Красноярского нотариального архива книги по г. Енисейску за 1911 год № 7.

5. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 443. Л. 22. Метрическая книга Христорождественской церкви 1854 года.

6. Барш Ан. Игн. // Весь Ленинград : адресная и справочная книга : 1935. [Л. : Лениблисполком и Ленсовет, 1935]. С. 726. Электрон. копия на сайте Рос. нац. б-ки. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020160/view/?#page=726> (дата обращения: 21.11.2021).

7. Барш Сергей Григорьевич // Государственный архив Хабаровского края : [сайт]. URL: https://gahk.ru/projects/brem/49654/?sphrase_id=106212 (дата обращения: 14.11.2021).

8. Барш Анна Игнатьевна // Возвращенные имена. Книги памяти России / Российская национальная библиотека : [сайт]. URL: <http://vizs.nlr.ru/blockade/show/945729> (дата обращения: 21.11.2021).

9. Кытманов В. А. Дневник ... Л. 20.

М. Е. Серебренникова

КУЗНЕЦОВЫ: ОТ ОСНОВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ДО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ

Статья посвящена знаменитой красноярской династии купцов Кузнецовых, чья благотворительная деятельность внесла огромный вклад в развитие образования в Енисейской губернии. Кузнецовы являлись основателями женской гимназии в Красноярске, их потомки учились в этой гимназии, становились учителями и преподавателями, образовав уже педагогическую династию рода Кузнецовых.

Ключевые слова: Кузнецовы, женская гимназия, А. Ф. Кузнецова, А. П. Кузнецов, П. Н. Замятнин, почетные блюстители, педагогическая династия.

Начало постановке женского образования в России было положено во второй половине 18 века. Императрицей Екатериной II был подписан указ Сенату о воспитании благородных девиц в С.-Петербурге при Воскресенском монастыре. Для пользы всего государства «... учреждены разные воспитательные училища благородного юношества на казенном иждивении; равно имея попечение и о благородных деви-

цах, восхотели мы учредить такое же воспитание». Повеление Сенату разослать устав по всем губерниям, провинциям и городам, дабы, «ведая о сем новом учреждении, каждый из дворян мог дочерей своих в младенческих годах препоручить сему от нас учрежденному воспитанию». В конце июня 1764 года начался и прием в первое правительственное женское учебное заведение в России, в старейший из женских институтов, известный под именем Смольный [1]. В 1860 году 10 ноября последовало «Высочайшее разрешение» женские училища для приходящих девиц Ведомства Учреждений Императрицы Марии переименовать в женские гимназии [2]. Министр народного просвещения находил, что учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже в больших селениях, «было бы величайшим благодеянием для отечества и довершило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собою всеобщие и специальные нужды всех состояний». Далее поступило Высочайшее повеление: «Приступить к соображениям об устройстве на первый раз в губернских городах женских школ, приближенных по курсу преподавания к мужским гимназиям, по мере способов, которые могут к тому представиться ...пригласить дворян и городские сословия принять в настоящем деле участие через указание своих потребностей или же добровольными приношениями» [3].

Первое правительственное учебное заведение – малое народное училище в Красноярске было открыто в 1790 году, в котором обучались ученики и ученицы. Но ввиду тяжелого положения – неотапленные помещения зимой из-за недостатка дров, и отказ городской думы выдавать средства на содержание, Красноярское малое народное училище было закрыто в 1795 году. И до конца 1860-х годов в Красноярске ни правительственных, ни частных учебных заведений не было [4].

В 1863 году военным губернатором г. Красноярска и гражданским Енисейской губернии Павлом Николаевичем Замятниным был поднят вопрос об открытии Красноярской классической гимназии и об открытии Красноярской женской гимназии. В 1864 г. было разрешено открыть комитет по устройству мужской и женской гимназий в Красноярске. В 1866 г. П. Н. Замятнин по пути из Москвы в Красноярск останавливался в Томске, чтобы собрать хоть и небольшие

пожертвования среди жителей Томска для учреждения Красноярской женской гимназии. Особенно щедрое пожертвование было со стороны потомственного почетного гражданина И. А. Толкачева, «который принес в дар собственный каменный двухэтажный дом со всем надворным строением, состоящий в г. Красноярске на Большой улице, для устройства женской гимназии» [5].

Женское училище Министерства народного просвещения было открыто 21 августа 1869 г., годом раньше главный «виновник» учреждения этого училища, энергичный деятель по развитию народного образования в Енисейском крае П. Н. Замятнин, навсегда уже оставил Красноярск с связи с выходом в отставку [6].

27 октября Красноярское женское училище второго разряда было переименовано в 4-х классную прогимназию. Среди избранных членов Попечительного совета прогимназии в 1870 г. был и почетный потомственный гражданин – купец первой гильдии Петр Иванович Кузнецов [7].

8 апреля 1878 г. в Красноярской прогимназии разрешено было открыть уже 7-й класс с переименованием прогимназии в гимназию Министерства Народного Просвещения [8]. Но уже с открытием 5, 6 и 7 классов помещение оказалось тесным, нужно было более просторное здание.

Первой пришла на помощь Александра Федоровна Кузнецова, пожертвовавшая средства на постройку нового здания гимназии. В одном из сохранившихся архивных документов есть запись: «10 апреля 1879 г. Потомственная почетная Гражданка Красноярская 1-гильдии купчиха Александра Федоровна Кузнецова, сочувствуя развитию женского образования в г. Красноярске, сегодня заявила о жертвовании в пользу Красноярской женской гимназии 8000 руб., кроме 2000 руб. Деньги 10000 руб. будут представлены попечительскому собранию А. Ф. Кузнецовой в конце апреля сего года» [9].

Еще раньше А. Ф. Кузнецова пожертвовала женской гимназии смежное место с выведенным на нем нижним этажом каменного дома. Кроме того жертвовала 3 000 р. на постройку нового здания. Впоследствии оказалось, что деньги эти все были употреблены на пополнение дефицитов по сметам гимназии [10].

Едва успели 1 апреля 1881 г. сделать закладку здания гимназии, как случившийся 17 апреля пожар уничтожил старое здание со всем имуществом [11]. Постройка нового здания была окончена в августе 1885 года. И вновь нужны были средства на содержание гимназии. В числе жертвователей были А. Ф. и А. П. Кузнецовы – они внесли в кассу Попечительного совета 10 000 рублей [12].

Председателем Попечительного совета был избран Александр Петрович Кузнецов. Членами Попечительного совета на протяжении многих лет были и другие представители семейства Кузнецовых: А. Ф. Кузнецова, Е. М. Кузнецова, Е. П. Кузнецова, А. П. Кузнецова, А. П. Кузнецов, И. А. Матвеев, Ю. П. Матвеева [13].

В 1886 году почетной попечительницей гимназии Александрой Федоровной Кузнецовой было сделано новое пожертвование – 30 000 рублей. На проценты с этого капитала должен был содержаться 8-ой класс. По «Положению» о женских гимназиях при них мог быть учрежден еще специальный класс для лиц, желающих приобрести право на звание домашних наставниц-учительниц [14].

Открытие 8 класса произошло 7 сентября 1887 г. «Около 12 часов дня в здание женской гимназии прибыли: Его Преосвященство, Преосвященный Тихон, Епископ Енисейский и Красноярский (Архиепископ Иркутский), г. Начальник Енисейской губернии И. К. Педашенко с супругою, семья почившей (4 февраля 1887 г.) жертвовательницы Александры Федоровны Кузнецовой, представители духовенства и городского общества, члены Попечительного и Педагогического Советов, преподаватели местных учебных заведений и многие другие лица» [15]. На молебне троекратного провозглашения многолетия Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, затем Министру народного просвещения, Товарищу Министра народного просвещения, Генерал-Губернатору, Главному Инспектору училищ Восточной Сибири, начальствующим, учащим и учащимся, провозглашена была «Вечная Память рабе Божьей Александре», возбудив чувство благодарности к покойной жертвовательнице, приносившей женской гимназии немалые жертвы и ранее. Владыко указал учащимся «на их обязанность

молитвенного выражения этой благодарности, каковая невозможна без религиозного направления и настроения». Вечером на другой день после открытия 8 класса, по желанию воспитанниц гимназии, отцом Иннокентием Нарцисовым, законоучителем гимназии, в Воскресенском соборе была отслужена панихида по усопшей жертвователнице. На панихиде присутствовали: супруга начальника губернии М. Е. Педашенко, председатели и члены Попечительного и Педагогического советов и семья покойной [16]. После панихиды у могилы А. Ф. Кузнецовой в ограде Воскресенского собора, воспитанницы 7-х и 8-х классов возложили на памятник те венки, которыми был декорирован портрет А. Ф. Кузнецовой в день открытия 8 класса в здании гимназии [17].

Значительную помощь учебным заведениям оказывало Общество Попечения о начальном образовании. Председателем Совета Общества Попечения о начальном образовании был избран А. П. Кузнецов, членами совета на протяжении многих лет были представители семейства Кузнецовых: А. Ф. Кузнецова, Е. М. Кузнецова, Е. П. Кузнецова, А. П. Кузнецова, А. П. Кузнецов, А. А. Кузнецова, И. А. Матвеев, Ю. П. Матвеева [18].

А. П. Кузнецов, состоявший бессменно в течение 25 лет деятельнейшим Председателем Общества, все время оказывал значительную материальную помощь. На Общем собрании было внесено предложение: «Принимая во внимание крупные заслуги своего почетного члена Александра Петровича Кузнецова, принимавшего в течение 25 лет живое и деятельное участие в делах Общества, а тем самым и на поприще начального образования в г. Красноярске, Совет вносит на одобрение и утверждение Общего Собрания предложение об увековечении имени Александра Петровича путем присвоения его имени 4-му городскому начальному училищу, почетным блюстителем которого Александр Петрович состоял в течение 15 лет» [19].

Евдокия Петровна и Александра Петровна Кузнецовы, состоявшие почетными блюстителницами в школах, всегда были впереди других в оказании материальной помощи начинаниям Общества [20]. Иннокентий Петрович Кузнецов и Иван Петрович Кузнецов были почетными блюстителями и попечителями сельских школ и училищ. Почетным блюстителем Аскизского двухклассного сельского училища являлся Ин-

нокентий Петрович Кузнецов, Бейского – Александра Петровна Кузнецова, Таштыпского и Усть –Абаканского с общежитием – Иван Петрович Кузнецов [21].

Кузнецовы одни из первых способствовали развитию образования в Красноярске, в Сибири и не только. Лев Петрович Кузнецов завещал 1 000 руб. на постройку школы «в память жены, Потомственной почетной гражданки Елены Кузьминичны Кузнецовой, урожденной Дараган, в одной из деревень в окрестностях имения Никольского Московской губернии Звенигородского уезда, принадлежащего Потомственному дворянину Иннокентию Кузьмичу Дарагану, 10 тысяч рублей в пользу этой же школы...» [22].

Кузнецовы строили учебные заведения, обеспечивали их книгами и пособиями, обучались в них, а впоследствии образовалась педагогическая династия потомков этого знаменитого купеческого рода.

По собранным сведениям, потомки Кузнецовых учились в той самой Красноярской женской гимназии, построенной их предками. Александра Александровна Кузнецова, дочь Александра Петровича, окончила в 1889 году Красноярскую женскую гимназию с золотой медалью [23]. Дочь Юлии Петровны Ксения Матвеева тоже училась в Красноярской женской гимназии [24].

В 1916 г. внучка Иннокентия Петровича Кузнецова – Галя Иконникова, поступила в Минусинскую гимназию и в 1924 г. ее окончила, уже преобразованную в школу 2-ой ступени № 1. Галина Иннокентьевна Иконникова обучала грамоте сельских жителей в школах Новосибирской области и Дальнего Востока. Дочь Галины Иннокентьевны Галина Борисовна Серебренникова окончила филологическое отделение Иркутского Государственного Университета и работала учителем литературы в Иркутской области, затем продолжала свою педагогическую деятельность в Казахстане преподавателем вуза до преклонного возраста [25].

Тамара Георгиевна Гандич (Иконникова) 49 лет посвятила обучению младших школьников, начинала работать учительницей младших классов в п. Береть в 1954 г. и продолжила работать в школах № 1 и № 4 родного города Минусинска. Рабочий

стаж Элеоноры Георгиевны Тарасенко (Иконниковой) в системе образования составляет более сорока лет [26].

Наталья Тарасенко, окончив школу № 42 г. Красноярска, поступила в Красноярский государственный педагогический университет на исторический факультет, в то самое учебное заведение, построенное на средства своих предков – купцов Кузнецовых. Наталья Петровна Конкина (Тарасенко) вернулась в свою родную 42-ю школу преподавателем истории и обществознания [27] и работает там уже почти 40 лет.

Общий стаж педагогической династии Кузнецовых только по линии Иннокентия Петровича Кузнецова в системе образования послереволюционного периода составляет почти 180 лет и не прерывается на протяжении 95 лет.

Список источников и литературы:

1. Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию красноярской женской гимназии (1869–1894 гг.). Красноярск : Типография А. Д. Жилина, 1895. С. 3.
2. Там же. С. 4.
3. Там же. С. 5.
4. Там же. С. 11.
5. Там же. С. 12.
6. Там же. С. 15.
7. Там же. С. 17.
8. Там же. С. 26.
9. ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 3. Л. 88.
10. Бакай Н. Н. Указ. соч. С. 27.
11. Там же. С. 28.
12. Там же. С. 32.
13. Там же. С. 26-29.
14. Там же. С. 33.
15. Там же. С. 49.
16. Там же. С. 50.
17. Там же. С. 51.
18. Шепетковский Н. А. К 25-тилетнему юбилею Общества попечения начальном образовании в г. Красноярске : (речь Н. А. Шепетковского, произнесенная им на юбилейном публичном заседании О-ва, 24 января 1910 года). Красноярск : Типография М. И. Абалакова, 1912. С. 25–29.

19. Отчеты Совета Общества попечения о начальном образовании в гор. Красноярске ... за трехлетие 1910–1912 гг. Красноярск : Типография б. М. И. Абалакова, 1914 (обл. 1913). С. 40-41.

20. Шепетковский Н. А. Указ. соч. С. 22.

21. Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей : Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск : Кн. изд-во, 1995. С. 17.

22. Серебренникова М. Е., Серебренников Е. Б. Кузнецовы : Великие меценаты России. Красноярск : Буква Статейнова, 2020. С. 214.

23. Бакай Н. Н. Указ. соч. С. 66.

24. Малашин Г., Развожаев М. Кузнецовы, что из Красноярска // Православное слово Сибири. 2003. № 4. С. 15.

25. Серебренникова М. Е., Серебренников Е. Б. Указ. соч. С. 265.

26. Там же. С. 267.

27. Там же. Указ. соч. С. 268.

Е. И. Майзик, А. С. Вдовин, Н. П. Макаров,
И. В. Куклинский, Е. Ю. Сидорина, Т. О. Фомичева

ЖИЗНЕННЫЕ МАРШРУТЫ ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА САВЕНКОВА: ВЫСТАВКА-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Работа посвящена межмузейному онлайн-проекту Красноярского краевого краеведческого музея и Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. «Жизненные маршруты Ивана Тимофеевича Савенкова» – это виртуальная выставка и познавательная выставка-путеводитель по жизни и достижениям выдающего сибирского исследователя и педагога. Иван Тимофеевич тесно связан с Красноярском, и его личность интересна исследователям разных сфер: археологам, геологам, этнографам, педагогам, музейщикам, спортсменам и многим другим.

Ключевые слова: И. Т. Савенков, выставка, онлайн, музей, Енисейская губерния, исследователь Сибири.

В 2021 этом году исполнилось 175 лет со дня рождения Ивана Тимофеевича Савенкова. Он был значимым человеком в истории Енисейской губернии. В свое время – одним из представителей зарождавшейся интеллигенции в регионе, человеком широких, прогрессивных взглядов. Он известен как педагог и грамотный руководитель, успешный исследователь в области археологии, этнографии, геологии. Современники знали его и как писателя и спортсмена, изобретателя и актера, библиофила и музееведа. У него искали поддержку коллеги и ученики, к нему обращались ученые России и зарубежья. Во многих отраслях он стал первооткрывателем и вдохновителем [1].

К этой дате планировалось организовать в музее выставку, посвященную исследователю, используя экспозиционное пространство и коллекции Красноярского краевого краеведческого музея. Но выставке было суждено реализоваться в онлайн-формате. Ученый не очень широко представлен в музейном собрании и на имеющихся материалах было решено устроить онлайн-выставку, не ограниченную пространственно-временными факторами [2].

Идея выставки принадлежит научному сотруднику музея, кандидату исторических наук Александру Сергеевичу Вдовину, уже реализовавшему в 2020 году виртуальный проект «Красноярск – 1920», посвященный жизни красноярцев столетней давности по материалам газеты «Красноярский рабочий» и музейного собрания [3].

Виртуальную выставку приурочили к юбилею И. Т. Савенкова и 200-летию Енисейской губернии, которое отмечается в 2022 году. Свою профессиональную, научную, общественную деятельность И. Т. Савенков начал на берегах Енисея, и продолжил ее в дальнейшем. Он обучал будущих педагогов, изучал древние памятники, создал первый шахматный кружок, пополнял собрания музеев.

На этапе разработки проекта выставки авторы отталкивались от личности И. Т. Савенкова, его профессиональных, исследовательских, творческих качеств. Он путешествовал по губернии и стране, по различным сферам и наукам, встречал множество людей и воспитывал подрастающие поколения. Так пришла идея путеводителя по эпохе И. Т. Савенкова сквозь призму его жизни. Появились «Жизненные маршруты Савен-

кова», где каждая станция – это его определенное занятие или сфера интересов: студент, педагог, шахматист, актер, общественник, ученый, музейщик и т. д.

Целью проекта стала популяризация наследия И. Т. Савенкова музейными средствами, а также презентация музейных коллекций Красноярского краевого краеведческого музея и Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Задачами – поиск новых, актуальных форм презентации музейных коллекций в онлайн-формате; обобщение имеющихся в фондах музеев документов и фотографий по биографии и научному наследию И. Т. Савенкова; создание условий доступа к малоизвестным коллекциям, неаттрактивным экспонатам музея; ввод в научный оборот исторических документов, сделав их максимально доступными; увеличение виртуальной аудитории музеев; побуждение к действию читателей проекта.

Выставка состоит из нескольких тематических выпусков, раскрывающих многочисленные интересы И. Т. Савенкова в разных областях.

Выпуск № 1 «Студент». О биографии И. Т. Савенкова в молодости – от раннего детства до обучения в университете Санкт-Петербурга. Биография юного И. Т. Савенкова вписана в контекст эпохи 60-х гг. XIX в. [4].

Выпуск № 2 «Педагог-новатор». О педагогической деятельности И. Т. Савенкова на посту директора Красноярской учительской семинарии и его огромном значении для коллег и учеников [5].

Выпуск № 3 «Шахматист». О шахматном даровании И. Т. Савенкова как одного из сильнейших игроков России и автора одной из первых книг по истории шахматной игры [6].

Выпуск № 4 «Актер». Об актерском таланте и вкладе в организацию театральной жизни Красноярска и Минусинска [7].

Выпуск № 5 «Общественный деятель». О членстве в благотворительных и добровольных обществах Енисейской губернии и участии в значимых событиях, например, наблюдение за полным солнечным затмением 1887 года, приезд цесаревича Николая в Красноярск [8].

Последующие выпуски будут посвящены научной деятельности И. Т. Савенкова, его мировому открытию Енисейского палеолита и созданию первой в России монографии по перво-

бытному искусству [9; 10; 11]. Они расскажут о деятельности исследователя на должностях сотрудника Кунсткамеры и директора Минусинского музея.

Выставка размещена на блочном конструкторе сайтов Тильда. Каждый выпуск сделан в формате лонгрида, он легко приспособливается для любого устройства. Все выпуски иллюстрированы архивными документами, фотографиями, книгами, статьями И. Т. Савенкова и интерактивными заданиями для читателя. Так как проект создан для широкого круга читателей, интерфейс сайта разработан с учетом вовлеченности в чтение длинных текстов и удержания внимания. В проекте используются различные мультимедийные элементы, которые дополняют и иллюстрируют основное содержание выпусков: фотографии, видеоматериалы, тесты, игры. В конце каждого выпуска читатель может сыграть в небольшую тематическую игру [12].

Подобные виртуальные проекты позволяют обратить внимание на «забытые» экспонаты. Они помогают раскрыть и по-новому презентовать такие предметы как фотография, документы и другие плоскостные материалы, которые в реальной экспозиции часто теряются из виду за вещественным рядом или образным сюжетом.

Интересен и междисциплинарный подход к представлению материалов, объединенных одной темой. Это первый визуально-познавательный проект об И. Т. Савенкове с использованием цифровых технологий. Проект позволяет объединить единомышленников из числа сотрудников музеев, общественных организаций, образовательных учреждений и всех людей, интересующихся историей и культурой Красноярского края. Поэтому в выставки появились новые партнеры. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) предоставил в пользование фотографии последних раскопок Савенкова в Красноярске, хранящихся в фондах Кунсткамеры.

Личность и деятельность исследователя оказались неисчерпаемой темой, и осталось много белых пятен в его биографии, истории его семьи и потомков. Но в ходе работы над проектом были обнаружены и опубликованы неизвестные материалы, новые данные, касающиеся семьи И. Т. Савенкова, его деятельности в общественных организациях.

Историко-археологическая и этнографическая комиссия Красноярского краевого отделения Русского географического общества планирует внести ряд предложений по увековечиванию памяти И. Т. Савенкова:

1. установка памятной доски на одном из зданий Красноярска;
2. издание первой коллективной монографии об И. Т. Савенкове на основе материалов онлайн-проекта.

Кроме того, авторы проекта предлагают увековечить имя Савенкова на карте Красноярска. Предполагаемое место, где могла бы появиться улица Савенкова, – район между Копыловским и Николаевским мостами, прилегающий к Афонтовой горе, где Иван Тимофеевич сделал мировое открытие: нашел палеолитическую стоянку древнего человека. Любой читатель проекта может принять участие в осуществлении этой идеи, отправив предложение в администрацию города Красноярска через сайт проекта. Там можно скопировать текст обращения и вставить в соответствующую форму: «Предлагаю назвать одну из вновь проектируемых улиц в районе Николаевки (Железнодорожный район) именем Ивана Тимофеевича Савенкова (1846–1914), известного красноярского ученого и педагога, первооткрывателя палеолитических находок на Енисее (в районе Афонтовой горы)» [13]. В результате взаимодействия с интерфейсом сайта читатель не только получает новые знания, но и может совершить полезное действие – направить обращение в администрацию Красноярска.

Проект имеет культурную значимость. И. Т. Савенков является энциклопедистом сибирского краеведения, знаковой фигурой в культурной жизни Сибири конца XIX – начала XX вв. До сих пор, несмотря на высочайшие достижения И. Т. Савенкова в разных областях культуры, нет монографической публикации об этой личности. Проект впервые раскрывает его многостороннюю деятельность, вводя в научный оборот малоизвестные архивные материалы, дополняющие уже имеющиеся многочисленные, но разрозненные публикации в разных изданиях. Значимость проекта заключается также в том, что он становится отправной точкой для реализации аналогичных проектов по представлению культурного наследия с использованием информационных технологий о других выдающихся личностях Приенисейского края. Кроме того, рассматривают-

ся предложения посетителей сайта для практической реализации культурной политики региона. Данный проект может послужить отправной точкой для популяризации и раскрытия личности И. Т. Савенкова в культурной, туристической, общественной, научной жизни края, послужить примером для разработки подобных проектов, посвященных другим значимым деятелям науки и культуры нашего края.

Список источников и литературы:

1. Макаров Н. П. Всегда первый! // Сто знаменитых красноярцев. Красноярск : ИД «Издательские проекты», Красноярское кн. изд-во, 2003. С. 58–62.
2. Жизненные маршруты Ивана Савенкова. Выставка-путеводитель о жизни и достижениях выдающего сибирского ученого и педагога: [сайт]. Красноярск, 2021. URL: <http://savenkov.kkkm.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).
3. Красноярск – 1920. Выставка-хроника о событиях и явлениях, происходивших в Красноярске 100 лет назад: [сайт]. Красноярск, 2020. URL: <https://readymag.com/museum/krsk1920/> (дата обращения: 23.12.2021).
4. Макаров Н. П., Вдовин А. С. 170 лет со дня рождения Ивана Тимофеевича Савенкова (1846–1914), педагога, археолога, исследователя, шахматиста // Край наш Красноярский: календарь знаменат. и памят. дат на 2016 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск: ГУНБ, 2015. С. 80–87.
5. Подъяилова Г. В., Вдовин А. С. Иван Тимофеевич Савенков в Польше // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. г. Красноярск, 15–16 ноября 2005 г. / отв. ред. Я.М. Кофман; Краснояр. гос. пед. ун-т. Красноярск : КГПУ, 2006. С. 282–289.
6. Вдовин А. С. Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI регион. (II Всерос.) археолого-этнографической конф. студ. и молодых ученых / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006. Т. 1. С. 4–9.
7. Воронов И. В. Театральная культура Красноярска за сто лет... Красноярск : Литера-принт, 2020. 530 с.
8. Макаров Н. П. Вдовин А. С. Указ. соч.
9. Вдовин А. С., Кочкина Е. И., Конохов В. А. Савенков И. Т. и проектирование железных дорог в Сибири в начале XX в. // История техники и му-

зейное дело: материалы IX Международной науч.-практич. конференции, 1–3 декабря 2015 г. / Мин-во культуры Рос. Федерации, Политех. музей, ИИЕТ РАН, Ассоциация «АМНИТ»; отв. ред.-сост. Р. В. Артеменко. М. : Политех. музей, ИИЕТ РАН, Ассоциация «АМНИТ», 2016. Вып. 8. С. 389–393.

10. Макаров Н. П., Безывестных Е. Ю. Неутомимый исследователей древностей // Век подвижничества. Красноярск : Кн. изд-во, 1989. С. 43–57.

11. Орехова Н. А. Письма барона Жозефа де Бая И.Т. Савенкову // Енисейская провинция: альманах. Красноярск : Краснояр. краевой краевед. музей, 2009. Вып. 4. С. 358–363.

12. Жизненные маршруты Ивана Савенкова. Выставка-путеводитель ... URL: <https://readymag.com/museum/krsk1920/> (дата обращения: 23.12.2021).

13. Там же.

Е. Ю. Сидорина

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА

На основе архивных материалов в статье представлены этапы 140-летней истории научной библиотеки музея им. Н. М. Мартьянова, открытой в 1878 году в г. Минусинске. Охарактеризованы основные способы комплектования и содержание библиотечных фондов.

Ключевые слова: Минусинский музей, научная библиотека, Н. М. Мартьянов.

«**П**ризнать образование и развитие городских библиотек – делом общественным, действительно необходимым – наши города еще не додумались, за исключением очень немногих. К числу этих немногих присоединился целый ряд сибирских городов: Минусинск, Красноярск, Ачинск, Енисейск..., что представляет одно из самых светлых явлений местной жизни...», – так писала газета «Восточное обозрение» в 1892 году [1].

В газете неоднократно появлялись статьи о привлечении в провинции общества к поддержке школьного образования, заведения общественных библиотек для развития чтения

и просвещения, причем библиотеки должны были быть бесплатными и доступными для всех.

Н. М. Мартьянов сумел сплотить лучших представителей минусинского общества, благодаря которым 12 января 1878 года открылась Минусинская Общественная библиотека. Один из пунктов ее Устава гласит «...способствовать, по мере возможности, распространению общепольных сведений и знаний чрез посредство имеющих назидательное, научное, художественное и общеобразовательное значение книг и изданий периодических...» [2].

Библиотека была объявлена бесплатной, то есть доступной для всех городских жителей. Первым заведующим библиотекой был Н. М. Мартьянов, с 1891 по 15 сентября 1911 года хранитель и библиотекарь – Ермил Фомич Гуцин. Сохранились его воспоминания, написанные в 1941 г. о посещениях музея и библиотеки В. И. Лениным и Н. К. Крупской во время их ссылки в п. Шушенском в 1897–1900 гг.

В средствах библиотека была ограничена, в основном они поступали от случайных доходов в виде сборов от спектаклей, подписной платы за право чтения. Эти средства шли на содержание библиотекаря. Основная масса книг, журналов, газет поступала в виде пожертвований и в качестве обмена. Поэтому в библиотеке была бессистемность и недостаток изданий, особенно это сказывалось на таких отделах, как история, общественные науки, публицистика.

Но благодаря И. М. Сибирякову в библиотеку начинает поступать литература по строгой системе, программе, которая была выработана совместно с сотрудниками музея, знакомыми с библиотечным делом. Библиотека более всего нуждалась в литературе, которая имела научное значение, способствовала общему образованию и всестороннему изучению Сибири.

Как отмечал Ф. Я. Кон в «Историческом очерке Минусинского Местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.)», «уже первый год существования библиотеки наглядно подтвердил несомненную истину, что лучшей гарантией преуспевания учреждения является сознание в населении его потребности и отзывчивости общества ко всяким культурным начинаниям» [3].

В первый год работы библиотеки читали романы и журналы, а во второй год были выписаны журналы, повести, рассказы – лучшие в России, оригинальные и переводные. Наибольшей популярностью пользовались сочинения из отдела «Беллетристика» (Тургенев, Достоевский, Гоголь, Толстой).

Первый каталог библиотеки был издан в 1883 г. и включал 5 072 названия и 7 121 том.

В 1901 г. печатается «Каталог Библиотеки Минусинского музея: Сибирский отдел». Библиотечный фонд тогда составлял уже 15071 название в 19192 томах. Самыми многочисленными отделами были: «Беллетристика» – 2 561 название в 2 816 томах; «Периодические издания» – 1 718 названий в 4 467 томах; «Сочинения на иностранных языках» – 1 678 названий в 2 022 томах; «Естествознание, антропология» – 1 481 названий в 1 535 томах. Каталог был составлен М. Л. Стояновским при участии С. П. Кублицкой и Е. К. Яковлева.

Эта практика сохранилась и в последующие годы. Так, минусинская газета «Свобода и труд» от 19 марта 1917 г. помещает объявление: «Минусинская Общественная библиотека при Мартьяновском музее просит все общественные организации г. Минусинска и Минусинского уезда, а также отдельных лиц доставлять в архив библиотеки по два экземпляра издаваемых ими бюллетеней, объявлений, программ и т. п., имеющих отношение к переживаемому переустройству России. Этот материал необходимо сохранить для будущего историка государственного переворота в России» [4].

В 1920 г. газета «Соха и молот» выпускает листовку с объявлением: «Минусинская Общественная библиотека покупает по хорошей цене всякого рода книги, журналы и друг. печатные произведения, а также отдельные номера и полные комплекты газеты «Соха и молот». Обращаться во всякое время в библиотеку» [5]. В 2017 г. газета «Соха и молот» была оцифрована по грантовому проекту фонда М. Прохорова «Сибирская газета в цифровом формате» (в частности, 62 номера за 1919 г., 12 номеров за 1920 г.).

Библиотека комплектовалась и конфискованной литературой. В 1925 г. от музея поступает письмо в Хакасский Уисполком: «По сведениям, поступившим в музей, у Вас имеет-

ся конфискованная литература разных религиозных культов. Так как для Вас эта литература едва ли имеет какое-либо значение, музей же заинтересован в получении ее, как архивного материала, то музей просит Вас, если найдете возможным, передать эту литературу, а также и рукописные архивы религиозных культов, если таковые имеются, в архив музея» [6].

В 20-е гг. XX в. из-за хронического недостатка средств единственным источником пополнения библиотечного фонда являлся книгообмен между музеями, научными обществами и учреждениями. В августе 1925 г. библиотекой Минусинского музея были получены издания по этнологии, археологии, естественным наукам от Смитсоновского института (г. Вашингтон, США). Это был первый случай получения книг за годы революции из-за рубежа.

В трудные 20-е гг. XX в. пользование книгами библиотеки было платное, но существовала и альтернативная оплата, о чем свидетельствует следующий документ:

«Вниманию абонентов Библиотеки.

Ввиду того, что внесение платы деньгами для многих абонентов оказывается затруднительным, Управление Госуд. Библиотеки имени Н. М. Мартянова признало возможным разрешить взамен денег вносить дрова по следующему расчету:

- за 1 кн. по аб. взрослых: вместо 10 коп. зал. – 6 полен в месяц;
- за 1 кн. по детск. аб. : вместо 5 коп. зал. – 3 полена в месяц;
- штрафы за каждый просрочен. день – 1 полено.

Каждое полено должно быть не тоньше 3 вершк. и не короче 12 вершк. Дрова меньшего размера принимаются по оценке приемщика.

Дрова принимаются только в квартире заведующего (во дворе Музея). В принятии дров выдается квитанция, которая предъявляется в Библиотеку для отметки.

Денежная плата по прежнему принимается дежурным Библиотекарем в здании самой Библиотеки» [7].

Так, в 1922/23 г. посетителями библиотеки были рабочие, красноармейцы, занимающиеся умственным трудом, учащиеся, но крестьяне не посещали библиотеку. Как и в конце XIX в. самой читаемой литературой были беллетристика, детская литература, историческая литература, обществознание. Книги на религиозные темы не читали.

В годы Великой Отечественной войны работники библиотеки делали выставки, выезжали в колхозы Минусинского района с передвижными библиотеками и читали лекции.

В 1949 г. музей передали в ведение Главного управления «Енисейстрой» МВД СССР и был наведен порядок в хранении библиотечных фондов, составлен каталог, книги и журналы взяты на учет, обслуживание читателей улучшено [8].

В 1950-е гг. были проведены проверки и чистки библиотечного фонда от устаревшей, ветхой литературы (беллетристика, учебные пособия). В связи с переходом музея в Министерство культуры, с 1957 г. библиотека стала закрытой, штат составлял 1 человек. Этот перевод вызвал возмущение, в газете «Власть труда» была помещена статья о том, что «музей за толстыми стенами запрятал ценную библиотеку и хранит народное достояние без пользы» [9]. В 1958 г. по указанию Министерства культуры художественная литература из музейной библиотеки была передана городской библиотеке.

В 1959 г. библиотека занимала половину здания 1 корпуса – первый этаж, где располагалось книгохранилище, читальный зал на 40–50 человек. Книги выдавались только в читальном зале.

В 1984 г. библиотека переместилась в здание, где и началась ее история, в настоящее время в этом здании она и находится. В 1980–1990-е гг. сотрудниками библиотеки проводилась работа по упорядочению фонда, разрабатывались мероприятия, делались книжные выставки.

В настоящее время сотрудники научной библиотеки продолжают традиции Н. М. Мартьянова: комплектуют, сохраняют, популяризуют книжное собрание. Комплектование изданиями, как и в прошлом столетии, осуществляется в основном за счет дарственной литературы, за исключением подписки на газеты и журналы.

Сотрудники занимаются научно-исследовательской деятельностью, результатом которой являются статьи в различных сборниках не только Сибири, но и России. Библиотека осуществляет и грантовую деятельность: в 2008, 2017, 2018, 2021 гг. ее проекты были поддержаны фондом М. Прохорова. В рамках проектов были оцифрованы различные материалы по истории Сибири, учебные пособия по русскому языку, медицине (фармакологии), сибирские газеты и опубликованы

на сайте Минусинского музея. Благодаря этим проектам библиотека оснащена компьютерами, мультимедийным оборудованием, архивным накопителем.

Сотрудниками научной библиотеки ведется большая работа по систематизации библиотечного фонда, улучшению хранения как особо ветхих изданий, так и вновь поступивших. Из общего библиотечного фонда выделены библиотеки, которые были переданы в дар в разное время: Библиотека Н. М. Мартьянова; Библиотека И. Т. Савенкова; Библиотека В. Яна; Библиотека Фонда «Возрождение Тобольска», Библиотека Фонда М. Прохорова.

В 2018 г. заключен договор с Игорем Леонидовичем Кызласовым, который передал научной библиотеке музея издания по сибирской археологии, принадлежавшие Леониду Романовичу Кызласову.

Научная библиотека надеется и на дальнейшее сотрудничество с дарителями и исследователями.

Список источников и литературы:

1. К вопросу об общественных библиотеках // Восточное обозрение. Иркутск. 1892. 9 февр. (№ 6). С. 5.
2. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань : Типо-литография Император. ун-та, 1902. С. 179.
3. Там же. С. 184.
4. Свобода и труд. Минусинск. 1917. 19 марта (№ 13). С. 1.
5. Архив Минусинского краеведческого музея. Оп. 1. Д. 852. Л. 1.
6. АМКМ. Оп. 1 Д. 212. Л. 42.
7. АМКМ. Оп. 1. Д. 852. Л. 37.
8. АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
9. Ермолаева Л. Н., Сидорина Е. Ю. Научная библиотека Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова // Библиосфера. 2011. № 2. С. 45.

В. В. Костюк

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. П. ИЦИКСОН

В статье проанализирована педагогическая деятельность Ольги Петровны Ициксон, основательницы второй женской гимназии в Красноярске, которая в течение двадцати лет работала преподавателем в Красноярском финансово-экономическом техникуме.

Ключевые слова: Бестужевские женские курсы, гимназия, фельдшерская школа, школа второй ступени, техникум.

В истории образования г. Красноярска яркий след оставила Ольга Петровна Ициксон. За время своей трудовой деятельности она открывала частную женскую гимназию и возглавляла педагогический совет в этом учебном заведении, а затем преподавала в советских образовательных учреждениях.

Любовь к математике Ольга Петровна унаследовала от матери Людмилы Александровны, которая была учительницей арифметики в начальной школе. Отец ее был служащим и умер еще до революции. Ольга Петровна закончила Красноярскую женскую гимназию с золотой медалью.

После гимназии девушка решила продолжить образование и поступила на Высшие женские курсы, которые находились в Петербурге. Обучение продолжалось четыре года. В 1909–1910 году она окончила полный курс наук физико-математического отделения. Копия свидетельства об окончании курсов хранится в ее личном деле. Курс обучения включал такие предметы как математический анализ, тригонометрию, опытную физику, аналитическую, неорганическую и органическую химию. Основательно в этом заведении преподавали такой предмет как зоология, состоявший из разделов: позвоночные, беспозвоночные виды, гистология. Хорошие результаты показала Ициксон по анатомии и ботанике. Выпускницы курсов получали свидетельство об окончании высшего учебного заведения [1]. Только летом 1910 г. Государственный Совет признал Бестужевские курсы высшим учебным заведением и приравнял свидетельства об окончании к дипломам университета.

В июне-июле 1910 г. О. П. Ициксон ездила на экскурсию в Австрию и Германию. Ольга Петровна вернулась в Красноярск с идеей организовать в городе гимназию для девочек из необеспеченных семей, так как плата за обучение предполагалась совсем невысокой. Сообщение об открытии учебного заведения появилось в газете «Красноярский вестник» [2].

В сентябре 1910 года гимназия открылась. Для того, чтобы получить разрешение на образовательную деятельность, необходимо было перейти в православие, что и было сделано. Дом для гимназии был куплен братом Яковом Петровичем, который был известным красноярским предпринимателем. Он был владельцем двух магазинов в Красноярске, один из которых располагался на Воскресенской улице, рядом с домом Гадалова, еще один магазин находился в Канске. После революции Яков Петрович эмигрировал в Харбин, где по-прежнему занимался торговлей и ремонтом часов и ювелирных изделий, об этом свидетельствовали рекламные объявления в местных газетах [3; 4].

Располагалась гимназия в доме по улице Гостинской, 65. Усадьба принадлежала Людмиле Александровне Ициксон, матери Ольги Петровне [5]. Сейчас это улица носит имя Карла Маркса и на месте усадьбы располагается обувная фабрика «Ионесси». Здание было деревянное, двухэтажное, в котором было пятнадцать, по другим сведениям – восемь комнат [6]. На втором этаже размещались четыре класса, учительская и кухня. На первом этаже находились три класса, учительская и кухня. Отапливался дом печами, которые топились дровами. Освещали помещения свечами и только в 1920 году провели электрическое освещение, хотя свечи еще все равно использовались. Воду для завтраков и других нужд доставлял водовоз. В 1913 г. в гимназии обучалась пятьдесят человек [7].

В учебное заведение принимались девочки разных вероисповеданий. Для поступления в младшее отделение przygotowительного класса требовалось знать несколько молитв, уметь читать крупный шрифт и списывать с книги отдельные слова и предложения. По арифметике необходимо было считать до двадцати [8].

Для поступления в старшее отделение требовалось знать основные молитвы и важнейшие события из жизни Иисуса

Христа. По русскому языку необходимо было не только свободно и осмысленно читать, знать простейшие правила правописания, но и пересказывать прочитанное. По арифметике поступающие в старшее отделение девочки должны были знать счет в пределах ста, приемы вычисления, таблицу умножения. В гимназии изучали Закон Божий. Девочки иудейского вероисповедания не проходили этот курс. Обязательными были такие предметы, как русский язык и словесность, история, естествоведение, французский и немецкий языки, арифметика. После окончания общего курса наук гимназии можно было поступить в дополнительный общеобразовательный класс для углубленного изучения истории, словесности, западноевропейской литературы, латинского языка, алгебры, геометрии и тригонометрии, основ философии. Преподавали даже курс Сибириведения, который должен был воспитывать местный патриотизм.

Классы были небольшие: по семь-восемь человек. Гимназистки не имели такую форму, как в казенных гимназиях. Вместо нее выдавали серые халаты, которые стирали каждую неделю.

Свидетельства выдавались торжественно при участии главного инспектора училищ Восточной Сибири. В 1917 году были выданы свидетельства ученицам 7-го класса: П. Андреевой, О. Идэиковской, Е. Кондратьевой, В. Флоренской. А также 4-го класса: В. Щукиной, В. Шешинной, В. Цукерман, В. Франкфурт, И. Фишер, М. Федорович, Л. Симоновой, Б. Рудницкой, Е. Поляковой, А. Лелякиной, Е. Кудрявцевой, М. Зверевой, С. Довбор. За десять лет, в течение которых существовала гимназия, там преподавали такие известные красноярские педагоги как М. Смирнова, М. Гударина, В. Мюнюшко, Л. Крутовская, Г. Гневишева, В. Чекалинская, С. Кондратьева, В. Матвеева, Н. Дингильштедт [9].

В разгар Гражданской войны, 9 января 1919 года Ольга Петровна подала прошение о предоставлении преподавателям частной женской гимназии всех прав и преимуществ по службе, какими пользовались в те годы служащие женских гимназий Министерства народного просвещения. Местный департамент народного просвещения назначил проверку с целью выяснить постановку учебного дела в гимназии. Возглавить комиссию было поручено директору народных училищ Ени-

сейской губернии Н. П. Березовскому. Комиссия подтвердила отличное качество обучения, и вопрос о предоставлении прав и преимуществ был решен положительно. Вместо свидетельств об окончании гимназии выпускникам стали выдаваться аттестаты учениц, окончивших полный курс обучения с распространением на них прав и преимуществ.

В 1923 году после смены власти дом, находившийся по адресу улица Гостинская, 65, был муниципализирован. В то время там располагалась школа № 2 Енгубоно. Стоимость здания было оценено в 9 348 рублей. После победы Советской власти на базе гимназии была образована школа второй ступени, и Ольга Петровна в течении двух лет работала заведующей, а затем учительницей математики в этой школе.

В 1928 г. Ициксон переходит работать вначале заведующей учебной частью, а потом учительницей математики в фельдшерскую школу. С 1938 г. и до выхода на пенсию в 1956 г. преподавала в Красноярском финансово-экономическом техникуме. На работу в техникум она была принята 28 августа 1938 г. На протяжении своего пребывания в коллективе Ольга Петровна пользовалась доверием у коллег, которые ей поручили отвечать за кассу взаимопомощи. В характеристиках неизменно отмечалось, что Ициксон является лучшим учителем математики в г. Красноярске. Благодарности ей объявлялись ежегодно. В августе 1949 г. Ольге Петровне было присвоено звание «Советник финансовой службы 1 ранга». В годы войны педагогический труд Ициксон был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» На заслуженный отдых Ольга Петровна вышла 1 октября 1956 г. [10].

Список источников и литературы:

1. Архив Красноярского филиала Финуниверситета. Личное дело О. П. Ициксон (№ 48).
2. Красноярский вестник. 1910. 25 июля (№ 136).
3. Русский Харбин // Всероссийское генеалогическое древо : [сайт]. URL: <https://forum.vgd.ru/post/614/31743/p3239035.htm> (дата обращения: 01.12.2021).

4. Дело № 21408 арх. № П-5906 (Крутовский В.М.) // Мемориал : [сайт]. URL: https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/_Docs/UFSB/Krutovskiy_VM.htm (дата обращения: 01.12.2021).

5. Частная женская гимназия О. П. Ициксон // Красное место : [сайт]. URL: <https://www.krasplace.ru/chastnaya-zhenskaya-gimnaziya-o-p-icikson> (дата обращения: 01.12.2021).

6. Флоренская В. А. «Моя жизнь». М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 22.

7. Начальные школы г. Красноярска. Краткий историко-статистический очерк (до августа 1913 года) / сост. А. Оносовский. Красноярск : Типография б. М. И. Абалакова, 1914. С. 65.

8. Частная женская гимназия О. П. Ициксон. Там же.

9. Частная женская гимназия О. П. Ициксон. Там же.

10. Архив Красноярского филиала Финуниверситета. Там же.

Н. С. Романова

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КРАСНОЯРСКА В 1920–30-Е ГГ.

В статье приводятся данные о материальной обеспеченности учебных заведений профессионального образования г. Красноярска в 1920–1930-е годы: школ фабрично-заводского ученичества, техникумов, вузов. Сделан акцент на влияние бытовых условий учебы и проживания учащихся на процесс и результат их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: бытовые условия, повседневная жизнь, 1920–1930-е годы, Красноярск, профессиональное образование.

Современный интерес к истории повседневности 1920–1930-х годов сместил исследовательский ракурс на бытовые практики различных слоев населения, оставляя нередко «за кадром» факторы, активно влиявшие на быт. В числе таких значимых факторов – материальное положение

населения, в нашем случае такой малозащищенной и уязвимой социальной группы как учащиеся профессиональных школ.

В 1920–1930-х годах в Красноярске учебные заведения профессионального образования не обладали большими материальными ресурсами, и будущим кадрам приходилось учиться при весьма стесненных обстоятельствах. Так, учащиеся курсов речного водного транспорта, открытых в Красноярске в 1920 году, занимались в вечернее время в четырех комнатах бывшего реального училища, где в первой половине дня проходили занятия общеобразовательной школы I и II ступеней. Помимо того, что не было соответствующей возрасту курсистов школьной мебели, а также какого-либо шкафа для хранения бумаг, книг, учебных пособий и материалов, учащимся курсов приходилось заниматься в третью смену в антигигиенических условиях и при слабом освещении. Эти условия не могли не сказываться на качестве получаемого образования. Другим тормозом в деле подготовки рабочих речного флота было отсутствие учебников, как по специальным, так и по общеобразовательным дисциплинам. Учащиеся вынуждены были покупать учебники разных авторов за свой счет [1].

Немногим лучше было положение учащихся школы железнодорожного транспорта при Главных железнодорожных мастерских в Красноярске. Школа была открыта в 1921 году в составе двух отделений, теоретические занятия проходили вечером с 16:00 до 20:00 в помещении бывшего железнодорожного училища – здания хоть и старого, но вполне подходящего для учебной работы. Практические занятия проходили в двух специальных учебных мастерских и в цехах, где учащиеся работали на ремонте и сборке паровозов, а также изготавливали мебель для нужд школы. Такие удовлетворительные условия хорошо сказывались на посещаемости занятий: так, в 1924–1925 учебном году пропусков занятий было всего 2,9 %, из них 2,3 % по болезни [2]. Однако с учебниками и учебными пособиями в железнодорожной школе дело обстояло так же, как и в других профессиональных школах Красноярска: не было ни пособий, ни книг, ни руководств. Учащимся приходилось покупать книги за свой счет, часто в складчину, так как городские библиотеки также были плохо оснащены учебной литературой. Отсутствие учебных пособий сказывалось и на методах

обучения, которые в этих условиях не могли быть разнообразными. Преподавателям приходилось по старинке читать лекции с собственных рукописных записей [3].

В школе фабрично-заводского ученичества при стекольном заводе из-за разногласий руководства школы и завода первое время учащиеся занимались в 4 смены, что существенным образом сказывалось на посещаемости занятий – в 1923–1924 учебном году она составляла всего 30 %. Со сменой руководства учащиеся были переведены в одну смену, несколько улучшилось оборудование мастерских (был получен в аренду на 4,5 часа в день верстак). Посещаемость занятий выросла до 75–80 %. Школа размещалась в здании заводоуправления, где в утренние часы работала и школа-семилетка. Занятия проходили в непроветренном помещении, учащиеся пользовались школьной мебелью, рассчитанной на младший возраст. Физического кабинета и каких-либо лабораторий не было, для практических занятий по химии и физики использовалось оборудование завода, так как свое купить не было возможности [4].

Материальные условия в техникумах Красноярска были существенно лучше, чем в школах начального профессионального образования, в первую очередь потому, что техникумы – учебные заведения среднего профессионального образования, появившиеся в стране в 1920-е годы, открывались на базе дореволюционных учебных заведений и получали в наследство здания и имущество.

Так, Красноярский индустриальный техникум, открытый в 1922 году, располагался на верхних этажах бывшей мужской гимназии и располагал шестью учебными аудиториями, хорошо оборудованным химическим кабинетом с лабораторией, кабинетами товароведения, физики, ботаники, зоологии, лесоводства и минералогии, двумя чертежными залами. Кроме того, в распоряжении имелась обширная библиотека на 12 тысяч томов. С учебными пособиями дело обстояло хуже, технические журналы выписывались за счет средств преподавателей, а подписка газет, бывшая в ту пору неотъемлемой чертой повседневной жизни всех красноярцев, не велась вовсе [5].

Землеустроительный техникум обладал хоть и незначительной по своим размерам (всего чуть более двух тысяч томов), но хорошо подобранной по содержанию библиотекой. Особой

ценностью отличались специальные отделы: физика и математика, земледелие, таксация и культур-техника. Часть из этих разделов состояла из иностранной литературы на немецком и французском языках. Техникуму принадлежала хорошо оборудованная химическая лаборатория, которая располагалась в изолированном помещении площадью 14 квадратных саженей. В лаборатории был свой водопровод, дровяное отопление. Она могла обслуживать группу из 12 учащихся. Культур-технический кабинет был оборудован буром с принадлежностями к нему, моделями шлюзов, водосливных каналов, акведуков, люкеров, мостов и др. Геодезический кабинет был оборудован специальными геодезическими, чертежными инструментами. Физический кабинет также был неплохо оборудован. В кабинете сельского хозяйства и почвоведения находились разборные модели цветов, гербарий, микроскопы, коллекции вредных насекомых, лесные планы и чертежи, почвенные карты России, составы пищевых веществ [6]. Кроме того, техникуму принадлежало два учебных хозяйства, расположенных вблизи Красноярска – «Бугач» и «Удачный», где выращивались продовольственные культуры, обеспечивавшие столовую учебного заведения в голодные годы, а также проходила учебная и производственная практика студентов [7].

Красноярский педагогический техникум имел в своем распоряжении три 2-этажных здания: в первом располагалось общежитие для учащихся, учебные аудитории, библиотека и учебно-вспомогательные помещения, во втором – квартиры для сотрудников, в третьем – гимнастический зал и мастерские. Техникум имел хорошее учебное оборудование: физический кабинет с 850 приборами, библиотеку в 32 тысячи томов и справочный кабинет изобразительных искусств, геолого-минералогический, естественный, историко-географический, химический (для демонстрационных целей), мастерскую ручного труда (столярную), также постепенно были организованы педагогический и дошкольный кабинеты. Для организации последних техникумом был сделан подбор игрушек разных систем и фирм. За счет средств техникума библиотекой выписывался ряд педагогических журналов: «Народный учитель», «На пути к новой школе», «Педагогическая мысль» и др., а также газеты «Советская Сибирь», «Красноярский рабочий»,

«Рабочая мысль» и др. В распоряжении техникума находились музыкальные инструменты: фортепиано, две фисгармонии, 20 скрипок, две виолончели и контрабас. Помимо кабинетов и библиотеки слушатели техникума обслуживались читальней, в которой размещался уголок В. И. Ленина, где были собраны сочинения о нем, уголки антирелигиозный, комсомольца и воздушного флота [8].

Красноярский музыкальный техникум вообще существовал за счет платы за обучение. В учебном заведении было несколько бесплатных мест, но на них могли претендовать лишь немногие обучающиеся. Общежития при техникуме не было. В целом же учебный корпус находился в нормальном состоянии: по данным отчета о деятельности музыкального техникума на 1924–25 учебный год «жилищные условия нормальные, классы по размерам вполне соответствуют требованиям индивидуального преподавания и достаточно изолированы. Ощущается лишь недостаток вместительного зала для ученических вечеров и концертов» [9].

Красноярский медицинский техникум, реорганизованный из акушерско-фельдшерской школы в 1928 году, имел один кабинет учебных пособий по всем предметам, преподаваемым в техникуме, библиотеку для учащихся и преподавателей, а также ряд учебно-вспомогательных учреждений: кабинеты анатомический, ботанический, физический, бактериологический. Кабинеты были составлены еще старой фельдшерской школой и много лет не пополнялись. В библиотеке числился всего 321 том (по данным на 1928–29 учебный год). При техникуме было общежитие на 50 человек, однако оно находилось в учебном корпусе и занимало всего две просторные комнаты с 25 койками в каждой [10]. Но для учащихся в то время даже такие скромные блага были существенными, так как многие из них были из бедных деревенских семей и снимать жилье для них было непосильной задачей.

В 1930-е годы материальное положение учебных заведений профессионального образования существенным образом мало изменилось.

Например, открывшаяся в 1935 году Красноярская автомобильная школа не имела собственного помещения, а в аренду-

ванном здании находилось всего две аудитории и ни одного учебно-вспомогательного помещения [11].

В Красноярском сельскохозяйственном техникуме в 1930-е годы материальные условия были исключительно тяжелые: отопления не было, учащиеся занимались всего в 7 комнатах, являвшихся одновременно и аудиториями, и кабинетами, и лабораториями. Еще в трех комнатах находились преподавательская, библиотека и канцелярия. Однако для учащихся техникума было открыто общежитие, находившееся в двухэтажном здании недалеко от учебного корпуса [12].

Красноярская фармацевтическая школа, открытая в 1939 году, также не имела своего здания, и располагалась в помещениях акушерско-фельдшерского техникума, где для школы было выделено три помещения под кабинеты и лабораторию. Учащиеся школы жили в том же общежитии, что и студенты техникума, а также на частных квартирах, с владельцами которых были заключены договора [13].

В Красноярском краевом физкультурном техникуме большая часть практических занятий по основной дисциплине проходила в холодном и грязном помещении рабочего клуба завода, а студенческая столовая располагалась в помещении городского ресторана. Кроме того, поблизости от техникума не было ни книжных киосков, ни каких-либо учреждений культуры, зато располагалось множество пивных ларьков. Все это не лучшим образом сказывалось на успеваемости, посещении занятий и поведении учащихся [14].

Красноярский педагогический техникум на материальном уровне был обеспечен лучше других учебных заведений города, так как государство было более всего заинтересовано в пополнении учительскими кадрами школ Сибири. Учебно-вспомогательные учреждения техникума, существовавшие в 1920-е годы, в следующем десятилетии пополнились кабинетами родного языка и литературы, физики и химии, естествознания, а объем библиотечных книг и пособий вырос на 8 тысяч экземпляров. Для учащихся было открыто общежитие, находившееся в одной усадьбе с техникумом, где проживало более 100 человек. Кроме того, техникум имел возможность оказывать материальную поддержку студентам, которым не хватило места в общежитии педтехникума и проживавшим в общегородском общежитии.

Материально учащиеся педтехникума были обеспечены лучше учащихся других техникумов: в других техникумах стипендию получали около 40 % учащихся, тогда как в педагогическом – около 80 % [15].

Для открытого в 1930 году Сибирского лесотехнического института было выделено несколько корпусов в центре Красноярска: по ул. Ленина 30, по ул. Советской, 37, 86 и 89, а также дом по ул. Диктатуры, 18 для общежития. Места в общежитии для студентов не хватало, и часть из них проживала в учебном корпусе, но в конце 1930-х годов было построено новое общежитие, по ул. Ленина, 9, а также отведено здание по ул. Маркса, 124, где часть учебных дисциплин студенты изучали, не выходя из общежития. В эти же годы началось строительство двухэтажного дома для преподавателей по ул. Вейнбаума, рядом с учебным корпусом. Студенты и преподаватели добирались до института пешком, преодолевая по 8–10 км. Только у директора была выездная лошадь [16].

Таким образом, бытовые условия учащихся профессиональных учебных заведений в Красноярске в 1920–1930-е годы были тяжелыми. Учащимся приходилось заниматься в плохо освещенных, душных помещениях, сидеть за несоответствующей по размеру возрасту мебелью, добывать учебники и пособия самостоятельно, жить в тесных и холодных общежитиях. Но, несмотря на эти трудности, которые не могли не сказываться на процессе обучения, учебным заведениям удавалось выпускать неплохих рабочих, техников и инженеров.

Список источников и литературы:

1. ГАКК. Ф. Р-93. Отдел народного образования Енисейского губернского исполнительного комитета. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.
2. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 248. Л. 24.
3. Романова Н. С. Сеть школ фабрично-заводского ученичества в Енисейской губернии в 1920-е годы // Проспект Свободный – 2020 : материалы XVI Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящен. году памяти и славы (75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов). Красноярск, 6 апр. – 16 мая 2020 г. / Сиб. федер. ун-т ; отв.

за вып. С. К. Франчук. Красноярск : СФУ, 2020. С. 344. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/ft/LIB2/ELIB/b72/free/i-392090899.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

4. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 248. Л. 36.

5. ГАКК. Ф. Р-891. Красноярский сельскохозяйственный политехникум. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

6. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 134. Л. 120.

7. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 247. Л. 28.

8. ГАКК. Ф. Р-352. Красноярский педагогический техникум им. Горького. Оп. 1. Д. 13. Л. 96.

9. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 164. Л. 21.

10. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 242. Л. 35.

11. ГАКК. Фонд Р-1837. Красноярская автомобильная школа. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

12. История техникума // «Красноярский политехнический техникум» : [сайт]. URL: <https://www.kptg24.rф/историятехникума> (дата обращения: 20.03.2020).

13. ГАКК. Ф. Р-1446. Красноярская фармацевтическая школа. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

14. ГАКК. Ф. Р-1334. Красноярский краевой техникум физкультуры. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–10.

15. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

16. Лапкаев А. Г. Сибирскому государственному технологическому университету 75 лет : 1930–2005 / под ред. Э. С. Буки. Красноярск : СибГТУ, 2005. С. 27–29.

Ю. С. Дубовая

ФАИНА САВЕЛЬЕВНА МУЗАФАРОВА. «РАЗРЕШИТЕ ПОБЛАГОДАРИТЬ...»

В статье представлен обзор биографии и педагогической деятельности многолетнего директора Енисейского детского дома № 1 Музафаровой Фаины Савельевны.

Ключевые слова: патриот, Енисейский детский дом № 1, педрабфак, переходящее Красное знамя.

Формирование гражданина-патриота является значимой государственной задачей в сфере образования и культуры. Реализация этой задачи опирается на несколько основополагающих принципов, в том числе на передачу опыта и примера старшего поколения младшему. В музейной работе это находит проявление в изучении судеб земляков, внесших существенный вклад в развитие страны, города, района. Таким человеком была директор Енисейского детского дома № 1 Фаина Савельева Музафарова.

Она родилась 20 декабря 1908 года в г. Енисейске. Ее отец работал на заготовке леса, а мать была домохозяйкой. После окончания школы Фаина Савельевна поехала в г. Иркутск, где закончила педрабфак. После получения образования некоторое время педагог работала в школе г. Иркутска, а после вернулась в родные края. Ее муж трудился горным рабочим, у пары родился сын Альфред.

В Енисейске Фаина Савельевна устроилась на работу воспитателем в детский дом № 1, основанный в 1931 году. В 1941 году на фронт был призван директор детдома А. Ф. Глотов. Он сразу обратил внимание на молодую и инициативную девушку, решив передать в ее руки руководство детским домом. Так у Фаины Савельевны появилась другая семья, где ее всегда с нетерпением ждали нескольких сотен детей. Жизнь в детском доме она знала. За небольшой отрезок времени ей удалось сплотить дружный преподавательский состав. Кроме этого именно в годы ее руководства открылись различные кружки, дети совместно с педагогами вели подсобное хозяйство – заготавливали сено для скота, ухаживали за коровами, свиньями и домашней птицей и даже держали пасеку. Так, благодаря своей хозяйственной хватке, Фаина Савельева Музафарова сделала енисейский детский дом уникальным учреждением, которое находилось практически на самообеспечении [1].

Времена шли тяжелые, фронтовые. Ребята с педагогами искренне и с полной самоотдачей стремились внести вклад в общее дело победы. Дети занимались в оборонных кружках, собирали металлолом. Помощь фронту оказывалась посильная, но очень необходимая. В тяжелые военные годы в детском доме собирались посылки с медом, салом, теплыми вещами, а педагоги регулярно отчисляли свои однодневные заработки

в фонд обороны страны. Молодая и активная руководитель получила даже личную благодарность от И. В. Сталина. Несмотря на тяжелые реалии военного времени, ориентир учреждением был взят, прежде всего, на юных воспитанников. Фаина Савельевна регулярно дежурила у заболевших детей, сама лично заготавливала дрова для обогрева помещений учреждения, где проживали ребята. Неустанно следила директор за успеваемостью и качеством знаний, преподаваемых детям. Педагоги местных школ не раз отмечали дисциплинированность и хорошую подготовку детей [2].

В 1948 году Енисейскому детскому дому № 1 им. Ленина было вручено переходящее Красное знамя. Именно усилиями нашей землячки в послевоенные годы на территории детдома был разбит сад, построен новый корпус, появилась столярная, сапожная и швейные мастерские. Многие положительные качества и приобретенные навыки помогли устроиться в жизни не одному десятку ребят – выпускников детского дома. Судьба разбросала их по всей территории нашей необъятной Родины, но много лет, до самой смерти педагога, на ее почтовый адрес приходили увесистые пачки личной корреспонденции. Это были письма. Они были хранителями памяти, долга, человеческой чуткости и просто сыновьей любви, пронесенной через года. Вот несколько строк из такого письма, наполненного благодарностью и уважением к любимому педагогу: «Здравствуйте, дорогая Фаина Савельевна! С чистосердечным приветом к Вам, Ваш бывший воспитанник Иван Ивашков! Разрешите поблагодарить Вас за вашу чуткую заботу обо мне! Ибо мне очень приятно было читать ваши ласковые материнские слова в свой адрес! Я думаю и впредь, Фаина Савельевна, нам не надо терять связь, ибо мне очень интересно будет знать о Вас, о детском доме, где я воспитывался! Я часто вспоминаю, как в первый раз я попал в детский дом уж так плохо чувствовал себя я. И благодаря вашей заботе я поднялся, «окреп» и вышел в люди. И вот я кончаю уже свою трехлетнюю службу. Скоро на гражданку. Да, недавно, дорогая Фаина Савельевна зачитывали ваше письмо перед общим построением части. Вот уж где было радости... я очень был горд, слушая ваши слова, написанные в мой адрес. Мне ничего не остается кроме как поблагодарить Вас от всего сердца... И заверить Вас, что

я и впредь буду служить Родине, ибо я полностью ей обязан. Так что не волнуйтесь» [3].

Бессменный педагог Фаина Савельевна Музафарова скончалась в г. Енисейске в 1970 году в результате тяжелой болезни. Ее бережное отношение к каждой душе, чуткость и благородный труд многие выпускники детского дома и по сей день вспоминают с трепетом и огромным уважением.

Список источников:

1. Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова. ВФ. 1720. Фотоматериалы.
2. Там же. ОФ. 3836. Личное дело Музафаровой Ф. С.
3. Там же. ВФ 1720-1. Документы.

ЛЮДИ ИСКУССТВА И ДОСТИЖЕНИЙ

Д. В. Карпухина

ПИОНЕР КИНОСЪЕМКИ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. П. ЧУЛКОВА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения выдающейся личности – Михаила Прокопьевича Чулкова. Его незаурядная для своего времени деятельность положила начало киноделу в Енисейской губернии. Документы, связанные с его именем, продолжают вызывать интерес. К тому же, в существующих ныне публикациях встречаются неточности, которые необходимо исправить.

Ключевые слова: кинодело, Енисейская губерния, Красноярский край, хроникер.

В метрической книге о родившихся Балахтинской Введенской церкви за 5 сентября 1881 года есть запись о рождении сына Михаила у енисейского мещанина Прокопия Федоровича Чулкова и законной жены его Татианы Федоровны. С этой записи началась история первого красноярского кинооператора Михаила Прокопьевича Чулкова.

В одном из его личных дел читаем: народность – русский. Отец – уроженец Вятки, позже – мещанин г. Красноярска, придя молодым в Сибирь, работал на золотых приисках Лены, Амура и в Енисейской тайге, служил вахтером на винокуренном заводе Юдина. Мать – уроженка Малой Минусы близ г. Минусинска, занималась домашним хозяйством. Родители не имели какого-либо имущества. Правда, мать с 1890 по 1900 год имела свой дом в Красноярске. Отец умер, когда Мише было

13 лет. С целью дать детям образование, мать с детьми уехала с винокуренного завода в Красноярск.

Детей было трое. Старший, Иннокентий получил высшее образование в Томске. В селе Рыбное Канского уезда в 1907 г. он застрелился. Младший, Александр стал в 1907г. техником-железнодорожником в ж/д мастерских Барнаула и на механическом заводе.

Михаил в 17 лет, по окончании 3-классного городского училища, прослужил год на стройке моста через р. Енисей в должности помощника кассира и приемщика леса. Позже поступил учиться в Красноярское техническое железнодорожное училище, по специальности «ремонтно-строительные работы на ж/д». Закончив училище в 1901 г., прошел 2-месячную практику на станции Усолье. После этого Михаил поступил в Красноярские железнодорожные мастерские слесарем, а отработав нескольких месяцев, завербовался на стройку Кругобайкальской железной дороги как техник по земляным, скальным работам и каменной кладке. Пробыв там около двух лет, направился на перепроектировку пути Сибирской железной дороги, не состоявшейся по причине войны с Японией. Спасаясь от военной службы, будучи работником 1-го разряда, Михаил Чулков поступил в Красноярские железнодорожные мастерские. Сначала трудился в течение трех месяцев в должности слесаря, затем в качестве чертежника в сборном цехе, откуда был переведен в механический цех помощником монтера на год. После – десять лет работал монтером. В 1916–1918 гг. – уже помощником мастера механического цеха. Всего около пятнадцати лет без перерыва. Уволился по собственному желанию. После Февральской революции, до ухода с железнодорожных мастерских, принимал участие в организации профсоюзов, был председателем секции техников и монтеров мастерских [1].

Михаил Чулков заслуженно считается пионером киносъемки в г. Красноярске, но как он увлекся идеей создавать фильмы? Видимо, этому способствовало открытие в 1896 г. первого в городе Красноярске кинотеатра «Иллюзион». Тогда же впервые показали «живые картины» – кинокартины «Пожар в столярной мастерской» и «Курьерский поезд», что, конечно, произвело впечатление на мальчика: «Показывались эти картинки в ста-

ром деревянном здании городского театра. Народу на них бывало много. Сеанс длился полчаса. Программа состояла из отдельных эффектных эпизодов, из которых мне хорошо запомнился мчащийся на зрителя поезд и пожар в столярной мастерской».

Имевший техническое образование и увлекавшийся фотографией, Михаил в 1910 г. заказал во французской фирме «Братьев Пате» киносъёмочную камеру и станок для печати позитивов. Получив камеру, Михаил изучил все тонкости создания кинофильмов и начал съёмки разнообразных сюжетов. Тогда же он осуществил первые киносъёмки живописных окрестностей Красноярска. В течение трех летних сезонов Чулков заснял дачный посёлок, железнодорожный мост с идущим по нему поездом, берега рек Маны и Бирюсы, разработку золота по берегам речки Осиновой и Столбы. Последние три ленты были приобретены фирмой «Гомон» для показа во Франции под общим названием – «Медвежьи уголки Сибири».

Красноярцы же неоднократно лицезрели работы Чулкова. Например, афиши сообщали: «Только два дня! 23-24 апреля. Городской театр. Идут кинематографические картины видов Сибири и хроники города Красноярска. Съёмки фотографа-любителя М. П. Чулкова...» [2].

Впечатления от этих киносеансов доносит текст открытки, отправленной побывавшем на подобном киносеансе столбистом Анатолием Безноско брату Николаю из Красноярска 16 марта 1913 года в Санкт-Петербург: «Здравствуй... В патеграфе Полякова вчера и 13 шла между прочим картина «Столбы». Я, конечно, ходил смотреть. Вся картина разделена на пять частей, а именно: 1. Второй столб и подъем на него; 2. Первый столб и выход из трубы; 3. Столбы «Перья»; 4. Столбы «Ворота»; 5. Привал столбистов у камня «Бабушка». Снято в общем очень плохо и дает лишь общее представление. Лучше всех вышел Володька. Тебя хорошо видно на «Воротах», а меня на «Привале», где все вышли очень крупными. Красиво вышла «Свобода» и общий вид «Первого столба»...» [3].

В одной из анкет М. П. Чулков так писал о своей деятельности: «Работаю в кино с 1916 г. по настоящее время..., не считая моей любительской работы кинооператором хроникером с 1910 года по 1917 г., в котором деле я считаюсь пионером по Красноярскому краю».

Еще работая в Красноярских железнодорожных мастерских, занимался кинематографией в товариществе «АРС», которое Михаилом Чулковым, как инициатором, было организовано в 1916 году и в котором к началу 1919 года насчитывалось пайщиков свыше 100 человек, преимущественно из рабочих и служащих. В товариществе «АРС» М. П. Чулков занимал выборную должность председателя правления и заведующего кинотеатром на жаловании бессменно до 1919 г., ему принадлежали четыре пая по 200 р.

Из документов реестра красноярского нотариуса Н. А. Ставровского за 1916 г. стали известны организаторы товарищества «АРС», а также помещения, которые использовались товариществом: «...Надежда Александровна Кузнецова сдала Иннокентию, Марии Кузнецовым, Чулкову, Башмакову, Сперанскому, Арбузову, Понамаревым, Червакову, Дудукалову второй этаж в ее каменном доме, находящемся в Красноярске, на углу Воскресенской улицы и Падалкина переулка, а также и отделение магазина под Синематограф, квартиры, торговые помещения, предприятия и проч. Срок аренды считается с 1-го июля 1916 г. по 1-ое июля 1921 г...» [4].

Интересен «Договор» товарищества «АРС»: «г. Красноярск 1916 1 июня 23 дня. Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий договор товарищества под названием «АРС», на следующих условиях:

1. Предмет и цель нашего Т-ва поставить искусство кинематографии на должную высоту в Красноярске и других местах Сибири, для чего Т-во предпринимает:

а) образцовое демонстрирование кинематографических картин;

б) полное производство кинематографических картин с обращением особого внимания на красоты Сибири и важнейшие моменты жизни Сибири с открытием прокатных контор» [5].

В 1919 г. в результате мобилизации, проводимой колчаковской администрацией, М. Чулков был взят в дружину общественной безопасности, где и числился до прихода 5-ой Красной армии, находясь же в действительности на работе в к\т «АРС».

В феврале 1920 года Михаилом Прокопьевичем, согласно полученных распоряжений, кинотеатр «АРС» был передан с полным оборудованием и инвентарем киносекции при штабе

5-ой Армии. Оставшись без работы, он получил приглашение от художественного политотдела при ГубОНО на должность кинооператора-лаборанта, где и проработал до 1922 года, выпустив за это время восемь отдельных кинохроник и одну агитку. Как кинооператор в 1920 г. Чулков участвовал в Тасеевской экспедиции, организованной штабом 5-ой Армии. В конце 1920 г., будучи членом Союза работников просвещения и социалистической культуры, был избран в правление, где и пробыл примерно два года. С 1922 г. по 1 февраля 1923 г. трудился в должности заведующего кинотеатром «АРС», а с 1 февраля 1923 г. по 1 мая 1924 г. в должности заведующего управлением кинотеатрами ГубОНО [6].

Летом 1927 г. М. П. Чулков снял фильм «Красноярск», в основном посвященный «Столбам». Столбисты помогли кинооператору поднять на вершину Второго столба громоздкий и тяжелый аппарат и держали его на руках во время съемки.

В 10-летие Октябрьской революции им была снята кинохроника в 4-х частях выпуска О.Д.С.Ф.К. (Общество друзей советской фотографии и кинематографии), по использованию в Красноярском округе она была передана в г. Новосибирск.

Михаил Прокопьевич щедро делился своим профессиональным опытом, обучив более полутысячи человек, многие из которых впоследствии работали в системе кинофикации на ответственных должностях. С 1927 г. он участвовал на всех курсах киномехаников немых передвижек и стационаров, организованных в Красноярске и Канске, работая в качестве преподавателя по специальным предметам (кинетехника, оптика и пожарная безопасность) и в должности заведующего учебной частью.

С 1927 г. Чулков М. П. стал уполномоченным акционерного общества «Киносибирь» по Красноярскому округу, в 1929 г. – заведующим всеми предприятиями «Киносибири» в г. Красноярске, после слияния акционерного общества с «Союзкино», был назначен старшим администратором кинотеатров г. Красноярска.

О фильмах, снятых М. П. Чулковым в этот период, известно из «Описи негативов кино-лаборатории Красноярского Горсовета съемки М. П. Чулкова с 1920 г. по 1929 г.»: «Красные партизаны Канского уезда», «Заготовка дров союзами Рабис и Просве-

щения», «Инсценировка стихотворения «Слепцы и безумцы», «Перелет «Берлин-Пекин» и другие, итого: (приблизительно) 1574 метра (32 ленты) [7].

М. П. Чулков был беспартийным, однако занимал руководящие должности. В анкете на вопрос «в какой партии состоите или какой сочувствуете и почему», он отвечал: «не состою ни в какой партии, сочувствую РКП, как рабочей партии, защищающей их интересы». В 1931 г. Михаил Прокопьевич прошел «чистку соваппарата».

М. П. Чулков профессионально и ответственно подходил к любой работе, за что был неоднократно премирован: в 1921 г. губпрофсоюзом за киносъемку Енисейского губернского съезда Советов, в 1932 г. – от Восточносибирского краевого отделения Роскино – за выдающуюся работу по подготовке кадров и т. д.

После ликвидации курсов киномехаников, Чулков перешел на работу директором звукового кинотеатра «Рот-Фронт». Причем, на этой должности с Михаилом Прокопьевичем случился казус, который мог дорого ему обойтись: «Приказ № 176 от 9 ноября 1935 г. Директора кинотеатра «Рот-Фронт» тов. Чулкова с сего числа с работы снять за срыв проведения празднеств Октябрьской революции, за срыв демонстрации журнала «Сталин» и за плохое проведение ремонта кинотеатра» [8]. Остается только догадываться, что произошло на самом деле, но через полтора месяца он был снова в должности.

Судя по приказам по горкоммунхозу о выплате компенсации за неиспользованный отпуск, Михаил Прокопьевич часто работал с такой самоотдачей, что не оставлял себя времени для отдыха и, видимо, для семьи. В документах мало информации о его личной жизни. В анкете 25 августа 1924 г. записано, что у него есть жена и двое детей – дочь 19 лет и сын 14 лет. [9].

И с такой же самоотдачей он работал и в последние годы жизни: в феврале–марте 1935 г. Михаил Чулков временно исполнял обязанности управляющего крайкинотреста; 25.03.1935 г. – член комиссии по приему звуковой аппаратуры; 02.04.1935 г. – директор городской киносети; 28 марта 1938 г. и. о. управляющего краевым трестом кинофикации; 16 июля 1938 г. – директор кинотеатра «Рот-Фронт»; 14 июля 1939 г. – временно исполняющий обязанности директора к/т «Луч»;

20 августа 1939 г. – постоянный представитель от крайкиноотреста по учету и контролю за эксплуатацией фильмофонда; 25 ноября 1939 г. – старший диспетчер в аппарате краевого треста (консультирование городских кинотеатров) и ответственный исполнитель по строительству и капремонту; 27 января 1940 г. – временное исполнение обязанностей начальника технического отдела треста Кинофикации; 9 мая 1940 г. – начальник ремонтно-строительного отдела; 6 декабря 1940 г. – начальник киноремонтной мастерской управления кинофикации [10].

Во время Великой Отечественной войны, в возрасте шестидесяти лет, Чулков Михаил Прокопьевич продолжал активно и добросовестно трудиться: 8 августа 1941 г. за образцовое проведение курсов киномехаников немого кино директору курсов Чулкову Михаилу Прокопьевичу была объявлена благодарность.

Но большой объем работы, видимо, подорвал его здоровье, сказался также возраст. В заявлении от 30.10.41 г. об освобождении от руководящей должности он писал, что в силу создавшегося положения в управлении кинофикации в августе месяце временно принял на себя исполнение обязанностей начальника технического отдела, не имея ни достаточной квалификации в этой области, а вместе с тем и здоровья, и неоднократно просил о снятии с должности. Также писал о том, что дела постепенно запускаются и чем дольше будет это продолжаться, тем будет труднее новому начальнику технического отдела привести работу в нормальную колею [11].

М. П. Чулков был освобожден от должности и. о. начальника техотдела 1.10.1941 г. и утвержден ответственным исполнителем техотдела по должности техника. Но его знания и опыт оставались крайне востребованными, что подтверждается приказом от 11 декабря 1941 г.: «в целях успешного проведения краткосрочных курсов киномехаников немых передвижек ... техника тех. отдела т. Чулкова в течение месяца освобождать от занятий в конторе ежедневно на 2 часа...».

Смерть старейшего киноработника Чулкова Михаила Прокопьевича последовала 3 апреля 1942 года. М. П. Чулков стал первым оператором-хроникером Красноярска, запечатлевшим на киноплёнку многие события городской жизни на протяжении почти трех десятков лет. Лучшим памятником ему стало бы восстановление и показ этой кинолетописи.

Список источников:

1. ГАКК. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 378. Л. 16.
2. Там же. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 919. Л. 15.
3. Там же. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 919. Л. 14.
4. Там же. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 378. Л. 21.
5. Там же. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 919. Л. 5.
6. Там же. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 664. Л. 1–23.
7. Там же. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 919. Л. 12–13.
8. Там же. Ф. 1912. Оп. 1. Д. 2. Л. 131.
9. Там же. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 664. Л. 1.
10. Там же. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 10. Л. 334.
11. Там же. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 11. Л. 290.

Н. В. Перепич

О ЗНАЧЕНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПРАЗДНОВАНИИ ТРЕХСОТЛЕТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В КРАСНОЯРСКЕ

В данной статье на основании архивных материалов из фондов ГАКК и газеты «Енисейская мысль» представлена хронология празднования Трехсотлетия царствования дома Романовых в г. Красноярске. Основная цель работы — освещение в печати малоизвестных данных о юбилейных торжествах, в которых были задействованы разные виды искусства, в том числе и музыкальное. Актуальность исследования подтверждается неослабевающим интересом отечественной общественности к истории династии Романовых, в частности, к юбилейной дате 400-летия воцарения Романовых (2013).

Ключевые слова: 1913 год, Трехсотлетие дома Романовых, г. Красноярск, газета «Енисейская мысль».

Среди церемониальных событий, нашедших яркое отражение в российской истории, одним из наиболее масштабных, очевидно, явилось празднование Трехсотлетия царствования

династии Романовых (1913), представленное циклом мероприятий на протяжении нескольких месяцев юбилейного года и охватившее различные населенные пункты державы. Нами не обнаружены статьи, в которых бы раскрывались нюансы празднования в г. Красноярске. Освещение малоизвестных фактов о нем и выявление значимости в торжествах музыкального искусства является целью данного исследования.

Красноярская периодика свидетельствует о проведении ряда юбилейных мероприятий, в которых отмечается значительная роль искусства в многообразных его проявлениях: изготавливалась декоративная официозная атрибутика, продукция изобразительного и фотоискусства, снимались кинокартины, создавались книги, альбомы и музыкальные сочинения.

В программе празднования, выработанной красноярской губернской комиссией и опубликованной 19 февраля 1913 года в газете «Енисейская мысль», в числе пунктов, предполагающих обращение к музыкальному искусству, значатся следующие: божественная литургия и торжественный молебен; парад войскам; торжественные собрания в учебных заведениях, а для учащихся мужской и женской гимназий – «торжественный акт с произнесением подобающих событию речей, прочтением литературных произведений, исполнением музыкальных отрывков и проч.» [1] в Городском театре; проведение для взрослой приглашенной публики торжественного вечера в Городском театре; торжества и балы закрытого типа в учреждениях и обществах; устройство народных сходов и чтений для широкой аудитории. Остановимся подробнее на описании музыкального оформления ряда юбилейных событий, которое удалось обнаружить на страницах газет и в архивных документах.

Так, 21 февраля – в день празднования, объявленный неприступным – в собрании общества трезвости утром прошло бесплатное народное чтение, посвященное юбилею, с участием хорового ансамбля под управлением г. Смирнова и оркестра балалаечников. На торжественном собрании гимназистов в Городском театре в 13:30 трижды был исполнен гимн, и, согласно отчету, «прекрасное исполнение программы, особенно сцен из оперы «Жизнь за Царя», художественная их постановка, костюмы исполнителей и убранство театрального зала произвели на всех присутствующих, в особенности на учащуюся молодежь,

неизгладимое впечатление». Программа, прошедшая примерно в это же время в Красноярском землемерном училище, была составлена из хоровых номеров (кантата В. И. Главача, народная величальная песня «Слава», «Молитвы за Царя», «В бурю, в грозу» и «Славься» из оперы «Жизнь за Царя», «Боже, Царя храни»), оркестровых («Слава», «Вниз по матушке, по Волге», попури из оперы «Жизнь за Царя», «Тоска по Родине»). В Первой двухклассной железнодорожной школе г. Красноярска также был исполнен гимн и «номера пения», однако приложение к протоколу заседания педагогического совета с подробным перечислением номеров, по всей видимости, утеряно. В документе зафиксировано намерение «пригласить оркестр музыки».

В 20 часов начался торжественный вечер в Городском театре. В нем принял участие сводный хор мужской, женской гимназий и учительской семинарии под управлением г. Смирнова, а также кружок любителей драматического искусства (реж. – Г. Галин) и оркестр И. М. Суходрева. 14 февраля «Енисейская мысль» публиковала предварительную программу этого торжества в шести отделениях. Согласно ей, в начале вечера прозвучал гимн, после чего в первом отделении была исполнена увертюра из оперы «Жизнь за Царя» (квартет), в третьем – кантата «В бурю и грозу» (на рояле), четвертое включало выступление двух оркестров, хора песенников, пятое – сцену-монолог и сцену в лесу из «Жизни за Царя», шестое – финальный хор «Славься» [2]. День завершился праздничными балами в Красноярском общественном собрании и Переселенческом управлении.

Бал в помещении казенного винного склада состоялся утром 22 февраля. В нем приняли участие свыше 200 человек [3]. В здании Женской гимназии было устроено общее для учащихся старших классов гимназий празднование, а для младших классов по причине занятости оркестров торжество устроили на день позже [4]. Вечером 22 февраля состоялся приуроченный к празднованию шестой Музыкальный вечер, в котором звучали Народный гимн (в исполнении Первого Сибирского великорусского оркестра п/у И. Н. Плотникова), прочие хоровые и инструментальные номера, одночастная Юбилейная кантата «Слава Дому Романовых» М. А. Гольтисона на слова С. Никитина. Информация о хоре, исполнившем кантату, отсутствует:

по всей видимости, как и днем ранее, это был певческий состав под управлением г. Смирнова. По окончании концертной части был дан бал.

Анализируя программу центрального праздничного дня, отметим сочетание в ней духовного и светского компонентов, достаточное число мероприятий для различной аудитории, особое внимание к празднованию в учебных заведениях. Наиболее ярко представленные виды искусства в торжественных концертных вечерах общегородского масштаба – драматическое театральное и музыкальное. Состав задействованных в торжествах музыкантов наиболее значителен: хор из 10 человек, смешанный хор из 100 человек п/у г. Смирнова, оркестр И. М. Суходрева, Первый Сибирский великорусский оркестр под управлением И. Н. Плотникова, оркестр балалаечников. Музыкальные номера, исполненные в концертах, достаточно разнообразны с точки зрения жанра и исполнительского состава.

Программа торжественного вечера в Городском театре оставляет некоторые вопросы. Так, планировалось исполнение увертюры к «Жизни за Царя» квартетом [5], хотя в концерте задействованы два оркестра, и увертюра следовала сразу за исполнением гимна. Конкретный состав квартета, причины обращения к нему и имена исполнителей в газетной заметке отражения не нашли. Также остаются неясными детали исполнения на рояле кантаты «В бурю и грозу» [6] (сольное или ансамблевое, имена исполнителей и автора переложения). Не очевидно, является ли сцена-монолог из «Жизни за Царя» речитативом и арией Сусанина, или она была представлена как драматический номер, без указания исполнителя. Не обозначены и оркестровые номера, прозвучавшие в IV отделении данного концерта и на шестом музыкальном вечере Первого Сибирского великорусского оркестра.

Остановимся на кантате, исполненной в красноярских торжествах, как сочинении, входящем в круг жанров, славильных по своей функции, создававшихся «на случай». Одночастная кантата М. А. Гольтисона на слова С. Никитина для хора без инструментального сопровождения занимает 38 тактов, укладываясь в простую трехчастную форму (8+18+12) с контрастной серединой. По сути, она представляет собой хвалебный хор, названный кантатой условно, написанный с применением ти-

повых для русской славильной музыки средств. Это использование в тексте сложившихся в церемониальной поэтике содержательных мотивов (радостного торжества, счастливого бытия, державной мощи, любви к Царю, памяти ушедших, славления самодержца) и приемов.

В числе типовых музыкальных средств – обращение к мажорному ладу (конкретно, тональности до-мажор) и указание величественного, торжественного характера исполнения. В разных разделах хора М. С. Гольтисона сочетаются гимничность и трехдольная танцевальность, отсылающая к церемониальным менюэтам и полонезам, наблюдается чередование хоровых запевов с октавной дублировкой мелодии и участков аккордовой фактуры, построений, исполняемых всем составом и отдельными хоровыми партиями, а также наличие в разделах заключительных построений, оформленных средствами фигуры возвеличивания (замедление темпа, фактурное и динамическое *crescendo*, ритмическое укрупнение ключевых слов текста) [7].

Таким образом, можно говорить о существенной роли музыкального искусства в упомянутых юбилейных торжествах: церемониальной, эстетической, «общественно-воспитательной». Конечно, обозначенные в концертных программах сочинения не стали оригинальными для красноярских торжеств. Так, исполнение гимна «Боже, Царя храни» было церемониальной нормой, как и постановка оперы «Жизнь за Царя» или фрагментов из нее. Одночастная кантата *a cappella* М. А. Гольтисона звучала в тот же день в городском училище в Чебоксарах [8], а днем ранее – в Тобольске [9]. Представляется очевидным, что в красноярской программе фигурируют музыкальные образцы, предполагающие мобильность исполнительского состава, которые допустимо, при необходимости, исполнить фрагментами. В отсутствие в городе филиала Императорского русского музыкального общества, оперного театра и стабильного хорового коллектива полноценная организация репетиционного процесса для подготовки к исполнению крупных вокально-симфонических кантат, созданных к юбилейной дате известными композиторами, была на тот момент, по всей видимости, невозможна.

Список источников:

1. Енисейская мысль. 1913. 19 февраля (№ 80–41). С. 2.
2. Енисейская мысль. 1913. 14 февраля (№ 76–37). С. 2–3.
3. Енисейская мысль. 1913. 27 февраля (№ 84). С. 2.
4. ГАКК. Ф. 595 Оп. 53 Д. 576. Л. 41. Дело о подготовке празднования 300-летия дома Романовых.
5. Енисейская мысль. 1913. 14 февраля (№76–37). С. 2–3.
6. Данное название указано в заметке. Очевидно, речь идет о хоре из I действия оперы «Жизнь за Царя» «В бурю, во грозу».
7. Перепич Н. В. Музыкальные фигуры в отечественных славильных сочинениях // ARTE : [электрон. науч.-исследоват. журнал Сибир. государ. ин-та искусств им. Дмитрия Хворостовского]. 2021. №1. С. 13–23. URL: <https://www.sgiart.ru/jour/article/view/82/80> (дата обращения: 01.12.2021).
8. Козлов Ф. Н. Празднование 300-летия Дома Романовых в учебных заведениях Чувашского края // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 40–49.
9. Федотова Д. Ю. Культурная жизнь г. Тобольска конца XIX – начала XX в. (по материалам статей газеты «Сибирский листок») // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием (Томск, 13–14 нояб. 2014 г.). Томск : Изд-во Томского госуд. пед. ун-та, 2014. С. 124–127.

Список литературы:

1. Долбилов М. Аттестация «верноподданнических чувств»: министерство императорского двора и народные панегирики дому Романовых в 1860-х – 1880-х годах // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 22–37.
2. Ищенко О. В. Участие воспитанников учебных заведений Сибири в праздновании 300-летия Дома Романовых // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №1 (27). С. 32–35.
3. Храпова Н. С. Празднование 300-летия царствования Дома Романовых // Архивный вестник / под ред. И. Л. Горчаковой. Омск : Издательство «Амфора», 2013. С. 236–242.

Н. В. Селецкая

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА РОБЕРТА ШТИЛЬМАРКА «НАСЛЕДНИК ИЗ КАЛЬКУТТЫ»

Статья посвящается изучению вопроса истории создания и публикации приключенческого романа Роберта Александровича Штильмарка «Наследник из Калькутты» и рассмотрению его в контексте литературных произведений репрессированных российских писателей XX века. Литературный процесс в эпоху сталинизма представляется одним из самых драматичных периодов в истории отечественной литературы. Очень часто дела были сфабрикованы и строились на доносах, не имея под собой никаких других доказательств. Иногда своих законных авторов были лишены произведения литературы. Именно такова судьба романа Роберта Александровича Штильмарка «Наследник из Калькутты».

Ключевые слова: Штильмарк Р. А., «Наследник из Калькутты», репрессии, советские писатели, литература Сибири.

Многие из детей, выросших еще в Советском Союзе, помнят ту сладостную дрожь, которая охватывает юного читателя, когда он погружается в калейдоскоп приключений, тайн и путешествий. Благородный капитан пиратской шхуны «Черная стрела» Бернардито Луис Эль-Горра, коварный мерзавец Джакомо Грелли по прозвищу «Леопард», красавица Эмили, итальянские иезуиты, испанские инквизиторы, пираты, работорговцы, африканцы и американские индейцы. И добро в финале, конечно же, торжествует. А на обложке значилось какое-то иностранное, тоже пиратское имя – Роберт Штильмарк. Жизнь и творческая судьба этого человека тоже достойна того, чтобы стать основой захватывающего остросюжетного романа.

Роберт Александрович Штильмарк родился 3 апреля 1909 года в Москве в семье инженера Александра Александровича Штильмарка. Роберт Штильмарк в 1924 году поступил в Петропавловское мужское училище. На выпускном экзамене по литературе Роберт Штильмарк читал стихи собственного сочи-

нения, и присутствовавший на экзамене Валерий Яковлевич Брюсов пригласил пятнадцатилетнего Штильмарка поступить в Высший литературно-художественный институт без вступительных испытаний. В 1929 году Роберт Александрович окончил языковедческое и редакционно-издательское отделение Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова [1]. Еще в годы обучения Штильмарк дебютировал в литературе, издав в середине 1920-х годов сборник стихов «Кинжал».

Военная карьера Штильмарка неожиданно и трагично закончилась за месяц до окончания войны. В ночь на 4 апреля 1945 года его арестовали. После расследования «тройкой НКВД» 27 июля 1945 года Р. А. Штильмарк был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Он был осужден по статье 58 пункт 10, за то, что назвал новые здания Москвы, «сталинки», «спичечными коробками» [2]. Штильмарк так же неодобрительно высказывался о сносе Сухаревской башни и Красных ворот, о переименовании старых городов.

После пяти лет, проведенных в разных тюрьмах СССР, Штильмарка направили в Норильлаг СибУЛоновской системы Красноярского края. Первоначально он был направлен в Игарку и работал по своей военной специальности – топографом. Позже он со многими талантливыми людьми: актерами, художниками, музыкантами – участвовал в создании Заполярного театра. Штильмарк был заведующим литературной частью этого театра. Театр в Заполярье приобрел такую славу, что это стало тревожным сигналом не только для местных и краевых властей, но и для центрального аппарата КГБ. Актеров и других работников театра из числа ЗК было решено направить на строительство печально знаменитой железной дороги № 503 или «Салехард-Игарка-Норильск», которая получила название «Мертвой дороги» [3].

Роберта Штильмарка отправили в район п. Ермаково в 1950 году, этот участок строящейся железной дороги находился за полярным кругом. Там на пикете № 33 высадили более ста человек, актеров, писателей, музыкантов, которых разместили во времянках, палатках и вагончиках. Роберт Александрович обладал феноменальной памятью, любил литературу и много читал. По вечерам вернувшиеся со стройки уголовники любили слушать длинные истории про романтические приключо-

чения выдуманных и невыдуманных литературных героев. Человек, который мог увлекательно рассказать историю, назывался «звонарь», и Штильмарк оказался выдающимся «звонарем» [4]. Впечатлившийся талантом рассказчика, в начале мая 1950 года его вызвал на беседу бригадир-нарядчик среди ЗК, осужденных по уголовным статьям, Василий Павлович Василевский, который на зоне считался хозяином среди заключенных. Он приказал Роберту Штильмарку написать роман, автором которого объявит Василевского. Этот роман был нужен Василевскому для того, чтобы ему уменьшили срок, так как заключенному было известно, что Сталин является поклонником исторических и приключенческих романов, и если посвятить книгу «вождю народов» и преподнести как дар, то Сталин «скинет» ЗК срок [5].

Роман, по приказу Василевского обязательно должен был соответствовать следующим условиям: там должен быть лев, нужно, чтобы действие происходило не в России и не раньше 19-го века. Еще в романе должно было быть похищение ребенка из знатной семьи – это очень любимый всеми заключенными сюжет, самое для уголовников душещипательное [6].

Василевский выделил Штильмарку отдельное помещение в лагерной бане, снабдил бумагой, и писатель начал работу, вспоминая все те увлекательные приключенческие романы о дальних путешествиях, которые когда-то читал.

Позже автор писал о своем романе: «...Я вставал под утро, заставлял в своем «бунгало» железную печурку, бухал туда солярки, густо обувал ноги (...), зажигал три лампы (...). Брал какие были листки бумаги, и ... исчезали бревенчатые закопченные стены хижины, они сменялись синими волнами океана, палубой брига «Орион», морскими сражениями, придворными балами и бизоньими охотами. И... все как-то было странно, но в кошмарное время сойти с ума было очень и очень просто. Но книга держала...». Писатель работал над книгой по 20 часов в день [7].

Четырнадцать месяцев потребовалось Роберту Александровичу чтобы написать роман «Наследник из Калькутты» в лагерных условиях. Он писал свой роман на использованных счет-фактурах, брокерских листах, страницах из лагерного журнала, чернилами или, когда они заканчивались, смесью, изготовленной из угля и сожженной резины [8].

Все желания заказчика были выполнены: есть в этом романе и похищение ребенка, и лев, и действие происходит в 18-м веке далеко от России. Первоначальное название этого произведения было «Господин из Бенгалии» [9].

После того, как роман был написан и переписан автором в несколько блокнотов, лучшие каллиграфы-зеки переписали книгу в трех экземплярах, художники-зеки сделали иллюстрации, переплетчики-зеки переплели тома в синий шелк из отнятой у эстонцев рубашки. Перед титульным листом был вклеен карандашный портрет мнимого автора Василевского. А в предисловии, адресованном Сталину, было написано: «Книга создавалась там, где силы тьмы пытались погасить солнце разума» [10]. Можно сказать, что это характеристика тоже является очень правдивым и красноречивым посланием властям.

Роман был отослан в Москву через лагерную администрацию. Однако Штильмарк зашифровал в тексте романа фразу «Лжеписатель, вор, плагиатор» [11], имея в виду Василевского. Это послание можно найти, если читать первые буквы каждого второго слова во фрагменте из двадцать третьей главы.

Василевский, чтобы не оставлять свидетеля, решил убить Штильмарка. Он заплатил деньги убийце, и по всем воровским законам писателя, истинного автора романа, должны были убить. По счастливой случайности убийство не состоялось. Писателя предупредили другие заключенные-уголовники. Постель, на которой должен был лежать Штильмарк, ночью была растерзана, одеяло проколото в нескольких местах, а подушка разрублена топором, но Штильмарка там не было. Повторное покушение не состоялось, так как в этот момент судьба писателя свела Роберта Александровича с уголовником, а в будущем – известным писателем Михаилом Деминым [12] (настоящее имя Георгий Евгеньевич Трифионов, 1926–1984), который, пользуясь среди блатных авторитетом, предупредил Василевского, чтобы тот больше не трогал Штильмарка.

В марте 1953 года умер Сталин, и началась реабилитация, лагерь расформировали. Роберт Александрович в марте 1953 года был направлен для отбытия наказания на поселение в Енисейск [13]. Осенью 1953 года Штильмарк с женой переехал в поселок Маклаково. Штильмарк был очень ценным работ-

ником, создал и рассчитал лучший проект трассы «Енисейск-Маклаково-Абалаково» в районе Бурмакиной горы – одного из самых сложных участков трассы «Енисейск-Красноярск» [14].

Штильмарку удалось вывести с пикета № 33 рукопись и черновики своего романа, о котором он не забывал и продолжал редактировать. Он решил найти книгу, узнать о ее судьбе, потому что считал, что своей жизнью обязан именно «Наследнику из Калькутты».

Летом 1955 года Роберт Штильмарк был реабилитирован, восстановлен во всех правах и званиях, после чего вернулся с семьей в Москву. Старшему сыну писателя, Феликсу Штильмарку [15], удалось узнать, что книга действительно попала к К. Е. Ворошилову, в его канцелярию. После возвращения в Москву Роберт Александрович роман нашел, и в 1958 году через одного своего знакомого передал рукопись известному исследователю и писателю Ивану Ефремову. После рекомендации Ефремова в 1958 году роман под названием «Наследник из Калькутты» был опубликован в издательстве «Детгиз» [16]. Опубликован под двумя фамилиями – Василевский и Штильмарк. В 1959 году Штильмарк через суд доказал, что является единственным автором этой книги. На суде в качестве свидетелей выступили уголовники, которые были первыми читателями романа – Михаил Демин и Николай Маленда, который после освобождения проживал в Маклаково [17]. В том же году роман был переиздан, на обложке теперь было только одно имя — Роберт Штильмарк.

Роман нельзя считать только приключенческой историей. Книга может быть рассмотрена как притча, памфлет или аллегория (по примеру «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта и «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо), а образы главных героев соответствуют парадигме «романтического героя». Если присмотреться к портретам героев и отбросить в сторону иноземный антураж, то становится понятно, что Штильмарк писал пиратов и разбойников, как говорится с натуры: с соседей по нарам и камерам. А шум вековой реликтовой тайги, если закрыть глаза, очень похож на шум моря. Ценность этого сочинения, несмотря на всю явную наивность сюжета с похищенным ребенком, несоизмерима с его литературными достоинствами, таким образом, историческая ценность книги выше, чем ука-

занные достоинства, ибо это – своеобразный музейный памятник интереснейшего периода, уникальных условий в героическую и трагическую эпоху.

Роберт Александрович Штильмарк написал после ссылки много книг, которые неоднократно переиздавались. Наиболее крупной эпопеей является книга «Горсть света», в которой он описывает жизнь политических заключенных, ссыльных в лагерях Красноярского края [18].

Нельзя сказать, что у Роберта Александровича Штильмарка судьба была самой трагичной. Он прожил немало и писал плодотворно. И все же на фоне судеб советских писателей – его ровесников, жизнь его выделяется сложностью и драматизмом, а творчество – неординарностью.

Список источников и литературы:

1. Штильмарк А. Р. Наследник из Купавны // Русский дом : [электрон. журнал] : [сайт]. URL: <http://rusdom.ru/oldsayte/2005/200510i/20051027.html> (дата обращения: 01.12.2021).
2. Штильмарк-Володкевич Е. Р. [Послесловие] // Штильмарк Р. А. Наследник из Калькутты. Л. : Лениздат, 1989. С. 753.
3. Дружников Ю. Наследник из Туруханска : Из историй, которые всплывают у нас на кухне // Русская Америка. 2005. № 323. С. 21–23.
4. Штильмарк Р. А. Образы России / Худож. С. М. Пожарский. Фото автора. М. : Молодая гвардия, 1967. С. 154.
5. Штильмарк Ф. Небольшой детектив о большом романе // Штильмарк Р. Наследник из Калькутты. Нижний Новгород : Волго-Вятское кн. изд-во, 1993. С. 7.
6. Шайдт А. Люди и события // Вовремя. 2000. 21 апр. (№ 15 (159)). С. 7.
7. Штильмарк Р. Осушение моря (Голландия) / Предисл. П. Х. Бегеманна; послесл. К. Бейземакера. М. : Молодая гвардия, 1932. С. 69.
8. Там же. С. 74.
9. Штильмарк Ф. Небольшой детектив ... С. 9.
10. Повесть о страннике Российском / [Послесл. акад. Н. И. Конрада]. М. : Географгиз, 1962. С. 154.
11. Штильмарк-Володкевич Е. Р. [Послесловие] ... С. 758.
12. Король М. История одной книги // Наука и жизнь. 1998. № 10. С. 32.
13. Шайдт А. Люди и события ... С. 7.

14. Штильмарк А. Р. Наследник из Купавны. Там же.
15. Штильмарк Ф. Небольшой детектив ... С. 10.
16. Штильмарк Р. А., Василевский В. П. Наследник из Калькутты. М. : Детгиз, 1958. 840 с.
17. Штильмарк Ф. Небольшой детектив ... С. 11.
18. Штильмарк Р. А. Горсть света. Роман-хроника в двух частях. М. : Терра-книжный клуб, 2001. С. 236.

А. П. Новикова

СЛОВОМ И ЦВЕТОМ О ВЕЧНОМ: ХУДОЖНИКИ-ПИСАТЕЛИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Статья рассказывает о красноярских художниках – Евгении Кобытеве, Тойво Ряннеле, Владимире Ежове, посвятивших жизнь не только живописи, но и литературе. В материале рассматриваются темы творчества, жанры, основные особенности их лирики.

Ключевые слова: художник, поэт, Красноярский край.

Сибирская земля всегда славилась великими, талантливыми людьми. Красноярск – родина В. И. Сурикова, В. П. Астафьева, Д. Хворостовского и многих других известных личностей. Также нередко творческие люди объединяют в своей деятельности два (или даже более) вида искусства. Так, в данной статье речь пойдет о художниках-писателях Красноярского края, чьи имена навсегда вписаны в историю не только региона, но и страны.

Евгений Степанович Кобытев (1910–1973), живописец, график, монументалист, педагог, участник Великой Отечественной войны, узник фашистского концлагеря «Хорольская яма». Родился на Алтае. Окончил Омское художественное училище, а затем Киевский художественный институт. После окончания института, в 1941 году, добровольцем ушел на фронт, где в числе 60 тысяч других военных попал в фашистский концлагерь

«Хорольская яма», расположенный в Полтавской области. Смог сбежать из него только в 1943 году. В мае 1945 года Евгений Степанович Кобытев приезжает в Красноярск, с которым связывает свою дальнейшую жизнь.

Конечно, главной темой творчества Е. С. Кобытева стала война. А творческим результатом пребывания в концлагере и свидетельством великих испытаний и великого мужества художника стали его графическая серия и документальная повесть «Хорольская яма».

Жизнь художнику спасла его записная книжка. В ней он набрасывал портреты узников. А когда бумага закончилась, намечал, что нужно нарисовать потом. Сначала, как мог, прятал листочки от надсмотрщиков. Но когда те поняли, что он художник, неожиданно начали заказывать свои портреты [1]. Дочь художника – Вера Евгеньевна – рассказывает об этом так: «Отец делал рисунки, которые называл «смерть фото», такие реальные они были. Плюс еще и приукрашивал. Немцы делали небольшие поблажки. Иногда ему перепадало немножко гречки. Пленным ведь давали баланду: вода и чуть-чуть пшенки. Он потом всю жизнь не мог видеть пшенную кашу» [2].

Помимо графической серии, также написание книги, вероятно, помогло автору смириться с воспоминаниями о пережитом. Повесть, написанная от первого лица, достоверно погружает читателя в то страшное место, в те нечеловеческие условия, в которых побывал автор. «В какой-то момент я увидел моих товарищей со стороны, и мне бросилось в глаза то новое, что появилось на их лицах в эти дни. Давно не бритые, осунувшиеся, загорелые, запыленные лица стали строже и собраннее. Если в первые дни каждый переживал свое несчастье в одиночку, то сейчас в психике каждого, по-видимому, заработали какие-то социальные колесики, – каждый почувствовал необходимость искать опору в «широком плече» незнакомых, но своих людей» [3], – пишет Евгений Степанович. Он подробно описывает лагерные будни, где выжить и пережить хотя бы один день – уже подвиг: «ты человек, попавший в страшную беду, – в лагерь смерти! Каждый шанс на жизнь у тебя на учете, и ты съешь все, что тебе сегодня дано» [4]. Но, борясь каждую минуту с голодом, холодом, издевательствами фашистов, автор не забывает и о своем творчестве: «обдумывая темы будущих листов, продолжаю отмечать их в за-

шифрованном виде для памяти. Сама лагерная жизнь подсказывает композиционные решения, образы» [5].

Евгений Степанович Кобытев прошел путь от Украины до Германии и закончил войну в Дрездене. По окончании войны был награжден орденом Красной Звезды за боевые заслуги.

Тойво Васильевич Ряннель (1921–2012). Родился в 1921 году в деревне Тозерово на Ладоге, в финской крестьянской семье, которая была в 1931 году выслана в Сибирь. Учился в Омском художественном училище. Создал ряд лирико-эпических картин о Сибири. Долго жил в Красноярске. Персональные выставки прошли во многих городах России, позднее – в Англии, Финляндии, Швеции, Голландии.

Литературным творчеством Т. Ряннель начал заниматься с 1948 года, впоследствии стал членом Союза российских писателей. Печатался во многих журналах. Издал в Красноярске несколько поэтических сборников и книг прозы. Среди них: «Мой черный ангел», «Рождение Енисея», «Перевал», «Незванный гость» и другие.

Главное место в творчестве художника принадлежит пейзажу: картины природы Красноярского края, Таймыра, Саян, Хакасии, Кузнецкого Алатау и многих других прекрасных по красоте своей мест прочно вошли в живописные полотна Т. Ряннеля. А вот в литературном творчестве, основной объем которого составили стихи, природа отходит на второй план, уступая место темам любви и искусства.

*Когда придут привычка и усталость –
Спокойствия святого благодать,
Покажется, что только и осталось
Сочувствие любовью называть...
Любовь сверкнет! И сила обновленья
Внезапно наши чувства осветит,
Появится звездой в конце туннеля
И снова все – как прежде – впереди.
(«Характеристика любви»)*

Может, именно благодаря сочетанию тем природы и любви стихи художника-поэта стали основой многих песен:

*Прекрасная река Сибири Мана,
Ты дочь тайги и белого тумана,*

*И с первыми лучами утром рано
 Приходит из далекого урмана <...>
 Красавица ревнивого Саяна
 Спешит ко мне в объятиях тумана,
 И встречи наши коротки и странны,
 Но сердцу одинокому желанны.
 Спешит ко мне красавица Саяна.
 («Река Сибири Мана») [6]*

Также Т. Ряннель возрождает позабытый поэтами жанр баллады, делая героями жанра известных личностей, например, М. Ю. Лермонтова:

*Отводит взгляд в смятении Мартынов,
 Прижав к груди тяжелый пистолет,
 Случайная слеза еще не стынет
 На вороненом гибельном стволе.
 («Последняя дуэль Лермонтова») [7]*

Но художник-поэт не в силах полностью отказаться от изображения природы, поэтому в стихотворениях она часто сопряжена с другими темами, например, с темой искусства:

*На гигантской гравюре раздолье реки
 И резные с просветами сосны,
 Отделяет серебряный пояс тайги
 Отраженье от россыпи звездной.
 («Вечер на Осиновском пороге») [8]*

Владимир Ильич Ежов (1937–2019) родился в Астрахани. В 1970 году с отличием окончил Красноярское художественное училище имени В. И. Сурикова, где впоследствии преподавал более 40 лет. Член Союза художников СССР, участник большого количества художественных выставок различного уровня. В 2001 году за участие в Международной художественной выставке в Греции получил благодарственное письмо от ЮНЕСКО. В 1997 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Помимо живописи, Владимир Ильич увлекался литературой, писал стихи, публиковался в краевых журналах и сборни-

ках. Основные темы лирики В. И. Ежова – события повседневной жизни, яркие впечатления, любовь.

*В Копьево – скачки! Суета.
На старт – и лошади помчались...
Рубахи у ребят поднялись,
Как будто крылья седока <...>
Слились – и лошадь, и ездок,
И головы, и шеи вместе.
Глаза в едином диком блеске.
Победа! Воздуха глоток [9]*

Не чужды автору и философские размышления, элегичность которых обусловлена лексическим повтором:

*Человек идет по лужам,
Человек кому-то нужен...
Через горы, через лужи,
Если б знать, что где-то нужен,
Только б знать, что очень нужен!
Мокнут белые березы...
Дождь идет... На окнах слезы... [10]*

Безусловно, названные имена художников-поэтов, совмещавших два вида искусства, далеко не единственные. Талант настоящего творческого человека, видимо, как раз и проявляется в умении разными способами смотреть на мир и разными средствами писать его и о нем.

Список источников и литературы:

1. «Жизнь папе спасла его записная книжка»: дочь автора знаменитой мозаики на «Родине» рассказала о судьбе создателя панно // Комсомольская правда : [сайт]. 2019. 7 мая. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26973/4032035/> (дата обращения: 01.12.2021).
2. Там же.
3. Кобытев Е. С. Хорольская яма. Красноярск : Кн. изд-во, 1965. С. 17.
4. Там же. С. 44.
5. Там же. С. 45.
6. Ряннель Т. В. Перевал : стихи. Красноярск : ИПЦ «КаСС», 2002. С. 84.

7. Там же. С. 41.
8. Там же. С. 75.
9. Там же. С. 73-74.
10. На уровне любви : альманах / сост. и подгот. к печати Н. Еремин. Красноярск : ИПК СФУ, 2009. С. 73.

Е. В. Соколова

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА И СКУЛЬПТОРА А. А. ПАРТИЗПАНЯНА

В статье раскрываются жизненный путь и вехи творчества А. А. Партизпаняна – художника и скульптора, творчество которого четко фиксировано в рамках задач высокого соцреализма. Мастер обладал культурой монументального формообразования, хорошим художественным чувством в отборе средств, умением взвешенно соизмерять пропорции. Его произведения насыщены реалистичностью и жизненностью личного опыта.

Ключевые слова: творчество, живопись, картина, скульптура, портрет, биография.

Документы фонда Красноярского отделения Союза художников, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, являются ценным источником, хранящим историю живописи Красноярского края. Среди талантливых творцов, членов Союза художников края, внесших вклад в развитие искусства Красноярья, был Ашот Акопович Партизпанян – художник и скульптор.

Ашот Акопович Партизпанян родился 25 сентября 1916 года в Армении. Будущий скульптор рано остался без родителей, воспитывался в детском доме, а затем был усыновлен семьей Партизпанян. Сам Ашот Акопович не помнит своих родителей, когда они скончались, он был еще совсем мал, а его старшей сестре было шесть лет. Как вспоминает сам Ашот Акопович: «Точное место рождения не знаю... жили в деревенской местности, но в какой именно деревне не помню. Также не помню

свою настоящую фамилию... Нам с сестрой пришлось скитаться по улицам г. Еревана, где нас подбирает Американский комитет... потом со всеми беспризорными в 1921 году мы с сестрой попадаем в детский дом. В связи с моральным разложением дет. домов, девушкам отвели другие дома и с того момента я потерял моего последнего друга – сестру» [1]. Родители, усыновившие Ашота Акоповича, были беженцами из г. Ван (Турция). Отец Акоп Семенович Партизпанян работал сапожником, а мать Макруи была домохозяйкой.

В Ереване Ашот Акопович недолго учился в электромеханическом техникуме, во время учебы стал увлекаться рисованием, из-за чего оставил техникум и поступил на учебу в художественное училище в г. Ереване. Во время учебы работал на строительстве чернорабочим. Был ударником производства, по его предложению был изменен на более рациональный способ перевозки камня к постройке. Это не последний раз, когда Ашот Акопович проявляет себя как изобретатель. В 1965 и 1966 годах Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР были запатентованы промышленные образцы «настоящего телефонного аппарата» и mopеда «Рига-б», авторами которых является Партизпанян [2].

Во время учебы и после окончания Ашот Акопович с художественными и скульптурными работами участвовал в выставках в Ереване, Харькове, Ростове, Москве и Ленинграде. Во время армянской декады искусства в Москве руководил скульптурным отделением. Важную роль в учебе Партизпаняна оказало посещение мастерских Мартироса Сергеевича Сарьяна, народного художника СССР, и Ерванда Семеновича Кочара, скульптора и художника, их советы и наставления. В 1937 году он окончил скульптурный факультет Ереванского художественного училища.

В 1940 году Партизпанян, уже состоявшийся художник и скульптор, переезжает в Москву. 1 марта 1942 год в Киевском райвоенкомате он был призван в армию, где до 1943 года работал в качестве художника в политотделе армии – рисовал плакаты, карикатуры на нацистских лидеров, лепил портреты советских вождей и героев. 15 июня 1943 года после нескольких безрезультатных просьб и рапортов об отправке на передовую, сбежал на фронт, служил десантником-автоматчиком. За раз-

ведку перед боями и участие в освобождении деревни Кишкино во время Курской битвы был награжден медалью «За отвагу». Участвовал в наступлении на г. Болохов, где получил ранение и контузию, из-за чего вынужден был оставить передовую. Попал в госпиталь, после чего вновь вернулся в армию, но уже в качестве скульптора. После войны, с 1946 году начал преподавать лепку и моделирование в архитектурно-художественном училище в г. Риге. С 1969 года работал в Красноярске, рисовал портреты, лепил барельефы, бюсты Героев Советского Союза и советских военачальников [3].

Великая Отечественная война стала важным событием в судьбе Ашота Акоповича Партизпаняна. За годы войны он создал десятки карандашных портретов танкистов, разведчиков, партизан, ставших документами, свидетельствовавшими о народном подвиге и героизме. Защищая Родину с оружием в руках, он не забыл и о долге художника. Другим оружием, пожалуй, не менее значимым, стал карандаш. Художник с болью вспоминал, что часто те, кто ему позировал, через несколько минут уходили в свой последний бой. Глубокое горе тронуло черты простой русской женщины на рисунке «Мать партизана», но в то же время художник наделяет ее образ твердостью характера, мужественностью, показывая, что дух человека не сломлен. Совсем другое настроение передают портреты девушек-прачек. В минуты короткого отдыха, несмотря на усталость, они веселы и жизнерадостны. А сколько смелости и решительности в характерах воинов-танкистов.

При первом же знакомстве с работами, будь это скульптура или предметы быта, ощущается неподдельная искренность и оптимизм, свойственные жизненной позиции автора. Такое мировосприятие дается художнику не сразу, а в результате большого жизненного опыта.

На протяжении всех лет работы художник продолжал выполнять многочисленные рисунки, как правило, портретного характера. Они вполне самостоятельны и их можно отнести к станковой графике. Рассматривая рисунки Партизпаняна, невольно задаешься мыслью, что все они разные по технике исполнения: линейные, штриховые, тоновые с растушевкой и т. д. Художник говорил, что каждый раз старается избавиться от избитой техники и ищет новый способ передачи увиден-

ного. Но смена техники не самоцель. Графический язык лишь выявляет особенное и неповторимое, заложенное в каждом человеке. Для художника всегда важный момент – выбор модели. Общительность и умение расположить к себе человека, помогают Ашоту Акоповичу заинтересовать своей работой людей, и они с удовольствием ему позируют. Художнику свойственно острое чутье человеческих характеров. Так появляется мягкий и нежный образ в рисунке «Леночка», а вот «Лена из Красноярска» – резкая и настороженно замкнутая. В портрете «Олечка» художник сосредотачивает внимание на выразительном решении глаз и через них старается передать внутренний мир девушки. В одном из последних рисунков «Ира – дипломница» художник хотел показать девушку, упорно идущую к цели.

Партизпанян-скульптор стремится заглянуть в глубины души человека и передать отличительные и характерные черты его современников. Скульптору, найдя выразительные приемы, удастся верно представить образы портретируемых. Его герои не безлики. Можно безошибочно определить род их занятий, профессию. Такое «узнавание» происходит благодаря умению показать нечто внутреннее, присущее данному типу людей («Мичман Константинов», «Певец Лисициан»). Герои Партизпаняна всегда деятельны и энергичны. Скульптор сказал, что для него «лепить человека значит как бы возвысить его» [4]. Зритель же, по его мнению, должен вынести из общения с произведением те качества, которые сыграют воспитательную роль. Творчество скульптора четко фиксировано в рамках задач высокого соцреализма. Мастер обладал культурой монументального формообразования, хорошим художественным чувством в отборе средств, умением взвешенно соизмерять пропорции. В работах мастер тяготеет к поиску идеализированного образа героя войны, однако все его произведения насыщены реалистической жизненностью личного опыта. Одной из вершин творчества Ашота Акоповича является парадный по своей трактовке портрет маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна. Основным посылом данного произведения является отражение вклада армянского народа в дело великой Победы. Маршал Баграмян – величайший военный стратег своего времени. Именно таким предстает маршал в произведении скульптора Партизпаняна – кавказской

горной вершиной. Энергия, готовность к подвигу ощущаются в портрете полковника Пчелинцева, также представляющего нам образ советского полководца. Над этими портретами скульптору посчастливилось работать с натуры.

Как результат творческой командировки в совхоз «Россия» появилась серия работ о тружениках села. Это – механизатор, Герой Социалистического труда Лютиков, трогательно несущий людям колосья пшеницы, Герой Социалистического труда А. П. Глазко, посвятившая всю себя нелегкому труду чабана и ее отец и наставник в работе старый чабан П. Глазко. Приходится сожалеть, что скульптор не продолжил эту серию картин, изображающую рабочий быт в его, казалось бы, простом исполнении, но детальном отражении эмоций и деятельности главных героев изображений.

Очарованием юности подкупает «Карина». Примечательно, что в начале портрет назван «Мечта». Действительно – здесь и мечта, и размышление о красоте человека, внутренней и внешней.

Ашот Акопович считал, что художнику вредно работать в одном направлении. И хотя многие другие мастера могут с ним не согласиться, личный опыт художника доказывает, что можно одновременно успешно работать и в скульптуре, и в дизайне. Почему его привлек именно дизайн, Партизпанян объяснял так: «Дизайн – художественное конструирование – древнейшее художественное ремесло, а дизайнер, пожалуй, самый близкий стоящий к каждому человеку художник, так как работает над вещью, стараясь придать ей красивую, максимально удобную и разумную форму. Занимаясь дизайном, художник не только придает вещи привлекательный вид, но и вникает в конструкцию, иногда даже изменяя ее» [5]. Такое не раз случалось в его практике во время работы в Рижском специальном художественно-конструкторском бюро. А результат деятельности – Золотая медаль ВДНХ, свидетельства на промышленные образцы и патенты из других стран.

Приехав в Красноярский край, Ашот Акопович Партизпанян активно участвовал в культурной жизни г. Красноярска и края. В 1976 году он был участником краевой художественной выставки, посвященной 40-летию Красноярского края «Живопись, скульптура, графика» [6] и краевой художественной выстав-

ки, посвященной XXV съезду КПСС «Живопись, скульптура, графика, театральное-декоративное, монументальное искусство» [7]. В 1978 году принял участие в краевой художественной выставке, посвященной 350-летию г. Красноярска «Живопись, скульптура, графика, театральное-декоративное, монументальное искусство, художественное проектирование» [8].

В 1987 году в Красноярске при поддержке Управления культуры Красноярского крайисполкома и Красноярской организации Союза художников РСФСР прошла персональная выставка произведений Ашота Акоповича Партизпаняна, посвященная 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности [9]. Художника не стало в 1993 году.

На вопрос: «Каким должен быть современный художник?», Ашот Акопович отвечал: «Современным может называться художник, глубоко ощущающий мир, в котором живет, и создающий произведения, выражающие волю народа. Искусство просто обязано давать человеку духовную пищу, поэтому осмотрев любую выставку, зритель должен вынести из зала высокие иллюзии». Вышесказанное можно отнести и к работам самого художника, которые несомненно не оставят зрителя равнодушным.

Список источников:

1. ГАКК. Ф. Р-1398. Оп. 2. Д. 43. Л. 34.
2. Там же. Л. 13, 17.
3. Там же. Л. 34 об.
4. ГАКК. Ф. Р-1398. Оп. 1. Д. 139. Л. 3.
5. Там же. Л. 4.
6. ГАКК. Ф. П-1006. Оп. 1. Д. 435. Л. 1, 20.
7. Там же. Д. 436. Л. 1, 22.
8. Там же. Д. 438. Л. 1, 12.
9. ГАКК. Ф. Р-1398. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

Е. П. Брандукова

«ТВОРЕЦ В БЕЗЗВУЧНОМ МИРЕ». ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А. М. ЗНАКА

В статье раскрываются основные этапы жизни и творческого пути талантливого и неповторимого красноярского художника Анатолия Марковича Знака, охарактеризованы ключевые темы его произведений, педагогическая деятельность и вклад в развитие художественной жизни Красноярска и Красноярского края.

Ключевые слова: Сибирь, живописец, художник, ученики, мастерская, творчество.

Сибирская земля богата талантливыми живописцами, создающими оригинальные и неповторимые художественные произведения, которые отражают своеобразную красочность природы огромной сибирской земли и древний, духовный мир проживающих здесь народов. Одним из таких неповторимых и уникальных живописцев является Анатолий Маркович Знак [1].

Анатолий Маркович Знак родился в 5 августа 1939 году на станции Козулька Красноярского края. Его мама, Знак Нина Афанасьевна, работала учительницей, а отец, Знак Марк Евгеньевич, участник Великой Отечественной войны, – железнодорожником. Анатолий прожил обычное для мальчишки военных лет полуголодное и полуодетое детство, с драками и дружбой, печеной картошкой в обугленной кожуре, с прочими печальями и радостями мальчишки из захолустья. В числе радостей – глина, из которой лепились незамысловатые фигурки, и дешевые краски – наклеенные на картон кругляшки, больше похожие на цветную замазку, чем на акварель [2].

Его детство прошло среди сибирских просторов. Став глухонемым в возрасте 2-х лет после перенесенной в детстве болезни, Анатолий Знак не сник и не замкнулся. В своей автобиографии Анатолий Маркович писал, что с детства очень любил рисовать. Когда он был школьником, его талант заметил учитель рисования В. К. Саморезов, который стал зани-

маться с мальчиком живописью и обучать его писать с натуры. Повзрослев, Анатолий приехал в Красноярск, где устроился на подсобные работы в театр музыкальной комедии и поступил на вечернее отделение художественной школы имени В. И. Сурикова.

Стоит отметить, что многие из так называемых «вечерников», тех, кто в детстве по разным причинам искусству не учился, а повзрослев, иногда даже состарившись, поняли, что без живописи жить не могут, стали впоследствии профессиональными художниками. Анатолию Знаку исполнилось всего 20 лет – это, конечно, было преимуществом, но он был инвалидом, и это было препятствием. Болезнь очень осложнила бы ему путь в искусство, если бы не Ленинградская студия изобразительного и прикладного искусства при Всесоюзном обществе глухих. По совету школьного преподавателя рисования, после 3 курса обучения в студии, Анатолий Маркович решил поступать в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, проще сказать – в прославленную и легендарную Академию художеств, где учились Брюллов, Репин, Суриков и почти все великие русские художники прошлого и современности.

Словом, Анатолий Знак получил полноценное академическое образование, причем у такого выдающегося мастера, как Евсей Евсеевич Моисеенко. Мастерская его в Академии занимала особое, даже в прямом смысле, положение – это было отдельное, со специально выстроенным светом, здание вблизи от основного корпуса. Именно в эту мастерскую мечтали попасть студенты, стремившиеся в совершенстве постичь искусство рисунка и композиции. Моисеенко был большим художником, прекрасным преподавателем, которого студенты безгранично уважали и которому стремились подражать.

В Красноярск Анатолий Маркович Знак вернулся в 1971 году после окончания института, и вся его дальнейшая жизнь связана с сибирской землей. В ранних работах Знака можно заметить фирменный моисеенковский мазок, острые бликовые подчеркивания, иногда сходство композиционных построений тоже. Но чем дальше, тем меньше становилось заимствованного, оттачивалось свое неповторимое мастерство и видение.

Знак умел писать все: пейзаж, натюрморт, портрет, картину. Причем писать так, что, занимаясь он исключительно одним жанром из перечисленных, все равно вошел бы в созвездие лучших. Правда, больших пейзажных работ у него немного, чаще всего он писал этюды, лихие, яркие, как будто наполненные свежим воздухом, написанные свободно и без натури. И только художнику понятно, какая большая и серьезная работа скрывается за этой видимой легкостью. Анатолий Знак любил жизнь во всех ее проявлениях, природу – во всех состояниях и временах года. Любая картина Знака становилась событием на краевых и зональных выставках, многие экспонировались на республиканских, всесоюзных, международных, репродукции с них печатались в журналах и альбомах центральных издательств.

Первые картины были представлены на выставках 1971–1972 гг. Уже ранние работы (1971–1975 гг.) определили круг образов и тематику произведений А. М. Знака. Чаще всего персонажами полотен становятся его молодые современники: «Доярки» (1971), «Часовой погранзаставы» (1973), «В дозоре» (1974), «Три танкиста» (1975). Художник олицетворял в своих героях представления о лучших качествах человека. С первых его картин стало понятно, что в крае появился яркий и талантливый художник, которому по плечу решение самых смелых задач в живописи. В 1970-е гг. А. М. Знак был сосредоточен на недавней истории Сибири. Одной из доминирующих тем творчества молодого художника стала эпоха начала XX века – первая русская революция, гражданская война, людские судьбы того времени (работы «Красноярск. 1905 год» (1973), «Конец колчаковщины» (1977), «Партизаны Щетинкина и Кравченко» (1977), «Братья» (1978–1980), «Митинг» (1982)) [3].

Анатолий Маркович Знак в 1980-е годы много ездил по стране, отовсюду привозя материалы для будущих полотен. Художник бывал в Мурманске и Североморске, на Байкало-Амурской магистрали, Дальнем Востоке (интерес для него представляли летчики морской авиации), на Саяно-Шушенской ГЭС, Крайнем Севере. Его работы этих лет рассказывают о буднях и праздниках гидростроителей и пограничников, летчиков и колхозниках, милиции и молодежи БАМа. За серию работ о военно-морской авиации А. М. Знак был удостоен серебряной медали им. М. Б. Грекова.

Анатолий Маркович работал в Красноярском отделении художественного фонда РСФСР художником – живописцем, а с 1982 года, несмотря на глухоту, также занимал должность преподавателя по живописи и композиции Красноярского государственного института искусств. Он неплохо владел устной речью, хотя при объяснениях был лаконичен. По словам его учеников, он умел наглядно показать недостатки и передать ученикам свое видение. Анатолий Маркович без малого двадцать лет своей жизни отдал преподаванию. «Когда он открывал дверь и входил в мастерскую, появлялся свет. Это ощущалось даже физически, исчезали лень, уныние, печаль, поднимались головы, расправлялись плечи, рождался блеск в глазах. Он здоровался, широко улыбался, улыбались его синие глаза, затем сильное рукопожатие... и начиналась работа. Он любил людей, и люди платили ему тем же, отдавая сердце ему и живописи. Это, наверное, было главным в нем, чего не купишь, чему специально не научишься. Это было от Бога», – вспоминает об учителе Александр Волокитин [4].

Наследие художника Анатолия Марковича Знака не ограничивается живописными работами. Он оставил будущему целую плеяду учеников. Причем он оказался талантливым учителем: любил своих студентов, вникал во все их проблемы, переживал за них и радовался успехам. За почти тридцать лет блестящего творчества художника была лишь одна большая персональная выставка Знака (2000 г.), которую его с трудом уговорили сделать. Но когда выставка была открыта, еще раз можно было убедиться, какой серьезный, зрелый мастер живет и трудится в Красноярске. Даже когда художник уже неизлечимо болел, не мог вставать, а студенты ему приносили форэскизы начатых дипломных работ, – рассматривал, советовал, делал поправки. И, что характерно, никому не навязал своей манеры, все его выпускники – разные по почерку и мировидению. У Анатолия Знака было немало наград, работы его были широко признаны, но одним из главных его достижений стало признание учеников, в чьей памяти личность мастера оставила неизгладимый след.

Список литературы:

1. Ломанова Т. М. 70 лет со дня рождения Анатолия Марковича Знака (1939–2002), народного художника России, члена-корреспондента РАХ // Край наш Красноярский : календарь знаменат. и памят. дат на 2009 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск : ГУНБ, 2009. С. 79–82.
2. Ломанова Т. М. Анатолий Маркович Знак // Искусство Красноярска. XX век : живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство : монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федерал. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. проф. образования «Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева». Красноярск : [КГПУ им. В. П. Астафьева], 2013. С. 115–124.
3. Знак Анатолий Маркович // Все, что в сердце. Художники Красноярья вчера, сегодня, завтра / [авт.-сост. М. В. Москалюк]. Красноярск : Поликор, 2010. С. 125–132.
4. Знак Анатолий Маркович // Художники земли Красноярской : [каталог / авт. ст., сост. справочника Т. М. Ломанова]. Красноярск : Поликор, 2007. С. 309.

И. В. Ковалева

«КРАСКИ ЖИЗНИ» ВАСИЛИЯ КРУПСКОГО. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ МИНУСИНСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

Статья посвящена жизни и деятельности участника Великой Отечественной войны, узника фашистских концлагерей, члена антифашистской подпольной организации «Комфунд» КПГ, члена Союза журналистов СССР, художника, основателя «Минусинской городской картинной галереи» Василия Яковлевича Крупского, поиску и исследованию его биографических данных.

Ключевые слова: картинная галерея, журналист, художник, поэт, антифашист, Великая Отечественная война, репрессии.

Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина г. Минусинска выпускает серию информационно-библиографических очерков «Минусинцы» о земляках, внесших свой вклад в развитие и культурное пространство города. Одна из брошюр посвящена Василию Яковлевичу Крупскому (1921–1998), основателю городской картинной галереи.

Василий Яковлевич Крупский был участником Великой Отечественной войны, узником фашистских концлагерей и антифашистом, писателем, журналистом, художником и фотографом. Был центром притяжения и объединения людей, образцом человеческой стойкости, доброты, гражданской позиции. 10 января 2021 года исполнилось 100 лет со дня его рождения. К юбилейной дате отдел краеведческой работы подготовил выставку «Краски жизни Василия Крупского», провел ряд мероприятий, было сделано сообщение на Рехловских чтениях. Этому предшествовала обширная исследовательская работа.

Биографических сведений о Василии Яковлевиче немного, в основном воспоминания друзей, коллег. Одни и те же тексты перекочевывали из статьи в статью, в интернет, но память человеческая несовершенна, и в них вкрались не всегда точные, а порой и недостоверные сведения. Главный источник – очерк «Благодарю судьбу за встречу с Вами» Любови Владимировны Шумской, возглавлявшей «Минусинскую городскую картинную галерею» после смерти В. Я. Крупского. Она пишет: «Трудно говорить и писать о Василии Яковлевиче Крупском. Трудно, потому, что он ... писал о многих людях, а мы, пока он был жив, не записали его интереснейшие воспоминания о жизни, о времени, о себе...» [1].

Для уточнения фактов биографии Василия Крупского мы обратились в минусинской архив, где удалось обнаружить автобиографию Василия Яковлевича, написанную им от руки в 1969 году. Приводим ее полностью: «Я, Крупский Василий Яковлевич, родился в 1921 г. в с. Родино, Алтайского края. В 1930 году семья переехала в Красноярский край, в с. Ермаковское, где я продолжил учебу в школе. В 1938 году поступил в Свердловское художественное училище. В 1940 был призван в ряды Красной армии. Службу проходил на границе в Литве. 26 июля 1941 года, будучи в глубоком окружении, я был во время боя контужен и пленен немцами. Освобожден в 1945

году союзными войсками. Будучи в плену с 1943 года являлся членом антифашистской подпольной организации «Комфунд» КПГ. По возвращению на родину, продолжил службу в Советской армии, в качестве переводчика ОКР «СМЕРШ». Демобилизовался в 1946 году. С 1946 – по 1948 год проживал в Ленинграде и Ленинградской области, работал в концертной труппе треста «Ленлесстрой» В 1948 вернулся на родину в с. Ермаковское и работал художником. С 1949 по 1962 год преподавал, вначале в средней школе, затем с 1953 года в Красноярском краевом культпросветучилище в г. Минусинске. С 1962 г. по 1966 работал в газете «Искра Ильича», «Советская Хакасия». С 1967 по 14 марта 1969 г. работал художником в тресте «Абаканцелинстрой». С 1964 года член союза журналистов СССР. Образование высшее. Семья состоит из четырех человек мать, жена, сын и дочь. Проживал в г. Минусинске, ул. Голя 68. В. Крупский» [2].

Биография изложена кратко, многие события даже не упомянуты. Дочь Василия Яковлевича, Любовь Васильевна Яковлева, вспоминает: «На Алтай дедушка и бабушка попали после раскулачивания на Украине, а в Ермаковское после раскулачивания на Алтае. Папе – сыну врага народа, так и не удалось закончить 10-летку в школе на Алтае, доучивался в Ермаковском. Из ведомостей об успеваемости в школе, а затем и в Свердловском художественном училище, которое не дала закончить война, понятно, что папа учился на одни пятерки. Имея огромное желание учиться, он лишь через годы, после множества мытарств, сумел окончить в 1963 году Абаканский пединститут и получить специальность учителя истории».

Следующий источник информации – личное дело Василия Яковлевича из минусинского отделения пенсионного фонда России. В нем есть справка Минусинского объединенного военного комиссариата: «Дана рядовому в отставке Крупскому Василию Яковлевичу 1921 г.р. в том, что он действительно проходил службу в рядах Советской армии с 22 ноября 1940 года по 28 апреля 1946 года».

Таким образом, узнав точную дату призыва на службу, удалось исправить ошибочное утверждение, которое закралось даже в мартиролог, о том, что Крупский был участником Финской войны, так как эта война закончилась за 8 месяцев (с 30 но-

ября 1939 года по 12 марта 1940 года) до призыва Василия Крупского в Красную армию.

Еще один документ со страниц интернета – опубликованные ЦАМО «Списки военнообязанных и военнопленных СССР, работающих в провинции Мекленбург на 10.02.1946 г.» [3]. Среди прочих фамилий на момент проверки спец. органами, есть и фамилия В. Я. Крупского. Документ проливает свет на то, что во время освобождения союзными войсками, он действительно находился на территории Германии (в начале пленения попал в концлагерь на территории Польши) и что в результате проведенной органами государственной безопасности проверки, Василий Яковлевич был привлечен к работе переводчиком в ОКР СМЕРШ. Т. е. со стороны органов к нему не осталось претензий, более того, Василию Яковлевичу было оказано доверие.

После демобилизации в 1946 году, пройдя все проверки, он устроился на работу в концертную труппу треста «Ленлестрой», казалось – жизнь наладилась. Но в январе 1947 года его арестовали в Новосибирске по дороге в Ленинград и обвинили по статье 58-1а УК. Василий Яковлевич имел мужество не подписывать обвинения по этой статье и объявлял голодовки. Летом 1947 г. был отправлен в Бутырскую тюрьму, провел там 2 месяца, так же держал голодовку. Отправлен в Кресты в Ленинград. Освобожден через год в январе 1948 г., вернулся в село Ермаковское. Позднее реабилитирован [4; 5; 6].

Минусинская история жизни и деятельности Василия Яковлевича прошла у всех на виду, здесь он проживал с 1953 года. Жители вспоминают его как человека общительного, приветливого, с пышной шевелюрой, всегда на велосипеде и с вечной «лейкой» на груди. Из пенсионного дела прослеживается весь его трудовой путь. Василий Яковлевич преподавал в «Культпросветучилище», работал художником в «Минусинскпромстрое» и «Абаканцелинстрое», с 1962 по 1966 год работал в газетах «Искра Ильича» и «Советская Хакасия». С 1964 года являлся членом Союза журналистов СССР. И все-таки то, что он был узником концлагеря, преследовало его всю жизнь. Людмила Николаевна Ермолаева, директор музея им. Н. М. Мартыанова с 1999 по 2017 гг., Заслуженный работник культуры РФ, рассказывает: «Крупский был

частым гостем музея. Они были дружны с В. А. Ковалевым и часто откровенно говорили на разные темы. Однажды Крупский с возмущением рассказывал, как его не приняли в партию, что какой-то номенклатурный работник «Культпросветучилища» ему – активному члену КП Германии, подпольщику, указывал и осуждал факт пленения. С тех пор Василий Яковлевич недолюбливал бюрократов. Бывал с ними резок».

При подготовке перечня публикаций В. Я. Крупского в местной печати для издания информационно-библиографического очерка «Василий Яковлевич Крупский» [7], обратили внимание на его статьи, которые отличались от других особым взглядом. Прежде всего Крупскому был важен человек. Даже в самых рутинных репортажах с полей, когда надо было осветить, как идет уборочная страда, он больше рассказывал о людях – скромных тружениках села. Именно он впервые рассказал в своих очерках минусинцам о судьбе девочки-сироты из блокадного Ленинградского детского дома Анечке Ивановой, об ее удочерении минусинской семьей Мурашевых. Впервые Крупский рассказал о минусинцах-узниках Освенцима. Его перу принадлежит замечательная серия репортажей о строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Кроме того, он вел литературную страничку в местной газете, где печатались его рассказы и стихотворения, а также стихи минусинских авторов, которые объединились вокруг него в литературное сообщество.

Л. В. Шумская рассказывает: «Проводились многочисленные творческие вечера, на которых была возможность заявить о себе начинающим авторам. Воспоминания о суровых военных и послевоенных годах нашли отражение в литературном творчестве Василия Яковлевича. Он был замечательным прозаиком. В числе его рассказов можно отметить следующие: «Коршун», «Утес Свирепый», «Жажда», «Оленька», «Домой, домой...», «Репортер» и «Детство». В них поднимаются темы любви, войны – Великой Отечественной и в Чечне, тема воспитания и взаимоотношений людей и животных. В его стихах тема войны не упоминается, они полны любви и нежности» [8].

Василий Яковлевич был центром притяжения людей творческих, талантливых. Его буйная фантазия позволяла иметь большие мечты и заражать ими всех вокруг себя. В середине 80-х годов XX века он мечтал создать в городе обсерваторию,

был закуплен телескоп, но не нашлось помещения [9]. Зато удалось реализовать другую мечту.

С 1980-х годов в провинциальном уголке юга Красноярского края сложилась особая творческая общность – товарищество «Минусинские художники». Писатель Роман Сенчин написал в рассказе «Феофаныч» об этом сообществе так: «Есть такое понятие – Минусинские художники. Но Минусинск – это не граница, а центр... Несколько раз в год художники (которые могут жить в Абакане, Красноярске, Шушенском и др.) собираются в Минусинской художественной школе на коллективных выставках своих картин и становятся единым целым...» [10]. Эти творцы, многие из них выпускники Красноярского художественного училища им. В. И. Сурикова, талантливые, бурлящие идеями, отчаянные экспериментаторы, хотели выставляться. Из воспоминаний художника С. Бондина: «Открытие первой минусинской выставки было немногочисленным – человек десять. Вдруг к нам подходит очень подвижный дядька в свитере и, улыбаясь, говорит: «Я так рад... Давайте знакомиться, я – журналист, фотокорреспондент, моя фамилия Крупский. Мы сразу стали друзьями. Вскоре на его день рождения мы уже подарили ему свои картины... И потом всегда дарили...» [11].

С помощью единомышленников – директора музея им. Н. М. Мартыанова В. А. Ковалева, директора художественной школы О. И. Миссинг, начальника отдела культуры города Л. А. Полежаевой, председателя Минусинского городского Совета народных депутатов (1990–1993 гг.) А. Г. Нечкина, Василий Крупский смог осуществить свою главную мечту – создание картинной галереи. 17 октября 1990 года исполнительный комитет Минусинского совета народных депутатов принял решение об учреждении городской картинной галереи, и Василий Яковлевич был утвержден ее первым общественным директором. Его личная художественная коллекция была передана в дар и стала основой собрания. Она состояла из замечательных картин «Минусинских художников»: А. Поздеева, В. Капелько, Л. Пономаревой, С. Бондина, В. Тирона, Ю. Соскова, А. Решетникова и многих других, а также собственных полотен. В. Я. Крупский интенсивно работал по изысканию мест для выставок и хранения картин минусинских художников, так как собственного помещения у галереи не было. Проводи-

лись небольшие передвижные выставки в училище культуры, в библиотеках, в педучилище. 15 ноября 1991 года состоялось открытие «I выставки работ минусинских художников» в музее им. Н. М. Мартьянова, где было представлено творчество 17 авторов. Выставка дала первое яркое впечатление о художественной жизни Минусинска.

Из воспоминаний Л. В. Шумской: «Поражает его (В. Крупско-го) работоспособность на закате жизни: то он создает проект здания галереи, то хлопочет о поездке молодого талантливого художника С. Бондина за границу, то устраивает выставки, музыкальные вечера, создает живописные полотна, пишет стихи, рассказы, очерки, старается материально помочь художникам... Наконец, галерея получила... выставочный зал (на первом этаже художественной школы)... И опять встречи и долгие споры об искусстве с Василием Яковлевичем... Концерты заезжих талантливых музыкантов, вернисажи собирали в этом зале много народа» [12]. Галерея стала тем местом, где находили вдохновение художники, поэты, музыканты.

1990-е годы – непростые годы для всей страны. В скромном же Минусинске создаются, открываются новые учреждения культуры. К сожалению, сегодня, в период относительной стабильности и благополучия, в городе уже нет отдельной музейной единицы «Минусинская художественная картинная галерея», есть отдел музея им. Н. М. Мартьянова с названием «Картинная галерея». Со временем сотрется из памяти и название и имя человека, который, прошел сквозь муки фашистских концлагерей, сталинских репрессий, не очерствел душой, мечтал и создавал прекрасное. Между тем у периода «золотого расцвета» «Минусинских художников» есть достойные продолжатели. Виталий Вальков, член Союза художников РФ, руководитель творческого объединения художников Минусинска «Колорит», выражает надежду: «Хочется верить, что бренд «Минусинские художники» обретет не только новое творческое звучание, но и не утратит общего творческого дома под названием «Минусинская художественная картинная галерея» [13].

На одной из встреч творческой интеллигенции в музее Василий Яковлевич рассказывал, какой видел будущую деятельность и развитие художественной галереи: «Я бы не хотел ограничиваться созданием только вернисажа и собственно

галереи. Хотелось бы построить рояль, чтобы представлять не только художественное, но и вокальное и поэтическое творчество, нужно место для встреч. Нужен центр. Творческий дом, куда не только художники, но и дети, учащиеся, молодежь могли приходить в творческие мастерские – керамические, эстампа, рукоделия, прикладного искусства и с удовольствием работать. А главное - общаться, знакомиться, влюбляться, создавать семьи...».

Василий Яковлевич умер 7 октября 1998 г., похоронен в с. Ермаковское. Всей своей жизнью В. Я. Крупский являл пример подлинного гражданского мужества, нес свет и добро людям, и, несомненно, достоин того, чтобы о нем помнили. А самая лучшая память – это сохранение его детища, его подарка минусинцам – «Минусинской городской картинной галереи им. В. Я. Крупского» и полное воплощение его мечты.

Список источников и литературы:

1. Шумская Л. В. Благодарю судьбу за встречу с вами // Власть труда : сайт. URL: <http://vtruda.ru/blogi/aleksey-bolotnikov/104-post-dorogoy-chelovek-02-11-2018> (дата обращения: 10.11.2021).
2. Архив города Минусинска. Ф.1035. ОП. 2. Д. 122. Л. 3, 3 об.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ // Министерство обороны РФ : сайт. URL: <https://archive.mil.ru> (дата обращения: 10.11.2021).
4. Крупский Василий Яковлевич // Репрессированные деятели культуры и искусства в истории Красноярского края : сайт. URL: http://rdk.yarsklib.ru/doku.php?id=крупский_василий_яковлевич (дата обращения: 10.11.2021).
5. Крупский Василий Яковлевич (1921–1998) // Мемориальные доски Красноярья : сайт. URL: http://memo.kraslib.ru/krasnoyarsk_kray/cities/minusinsk/names/info/about_krupsky_v_y.html (дата обращения: 10.11.2021).
6. Биографические справки о бывших узниках, проживающих в Минусинске // Красноярское общество «Мемориал» : сайт. URL: https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/_Lists/zkminus.htm (дата обращения: 10.11.2021).
7. Василий Яковлевич Крупский : информ.-библиогр. очерк / МБУК МГЦБС ; Центр.гор. б-ка им. А.С. Пушкина ; сост. Харченко Г. Т. и др. Минусинск, 2017. 36 с.

8. Шумская Л. Вспомним «Благодарю судьбу за встречу с Вами» // Надежда. 1999. 11 окт.

9. Минусинские художники : (живопись) / сост., авт. вступ. ст.: Л. В. Шумская ; авт. текстов О. И. Миссинг. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2007. С. 3–4.

10. Сенчин Р. В. Феофаных // День и ночь. 2013. № 6. С. 77–80.

11. Сенчин Р. В. Феофаных // Художник я, жадный до жизни / Владимир Капелько; сост. Е. И. Стельмах. Минусинск : Надежда и мы, 2017. С. 31–34.

12. Минусинские художники: узнайте наших! : худож. альбом / сост. В. Г. Вальков при участии Е. И. Стельмах. Минусинск : Надежда и Мы, 2018. С. 3.

13. Савиных Г. Зажги свой факел вдохновенный // Власть труда. 2000. 14 нояб.

К. И. Скрипников

научный руководитель – канд. иск., доцент Н. В. Перепич

ПО СТРАНИЦАМ ПЕВЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ КРАСНОЯРСКОЙ ОПЕРНОЙ ПЕВИЦЫ СВЕТЛАНЫ ЕФРЕМОВОЙ

В статье предпринимается попытка сбора, структурирования и публичного освещения сведений о жизни и творчестве заслуженной артистки РФ, доцента Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского, руководителя творческой студии «Эвридика» Светланы Никитичны Ефремовой (сопрано). Актуальность работы связана с уникальностью личности певицы, важностью ее деятельности как исполнителя и педагога, профессионально и грамотно ведущего как вокалистов-профессионалов, так и солистов-любителей. Сведения, представленные в статье, получены в результате серии личных бесед с певицей, и касаются красноярского периода жизни и творчества.

Ключевые слова: творческий путь, сопрано, Светлана Никитична Ефремова, Красноярский государственный театр оперы и балета, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского.

Заслуженная артистка России, сопрано, в прошлом – солистка Красноярского театра оперы и балета имени Дмитрия Хворостовского Светлана Никитична Ефремова, отметившая в прошлом году свой 75-летний юбилей, прошла интересный путь творческого становления – от учителя начальных классов по первому образованию до востребованной оперной певицы и вокального педагога.

Первое профессиональное образование Светлана Аксарина получила в Педагогическом училище, параллельно освоив скрипку. Проработав два года учителем младших классов на полуострове Ямал, своей малой родине, молодой специалист, активная участница музыкальной самодеятельности, была направлена в Свердловск для получения среднего и высшего вокального образования. В консерватории она отучилась вместе с супругом, Германом Ефремовым, ныне – также заслуженным артистом РФ. Совместное обучение и задавало вектор совместной творческой деятельности, которая длится вот уже около полувека.

После получения дипломов молодые специалисты были приглашены в Пермский оперный театр, где проработали шесть лет. И так случилось, что в 1978 году к ним на стажировку приехал молодой режиссер Красноярского театра оперы и балета Максимилиан Высоцкий. После просмотра спектакля «Иоланта» он пригласил Светлану в Красноярск для гастрольного исполнения партии. Наш город не был для нее неизвестным местом, поскольку здесь уже работали консерваторы: Ольга Ран, Владимир Ефимов с женой и др. После спектакля худсовет театра предложил ей занять место в красноярской труппе, и так семья певцов с сыном Яном переехала в наш город в 1981 году.

В первый же сезон Светлана спела 4 сложнейших драматических партии – Аида (Дж. Верди – «Аида»), Тоска (Дж. Пуччини – «Тоска»), Лиза (П. И. Чайковский – «Пиковая дама») и Наташа (А. С. Даргомыжский – «Русалка»), а через два месяца состоялись ее первые гастрольные выступления с театром в Томске, где давались «Евгений Онегин» (Татьяна) и «Иоланта» (заглавная роль) П. И. Чайковского. В целом, за все время работы (1981–2010) ею были исполнены 53 вокальные партии, в числе которых, помимо названных: Серпина («Служанка-госпожа» Дж. Б. Перголези), Графиня («Свадьба Фигаро» В. А. Моцар-

та), Марфа («Скупой» В. А. Пашкевича), Домна Сабурова («Царская невеста») и Купава («Снегурочка» Н. А. Римско-Корсакова), Мария («Мазепа» П. И. Чайковского), Маргарита («Фауст» Ш. Гуно), Донна Эуфемия («Дон Прокопио» Ж. Бизе), Леонора («Трубадур») и Амелия («Бал-Маскарад»), партия сопрано в Реквиеме (Дж. Верди), Чио-Чио-Сан («Мадам Батерфляй» Дж. Пуччини), Недда («Паяцы» Р. Леонкавалло, Катерина («Укрощение строптивой» В. Я. Шебалина), Елена Николаевна («Молодая гвардия» Ю. С. Мейтуса), Софья («Горе от ума» Г. И. Банщикова), Аक्सинья («Виринея» С. М. Слонимского) и другие.

Ценно, что можно выстроить свой рассказ о творчестве певицы, опираясь на живые и эмоциональные беседы с нею. Остановимся на более ярких и показательных моментах красноярского периода ее творчества. Светлана Никитична отмечает, что пришла в театр, подготовив ряд партий во время учебы и последующей службы в Перми: «Я была приглашена в театр на лирико-драматический репертуар. Пришлось включаться по полной. Благодаря помощи концертмейстера театра материал я освоила быстро, но после шла еще долго кропотливая работа и моя, и дирижеров, режиссеров».

Многие роли из репертуара певицы были близки ей, а некоторые стали излюбленными, как, например, Аида, исполненная уже в первый год работы в театре. В один день после концертмейстерского урока по «Фаусту» Светлане Ефремовой пришлось спешно заменить коллегу, не вышедшую в спектакле на роль Жрицы: «Загримировали, надели костюм, сказали, откуда выйти, куда уйти! Видно, от волнения голос звучал плотно. На другой день мне предложили учить Аиду – молодой начинающей певице». Так певица погрузилась в «сложный мир чувств», «образ волнующий и душевно-тонкий».

С «Аидой» связано и первое «фиаско»: в период завершения работы над партией певицу назначили на роль Мышки в спектакле «Терем-теремок» И. Польского. Концертмейстер подверг это назначение сомнению и добился снятия с роли, чем расстроил маленького сына певицы, который присутствовал на уроке и начал беспокоиться, что с роли Ежика могут снять и отца. После этого так сложилось в биографии Светланы Никитичны, что ни одного детского спектакля она не спела.

Самую любимую партию, Чио-Чио-Сан в опере Дж. Пуччини, певица спела на десятилетие своей службы в театре, в сезон 1991–1992 гг. под управлением А. Чепурного, причем премьера состоялась во Владивостоке. Она не прошла незамеченной: Союз театральных деятелей отметил работу Светланы Ефремовой как лучшую роль сезона.

Есть в творческом багаже певицы и неосуществленные проекты: она сожалеет, что не удалось спеть Ярославну в опере А. П. Бородина; интересная ситуация случилась и с «Кармен», не совсем подходившей певице по голосу. «Кармен, конечно, должна петь меццо-сопрано, а я крепкое сопрано, но ничего! Благодаря этой партии я должна была вырасти актерски и мастерски. Была интересная работа с хором, режиссером, дирижером, ставили танцы. Я набирала багаж. Я вышла на оркестровые репетиции – у нас был конкурс – Ольга Ран, Жанета Тараян, Вера Изотова и я. Мы пели конкурс – и отобрали меня. Поработали очень хорошо с режиссером Борисом Александровичем Рябикиным. Потом уехал тот дирижер (Т. Муратов), который меня назначал на эту партию. И меня сняли с Кармен, спела «Царскую невесту». Однако на семейном бенефисе певица спела с тенором В. Мастицким заключительную сцену.

Многие воспоминания Светланы Ефремовой о театральных буднях пронизаны искрометным юмором. О спектакле «Укрощение строптивой» В. Шебалина она вспоминает так: «Петруччио должен был уносить Катерину на второй этаж. Тамара была изящная, а я – плотная. Мне было жаль коллег, особенно своего партнера Г. Ефремова. Тамара говорила: «Своя ноша не тянет!». К этому же спектаклю певице случилось и опаздывать: «Я летела к началу спектакля на грузовой машине. Такси не были в моде. Успели надеть парик и платье, без грима я выскочила на сцену с Бианкой (А. Северянина). Ссора происходила на втором этаже, поэтому никто не заметил отсутствие грима. С каким остервенением я ее трепала!! Дальше у меня в действии была пауза, и все пошло нормально, но вывод – «Будь внимательна!».

Гастрольные поездки Светланы Ефремовой в составе красноярской труппы охватили Ямал, Томск, Норильск, Пермь, Уфу, Новосибирск, Улан-Удэ, Баварию. Певица вспоминает,

что в Новосибирске спела две Татьяны, две Чио-Чио-Сан, три раза «Тоску». В Якутии сопрано Ефремовой звучало в Реквиеме Дж. Верди и «Пиковой даме» П. Чайковского. «Потом – гастроль в Улан-Удэ с Евгением Олейниковым (опера «Трубадур»): он – Граф ди Луна, а я – Леонора».

Творческая деятельность Светланы Ефремовой включала также и камерный компонент: в сотрудничестве с концертмейстерами Софьей Израилевой, Еленой Елгиной, Ириной Крафт, Ольгой Гайдай, Мариной Кузьминой певицей были подготовлены вокальные программы, включавшие романсы П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова, Д. Д. Шостаковича, арии и дуэты из опер русских и зарубежных композиторов. Певица была открыта к сотрудничеству с композиторами Валерием Клепининым (Цикл на стихи поэтов Севера) и Владимиром Сенегиным, подготовившим со Светланой монооперу Г. Фрида «Дневник Анны Франк».

Светлана Никитична – энтузиаст и фанат своего дела. Будучи содержательной личностью, она проявила себя на исполнительском и продолжает проявлять на педагогическом поприще, пройдя свое становление и профессиональную реализацию в тандеме с супругом.

Список источников и литературы:

1. Ефремов Г. Т., Ефремова С. Н. Музыка современных композиторов в репертуаре солистов Красноярской оперы: страницы творческой биографии // Художественные традиции Сибири: материалы III Междунар. науч. конф., 12–13 нояб. 2020 г. Красноярск : СГИИ имени Д. Хворостовского, 2020. С. 136–142.

2. Ефремова С. Н. Содружество северной поэзии, музыки и голоса: рождение вокального цикла «Легенда» Валерия Клепинина // Художественные традиции Сибири: материалы III Междунар. науч. конф., 12–13 ноября 2020 г. Красноярск : СГИИ имени Д. Хворостовского, 2020. С. 116–121.

3. Личные беседы со Светланой Никитичной Ефремовой : [аудиозапись, рукописи] / вел К. И. Скрипников. Красноярск, февр., март 2021. Из личного архива.

4. Светлана Ефремова // Красноярский государственный театр оперы и балета : [сайт]. URL: <https://krasopera.ru/artists/view/485> (дата обращения: 16.02.2021).

5. Светлана Ефремова : [авторские воспоминания «Пока я помню, я живу»] // Красноярский государственный театр оперы и балета. : [сайт]. URL: <https://krasopera.ru/artists/view/485> (дата обращения: 16.02.2021).

6. «Я раньше научилась петь, чем говорить!» // Красноярский рабочий. 2005. 3 авг. (№ 111). С. 3. URL: <https://krasopera.ru/press/interview/svetlana-efremova-ya-ranshe-nauchilas-pet-chem-govorit.htm> (дата обращения: 12.03.2021).

С. В. Коршунова

ИВАН СЕМЕНОВ – ПЕРВЫЙ ОЛИМПИЕЦ КРАСНОЯРЬЯ

Статья посвящена жизненному пути и спортивным достижениям Ивана Михайловича Семенова, уроженца деревни Додоново Красноярского сельского района, известного советского стайера, рекордсмена СССР в беге на 10 000 м, первого участника Олимпийских Игр из Красноярского края. Наряду с известными фактами биографии И. М. Семенова приводятся новые данные: уточненные даты его жизни, сведения об участии в Великой Отечественной войне, результаты выступлений на внутренних и международных соревнованиях.

Ключевые слова: Иван Михайлович Семенов, Додоново, Красноярский край, Железногорск, легкая атлетика, чемпионат СССР, рекорд СССР, стайер, XV летние Олимпийские Игры.

3 июня 2021 года исполнилось 95 лет со дня рождения Ивана Михайловича Семенова (03.06.1926–04.09.1968) – известного советского стайера, победителя и призера чемпионатов СССР по легкой атлетике в беге на 5 000 и 10 000 м и первого красноярца, выступившего на Олимпийских Играх. Иван Семенов был уроженцем деревни Додоново, которая относи-

лась к Красноярскому сельскому району Енисейской губернии, а сегодня входит в состав ЗАТО Железногорск.

23 сентября 1950 г. на чемпионате СССР по легкой атлетике И. М. Семенов установил всесоюзный рекорд на дистанции 10 000 м и стал известен на всю страну: публикация о нем появилась в журнале «Огонек» [1]. В статье «Золотая медаль чемпиона» корреспондент Владимир Кедров подробно описал биографию знаменитого бегуна до момента его легкоатлетического триумфа. Поскольку И. М. Семенов жил и тренировался в Москве, в Красноярском крае к его биографии долгое время не обращались. В 1998 году краевед В. А. Аференко в цикле исследований о деревне Додоново написал очерк «Звездные часы братьев Семеновых», обратившись к публикации В. Кедрова как к первоисточнику и дополнив ее сведениями, полученными от односельчан Ивана Семенова и его брата, Александра Михайловича. В 2008 году В. И. Усаков посвятил И. М. Семенову очерк в сборнике «Олимпийское созвездие Красноярья», взяв за основу материал В. А. Аференко и снабдив его новыми данными и редкими фотоснимками.

С развитием электронных ресурсов появилась возможность заглянуть в архивы Министерства обороны России и познакомиться со спортивной статистикой времени, в котором бил рекорды додоновский скороход. Это позволило уточнить даты жизни Ивана Михайловича, более детально проследить его боевой и спортивный путь, расширить сведения о его выступлениях на чемпионатах страны и на международных турнирах. К 95-летию юбилею Ивана Михайловича Семенова были собраны воедино все известные факты его биографии.

И. М. Семенов родился 3 июня 1926 г. в крестьянской семье. Его предки жили на енисейской земле с середины XVII века. В архивных данных упоминается приказчик Частоостровской и Есауловской деревень Клим Семенов. Потомки его писались более двух веков поселенцами: в 1855 г. им был Козьма Семенов, в 1905 г. – братья Захар и Федор Филипповичи Семеновы, и только в 1920 г. они впервые записаны крестьянами. Сын Федора, Михаил (1904 г. р.), в начале 1920-х годов выделился в свое хозяйство, женившись на Прасковье Ковалевой, дочери переселенца из города Себежа Псковской области. В семье Михаила Федоровича и Прасковьи Ивановны и родился буду-

щий чемпион страны. У Ивана была сестра Варвара, старше его на два года, и брат Александр, младше на 13 лет [2].

Окончив в родном Додоново четыре класса (в деревне была только начальная школа), Ваня Семенов стал учиться в школе-семилетке в селе Есаулово, отстоявшем от дома на 20 километров. Обычно ребяташки из других деревень снимали углы в избах у местных жителей и у родителей бывали только по выходным. Транспортного сообщения между Додоново и Есаулово не существовало, так что добираться туда и обратно ученикам приходилось пешком. Ваня Семенов каждую субботу под вечер уходил домой, воскресенье проводил с родными, а в понедельник чуть свет шел обратно. Осенью и весной, когда позволяла погода, по пути в школу бегал своеобразные кроссы по пересеченной местности [3].

В 1940 г. Иван Семенов окончил семилетку и, проучившись полгода на курсах комбайнеров, стал работать в колхозе имени Сталина родной деревни, как и его родители (отец был членом правления колхоза, мать работала дояркой).

В начале Великой Отечественной войны на семью Семеновых обрушился удар: 21 января 1942 года в боях под Ленинградом погиб отец Ивана, командир отделения связи сержант М. Ф. Семенов. Его фамилия выбита на одной из мемориальных плит на площади Победы в Железногорске в числе 213 имен не вернувшихся с войны жителей деревень, что располагались на территории будущего ЗАТО.

3 ноября 1943 г. Советским райвоенкоматом Красноярского края на фронт был призван 17-летний Иван Семенов. В июле 1944 г. после подготовительных курсов он был направлен автоматчиком в 17 гвардейский отдельный мотоциклетный батальон 9 гвардейской танковой дивизии 1 Белорусского фронта. В составе боевого подразделения прошел Западную Белоруссию, Польшу, пол-Германии, участвовал в штурме Берлина. Боевой путь сибиряка отмечен орденом Славы III степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги» [4].

После Победы Иван Семенов остался на сверхсрочную службу в Германии. На фронте парень научился мастерски водить мотоцикл и участвовал в дивизионных мотокроссах.

Однако травма руки не позволила ему заниматься мотогонками [4]. Спортивная планида, тем не менее, была к нему благосклонна. На дивизионном кроссе (три километра по пересеченной местности в полной амуниции) из личного состава двух полков Иван Семенов пришел к финишу первым. Комсорг батальона лейтенант Рачковский, пожимая руку победителю, спросил: «Раньше бегом занимался?» Семенов ответил: «В школу бегал, товарищ лейтенант!» Комсорг принял это за шутку: «Все мы в школу бегали!» – «Школы разные бывают, – парировал ефрейтор Семенов. – Ваша, может быть, через улицу стояла, а моя – в двадцати километрах!» [5].

Так Иван отобрался для участия в армейском кроссе. На старт тогда вышло более 200 воинов-спортсменов. Семенов преодолел дистанцию третьим, получив свою первую спортивную награду – часы от командования. Они стали его личным секундомером во время тренировок. Осенью 1946 года Иван получил путевку в Потсдам – на первенство советской группы войск в Германии. Там впервые в жизни Семенов вышел на беговую дорожку стадиона и стартовал на глазах тысяч зрителей. А весной 1947 г. на всевойсковой спартакиаде в Потсдаме Семенов пробежал дистанцию в 5 000 м с лучшим результатом. И это решило его дальнейшую судьбу [6].

С 1947 г. недавно созданное Управление физической подготовки и спорта Министерства обороны СССР развернуло широкую деятельность по выявлению в Советской Армии одаренных спортсменов и повышению их мастерства. Значительно расширилась подготовка военных кадров высшей квалификации – специалистов по физической подготовке и спорту. С этой целью военный факультет при Центральном институте физкультуры был переформирован в Краснознаменный Военный институт физической культуры и спорта имени В. И. Ленина и из Москвы переведен в Ленинград [7]. В этот вуз и был направлен на учебу ефрейтор Семенов. Перед этим он впервые выступил на чемпионате СССР по легкой атлетике 1948 г. и показал хороший результат, хотя и не попал в призовую тройку.

Сочетая учебу с тренировками, Иван Семенов наращивал спортивное мастерство. В 1949 г. он в составе легкоатлетической сборной СССР выступал в матче СССР – Чехословакия и на Международных студенческих играх в рамках Второго

всемирного фестиваля молодежи и студентов в Будапеште. На чемпионате СССР по легкой атлетике он, выступая за команду Ленинграда, стал чемпионом страны на дистанции 5 000 м и завоевал «серебро» на 10 000 м [8].

По-настоящему звездным для стайера Семенова стал чемпионат СССР 1950 г. в Киеве. Там 24-летний Иван показал второй результат на дистанции 5 000 м и стал первым на 10 000 м. В забеге, принесшем уроженцу Додоново чемпионский титул, стартовали 19 лучших советских бегунов на длинные дистанции, в том числе именитые Феодосий Ванин, Никифор Попов, Владимир Казанцев. Их соперничество было необычайно зрелищным, лидеры сменяли друг друга. На последнем круге Иван Семенов опередил всех и на финише показал время 30 мин. 07 сек. [9]. Это был новый рекорд СССР (лучший результат в сезоне в 1950 г. на дистанции 10 000 м принадлежал Эмилю Затопеку из Чехословакии – 29 мин. 12 сек.) [10]. После победы у нового чемпиона страны от напряжения пошла носом кровь.

Интересно, что самые яркие победы бегуна Семенова совпали со значимыми датами в истории Железногорска. В 1949 г., когда он стал чемпионом СССР в беге на 5 000 м, в его родное Додоново прибыл первый военный десант, чтобы готовить площадку для строительства комбината № 815 по наработке оружейного плутония. В 1950 г., когда Иван Семенов побил рекорд страны на дистанции 10 000 м, вышло в свет постановление СМ СССР № 926-302 сс/оп «О комбинате № 815», положившее начало созданию уникальных ядерных производств ГХК.

Как раз в эти годы после успешных выступлений на главных стартах сезона Иван Семенов приезжал в отпуск на свою малую родину, из Красноярска до деревни добираясь на пароходе. И если в 1949 г. он попал домой беспрепятственно, то в 1950 г. чемпиона страны в Додоново не пустили. Деревню, ставшую форпостом атомной стройки, по берегу Енисея отгородили от реки колючей проволокой. Пройти через КПП без пропуска Ивану помогла дежурившая там родственница Семеновых [11].

1951 год был преодолительским, и путевку в Хельсинки, где проходили XV Летние Олимпийские игры, Иван Семенов завоевал в равной и честной борьбе с лучшими бегунами страны. 18 марта 1951 г. он выиграл забег на 5 км кросса «Юманите»

во Франции [12], был вторым на дистанциях 5 000 м и 10 000 м на чемпионате СССР по легкой атлетике 1951 г. в Минске [13].

Олимпиада-1952 для команды СССР была дебютной. Сам факт включения в сборную автоматически заносил спортсменов на скрижали истории. Иван Семенов в историю попал еще и как первый краснорзец на Олимпийских Играх. Он выступал на дистанции 5 000 м. В предварительном забеге улучшил собственный результат, но стал только шестым и в финал не отобрался [14]. Из советских стайеров дотянуться до бронзовой медали сумел только А. Ануфриев (10 000 м). Личные рекорды представителей СССР уступали достижениям легендарных зарубежных мастеров. Через месяц после Олимпиады, на чемпионате СССР-1952, Иван Семенов вновь станет серебряным призером на дистанциях 5 000 и 1 000 м. В этом же году ему присвоят звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Под впечатлением спортивных подвигов Ивана Семенова и его товарищей росло новое поколение талантливых советских бегунов. Первые высокие результаты уже показывали Владимир Куц и Петр Болотников. На чемпионате СССР 1953 года на дистанции 10 000 м будущий двукратный олимпийский чемпион и рекордсмен мира Владимир Куц станет первым, а Иван Семенов придет к финишу третьим, подтвердив свой высокий класс [15].

Иван Михайлович еще несколько лет будет участвовать в чемпионатах СССР и спартакиадах Московского военного округа, к своим коронным дистанциям добавив марафон. В 1958 году он вышел на старт марафонского забега на первенстве страны вместе со своим братом Александром – студентом Ленинградского техникума физкультуры и спорта. Покорять дистанцию тогда отправились около сотни лучших стайеров Советского Союза. По результатам забега Старший Семенов замкнул тройку лидеров, начинающий бегун Семёнов-младший был в середине итогового протокола [16].

В 1966 году капитан Советской армии И. М. Семенов вместе с женой и двумя сыновьями переехал в Венгрию, где стал руководить спортивной подготовкой военнослужащих группы армий «Юг». Отслужив два года, он подал рапорт на перевод в Киевский военный округ. Но из-за скоротечной формы рака 4 сентября 1968 года, в возрасте 42 лет, Иван Михайлович

Семенов скончался [17; 18]. Похоронили выдающего бегуна в Москве, куда вернулась его семья.

Пример старшего брата вдохновлял Александра Семенова. 17-кратный чемпион Красноярского края, во время учебы и военной службы он выигрывал первенства Ленинграда, Москвы, Вооруженных Сил, общества «Буревестник». В 1964 году Александр Семенов успешно выступил в марафоне на Мемориале братьев Знаменских в Москве и отобрался на Олимпиаду в Токио [19]. Осуществить мечту помешала травма. Александр Михайлович вернулся на свою малую родину, окончил Красноярский педагогический институт и посвятил себя физвоспитанию молодежи. Несколько десятков лет он вел спортивные занятия в Красноярском институте цветных металлов и в политехническом училище. В знак больших заслуг перед красноярским спортом в 2004 году А. М. Семенов был включен в состав делегации Красноярского края на XXVIII летних Олимпийских играх в Афинах [20].

В память о двух легкоатлетах-самородках из сибирской деревни в Железногорске по предложению В. А. Аференко проводится ежегодный пробег на Кубок братьев Семеновых. Первый старт состоялся 5 августа 2000 года. Участники бежали 10 км. от площади Ленина до деревни Додоново. Маршрут пробега несколько раз менялся, и сегодня участники преодолевают дистанции в 1, 5 и 10 км. по берегу Енисея до камня первостроителям Железногорска, практически тем же путем, что много лет назад бегал в школу первый олимпиец Красноярья Иван Семенов.

Список источников и литературы:

1. Легкая атлетика: Справочник / [Сост. Р. В. Орлов]. М. : Физкультура и спорт, 1983. С. 185.
2. Аференко В. Гордая и горькая судьба Додоново. Звездные часы братьев Семеновых // Город и горожане. 1998. 11 июня. С. 27.
3. Кедров В. Золотая медаль чемпиона // Огонек. 1950. Ноябрь. (№ 45). С. 29.
4. Семенов Иван Михайлович // Память народа : [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer10324013/ (дата обращения: 02.12.2021).
5. Кедров В. Золотая медаль ... С. 29.

6. Кедров В. Золотая медаль ... С. 30.
7. Гаврилин В. М., Гулевич Д. И., Фирсов З. П. С эмблемой ЦСКА. М. : Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1973. С. 20.
8. Усаков В. И. Олимпийское созвездие Красноярья : очерки о спортсменах Краснояр. края, участвовавших в Олимпийских играх. Красноярск : Платина, 2008. С. 28, 30.
9. Кедров В. Золотая медаль ... С. 30.
10. Легкая атлетика: Справочник ... С. 229.
11. Аференко В. Указ соч.
12. Аференко В. Указ соч.
13. Легкая атлетика: Справочник ... С. 28, 30.
14. Там же. С. 322.
15. Там же. С. 30.
16. Там же. С. 41.
17. Иванов С. Танкист – первый олимпиец Красноярья // Красноярский рабочий. 2005. 9 мая.
18. Семенов Иван Михайлович // Память народа : [сайт] . Там же.
19. Аференко В. Указ. соч. С. 27.
20. Усаков В. И. Олимпийское созвездие Красноярья ... С. 183.

Именной указатель

- Аверьянов А. О. 102
 Александр I, имп. 9, 110, 114
 Александр II, имп. 38
 Алкацев Д. К. 79
 Андреева П. 283
 Андюсев Б. Е. 9, 98
 Антонов Ф. И. 82
 Ануфриев А. 348
 Анучин В. 151
 Аракчеев А. А. 114
 Артемьев И. А. 244
 Астафьев В. П. 315
 Астахов Г. 224
 Астраханцев П. Н. 168
 Аференко А. А. 249, 252, 254, 344, 349
 Бабкин В. 203
 Бабкин Л. 207, 209
 Бабкин Ф. Я. 156–161, 203–205, 208, 209, 211
 Бабкина С. С. 161
 Бабкина Ф. Ф. 161
 Баграмян И. Х. 323
 Бай, де Жозеф 66
 Байкалов С. И. 44
 Банщиков Г. И. 340
 Барабаш Я. Ф. 119, 112
 Барш Г. З. 259
 Бахрушин С. В. 90
 Безноско А. 298
 Беляев А. П. 45
 Бенедиктов В. В. 185
 Бердников Л. П. 131
 Бердникова С. А. 91
 Березин Л. Т. 191
 Березовский Н. П. 284
 Бизе Ж. 340
 Блок М. 12
 Богуцкий А. Е. 44
 Болонев Ф. Ф. 22
 Болотников П. 348
 Болховитин Ф. И. 176
 Бондин С. 335
 Бородин А. П. 341
 Бородин М. П. 108
 Бромлей Ю. В. 18
 Брюсов В. Я. 310
 Бугаева А. Ф. 148
 Буда Н. С. 160
 Бураков (фельдфебель) 210
 Бурков П. И. 243
 Быконя Г. Ф. 44, 90
 Ванин Ф. 347
 Василевский В. П. 311–313
 Василевский Т. З. 191
 Вдовин А. С. 270
 Верди Дж. 339, 340, 342
 Вернадский Г. В. 16
 Веселков В. 236
 Веселков М. В. 235–239
 Веселков Ф. П. 236
 Веселкова Л. П. 239
 Веселовский С. С. 64
 Виггинс И. 259
 Волокитин А. 329
 Волченков Ю. П. 44
 Ворошилов К. Е. 313
 Востротин В. С. 108
 Востротин С. В. 259, 260
 Врангель П. Н. 157
 Высоцкий М. 339
 Гаврилов Г. 209
 Гайдай О. 342
 Гамалицкий Г. 259
 Гандич (Иконникова) Т. Г. 267

- Геденштром М. М. 114
Германов С. 209
Главач В. И. 305
Глазко А. П. 324
Гневишева Г. 283
Гоголь Н. В. 277
Голиков Ф. И. 243
Голицын А. Н. 114
Гольцисон М. А. 305, 306, 307
Горчаков П. Д. 19
Градинаров Ю. 31
Григорьев Ф. А. 244
Гударина М. 283
Гулит (нач. гарнизона) 209
Гуно Ш. 340
Гусаров Ф. В. 134
Гущин Е. Ф. 276
Дараган И. К. 267
Даргомыжский А. С. 339
Дацьшен В. Г. 44
Демин М. (Трифонов Г. Е.) 312
Деханов И. Г. 215
Дзержинский Ф. Э. 81, 221
Дингильштедт Н. 283
Довбор С. 283
Достоевский Ф. М. 277
Дубровинская С. А. 134
Дубровинский Я. Ф. 134
Евграфов М. К. 223
Евтихеев Д. 108
Егоров Б. К. 229, 231
Егоров В. В. 231–232
Егоров В. К. 227–231
Егоров Ф. В. 232
Егоров Ф. М. 227
Егорова А. М. 227–230
Егоровы, род 227–232
Ежов В. И. 318–319
Екатерина II, имп. 261
Елгина Е. 342
Еленев А. С. 64
Емельяшин В. 215
Еремеев Б. Н. 178
Ермак 115
Ермолаев С. А. 145–149
Ермолаева Л. Н. 333
Ермолинский Е. 112
Еськин И. Ф. 99
Ефимов В. 339
Ефремов Г. 339
Ефремов И. 313
Ефремова С. Н. 338–343
Журов Ю. В. 91, 92
Заброденко Ф. С. 191
Завадский И. А. 198
Замятнин П. Н. 263, 264
Загопек Э. 347
Загрутин А. В. 45
Захаров В. Е. 149, 152–154
Захаров И. П. 108
Захаров М. П. 44
Зверев (рабочий) 209
Зверева М. 283
Знак А. М. 326
Зырянов Ф. П. 99
Иваненко А. А. 163
Иванов А. Т. 191
Иванов Д. М. 225
Иванов Ф. И. 244
Иванова А. 334
Игнатъев И. 203
Игнатъев И. К. 207–217
Игнатъев К. И. 207
Игнатъева А. Г. 207
Идэиковская О. 283
Изотова В. 341
Израилева С. 342
Иконникова Г. И. 267
Инютин Ф. К. 26
Исаакий, епископ 249
Исаев Н. 257
Исаева Л. 257, 260
Ициксон Л. А. 281, 282
Ициксон О. П. 281–285

- Ициксон Я. П. 282
Казанцев В. 347
Казанцев И. В. 134
Казаринов Н. П. 21
Калашников (офицер) 210
Калашникова А. 260
Каледин А. М. 208
Калеменова Н. А. 44
Капелько В. 335
Капцевич П. М. 114, 116
Каргополов Д. С. 66, 67
Катников А. И. 238
Кауфман А. А. 90
Квитович Д. К. 243
Кедров В. 344
Ким И. 209
Клеопов И. Л. 62
Клепинин В. 342
Климкина Е. М. 99
Ключевской В. О. 13
Кобытев Е. С. 315–317
Кобытева В. Е. 316
Кобычев А. 258
Ковалев В. А. 334, 335
Ковалев Н. С. 153
Ковалева П. 344
Ковальченко И. Д. 14
Козьминых С. В. 108
Колокольников Г. 207
Колчак А. В. 78, 79, 80, 134, 135, 208, 209, 215
Комаров А. Ф. 152
Комарова Т. С. 44
Комягина А. З. 258
Кон Ф. Я. 277
Кондратьева Е. 283
Кондратьева С. 283
Конкина (Тарасенко) Н. П. 268
Кононов И. И. 137, 142, 143
Конопелько П. Г. 216
Коняхин М. П. 191
Копылов В. И. 36
Корвин-Красинский М. 260
Корсаков М. С. 57
Косованов В. П. 129, 130
Косованов П. П. 127
Кохановский Ю. М. 85
Кочар Е. С. 321
Кочубей В. П. 114
Кошелев В. Е. 137, 142
Кравцов Т. К. 182–183
Кравченко А. Д. 188, 328
Краснолуцкий С. А. 100–104
Краснощеков Е. 68, 69
Крафт А. Д. 118, 127
Крафт А. И. 127
Крафт Е. И. 127
Крафт И. 342
Крафт И. И. 117–125, 125–131
Крафт Иван (Ян) 118, 126
Крафт М. К. 119, 127
Крафт О. И. 127
Креков В. В. 99
Крехов А. А. 164
Кропоткин П. А. 58
Крупская Н. К. 145, 276
Крупский В. Я. 330–338
Крутовская Л. 283
Крутовский Вс. М. 151
Кублицкий С. П. 277
Кудрявцева Е. 283
Кузнецов А. П. 265, 266
Кузнецов Ив. П. 266
Кузнецов Инн. П. 266–268
Кузнецов Л. П. 42
Кузнецов П. И. 264, 265
Кузнецов С. Я. 43
Кузнецова А. П. 42, 265–267
Кузнецова А. Ф. 42, 264–266
Кузнецова Е. М. 265, 266
Кузнецова Е. П. 265, 266
Кузнецова Н. А. 299
Кузнецовы, род 262–269
Кузьмина М. 342

- Курилович А. П. 161
Курнатовский В. К. 91
Куц В. 348
Кызласов И. Л. 280
Кызласов Л. Р. 280
Кытманов А. И. 26, 107, 251, 256
Кытманов В. А. 260
Кытманов И. П. 107, 108
Кытманов М. В. 256–257
Кытманов П. М. 257–258
Кытманова А. И. 259
Кытманова А. Н. 261
Кытманова Е. И. 259
Кытманова У. Л. 258–257
Кытмановы, род 256–261
Лавинский А. С. 116
Лапина Е. Е. 48
Лаптев Х. 77
Ларионов П. Д. 107
Ларионов П. Ф. 36, 41
Ларичев В. Е. 64
Лебедева А. П. 133
Леякина А. 283
Ленин (Ульянов) В. И. 145, 228, 230, 276
Леонкавалло Р. 340
Лепешинская О. П. 97
Лепешинский П. Н. 91
Лермонтов М. Ю. 318
Литкенс Е. А. 192
Лихачев Д. С. 109
Логинов Е. Ф. 245
Лопатин А. В. 102
Лопатин И. А. 55–63
Лопатин И. Т. 9
Лосев А. И. 116
Лоскутов Ф. 112, 113
Луговская Л. А. 143
Лупанова Л. Н. 253
Любимов М. С. 137, 142
Любимов С. И. 137, 142
Лютиков Ф. П. 324
Маак Р. К. 58
Макиевский Г. М. 92
Мамендос-Поляк Л. А. 225
Марковский Т. П. 132
Мармышев А. В. 44
Мартин Т. 102
Мартынов Ф. 209
Мартьянов Н. М. 276, 279, 280
Мастичкий В. 341
Матвеев И. А. 265, 266
Матвеева В. 283
Матвеева К. 267
Матвеева Ю. П. 265, 266
Матонин А. К. 248–255
Матонин Анисим (Онисим) 251
Матонин Е. К. 250
Матонин К. К. 251, 254
Матонин Л. 251
Матонин Н. Е. 250
Матонин Омельян (Емельян) 251
Матонин Т. К. 250
Матонина О. Д. 250, 253
Матонины, род 248–255
Мезит Л. Э. 10
Мейтус Ю. С. 340
Мешалкин П. Н. 90
Милюхин В. П. 44
Мирошко И. А. 164
Миссинг О. И. 335
Молодили В. И. 70
Молочков А. Ф. 153
Монастыршин А. А. 45
Монюшко В. 283
Мостиц А. П. 64
Моцарт В. А. 339
Мудров М. И. 246
Музафарова Ф. С. 293–295
Музыкаин А. П. 131–137
Муратов Т. 341
Накладов С. И. 202–206, 208, 209
Нарцисов И.
Нечкин А. Г. 335
Никитин С. 305, 306

- Никодим, епископ 39
Николаевский Н. Ф. 146, 148
Николай II, имп. 128
Никольский П. 154
Новиков П. А. 44
Обручев В. А. 78
Обухов Н. К. 148
Окулов А. И. 135
Окулова И. И. 97
Олейников В. 342
Орехов С. Г. 244
Ошаров В. П. 177, 179
Ошаров П. В. 173–180
Ошарова В. П. 177, 179
Павлов П. Н. 89, 90
Партизпанян А. А. 320–325
Паршуков В. А. 44
Патканов С. К. 9, 51–55
Пашкевич В. А. 340
Педашенко И. К. 249, 265
Первухин И. Ф. 164, 165–171
Перголези Дж. Б. 339
Пестель И. Б. 113
Петухов В. 203
Печерский С. Б. 132
Плотников И. М. 305, 306
Поздеев А. 335
Полежаева Л. А. 335
Поленов Б. К. 58, 58, 62
Полынцев Д. 209
Пользиков Т. Н. 244–245
Польский И. 340
Полякова Е. 283
Помозов О. А. 131, 135
Пономарева Л. 335
Попов Н. 347
Портнягин 216
Посохов В. Т. 99
Прейн А. П. 137, 142
Прейн И. П. 137, 142
Прейн П. М. 107
Прейн П. П. 137, 142
Прейн П. Я. 142
Пржевальский Н. М. 58
Проминский Я. Л. 145
Проскураков П. С. 63–77
Прохоров М. 277, 280
Пруцкий П. Е. 215
Пуччини Дж. 339, 340, 341
Пясецкий А. П. 190
Разночинцев И. Н. 153
Ран О. 339
Рассказов 37
Рафиков Р. Г. 44
Рахманинов С. В. 342
Ремизов С. 251
Решетников А. 335
Римский-Корсаков Н. А. 340
Родин Ф. М. 161–165, 167–171
Романов Г. И. 44
Романовы, род 303
Россиев Г. Ф. 148
Рудницкая Б. 283
Рукусуева В. В. 92
Руперт В. Я. 36
Рябикин Б. А. 341
Рянель Т. В. 317–318
Савельев А. А. 71–77
Савенков И. Т. 9, 64, 269–275, 280
Савицкий П. Н. 16
Саморезов В. К. 236
Сарьян М. С. 321
Селиванов А. Н. 121, 122
Семененко А. И. 132
Семенникова Л. И. 14
Семенов А. М. 344, 348–349
Семенов З. Ф. 344
Семенов И. М. 343–349
Семенов К. 344
Семенов М. Ф. 345
Семенов С. А. 191
Семенов Ф. Ф. 344
Семеновский В. Н. 90
Сендерзон Д. М. 85, 86

- Сендерзон М. З. 85
Сенегин В. 342
Сенчин Р. 335
Серебренников А. И. 45
Серебренников В. В. 48, 49
Серебренников В. С. 47, 49
Серебренников Г. 44
Серебренников Д. 48
Серебренников И. С. (старший) 45
Серебренников И. С. 47
Серебренников К. А. 46
Серебренников С. А. 45, 46
Серебренников С. Г. 44
Серебренников Я. В. 49
Серебренникова А. И. 47
Серебренникова А. С. 47
Серебренникова Г. Д. 44
Серебренниковы, род 43–50
Сибирияков И. М. 42, 276
Симонова Л. 283
Скромкин П. П. 191
Слонимский С. М. 340
Смирнов А. Г. 149–152
Смирнов Вс. А. 151
Смирнова М. 283
Смирнова Ц. И. 85
Соколенко В. С. 254
Соколов В. Н. 225
Соколов В. Н. (историк) 90
Соловьев И. Н. 216
Соскова Ю. 335
Сотников А. А. 9, 25, 28–33, 78, 79
Сотников А. К. 28
Сотников К. М. 25, 26, 27
Сотников П. М. 26, 27
Сотниковы, род 25–32
Сперанская Е. М. 111
Сперанский М. М. 9, 110–117
Спундэ А. П. 188, 191, 192
Сталин И. В. 243, 312
Староверов В. И. 134
Степанов А. П. 21
Степущенко Р. А. 244
Столыпин П. А. 128
Стояновский М. Л. 277
Суриков В. И. 45, 46, 315
Суриков М. В. 45
Суслов И. М. 158, 167, 168, 170
Суходрев И. М. 305, 306
Тарасенко (Иконникова) Э. Г. 268
Тарасенко Н. 268
Тарасов М. Г. 44
Тарасов Н. Е. 244
Терский Н. Ф. 244
Терских Л. П. 153
Терской А. П. 36, 41
Тетерин А. Н. 244
Тимофеев А. Н. 44
Тирон В. 335
Титов Т. В. 244
Тихон, епископ 265
Ткачев Ф. Г. 185
Ткачева А. Ф. 185
Токарев Н. П. 35
Толкачев И. А. 264
Толстой Л. Н. 277
Трофимов Н. С. 191
Троцкий Л. Д. 223
Трошев Ж. 99
Тульников К. 227
Тургенев И. С. 277
Турчанов Е. Г. 98
Тютчев А. И. 99
Удре К. А. 190
Уралов С. Г. 221
Урванцев Н. Н. 9, 26,
29, 30, 32, 77–83
Урванцева Е. И. 82
Усаков В. И. 344
Ускова О. 33
Ушаков Ф. 252
Федоров А. П. 44
Федорович М. 283
Федорцов З. В. 244

- Федосов И. В. 244
Фефелов (большевик) 209
Фишер И. 283
Флерковский Ф. 46
Флоренская В. 283
Франкфурт В. 283
Фрид Г. 342
Фролова А. И. 99
Фунтосов П. Е. 258
Харчунов А. Е. 148
Хворостовский Д. А. 315
Хейсин И. 84
Хорн Ю. А. 106
Цукерман В. 283
Чайковский П. И. 339, 342
Чалый П. В. 161
Чекалинская В. 283
Чекановский А. Л. 58
Челеев Н. В. 99
Чемоданов П. И. 222
Чепурной А. 341
Черешкевич И. И. 244
Чернышев Ф. Н. 61
Черский И. Д. 58
Чехмалин Ф. С. 244
Чикинев А. 207
Чихачев П. А. 58
Чуевский Н. И. 153
Чулков А. П. 297
Чулков И. П. 297
Чулков М. П. 296–303
Чулков П. Ф. 296
Чулкова Т. Ф. 296
Шабалин В. С. 244
Шабанов 36, 37
Шадрин Д. С. 190
Шапиро А. Л. 84, 85
Шапиро Л. Н. 87, 232–235
Шапиро Н. А. 83–88
Шапиро С. Н. 87
Шапиро Т. Н. 87
Шапкин М. Н. 244
Шароватов А. Г. 95–100
Шароватов Г. И. 95
Шароватова Н. С. 95
Шашков С. С. 112
Шебалин В. Я. 340, 341
Шейнфельд М. Б. 90
Шекшеев А. П. 44
Шеходанов П. И. 191
Шешина В. 283
Шипилин П. В. 35
Шишков В. Я. 249
Шлихтер С. А. 184
Шмидт Ф. Б. 58, 60, 61
Шостакович Д. Д. 342
Шперк Э. Ф. 58
Штильмарк Р. А. 309–315
Штильмарк Ф. Р. 313
Шумская Л. В. 331, 334, 336
Шунков В. И. 12, 13
Щербаков (полковник) 245
Щетинкин П. Е. 188, 192, 328
Щукин Н. С. 19
Щукина В. 283
Эммануэль В. А. 120, 128
Эммануэль В. А. 130
Энгберг О. А. 145
Юдин Г. В. 296
Ядринцев Н. М. 19, 54
Яковенко В. Г. 160
Яковлев А. Е. 32–43
Яковлев В. А. 38
Яковлев Е. К. 277
Яковлев И. Н. 42
Яковлев М. П. 244
Яковлева Л. В. 332
Якубович А. И. 107, 108
Ян В. 280
Яричин А. К. 244

Сведения об авторах

Алаторцева Антонина Андреевна, главный библиотекарь, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края

Андюсев Борис Ермолаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Сибири и региональных цивилизаций, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск

Бибикова Валентина Васильевна, краевед, bibikovss@yandex.ru

Бойко Юрий Николаевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, borgir-666@mail.ru

Борисова Алла Павловна, краевед, член Красноярского краевого историко-родословного общества

Брандукова Екатерина Павловна, преподаватель, Красноярский техникум железнодорожного транспорта Красноярского института железнодорожного транспорта – филиала Иркутского государственного университета путей сообщения, brandukova_ep@krsk.irkups.ru

Вавиленко Ольга Михайловна, заслуженный журналист РФ, краевед, корреспондент, КГАУ «Редакция газеты «Сельская жизнь», с. Сухобузимское, vavilenko.olga@yandex.ru

Вдовин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей»

Вицинская Полина Павловна, студентка 4 курса обучения, кафедра отечественной истории, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета, polyavi@mail.ru

Горбачева Нина Аверьяновна, член Енисейской историко-родословной ассоциации (ЕНИРА), г. Красноярск

Гордиенко Марина Юрьевна, младший научный сотрудник, КГБУК Историко-этнографический музей заповедник «Шушенское»

Гринь Ольга Викторовна, старший научный сотрудник, КГБУК Историко-этнографический Музей-заповедник «Шушенское», п. Шушенское

Дементьев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, СФУ, dementjev.ap@yandex.ru

Дубовая Юлия Сергеевна, научный сотрудник КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск

Калистратов Александр Александрович, научный сотрудник, КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск

Калюга Антонина Евгеньевна, главный специалист по архивным вопросам отдела организационного обеспечения и делопроизводства администрации Курагинского района, kuragino_arhiv@mail.ru

Карпухина Дина Ванцетовна, ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», dina_museum@mail.ru

Карчаева Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», tatyana-verkhiturova@yandex.ru

Кирпиченко Наталья Николаевна, заведующий сектором краеведения, МБУК «ЦБС им. Горького», г. Красноярск

Ковалева Ирина Владимировна, заведующая отделом краеведческой работы, Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина, г. Минусинск

Коваленко Ольга Александровна, ученый секретарь, МБУ «Краеведческий музей г. Шарыпово»

Коршунова Светлана Викторовна, ученый секретарь, Музейно-выставочный центр, г. Железногорск

Костюк Владимир Владимирович, преподаватель, Красноярский филиал Финуниверситета

Куклинский Илья Владимирович, заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе и маркетингу, КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей»

Кухта Светлана Васильевна, ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», svetla-90@mail.ru

Лаптева Инна Дмитриевна, главный библиотекарь, МБУК «Дудинская ЦБС», г. Дудинка

Листвин Георгий Валентинович, директор, МБУ «Зеленогорский музейно-выставочный центр», г. Зеленогорск

Майзик Елена Игоревна, заведующий сектором отдела истории, КГБУК «Красноярский краеведческий музей», lena.k.elena@mail.ru

Макаров Николай Поликарпович, кандидат исторических наук, профессор, доцент кафедры и лаборатории информационных технологий в креативных и культурных индустриях, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Мариловцев Дмитрий Владимирович, заведующий научно-просветительским отделом, КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова»

Мезенцева Виктория Олеговна, сотрудник архива УФСБ России по Красноярскому краю

Мезит Людмила Эдгаровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, КГПУ им. В. П. Астафьева, mezit@yandex.ru

Нашивочникова Ирина Викторовна, член Енисейской историко-родословной ассоциации (ЕНИРА), г. Красноярск

Новикова Александра Павловна, преподаватель русского языка и литературы, КГБПОУ «Красноярское художественное училище (техникум) им. В.И. Сурикова», bruchar@mail.ru

Овакимян Мариам Манвеловна, студентка, Красноярский филиал Финуниверситета, г. Красноярск

Паршуков Владимир Александрович, ведущий инженер МБУ «Управление инженерной защиты», г. Ульяновск, asf-zavod@yandex.ru

Перепич Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки и композиции, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского

Пирогова Наталья Викторовна, главный библиотекарь, Центральная библиотека МБУК «ЦБС» г. Енисейска

Поздеева Наталья Владимировна, хранитель фондов, КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», Pozdeeva99@yandex.ru

Романова Наталья Сергеевна, ассистент, Красноярский государственный аграрный университет, meencanta@yandex.ru

Санжиева Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, МБУ «МВК «Музей Норильска», nata1705@yandex.ru

Селецкая Наталья Владиславна, научный сотрудник, МБУК «Лесосибирский краеведческий музей», seleckaya78@mail.ru

Серебrenникова Марина Евгеньевна, член Енисейской историко-родословной ассоциации (ЕнИРА) г. Красноярск, sme1957@mail.ru

Сидорина Елена Юрьевна, зав. научной библиотекой, МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова»

Скляренко Никита Сергеевич, студент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Скрипников Кирилл Игоревич, студент кафедры оркестровых струнных инструментов, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (науч. рук. – канд. иск., доцент Н. В. Перепич)

Соколова Евгения Васильевна, ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», evg3984442@yandex.ru

Спирина Анастасия Владимировна, библиограф, МБУ «МБ» Шарыповского муниципального округа, г. Шарыпово

Филиппова Карина Ренатовна, студентка, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

Фомичёва Татьяна Олеговна, научный сотрудник КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей»

Хорина Вера Владимировна, ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», scd.nb.kgau@mail.ru

Чернышов Виктор Владимирович, ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», vikchern73@yandex.ru

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской Республиканской организации общества «Мемориал», г. Абакан, turan47@yandex.ru

Шестакова Ксения Игоревна, ведущий архивист, КГКУ «Государственный архив Красноярского края», ksyusha-solnce@yandex.ru

Шлыкова Светлана Александровна, сотрудник архива УФСБ России по Красноярскому краю

Сборник материалов

IX Краеведческие чтения

Енисейская губерния: лица истории

Составитель

Юлия Александровна Шукшина

Научный редактор

Наталья Владимировна Ворошилова

кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева

Верстка

Анна Сергеевна Кузнецова

Дизайн обложки:

Кристина Олеговна Солодилова,

Ольга Сергеевна Ткач

ISBN 978-5-906400-32-1

9 785906 400321

